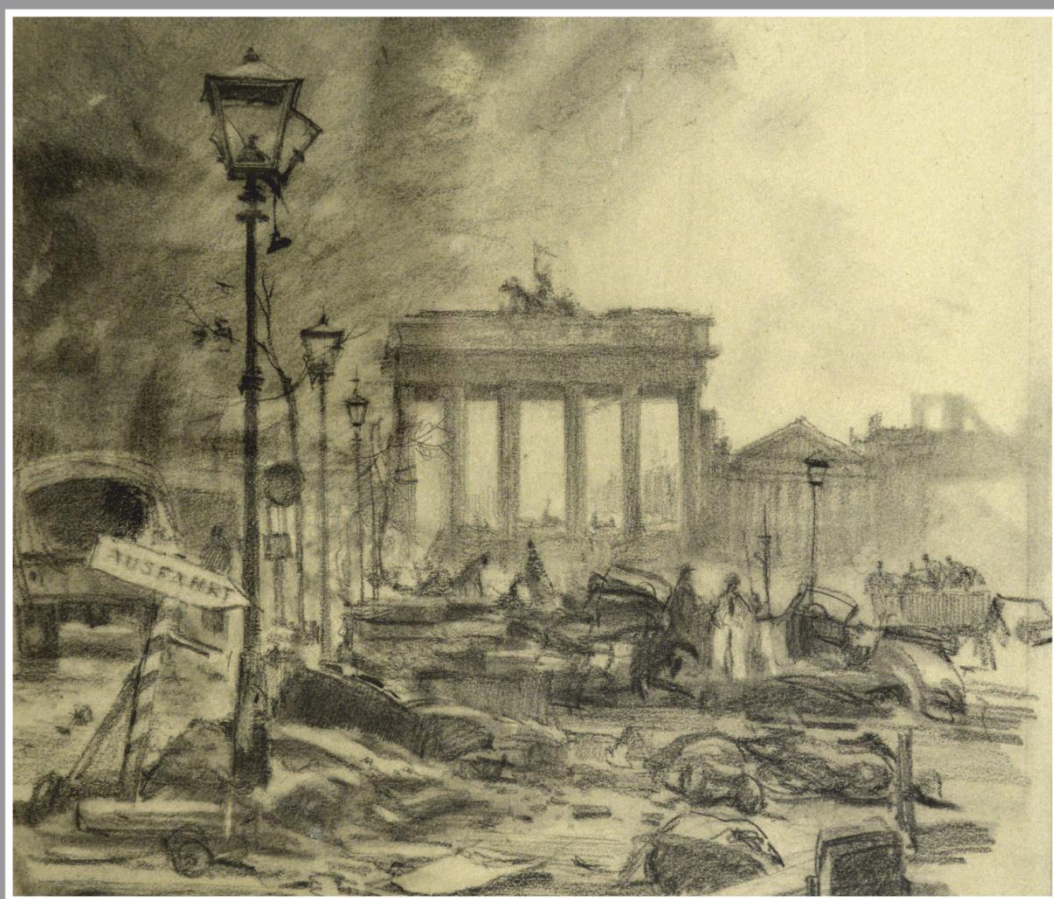

№ 1 (45)
2025

ТОБОЛ

литературно-публицистический
журнал

Курган

№ 1 (45) 2025

ТОБОЛ

**ЛИТЕРАТУРНО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Курган
2025

Литературно-
публицистический
журнал

ТОБОЛ

г. Курган, 2025 г., стр. 240.

Учредитель:

Государственное автономное
учреждение
«Издательский дом “Новый мир”».

Главный редактор:

Бабушкина Ольга Юрьевна.

Редакционная коллегия:

Васильева Александра Михайловна,
Даниил, митрополит Курганский
и Белозерский,
Жукова Ирина Максимовна,
Захаров Алексей Анатольевич,
Катайцева Наталья Александровна,
Кокорин Сергей Аркадьевич,
Кулакова Светлана Ивановна,
Портнягин Валерий Иванович,
Потанин Виктор Фёдорович,
Речкалова Наталья Викторовна,
Рухлов Александр Владимирович,
Травников Герман Алексеевич,
Филимонов Владимир Иванович.

**Дизайн обложки,
компьютерная вёрстка,
корректор:**

Кустова Юлия Владимировна.

Фотографии:

редакционный и писательский архивы,
а также авторов материалов.

На обложке:
фрагмент картины В. В. Богаткина
«Унтер-ден-Линден».

Набор и вёрстка:
отдел внешних коммуникаций
ГБУК «КОУНБ им. А. К. Югова».

© «Новый мир»

Журнал издан при содействии
правительства Курганской области.
Издатель: ГАУ «Издательский Дом
“Новый мир”».

Адрес редакции и издателя: 640000,
г. Курган, ул. М. Горького, 84.

Журнал зарегистрирован Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Курганской
области. Регистрационный номер
ПИ № ТУ45-00203 от 3 декабря 2013 года.
В запись о регистрации СМИ внесены
изменения Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере
связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций по Курганской
области в связи с изменением вида
издания – регистрационный номер
ПИ № ТУ45-00321 от 15 мая 2024 года –
периодическое печатное издание,
журнал.

Распространяется по адресной
рассылке и в розничной продаже.
Цена договорная.

Подписано в печать:

Дата выхода:

Отпечатано в ООО «Типография
“Дамми”».

640007, Курган,

пр. Машиностроителей, 13А.

Тел. 8(3522) 25-55-40.

Формат 170×270.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Заказ №

Усл. печ. л. 21,5.

Тираж 250 экз.

Выходит два раза в год.

16+

ISBN 978-5-906602-30-5

9 785906 602305

Слово главного редактора

Очередной номер журнала «Тобол» посвящён 80-летию Великой Победы. Эта тема уже давно вышла за хронологические рамки и стала частью менталитета людей разных поколений и мировоззрений. Современные писатели, несмотря на многообразие используемых ими художественных приёмов при раскрытии военной темы, отражают боль и гордость главного события XX столетия.

Рассказ Олега Бунина ведётся от первого лица, даже фамилия героев не меняется. Возможно, поэтому он так трогательно и понятно раскрывает судьбы миллионов советских детей, быстро взрослеющих в условиях военного времени. И совершенно иначе рассказывают об этих событиях Сергей Кокорин и Ольга Ман.

Война всё дальше, а «белых пятен» в её истории всё больше. Попыткой закрыть их можно считать краеведческие статьи Александра Букреева, Николая Покидышева, Владимира Филимонова, Анны Жаровой и искусствоведа Светланы Кулаковой, «достающей» из запасников Курганского областного художественного музея имени Г. А. Травникова произведения участников и очевидцев Великой Отечественной войны.

Фронтовые заметки Григория Петровича Еланцева подготовила к публикации его внучка Людмила Иванова, посвятившая четверть века изучению своей родословной. Тему семьи и истории рода продолжают ещё один член Зауральского генеалогического общества им. П. А. Свищёва – Владимир Вахтин – и детский омбудсмен Алёна Лопатина.

Каждый из героев, представленных в рубрике «Портреты и судьбы», достоин отдельной книги – декабрист Ф. М. Башмаков (Владимир Ага), журналист Л. К. Бронтман (Александра Васильева), библиотекарь О. Ф. Хузе (Юлиана Данилова), преподаватель пединститута М. С. Филиппович (Наталья Дружинина и Нина Комарских). Что их объединяет? Все они волею судьбы оказались на какое-то время в Кургане и оставили после себя добрую память, а некоторые даже изменили жизнь города.

Своими сокровенными мыслями о творчестве, литературе и дружбе с Юрием Ивановичем Селезнёвым делится замечательный русский писатель Виктор Потанин. Настоящее откровение – эссе Дмитрия Аникина, посвящённое творчеству Анны Ахматовой.

Лирические строки Валерия Портнягина, Александра Галямина, Николая Нидвораева, Вениамина Андреева, Валентины Астафьевой, а также проза Виктории Сорокиной, Светланы Пушкиной, Татьяны Коростелёвой, Валерия Антоненко являются истинным воплощением Победы, потому что Слово побеждает Смерть.

Наш журнал не только с благодарностью смотрит в прошлое, но также является живым отражением дня сегодняшнего. Мы публикуем фрагмент военного дневника, написанного в боевых условиях летом 2024 года иереем Михаилом Шушариным (позывной «Далмат»). Именно дневник является первым этапом в понимании исторического события. Дневники пишутся прежде всего для себя; в них стараются не лгать и пытаются разобраться в пережитом, но самое главное – чтобы не забыть. Красной нитью проходит эта мысль через весь номер. Не потеряйте её! Она самая важная!

Внеочередной съезд Союза писателей России

27 февраля в Москве состоялся 17-й (внеочередной) съезд Союза писателей России. Съезд принял новый Устав, выбрал председателя Союза. Им стал Владимир Мединский. Ранее возглавлявший Союз Николай Иванов стал его первым заместителем.

На съезде присутствовали Александр Проханов, Карен Шахназаров, Александр Хинштейн, Михаил Швыдкой, Маргарита Симоньян, Никита Михалков и другие авторитетные деятели культуры. Многие из них вошли в состав правления Союза. Делегатом от Курганской областной организации СПР был заместитель председателя писательской организации Николай Анощенко.

В своём выступлении В. Мединский сказал: *«Руководство СПР – это не привилегия, а тяжёлый труд. Обновление и консолидация СПР – это государственная задача. После распада СССР государство самоустранилось от управления литературой. И сегодня литература не получает должной поддержки: ни денег, ни внимания... Главная задача – сделать обновлённый, а в перспективе – объединённый Союз авторитетной и влиятельной организацией, членством в которой каждый будет гордиться и членства в которой будут добиваться».*

Внимание властей к писателям появилось. Свидетельством тому – слова Президента РФ В. В. Путина, которые он сказал в своём приветствии Съезду.

С учётом того, что Союз писателей России является правопреемником Союза писателей СССР, а кандидатура вновь избранного Председателя согласована с вышестоящей властью, – авторитет писательского Союза укрепится. Государство заинтересовано в том, чтобы патриотически настроенные писатели объединились, ведь тогда будет гораздо легче решать организационные и финансовые вопросы.

ПИСЬМА И МЕМУАРЫ

**Иванова
Людмила Юрьевна**

Член Зауральского генеалогического общества (ЗГО) им. П. А. Свищёва с 2001 г. Родилась 9 июня 1954 г. в Мишкинском районе Курганской области. Проработала руководителем кадровой службы в Курганском машиностроительном техникуме тридцать два года. Автор историко-краеведческих публикаций в сборниках: «Зауральская генеалогия. Династия на службе Отечеству», «Родом из деревни уречки. Из истории деревни Речкалово Мишкинского района Курганской области», «От Вас беру воспоминанья, а сердце оставляю Вам...», «Живая летопись села Скоблино».

На основе фронтового дневника и воспоминаний своего деда Григория Петровича Еланцева подготовила книгу «Дорога длиною в войну» (2025), фрагмент которой представлен в данной статье.

В журнале «Тобол» публикуется впервые.

Людмила ИВАНОВА

Дорога длиною в войну (фрагмент)

Григорий Петрович Еланцев (1906–1996) всю жизнь прожил на одном месте – в селе Скоблино Юргамышского района Курганской области. Только годы Великой Отечественной войны разлучили его с родным домом. С августа 1941 по октябрь 1945 года он делал короткие фронтовые записи, понятные одному ему. Вернувшись с фронта, всё в хронологической последовательности переписал в записную книжку, которая в нашем роду хранится как семейная реликвия.

Шли годы, выросли дети, подрастали внуки. Школьникам стали давать задание расспросить деда о войне. Григорию Петровичу трудно было вспоминать все горести военного времени. Видимо, тогда, к 30-летию Победного мая, пришло решение расширить воспоминания и изложить их на бумаге.

В начале его рукописи, которая хранится в нашем роду, он пишет: *«По всей стране развернулась компания по подготовке к празднованию 30-летия Победы над фашистской Германией. Это побудило меня восстановить в памяти дни участия в битвах с ненавистным врагом человечества – фашизмом. Мне удалось воспроизвести прошлое по дневнику, который я вёл в период Великой Отечественной войны. И как самолёт, выплывающий из-за облаков, становится всё виднее и чётче, так отдельные эпизоды и события встанут в моей памяти.*

Когда вспомнишь грустные, трудные минуты, непрошенная слеза накатит на глаза – бросаешь писать, пока

не пройдет грусть и не успокоятся нервы.

Вот и финиш. Последний залп по центру Берлина. Прямая наводка в центре. Капитуляция немцев. Строем повзводно стоят обезоруженные фрицы. Колонна их растянулась по улице. По бокам стоят наши солдаты с автоматами в руках...

Внукам и детям посвящаю свой горький труд.

*Ветеран Великой Отечественной войны –
Григорий Петрович Еланцев (1906–1996)»*

Григорий Петрович Еланцев родился 19 ноября 1906 года в деревне (селе) Скоблино Челябинского уезда Оренбургской губернии. Умер 17 декабря 1996 года в возрасте девяноста лет. 22 августа 1941 года Юргамышским РВК Челябинской области призван в ряды Красной армии. Служил в 367-м корпусном пушечном артиллерийском полку. 9 января 1942 года, прибыв в Будогощь, полк вошёл в состав Волховского фронта, поступил в распоряжение 59-й армии и прошёл с ней боевой путь до 1944 года. В октябре 1944 года 367-й ПАП (артиллерийский полк подавления артиллерии противника) был переименован в 189-ю тяжёлую гаубичную Кингисеппско-Новгородскую бригаду разрушения (ТГКНБР).

В боевых действиях с 09.01.1942 по 03.03.1944 года участвовал на Волховском фронте, с 03.03.1944 по 19.09.1944 года – на Ленинградском. С 1944 года до Победы – на Первом Белорусском. 2 июня 1942 года при оказании помощи выхода из окружения Второй ударной армии получил контузию.

В 1985 году награждён Орденом Отечественной войны II степени.

За время службы удостоен наградами – двумя медалями «За отвагу». Фронтовые заслуги его в 1947 году отмечены медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.». Служба на 1-м Белорусском фронте в 1996 году оценена Медалью Жукова. Награждён медалями «За взятие Берлина» и «За освобождение Варшавы».

Дед Григорий получил ряд юбилейных медалей: «20 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

К знаменательным датам Вооружённых сил СССР награждён медалями: «50 лет Вооружённых сил СССР», «60 лет Вооружённых сил СССР», «70 лет Вооружённых сил СССР».

Фронтовой путь Еланцева Г. П. завершился 27 октября 1945 года, когда он перешагнул порог родного дома в селе Скоблино.

Воевать Г. П. Еланцеву выпало уже немолодым, дома он оставил жену Екатерину Аверьяновну с пятью детьми, хозяйство. Всего супруги воспитали девять детей. Четверо родились после войны.

Его военный дневник написан от лица простого солдата.

Родственники рассказывали, что все фронтовики пришли с фронта простуженными, тело у них сплошь покрывалось фурункулами. Так человеческий организм реагировал на длительный стресс и постоянное переохлаждение. Григорий Петрович с соседом всю зиму 1945–46 годов по субботам парились в бане, потом падали в снег, чтобы фурункулы от перепада температур вскрывались, и кожа очищалась. При этом снег становился жёлто-красным.

В минуты военного затишья между боями сержант Еланцев делал фронтовые записи. Это личные, достоверные наблюдения и размышления.

Вся послевоенная жизнь Григория Петровича Еланцева отдана земле, колхозному саду, огороду. Добрый след оставил он о себе: весёлым, многолюдным был всегда дом деда, а взлелеянный им колхозный сад и пасека при его жизни кормили односельчан.

На таких людях, как мой дед Григорий Петрович Еланцев, держится земля русская!

*Еланцев Григорий Петрович.
03.09.1944 г. Ленинградский фронт*

Еланцев Григорий Петрович

*В окрестностях Берлина. Апрель-май 1945 г.
На фото Еланцев Г. П. с усами*

*Семья Еланцевых в день Золотой свадьбы родителей
Григория Петровича и Екатерины Аверьяновны. 1977*

Вот некоторые записи деда Григория из его фронтового дневника. Предлагаю с ними ознакомиться.

«5 ноября 1941 года

От ребят я узнал, что у соседей есть мандолина. И как я рад был, когда мне подали в руки мандолину! Настроил, вместо медиатора взял обломок спички, стал играть, едва задевая спичкой струны.

Сердце радостно и тревожно забилося. Вспомнил, как в Скоблино в клубе учил молодёжь играть на струнных инструментах, как дома со своими детьми: устраивал своего рода концерты, а слушателями были меньшие дети – Анна и Александр – и бабки.

И вот мандолина, выдавшая виды, со щелями на днище, знакомо запела. Я боялся резко ударить по струнам, чтобы не извлечь ненужный звук, который мог испортить музыку...

7 декабря 1941 года

...Перевели в 367 артиллерийский полк ПАП, в котором пришлось служить и воевать на Волховском фронте. На другой день получили зимнее обмундирование, кроме валенок.

20 декабря 1941 года

Ночью началась погрузка материальной части. Пушки свезли и поставили на железнодорожные платформы тракторами. Но вот ещё два лигроиновых «Сталинца-челябинца» неисправны.

Вручную погрузили две пушки и на себе же потащили тяжёлые трактора. Толстые цепи подцепили с обеих сторон трактора, а за цепи взялись солдаты вплотную друг к другу, поневоле ступая на носки товарища. Долго тянули, мұка!

3 января 1942 года

От Рыбинска пошли следы бомбёжки железно дорожных сооружений. К этому времени мы накопили вшей. Красноармеец моего отделения Плотников ложился в вагоне к стене в угол головой. Не так, говорит, вши кусают в холоде. Каждый день я снимал рубашку и выбивал вшей, а другой раз и штаны снимешь – на другой день опять полно вшей!

Как остановка эшелона, я складываю рубашку и обтираюсь снегом, а зайду в вагон – оботрусь полотенцем. После обтирания снегом становится приятно и свежо.

9 января 1942 года

Прибыли на станцию Будогощь. Первый налёт немцев: «Ме-109», четыре истребителя, обстреляли эшелон. Обнаружив самолёты, солдаты побежали дальше от вагонов.

19 января 1942 года

Дали всем валенки.

31 января 1942 года

Был у нас припасён старый лист кровельного железа. Выправил я его обухом топора на пеньке: надо было соорудить подобие печки. Железо звенит, эхом отдаётся по лесу – словно мы не перед лицом противника, а в мастерской. Всё реденько пролетают автоматные пули: сначала высоко, в сучьях ельника стучаются, затем всё ниже и ниже. В народе говорят, что сердце чувствует беду. Так вышло и у меня. Бросил лист железа на землянку, присел в проходе, но голова торчит наружу. Опять засвистели одиночные пули: первая высоко, потом ниже, а третья пуля обожгла мне левое ухо.

2 мая 1942 года

Немцы по-прежнему бомбят в округе. Их самолёты низко летают, группами и в одиночку. Спикирует двухмоторный самолёт, вытряхнет серию бомб и безнаказанно уходит.

Вот летит двухмоторный фашистский самолёт, вправо от нас: видимо, высматривает жертву на дороге. Я схватил ПТР, зарядил, положил ружьё на наш срубик, успел сделать три выстрела.

В следующий раз по самолёту у нас стрелял кто-то из ребят из пулемёта.

Наблюдательный пункт 8-й батареи был у просеки метров на 600 ближе к передовой. Немцы заметили НП и обстреливали брызгантными снарядами – сгоняли разведчиков с ёлки.

7 февраля 1942 года

Командиром дивизиона был выбран наблюдательный пункт ближе к передовой. Шли по просеке, идущей параллельно железной дороге на город Ленинград. Где-то справа – станция Спасская Полисть. На просеке стоят две полевые кухни и дымят два котла. В воздухе появились пять вражеских лёгких бомбардировщиков. Пошли на Спасскую Полисть, закружили на нашу территорию. По ним реденько ударили зенитки. Самолёты пошли в пике на дымящие кухни.

Мои ребята с хохотом бросились в землянку. В проходе спёрло – трое не успели заскочить, в том числе и я. Первый самолёт спикировал на кухни и у самой земли сбросил бомбу. Я наблюдал разрыв, оставшись уже один в проходе. Самолёт подбросило вверх – он как бы стал на попá – ну, думаю, перевернётся, торкнется о землю, но он выпрямился и ушёл.

Все пять штук, сбросив по бомбе, самолёты улетели.

Вылезли по одному из землянки ребята:

– Пойдёмте смотреть кухни!

Я подошёл последним. Будочки на дровнях не было, котлов и кухонь тоже. Только обгорелая земля да обломки железа и дерева от дровней. Земля дымилась.

Ребята нашли несколько пачек горохового пюре – и те обожжённые взрывом.

Вернулись к землянке, сидим на комьях земли, судачим. Плотников, которому, как и мне, никогда не хватало одной порции супа, говорит:

– Сколько народу оставили голодными! Фашисты!

23 апреля 1942 года

После обстрела пехотинцы ушли. Шалаши опустели. В одном я обнаружил: лежит солдат у огневища, шапка обгорела, шинель тоже местами прогорела, карманы гимнастёрки вывернуты. Истощал солдат, ослабел и умер.

Пошёл дальше – в третьем шалаше опять солдат в таком же виде: немного на бочок лежит. Я обмер: до боли знакомо было лицо солдата. Рыжая борода покрывала его впалые исхудалые щёки. Глаза полуоткрыты, зубы немного оскалены. Я повернул солдата на спину... Да это же мой деревенский сосед Махнин Иван Андреевич!

Карманы гимнастёрки были вывернуты: видимо, товарищи взяли его красноармейскую книжку.

Снова начался обстрел. Выскочил я из шалаша, заметил его ветками у входа, и убежал из-под обстрела.

Через полчаса после того, как обстрел прекратился, выбрал я время, пошёл с намерением похоронить Ивана Андреевича. Проходя по шалашам, не обнаружил трупов: видимо, их товарищи похоронили.

26 декабря 1942 года

Встреча с Манаковым Андреем Андреевичем. Коротко обменялись словами. Он рассказал, где стоит часть Шестакова Степана Ефимовича.

– Греха, откуда ты взялся?

Обнялись – крепко, по-солдатски. От радости, как говорится, в зобу дыханье спёрло. Спрашивает о доме. Я рассказал, что знал. Рассказал и он, что ему писали в письмах.

– Как воюешь? Не ранен? – спрашиваю его.

– Да пока нет.

Ни у кого не укладывалось в голове, что фашистам удастся закабалить нашу страну. До победы также было далеко. Немец был силен, как на земле, так и в воздухе. Солдаты чувствовали это своим хребтом. У нас всегда не хватало снарядов – немец, забравший почти всю Европу, засыпал нас снарядами и минами, заливал дождём пуль из автоматического оружия.

Ленинград ещё был в окружении.

8 марта 1944 года

Живём мы в лесу, спим на снегу, днём греемся у небольшого костра. Ночью разводить огонь нельзя: немец на огонёк бросает бомбы или, на худой конец, обстреливает из пулемётов.

На левом берегу Нарвы у нас небольшой плацдарм. Этот плацдарм наши стараются во что бы то ни стало удержать. Немец же старается спихнуть наших с плацдарма. Вот и дерёмся каждый день. По ночам уходит наш комбат с разведчиками и рацией на плацдарм, и огнём отбиваем атаки врага. То миномёт лупит, то пулемёты строчат – головы не поднимешь. Днём помогают отбивать атаки «Катюши» и «Андрюши» – наши миномёты.

На этом плацдарме погиб мой земляк, скоблинский мужик, заместитель председателя колхоза Шестаков Степан Ефимович. Со своим расчётом и пушкой находился он на плацдарме. Вечная память нашему герою, да будет ему земля пухом!

15 марта 1943 года

Зачитан приказ о наступлении. Бой. Печку топить нельзя: обнаружит фриц – забросает снарядами. Вот уж полдень. Есть хочется!

Я предложил свои услуги:

– Помогите мне только унести дрова, сухое брёвнышко, два ведра и продукты. Один не так буду замечен.

Сослуживец помог мне донести вещи, и я его проводил.

Маленькие дубки росли на косогоре балки. Тут и облюбовал я место. Нарубил дров. Задымил костерок.

Бегут по дну балки два солдата, увидели меня – кричат:

– Что ты делаешь?

– Кашу хочу сварить: ребята есть хотят.

– Ты нас демаскируешь, у нас тут провода проложены!

Так всё же они выгнали меня метров на двадцать. Выбрал место посуше в дубках, развёл костёр, натаял снега, заложил продукты, варю.

По гребню, за которым велось наступление нашей пехоты, была тяжёлая пушка. Снаряды рвались, как авиабомбы. Сначала осколки и комья земли не долетали до меня. Но скоро снаряды стали рваться ближе и ближе. Огромные комья мёрзлой земли летели далеко за мою кухню, хотя при взрыве большая часть земли, вывернутой взрывом, ложилась возле края воронки. Один снаряд особенно близко разорвался: комья полетели, как грачи. Я почему-то думал: «Только бы не сбило ведра!».

Затем снаряды стали рваться дальше и дальше.

Прилетели два истребителя. Я припал к земле в дубках. Самолёты сбросили по одной бомбе в круглый лесок. Слышу, сослуживец спрашивает:

– Живой?

Крикнул ему:

– Идём отсюда!

И вдвоём унесли варёво.

Поели горячего, отдохнули, а вечером вернулись в свои землянки.

24 января 1944 года

Недалеко железная дорога Новгород – Ленинград. Связистов заставили тянуть связь на ОП, а разведчики полезли на ёлку. Было почти тихо: не было стрельбы. Размотали мы километра два кабеля, слышим: впереди нас, примерно за километр, поднялась ружейно-пулемётная стрельба.

Идти по азимуту – был непроходимый мелкий лес, идти по полянам – значит нарваться на немцев. Потянули кабель по полянкам. Прошли с километр – кабель на исходе. Оставили в лесу Соловьёва с телефоном, а мы с Шунайловым потянули кабель дальше, сколько хватит. Смотрим: справа сеной сарай. Протянули к нему конец кабеля, привязали его за палку и решили посмотреть, что впереди. До огневых остался километр или немного больше.

Вышли из леса, смотрим: на полянке стоят дровни, на них нагружены плащ-палатки, тулупы, белые полушубки-бекешы, сапоги, бурки, вещмешки немецких солдат. Нашли протянутый немецкий кабель. Потянули – он поддался, и быстро вытянулся конец. Потянули другой конец – он сначала поддался, а потом упёрся. Поднажали оба – оторвали где-то не близко, вытянули. Смотрели мотком: сгодится.

3 сентября 1944 года

Объявили, что из Ленинграда приехал фотограф, и кто желает фотографироваться, шли по очереди метров пятьсот по просеке: там в таком же срубике, как наш, работал фотограф. Он был один, в военной форме. Ребята сфотографировались, пришли – пошёл я. Быстро нашёл срубик, сфотографировался. Фотографии будут высланы на нашу батарею.

Прихожу к землянкам – свежие воронки. Ребята рассказали, что немец проявил активность, впереди пехоты не было, комбат приказал телефонисту Панину взять запасной телефон, протянуть связь до дзотика из колбышек и докладывать на НП, что творится у них на глазах. Миша ушёл, сидит. Прилетела мина прямо в дзотик, и его контузило.

20 сентября 1944 года

Так закончились боевые действия нашего полка на Ленинградском фронте. Куда нас забросит судьба – мы не знали. Знали только одно – что на какое-то время будет нам передышка. Смерть отступила от нас.

Но вот пришло время отправляться. На автомашинах, на тракторах с прицепами, гружёнными снарядами, на орудиях сидели красноармейцы с вещмешками на горбу. Прибыли на станцию Сланцы. Трактора со станционных платформ затянули на железнодорожные площадки пушки, тележки со снарядами. Затолкнули кухни (самое важное предприятие!), погрузили манатки, и в телячьих вагонах отправились с песнями на Ленинград.

...Вот бывалые ребята поговаривают:

– Скоро должен показаться Ленинград.

Два года мы произносили слово «Ленинград» с состраданием в сердце. Утро. Вглядываемся в туманную даль. Всем хочется посмотреть своими глазами многострадальный город.

Минуты на две-три мы увидели его из вагонов. Ярко выделялся Исаакиевский собор. Остальное всё выглядело серым и сливалось в утреннем ту-

мане. Медленно по высокой насыпи двигался поезд. Закончились станционные пути, пошла двухколейная линия. Наш поезд прошёл правее города. До свидания, Ленинград! Мы помогли тебе, чем могли.

1 мая 1944 года

Зачитан приказ о награждении воинов Красной Армии. Всех наградили по заслугам. Мне предназначалась первая медаль – «За отвагу». Затем был скромный обед, фронтовые сто грамм, затем отдых.

[По приказу по 367-му Новгородскому пушечно-артиллерийскому полку от 28.04.1944 года:

«Еланцева Григория Петровича наградить медалью "За отвагу" за то, что он 17 и 19 апреля 1944 года в районе деревни Дьюк-Переволок Эстонской ССР под огнём противника, рискуя своей жизнью, устранил три порыва телефонной линии между наблюдательными пунктами и огневыми позициями батарей, чем способствовал успешному выполнению боевой задачи дивизии»].

24 апреля 1945 года

Едем по автострате на Берлин. Роскошный парк. Видна четырёхэтажная гостиница. Чьи-то пушки нашей системы ведут огонь по центру Берлина.

– Заряд полный, по фашистскому логову – огонь!

Сильные, режущие слух, выстрелы кажутся музыкой, а слова команды – добрыми, ласковыми словами, сказанными от души. Так наболело сердце и ненависть к врагу, нанесшему человечеству столько бед!

Едем дальше. Вот и окраина БЕРЛИНА.

Установлены пушки, подаётся команда командира дивизиона:

– По фашистскому логову – заряд полный – и т. д. – огонь!

Здесь мы давали первый залп по центру Берлина! От выстрела залпом мой блиндаж осел, засыпало песком телефонный аппарат.

16 апреля 1945 года

В четыре часа загрели наши пушки: началась артподготовка. Ночь была туманная, и передовая была в каком-то молочном мареве. Работу прожекторов мы не видели: всё сливалось в молочном тумане. Низко летели наши «Ил-2» – мы узнавали их только по шуму моторов.

– Пошла наша пехота, – передают с передовой.

Немцы крепко сопротивляются, пускают в ход авиацию и самолёты-снаряды. Но наши войска продвигаются вперёд.

17 апреля 1945 года

Ночь. Немецкий самолёт навесил фонарей, бомбит мелкими бомбами. Одна из ракет, догорая, опустилась низко и поплыла, освещая проход нашей землянки. Техники было сосредоточено много, и немец мог без ошибки сбрасывать бомбы. Переправа была сохранена.

18 апреля 1945 года

Двинулись мы вперёд, догоняя наши части. Едем по главной автострате на Берлин. Очень много наших самолётов участвуют в операции. Одни летят на бомбёжку, другие возвращаются с бомбёжки. По дороге большое движение: идёт вперёд техника. Мчатся обратно машины за боеприпасами. Много танков и самоходок. Ночью далеко на запад видно множество прожекторов. Навешены разноцветными пучками ракеты. Это бомбят Берлин. Когда мы доберёмся до него?

Днём нас засыпал «ракушками» «Фокке-Вульф». Самолётов противника было мало, зато мишеней для них было много.

19 апреля 1945 года

ОП дивизиона в районе Зеелова. Местность открытая. Артиллеристы выставили свои пушки как напоказ – как на базаре, ничем не маскируя. Мне достался готовый окопчик. Я сижу в нём один, рядом – пушка. Огневика отошли подальше, сидят на ящиках. Вот начал стрелять противник со стороны Зеелова болванками.

По дороге на Зеелов скопилось множество автомашин – создалась пробка с хвостом машин в три километра. Наша автострада проходила под виадук железной дороги. Во время наступления наших войск немцы взорвали виадук и спустили на автостраду паровоз. Пока наши танки растаскивали и очищали дорогу, скопилось множество машин.

Наши самолёты летят непрерывно. Вот появилось пять штук «фоккеров», один сбросил бомбу в скопление машин у дома. Загорелась машина, лопаются в кузове снаряды. От дороги побежали красноармейцы, стараясь отбежать подальше от мин.

Один по одному сбрасывали «ракушки» «фоккеры» и уходили. Последний сбросил контейнер на наши огневые.

2 мая 1945 года

Двигались тёмной ночью. Моё место – на прицепе, на ящиках со снарядами. Наш путь проходил в одном месте под железной дорогой. Думаю, спустит фриц гранату сверху – и крышка! А умирать так не хотелось: близился конец войны.

Вот и передовая. Это, стало быть, и есть центр Берлина. Вместо домов лежали груды камня. Всё дымило, горело, шаяло – и постреливало из автоматов.

Остановились в улице уцелевших домов. Стоят наши танки. «Замаскированные!» – подумал я. Ходят красноармейцы. Спрашиваю:

– Крепко немец стреляет?

– Нет, – отвечают они. – Зато вчера наша авиация отбомбилась нас. Танки завалило кирпичом, но они выдержали, а вот автомашины раздавило.

Два орудия нашей батареи были вытянуты на прямую наводку. Немного постреляли прямой наводкой по домам, уцелевшим от бомбёжки. Надвигался рассвет. Вот бежит солдат-украинец. Я его узнал: он был из нашего дивизиона, такой чёрный, корявый парень.

– Ребята, наверное, немцы сейчас будут капитулировать. Я сам видел – говорил он, – как немецкий генерал и наш майор встретились с белыми флагами!

И действительно, вскоре из-за угла по улице с переднего края появилась колонна немцев. Они были обезоружены, в шинелях, рюкзак на спине, противогаз, одеяло и плащ-палатка у каждого. Голова колонны прошла метров тридцать за мою тележку и остановилась. Хвост колонны был ещё за углом. Немцев никто не конвоировал.

Колонну принимал молодой майор и с ним два автоматчика требовали у немцев пистолеты и карты. Пистолетов никто не отдал – не нашли, а план города был у каждого. Наши красноармейцы с автоматами стояли по всей улице. Немцы стояли повзводно.

Майор с автоматчиками ушли далеко: всё забирали карты. С головы колонны зашли два автоматчика, из стоявших на улице, и у каждого немца стали требовать:

– Uhr! Uhr! («Часы!»)

Один немец сердито сунул им часы.

Совсем рассвело. Покрапывал мелкий тёплый дождь. Подошёл старшина:

– Еланцев, сейчас подойдёт трактор, я дам людей – поедете, заберёте оставшиеся не расстрелянные снаряды.

Подошёл трактор, подцепили тележку. Проехали два квартала – повернули вправо, в улицу, в тупик. Открылось то, что я никогда не видал – и глазам своим не верил. Здесь стояла мёртвая боевая техника: танки, самоходки, полевые пушки – наши и немецкие. Побито, покорёжено, обгорело. Вот, думаю, где была настоящая война!

Кое-как проехали туда, где лежали ящики со снарядами, сбросили их в тележку, выехали на улицу, где стояла колонна немцев. Гражданские немцы рубили мясо убитых лошадей, галдели. Их было три группы.

Когда приехали туда, где стоит наша техника, пленных уже не было. Только смеялись наши ребята, что не больно мило было немцам, когда командовал майор – по национальности еврей!

И как горды были наши солдаты, видя перед собой обезоруженного ненавистного врага, принёсшего столько лишений, горя, и унёсшего столько жизней наших товарищей!

3 мая 1945 года

Зачитали приказ товарища Сталина о взятии Берлина.

6 мая 1945 года

Прощай, Берлин! Совершали марш по Берлину колонной дивизиона. Проехали улицу Германштрассе. Едем к центру. Улица Адальбертштрассе. Местами разрушено метро. В одном из входов в метро загнано два немецких танка. Улица Адмиралштрассе. Едем где-то недалеко от рейхстага. Комбат и двое красноармейцев бывали в рейхстаге, заходили в подземелье, где гитлеровцы отсиживались, как барсуки. А вот сейчас мы с ребятами не видим здания. Знаем твёрдо, что бункер от нашего пути влево. Вот и река Шпрее. Здесь она широкая, в дамбах. Вот так и хочется ей выплеснуться из берегов! В воде торчат затопленные пароходы. Другие стоят на якоре.

От центра на выезд из города едем по одному восстановленному мосту. Вдали по реке много мостов. На берегах четырёхэтажные дома, из окон которых – чуть не из каждого – торчит белый флаг, знак капитуляции. Красота-то какая – не насмотришься! И снова сердцами бойцов овладевает гордость за силу нашего оружия. Прощай, Берлин!

27 октября 1945 года

К вечеру добрались до дома (в село Скоблино). Радости не было конца. Встают новые заботы – о семье. Положение не из лёгких: большая семья, нет хлеба.

– Не горюй, – говорит дочь Стенька. – На картошке проживём!»

* * *

Александр Григорьевич Еланцев, сын фронтовика, через семь десятков лет так вспоминал возвращение отца с фронта:

«27 октября 1945 года вечер был холодный и дождливый. Мы сидели на полу, на кошке: мама, Еланцева Екатерина Аверьяновна, мои сёстры Галина и Аннушка, а между ними крутился я, пятилетний ребёнок. Вдруг все услышали звук открываемой защёлки воротца. Мы застыли в ожидании:

– Кто бы это мог быть?

Через несколько секунд послышалась трель защёлки в сенях. Так быстро подойти к двери, найти верёвочку от защёлки мог только человек, который знал, где и как всё расположено.

Галя быстро вскочила на ноги, выбежала в сенки и открыла на косяке крючок на двери. Дверь отворилась: в проёме стоял солдат...

– Папка! – закричала Галина и бросилась к нему на шею.

Услышав этот крик, мама и Аннушка бросились навстречу им.

Дверь в избу открылась – и в дом вошёл ОТЕЦ. Он был в шинели, в сапогах, в пилотке. За плечами у него висел, выдавший виды вещмешок.

Сбоку отец прижимал Галину. Мама и Аннушка бросились навстречу им. Мать бежала, протянув к нему руки, боясь, что это видение. Она обхватила его за шею, голову положила на плечо и, выдохнув, со стоном и болью заплакала:

– Гришенька!!! – только и могла она сказать.

Плакала от счастья, что отец пришёл живой и невредимый, плакала от того, что она сохранила всех пятерых детей; плакала от того, что и её бабье счастье сбылось – муж и отец её детей дома.

Сестрёнки прижимались к отцу и тоже плакали. А я стоял и смотрел на них. Мне никогда не забыть этих минут счастья семьи. Это счастье надо пережить. Оно никогда не забудется!

Мама, подняв голову, оглянулась и, найдя взглядом меня, позвала:

– Сашенька! Это – твой папка! Иди к нам!

Папка, нежно отстранив маму и сестрёнок, подошёл ко мне. Он подхватил меня своими сильными руками, поднял высоко-высоко и глядел на меня. Потом посадил меня на руку, прижимая к себе, стал целовать. А я, несмышлёныш, отворачивался от него: меня кололи его усы и щетина на щеках.

Не успели мы побыть какое-то время одни, как к нам потянулся поток соседей. Приходили солдаты, в основном инвалиды, комиссованные по ранению, спрашивали: "Где воевал? Кого встречал?" – и так далее. Приходили соседки, у этих был другой вопрос: "Гриша, ты моего там не встречал?" – "Нет", – говорил он. И только одной соседке, Прасковье Михайловне, сказал: "Видал я твоего Ивана. Мы вместе воевали. Погиб он на Волховском фронте в 1942 году в апреле месяце".

Долго не уходили люди, но ведь и солдату надо дать поспать.

Все улеглись на полу, на кошму. Папка прижимал меня к себе, а я боялся его усов и щетины. Вскоре я перебрался к сестрёнкам.

На следующей неделе приехала сестра Стеша.

А ещё через день приехал из Копейска брат Михаил. Он был направлен на учёбу в ФЗО (фабрично-заводское обучение). Не спросив разрешения, самовольно уехал, чтобы повидаться с отцом. Дорого ему обошлась эта встреча. Его осудили на пять лет с вычетом двадцати пяти процентов от зарплаты.

Вот так закончилась Великая Отечественная война для нашего отца, Еланцева Григория Петровича».

ПОЭЗИЯ

**Моргунов
Александр Владимирович**

Член Союза писателей России, автор поэтических сборников «Я иду...» (2016), «Дорогой памяти» (2020), повести «Серебристый поток» (2023).

Родился 28 апреля 1962 г. в Казахстане в семье первоцелинников. В село Первомайское Мишкинского района Курганской области семья переехала в 1968 г. После окончания с отличием агрономического факультета Курганского сельскохозяйственного института молодой учёный-агроном был направлен на работу в колхоз «Миасс» Мишкинского района. В феврале 1987 г. назначен председателем колхоза «Луч» Мишкинского района. С 1999 г. по настоящее время – Генеральный директор ООО «Россич» Мишкинского района.

В ноябре 2023 г. А. В. Моргунову вручён грант – премия за победу в конкурсе в области литературы имени В. Ф. Потанина.

В «Тоболе» публикуется впервые.

Родился 8 апреля 1962 г. в Казахстане в семье первоцелинников. В село Первомайское Мишкинского района Курганской области семья переехала в 1968 г. После окончания с отличием агрономического факультета Курганского сельскохозяйственного института молодой учёный-агроном был направлен на работу в колхоз «Миасс» Мишкинского района. В феврале 1987 г. назначен председателем колхоза «Луч» Мишкинского района. С 1999 г. по настоящее время – Генеральный директор ООО «Россич» Мишкинского района.

В «Тоболе» публикуется впервые.

Дорогой памяти

Я вернусь домой в бессмертной замети
В день, когда Великая Страна
Впишет в книгу славы вечной памяти
Все без исключения имена.

Млечной дорогой иду.
Что тебе снится,
 любимый мой, чайный,
В поле у звёзд на виду?
Спит, улыбаясь,
 в кроватке наш маленький
И долгожданный сынок.
Словно румянец,
 за окнами спальни
Снова зарделся восток.

А за могучим Днепром,
 за порогами
Слышится яростный гром.
Там ты воюешь
 и мчишься дорогами
Или идёшь напролом.
Здесь мы вдвоём
 пред иконой Спасителя:
Пусть тебя ангел хранит.
Мы тебя ждём
 со щитом победителя.
Вера в тебя – как гранит.

Я вернусь, потому что ты ждёшь.
Свет лампы мерцает в углу.
За окном: то ли снег, то ли дождь,
То ли свет, побеждающий мглу...

Я запомнил тепло этих рук,
Нежный трепет объятий твоих,
И солёные слёзы разлук,
И надежду одну на двоих.

Я вернусь! Без победы не жди.
В орденах, со щитом на груди,
Через грозное зарево лет
Я приду, как приходит рассвет.

Я вернусь!

ПОЭЗИЯ

**Андреев
Вениамин Олегович**

Режиссёр, драматург, Заслуженный деятель искусств РФ, Заслуженный работник культуры РСФСР, член Союза театральных и концертных деятелей РФ, член Российского Союза писателей.

Почти 20 лет работал режиссёром-постановщиком в Курганской областной филармонии. Ставил спектакли в профессиональных драматических театрах Кургана и Шадринска, был автором и режиссёром многих театрализованных праздников и массовых мероприятий.

Автор книг «Господин издатель», «Не загроунованы холсты...», «Еврейский блок-с-нотик», «Русская фантазия...», «Слова, не сказанные мной».

Живёт в городе Орёл.

Вениамин АНДРЕЕВ

Я гуляю по памяти

Виталий Швецов

«Я гуляю по памяти...»

Я гуляю по памяти,
Как по тонкому льду.
Словно нищий на паперти,
Подаяния жду.
Покаяньем из прошлого
Оживёт твой портрет:
Вроде сношено, брошено,
А кольнёт, как стилет.

Я гуляю по памяти –
Вижу, словно в кино,
Как по свадебной скатерти
Разливалось вино.
И слова ржавой ссадиной
Потекли, словно кровь,
Поползли в душу гадиной,
Убивая любовь.

Я гуляю по памяти,
На цепи по кругу.
Словно шальные граффити,
Мою жизнь на бегу,
Спрыснув одеколونчиком,
Опоили во сне,
Окропили баллончиком –
Не уснуть при луне.

Я гуляю по памяти
На своём берегу.
Двери настежь, не заперты –
Даже злому врагу,
Что приходит непрошенный
Из моих дальних бед,
Лишь чуть-чуть запорошенный
Сединой моих лет...

Родные голоса

Созвучья зауральской стороны
Летят от старины деревни дальней,
То музыкой надорванной струны,
То голосом запевов изначальных.

Из прошлых лет неся печальный сон
И разойдясь на голоса и лады,
Сойдутся вместе в чистый унисон,
В протяжной песне, светлою отрадой.

И словно зажурчит святой родник:
Хоть песни той мне сразу и не вспомнить,
Но явно слышу, что распев сродни,
Что пели так в деревне, мне напомнит.

А в памяти до боли оживут
Дубравы, степи, нивы золотые,
Мой у Тобола утренний маршрут,
Где жаворонки на заре вспорхнут,
Их голоса мне самые родные.

С колыбельною мамы

В Донецком промёрзшем окопе
На бруствере снежный платок,
А пули, как в джазе синкопы,
И слышен не наш говорок.

Я русский ребёнок с рожденья,
А мама – святая родня,
Подбросив в печурку поленья,
Сидела со мной у огня.

Сушила пелёнки, качала,
Пока не усну, хлопоча.
И тихая песня звучала,
Горела с лампадкой свеча...

Мелодия русская эта,
Протяжная песнь ямщиков
И звон колокольный рассвета
Живут в продолженье веков.

*«Спи, дитя моё, усни!
Сладкий сон к себе мани:
В няньки я тебе взяла
Ветер, солнце и орла.
Улетел орёл домой;
Солнце скрылось за горой;
Ветер, после трёх ночей,¹
Мчится к матери своей».*

Из детства к нам годы вернулись,
Туда бы слетать на часок...
Прилёт вдруг! И ветви прогнулись,
Укрыл нас рябины платок...

Окоп наш – песочное время,
А время уходит в песок.
И стали рубиновые шлемы –
Рябиновых гроздьев венки...

А в час, когда мы не штурмуем,
Наш дом вспоминаю порой
И мамину песню простую:

«Сынок, ты вернёшься домой...
Ты с песнею своею из детства
Вернёшься, я верю, сынок...»

Ракета! По радиосредству
Команда: «Штормá²! Марш-бросок!»

*«Ветра спрашивает мать:
"Где изволил пропадать?
Али звезды воевал?
Али волны всё гонял?"
"Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал!"»*

Штормá завершат лихолетье,
Вернутся в родную страну,
Чтоб детки в грядущем столетье
Не слышали слов про войну.

И тихая песня – наука,
Поёт колыбельную мать...
Мы сможем детей наших, внуков
С её колыбельной качать.

¹ Здесь и далее цитируется стихотворение
Аполлона Майкова (XIX в.).

²Шторм – самый передовой отряд пехоты,
предназначенный для штурма военных
укреплений врагов.

Держи в своём сердце, пожалуйста, Русь!

Держи в своём сердце, пожалуйста, Русь!
В ней звон православных соборов, церквей,
А ты, от рожденья Руси гражданин,
Навечно с ней связан судьбою своей.
Я в пояс, Россия, тебе поклонюсь,
И низкий поклон от твоих сыновей.
Держи в своём сердце, пожалуйста, Русь,
Нет в мире и краше её, и родней!

Держи в своём сердце, пожалуйста, Русь!
Хоть будет и встречный седой баргузин,
Держаться в седле научил и горжусь –
Защитником Родины стал ты, мой сын.
Я так на решение твоё отзовусь:
Был верен присяге и наш эскадрон.
Держи в своём сердце, пожалуйста, Русь,
Хранящую воинство русских погон!

Держи в своём сердце, пожалуйста, Русь!
Когда её шторм вдруг накрыл грозовой
Молитвой своей, помогу, поборюсь,
За правое дело победный твой бой.
За матушку Русь и тебя помолюсь,
Господь охранял нас с твоих юных лет.
Держи в своём сердце, пожалуйста, Русь,
И выброси чёрных судёб пистолет.

Держи в своём сердце, пожалуйста, Русь!
Когда вдруг упал, то пускай знает враг,
Что рядом с тобой я всегда нахожусь –
Мы сможем собрать наши силы в кулак.
Ты исполнишь всё, чем угодно клянусь, –
Отцовский наказ, материнский совет.
Держи в своём сердце, пожалуйста, Русь,
Чтоб с каждой зарёю был мирный рассвет.

Держи в своём сердце, пожалуйста, Русь!
Вернёшься с победой ты, Богом храним,
Пред Ликом Его за тебя поручусь,
Что вместе мы гордость Руси воскресим.
Курган и Тобол соберут в нужный час
Друзей боевых – зауральский наш круг.
Держи в своём сердце, пожалуйста, Русь!
Бокалы Победы полнее, мой друг!

* * *

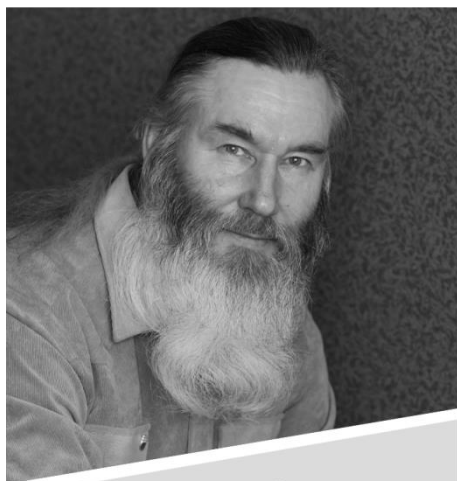
Перетирают жернова времён
 Людские судьбы, словно злаки.
 И мир земной живёт, как полигон,
 Для честной, но фатальной драки.
 Скрипит вселенский механизм,
 Мукою костной удобряя землю.
 И пессимизм, и оптимизм
 Я в чистом виде просто не приемлю.
 Мудрёны замыслы Всевышнего Творца.
 Свои гораздо проще строю планы.
 Но кровь следов тернового венца
 Не капает на сонные диваны.
 А кто-то, жертвуя собой, идёт вперёд
 И зло крушит, победу приближая,
 Огнём души смертельный плавит лёд,
 Животворящей влагой истекая.

Своя колея

По своей колее то летит, то бредёт
 Наша Родина-мать, все преграды осилив,
 То, гуляя, поёт, то от горя нальёт,
 То смеётся, то плачет сегодня Россия.
 И не помня себя, и не зная судьбу,
 Ибо промысел Божий – сокрытая тайна,
 Слыша грязную брань и святую мольбу,
 Её тройка несётся вперёд неслучайно.
 Богородицы зов слышит матушка Русь
 И по-прежнему верит,
 грешит и страдает.
 Как Джордано кричит:
 «Нет, я не отрекусь!»
 И, как феникс, из пепла опять оживает.

* * *

Ещё слышна порой для внуков
 Полифония той войны.
 Далёкий гул нездешних звуков
 Доносится из глубины:
 Железа лязг и грохот взрывов,
 Свист пуль и стоны,
 крик – «Ура-а!»,
 Между боями, в перерывах,
 Гармони звонкая игра,
 Охрипший командира голос,
 И боевой приказ звучит.

**Анощенко
Николай Петрович**

Родился 2 ноября 1964 г. в деревне Большое Курейное Макушинского района Курганской области. В 1990 г. окончил Строительный факультет Курганского сельскохозяйственного института (ныне КГСХА) и более тридцати лет преподавал на родном факультете. Сейчас работает инженером строительной испытательной лаборатории в г. Кургане. Активно занимался спортивным туризмом. Член Союза писателей России, заместитель председателя Курганской областной писательской организации, активный член Кетовского литературного объединения «Тобол». Автор поэтических сборников «Судьбы и слов переплетение» (2019) и «Анатомия души» (2020). Регулярно печатается в журнале «Родник» Кетовского литобъединения «Тобол».

В «Тоболе» публикуется впервые.

На пашне ладный, спелый колос
 Вдруг от разрывов задрожит...
 В «Историю» шагнули годы
 Великих скорбей и побед.
 Пусть поэтические оды
 Хранят следы военных лет.
 И пусть в потомках разгорится
 За предков гордость!
 Им почёт!
 Чтоб мужеству у них учиться,
 Героев знать наперечёт.

Пожелание Кургану

Город, будто разросшийся тополь,
И ему самому невдомёк:
Пробивая старинный акрополь,
Новой жизни растёт тополёк.
И вдоль ветром растрёпанных улиц
Укрепляется новая статья,
Чтоб под тяжестью лет, не сутулясь,
Ещё долго Кургану стоять!
Город мой, пусть любовью пылают
Вены улиц старинных твоих.
И родным пусть тебя называют
Сотни тысяч сердец молодых.

* * *

Я строитель заборов дощатых,
Архитектор соломенных крыш,
Шалашей кривобоких, щербатых,
Где живёт первобытная тишь.
В дымоход робко падают звёзды,
По утрам разжигая огонь.
На постой ко мне просятся вёсны,
Но обидчивы, только затронь...
Я любитель неспешных закатов –
Жёлто-розовых длинных полос.
И спокойных пегасов крылатых,
Что не сбрасывают под откос.

Созерцатель костров на исходе,
Чуть потрескивающих в тишине,
Архивариус строк о природе,
И носитель воды в решете.
Собиратель листвы иван-чая,
Мастер вениковязных работ,
Обожатель далёкого края,
Где в горах ледники круглый год.
Там тугой жесткокаменный ветер
Свою вечную песню поёт.
Там, порой, человек чуть заметен,
Но упорно шагает вперёд.

Я скучаю...

Я скучаю по шуму лесного дождя.
Свои сказки он шепчет деревьям усталым.
Я уверен, он знает и помнит меня,
И считает, надеюсь, меня славным малым.
По уральской тайге я бродил вместе с ним,
Поднимаясь по склонам к угрюмым вершинам,
Где холодным камням был я тоже своим,
Их суровый привет разнося по долинам.
И туманы меня обнимали любя,
По утрам не жалея молочной прохлады,
Так душевные струны мои теребя,
Что я искренно пел облакам серенады.
Я скучаю по шуму лесного дождя,
По дымку от костра между елей и сосен.
По тропинке петляющей, вдаль уходя,
В разноцветную южно-уральскую осень.

* * *

Твердеет память, как мозоли на руках,
Душа становится смелей и толстокожей,
И не пугается, услышав слово «страх»,
Но вместе с тем становится моложе.
Она живёт не так, как этот мир,
Она, как «вещь в себе», – парадоксальна.
Она и щедрый донор, и вампир...
Всё это до банальности реально.
Звучание души меняет тон,
И мыслей ручеек журчит, как дышит.
Прошу, почувствуй высший камертон,
Душа моя, тогда тебя услышат.
И ты услышишь пенье дальних звёзд
И сонмы голосов Вселенной разом.
Мир Абсолюта, может быть, и прост,
Но осознать его не может разум.
Промчатся вихрем сотни лет седых,
Умножив опыт перевоплощений –
Разочаруюсь я в делах земных,
Поняв бессмысленность телодвижений.
Покинет дух мой этот бранный мир,
В «Мир Огненный» ему теперь дорога.
Быть может, ярче вспыхнет Альтаир –
Я пикселем зажгусь в экране Бога.

* * *

Приветы осеннего леса
Несу в суетливую глушь городов.
Пусть скажут – бродяга, повеса...
Нет.
Просто поклонник рифмованных слов.
Таёжных и горных рассветов
Сквозь годы несу в своём сердце огонь.
О, муза великих поэтов,
Крылом вдохновения только затронь,
Хоть чуточку, просто касаясь
Души воспалённой, но нежной моей,
Чтоб строчки взлетали, рождаясь,
И множились чувствами в душах людей.

Две каски

**Кокорин
Сергей Аркадьевич**

Родился в 1955 г. в посёлке Мишкино. В 1978 г. окончил Курганский машиностроительный институт, в 2001 – Академию государственной службы при Президенте РФ. В 1996 и 2000 гг. избирался главой Кетовского сельсовета, в 2004 и 2009 – главой Кетовского района Курганской области. Член Союза писателей России. Печатался в областных и районных газетах, в журнале «Сибирский край» и альманахе «Тобол», в литературных журналах «Родник» и «Веси». Автор ряда сборников стихов и сборников повестей и рассказов. Председатель Курганской областной писательской организации и правления Курганского регионального отделения Российского фонда мира, руководитель Ассоциации литературных объединений Курганской области, редактор журнала «Родник».

– Сержанта Рогачёва к командиру роты! – крикнул посыльный, заглянув в землянку к разведчикам. Рогачёв, едва успевший подсушить у печки обмундирование, собрался и направился к землянке командира разведроты. На улице было слякотно, всё ещё шёл дождь, только теперь уже с мокрым снегом.

Толкнул дверь.

– Товарищ старший лейтенант, сержант Рогачёв...

– Садись, сержант, – прервал командир, располагавшийся за дощатым наспех сколоченным столом. Он начал сразу, без предисловий:

– Заграждение у фрицев серьёзное на нашем участке, Рогачёв. «Язык» нужен до зарезу, а в первую линию окопов пробраться не получится. Потому большую группу посылать не хочу, хоть и погода благоприятствует. Возьми кого-нибудь в напарники. Обследовать нужно скрытно проволоочное заграждение, не приготовила ли немчура там «сюрпризов» – сигнализации или ещё чего-нибудь...

Когда Рогачёв вернулся в свою землянку, там уже был старшина Васнецов. Он распорядился:

– Возьми Сашу Панова, он успел отдохнуть.

Рогачёв и Панов собирались недолго. На плечо – ППС³, по два рожка да по паре гранат. Ну и ножи, конечно. Сержант прихватил с собой ещё метровой

железный щуп, чтобы проще было мину обнаружить.

Сначала Рогачёв хотел через берёзовый колók подобраться к немецкой колючке, потом подумал, что колок далековато будет от линии противника. Можно спрямить. Возможно, это была ошибка. Не достигли разведчики ещё немецкого заграждения, как фрицы их обнаружили и накрыли огнём. Обстрел был плотным, без укрытия – верная гибель. На их счастье, рядом оказалась воронка диаметром метра четыре и глубиной полтора метра.

– Давай сюда, Панов! – Сержант первым сполз в воронку. – Переждём обстрел, потом и подползём к ихней проволоке.

Когда стрельба стихла, Рогачёв кивнул Панову:

– Ну! – и стал выбираться из ямы. Едва высунул голову, как тут же кулём свалился обратно. Опять застучал пулемёт. Рядовой кинулся к сержанту:

– Палыч!..

³ ППС – пистолет-пулемёт Судаева.

Рогачёв потряс головой.

– Ну, Палыч!.. Я уж думал – убили тебя...

Сержант снял каску – на ней была вмятина.

– Скрикошетила пуля... – И зло выругался. – Кроют, фрицы, как в яблочко! Видать, пристреляли, гады, воронку. А мы с тобой, как дураки, влезли в эту яму...

Немцы, действительно, садили очередями, создавая вокруг огненное кольцо. Это была ловушка.

– Чё делать-то будем, Палыч?..

– Чё делать? Думать будем... Дело к ночи. Бог не выдаст, фриц не съест.

В небе потемнело, вместо мокрого снега пошла белая крупа. Рогачёв смотрел, как дно воронки покрывается белой пудрой. Оживился сержант:

– А ну, Сашок, раздевайся!

– Чего ты? – Панов подумал, что Рогачёв шутит.

– «Чаво, чаво»! Мы с тобой теперь на белом снеге будем как два таракана на белой скатерти. Переодеваемся. Исподнее, кальсоны – сверху. А обмундирование – вниз.

Через минуту они сидели уже в своём нелепом одянии, ёжась от холода. Намокшее обмундирование неприятно липло к телу.

– Сапоги замаскируй – портянки сверху намотай! Перед тем как будем вылезать, рубаху воротом на голову натяни... – продолжал инструктировать Рогачёв. – А сейчас дай-ка твою каску.

Сержант нацепил каску Панова на щуп и высунул за край воронки. Раздалась очередь.

– Ну вот, – Панов подобрал простреленную каску. Он размахнулся, готовый выбросить её.

– Эй, эй! Положи вниз, – остановил его сержант. – Пусть думают, что убили.

Ожесточённый огонь продолжался несколько минут. Как только стих, Рогачёв скомандовал:

– Ну, теперь вперёд!

Их «маскхалаты» сработали. Немецкий пулемётчик даже не среагировал, потеряв их из виду.

Когда, выполнив задание, они вернулись в расположение разведроты, все сидевшие в землянке командира покатались со смеху, увидев их маскировочные костюмы из кальсон и нижних рубах. Только двум разведчикам было не до смеха, они были сконфужены и ошеломлены. Командир сидел за своим столом, а на столе лежали две каски. Их каски, пробитые пулями! Не смеялся ещё один человек – в углу сидел немецкий фельдфебель, кидавший злобные взгляды...

...Когда разведчики помылись, переоделись и согрелись, поужинав кашей с тушёнкой, старшина Васнецов рассказал в подробностях, что происходило, пока они ползали в темноте у немецкой «колючки»:

– Мы с командиром на НП⁴ были, увидели, что немцы вас огнём накрыли в воронке. Тут старший лейтенант и говорит, выручать надо наших, оплошали они малость. Ну, я беру наше отделение, прихватили с собой РПД⁵, и стали заползать от берёзового колка, что справа. Гляжу, а из-за «колючки» фашисты ползут – шесть человек, прямо к воронке: по ваши души, стало быть. Ну, думаю, хрен вам, фрицы! Приказываю Сердюкову из пулемёта срезать пятерых, когда будут приближаться к воронке, а одного, самого первого, –

⁴НП – наблюдательный пункт.

⁵РПД – ручной пулемёт Дегтярёва.

не трогать. На «языка» оставить. А мы наперерез им поползли. Они – к вашей яме, и мы туда же. Только у нас преимущество: мы их видим, они нас – нет, у них всё внимание на воронку. Вот они уже у цели. Тут Сердюков начинает садить из пулемёта короткими очередями. Пятеро остались лежать неподвижно. А первый-то, фельдфебель, привстал, чтобы в воронку прыгнуть. Тут я его и «стреножил» из автомата по ногам. Он сразу свалился на дно воронки, и мы туда же навалились на него, упаковали. Ну а вас там уже – тютю! Не было уже вас в яме. Только две ваши каски пробитые валялись. Ну мы их и прихватили для отчёта командиру. Так что не планировали вы с Пановым, а всё-таки выманили немцев. Как на живца мы «языка» взяли!..

Рогачёв с Васнецовым закурили. Старшина молчал, задумавшись о чём-то о своём. Рогачёв напомнил:

– Старшина, нам бы с Пановым каски получить.

Васнецов глянул на него сердито, затушил сигарку о каблук сапога:

– Ну что вы с Пановым за охламоны – кальсоны порвали, каски продырявили! На вас не напасёшься. Отдыхайте пока. После получите две каски, – старшина вышел из землянки.

Рогачёв засмеялся, устроился на лежанку и через минуту уже спал.

Один день из жизни Т-34

Летом сорок четвёртого Советская Армия, накопив мощные резервы, наступала на многих направлениях от Молдавии до Литвы. Танковые группировки наносили мощные рассекающие удары на большую глубину фашистской обороны, развивали успех и громили вражеские части во встречающихся боях. Чего это стоило нашим танкистам, знают только участники тех боёв.

Танковая рота старшего лейтенанта Ильи Терпкого ушла в прорыв, оставив далеко позади тыловые подразделения своей отдельной гвардейской танковой бригады, имея в баках топливо на грани и оставшись с минимальным запасом снарядов. Танкисты прошли две с лишним сотни километров без привалов по тяжёлым дорогам, на пределе человеческих возможностей, сжигая резиновые бандажки катков и выжимая всё из танковых моторов.

Танк командира со звездой и номером «26» на башне шёл в низине, перед подъёмом попал на каменистый грунт и «разулся» – слетела правая гусеница. Три танка шли ещё ниже и попали в болото. Покидать танк, у которого всего лишь слетела гусеница, экипажу нельзя, по уставу было положено вести огонь из стоящего танка. Но это по уставу, а на земле надо было идти вперёд. Поэтому надо было «обуваться», хотя прикрыть артогнём было некому. Был на броне десант – пять бойцов-штрафников с ручным пулемётом. Ребята лихие, выскочили на подъём, залегли за камнями и прикрывали, пока экипаж возился с гусеницей.

В экипаже разделение обязанностей весьма условно, поэтому устраняли неисправность все, включая командира. «Обулись», преодолели подъём и понеслись через поле к строениям. За командирским – ещё три машины, кроме тех трёх, что застряли в болоте. Ворвавшись на хутор, танки остановились в небольшом саду. Немецкая пехота без поддержки артиллерии и танков отступила.

В командирском танке был расстрелян весь боекомплект, в нише башни сиротливо лежали два снаряда: картечный и подкалиберный. У других экипажей было не лучше. А машина лейтенанта Брызина и вовсе вышла из строя: пушка нелепо торчала вверх, как будто пыталась отразить воздушную атаку.

– Механик-водитель не рассчитал, – оправдывался лейтенант, – сорвало подъёмный механизм, когда махнули через траншею. Стволom грохнулись о землю.

- Отдашь ребятам оставшийся БК, – распорядился Терпкий.
- Да чего там осталось...

Закурили. Через пять минут механик Ильи Терпкого, затушив папиросу, поднял голову и посмотрел куда-то вдаль, мимо старшего лейтенанта:

- Командир, кажись, немецкие танки...

Терпкий поднял бинокль. Секунды три вглядывался:

- Точно, САУ «Фердинанд»... Ползёт медленно. Мин боится или пехоту ждёт... Один пока. Не разгляжу башенный знак с номером... Примерно километр до него.

Все понимали, что с такого расстояния нарезное орудие «Фердинанда» «тридцатьчетвёрку» прошьёт навывлет. А наша пушка только в борт может эту машину пробить.

Танкисты прыгнули в машины. Командирский танк выкатился на открытую позицию, чтобы строения не мешали. Терпкий отстранил наводчика:

- Подожди, Коля, я сам. Уж больно риск велик. Надо с первого снаряда, если он развернётся: в лоб ему наш снаряд – как слону дробина, а нас без боекомплекта он покрошит...

За немецкой САУ уже показалась пехота. Никогда ещё Илья так тщательно не целился. Он не спешил, мандража не было. Он – комсомолец и атеист – молился. Да, да. Он шептал: «Господи, да сделай же так, чтобы он остановился... Хоть на пять секунд. Хоть на две...» Он молился и медленно вёл остриё прицела вслед за ползущим «Фердинандом». Илья мог нажать на спуск, но он продолжал ждать и надеяться, что самоходка остановится. Чтобы наверняка. И вдруг она замерла. Терпкий плавно нажал на спуск. Вспыхнуло пламя над «Фердинандом». Чёрный столб дыма спиралью взвился в небо. Командир, не проявляя эмоций, наблюдал, выскочит ли кто из подбитой машины. Нет. Никого. Упокойтесь, фрицы!

- Теперь – карточный! Коля, карточный давай!

Командир снова припал к орудию. Немецкие солдаты уже бежали обратно, но жалеть их танкист не собирался. Снаряд лёг аккуратно в середину отступающей толпы и положил человек двадцать.

Снова вышли из машин. Ребята обнимали Илью и жали руки. Но радость была не долгой. Беспокойство не оставляло командира роты, потому как – опыт и интуиция. Они ему подсказывали, что контратака немцев не последняя. Подтянут резервы и...

Старший лейтенант беспокоился не зря. Там же, на западе, за небольшими складками местности, примерно на том же расстоянии их наблюдатель увидел торчащие набалдашники дульных компенсаторов пушек. Любому танкисту было ясно – это пушки «Тигров». Десять тяжёлых немецких танков шли в сторону хутора. «Тигр» в манёвре будет страшнее любой САУ. Немцы ещё не видели танки, спрятавшиеся в саду, как не видели и тех трёх, что всё ещё возились в болоте. Терпкий попытался с ними связаться. Никто не отвечал. Старлей выругался:

- Вот же черти! Никого у рации не оставили...

У командира не было сомнений: «Тигры» идут сюда, ликвидировать прорыв. А у него четыре машины. Впрочем, три: Брызгин – не в счёт.

- Брызгин, сколько у тебя бронейных?

- Два!

– Итого имеем три танка и пять снарядов против роты «Тигров»... Два варианта, лейтенант: героическая гибель или драп. Те в болоте, конечно, немцев не видят...

- Может быть, наши уже вытянули машины из болота?

– А что они могут, если «Тигры» пойдут в лоб? Ты вот из своей «зенитки» хоть в небо можешь пальнуть, чтобы боженька услышал, – Терпкий не мог простить Брызину разбитого орудия. – Снарядов у них тоже с гулькин нос...

Подошли все экипажи. После короткого совещания решили – надо сматываться. Гибель оправдана, если может принести хоть какую-то пользу. А здесь что? Погубить танки и самих себя ни за понюх...

– По машинам!

Танки выскочили из укрытия. Вслед сразу же полетели снаряды «тигровых» пушек. Десятки болванок засвистели вслед. Под огнём «тридцатьчетвёрки» летели так, что сам Кошкин бы удивился такой быстроходности своего детища. Ни один немецкий снаряд не попал в цель. Но что больше всего удивило командира – три их танка выскочили из болота и понеслись вслед за ними параллельным курсом.

Остановились у села, куда уже подошли другие наши части. Первым делом Терпкий спросил старшину Захарова, командира танка, из тех что сидели в болоте:

– Вы-то как сориентировались, если «Тигров» не видели?

Захаров снял шлемофон, почесал затылок.

– Знамо дело, стали бы вы, товарищ командир, так улепётывать, если вам не дали прикурить. А нам что оставалось?

Раздобыли кое-каких харчей у тыловиков других частей. Не успели перекусить – прибегает какой-то пехотный подполковник и начинает орать:

– Трусы! Отступили, сдали хутор врагу! Старший лейтенант, ко мне!

Терпкий демонстративно не спеша доел, спрятал ложку, подошёл.

– Вы что, лейтенант, отказываетесь подчиняться?!

– По уставу даже главнокомандующий не имеет права прерывать приём пищи военнослужащими...

– Что?! – невысокий подполковник завёлся, и подпрыгивая на носках, продолжал. – В то время как вся Красная армия неудержимо рвётся на запад, горстка трусов, да ещё из гвардейской бригады, без стыда и совести, бросает свои позиции!

Наверное, подполковник бы долго воспитывал танкистов, если бы Терпкий не сорвался и не послал его:

– А где была ваша пехота, товарищ подполковник? Вы должны были нас поддержать. Мы два часа торчали на хуторе без боезапаса!

– Так что, по вашему, мы не воюем?!

– Что-то я не видел в бою подполковников!

Подошли все танкисты. После пережитого в бою почтительности к орущему чужому подполковнику они не испытывали. Начали огрызаться. Дело вот-вот было готово дойти до пистолетов, но тут опять вмешались немцы.

В небе появились наши штурмовики «Илы». И здесь опять сыграл злую шутку тот факт, что подразделения, вырвавшиеся вперёд, не знали сегодняшних сигналов взаимодействия с авиацией. А немцы знали! Их разведка сработала хорошо. Они запустили белую ракету в сторону деревни. И штурмовики стали заходить на деревню, где были наши. Танки стояли левым бортом к изгороди, а справа было поле. Оно вскипело фонтанчиками, поднятыми очередями штурмовиков.

Пехотный подполковник, так красноречиво рассуждавший о героизме, живо юркнул под танк.

«Илы» же выстроились в круг и начали свою страшную карусель. Уже кто-то свалился замертво, кто-то кричал раненый. Хорошо ещё, деревья частично закрывали танки. Старший лейтенант знал, что у штурмовиков в запа-

се есть и реактивные снаряды. Он бросился к своему танку и вытащил ракетницу. Белая полоса перечеркнула небо в сторону немцев, тут же вторая. Кто-то тоже сообразил, что надо делать. Смертельная карусель нарушилась, «Илы» обстреляли хутор, который только что покинули танкисты и ушли на аэродром докладывать о выполнении задания.

Подполковник выбрался из-под танка, когда всё стихло. Грязи на нём было больше, чем до этого спеси. Не глядя на танкистов, отправился восвояси. А Терпкий отправился к вновь подошедшим танкам. Это была вторая рота их батальона, а вслед за ней прибыл и штаб батальона. Нужно было докладывать комбату о приобретениях и потерях.

Когда старший лейтенант вышел от комбата, солнце уже клонилось к закату. В это время подошедший дивизион «Катюш» ударил по злосчастному хутору, где, слава богу, уже не было наших танкистов. Впрочем, фашистов там тоже не было. Что и говорить, весёлый выдался денёк.

Немецкий фронт трещал, они отходили. Наше наступление продолжалось. День заканчивался. Сколько ещё таких дней оставалось в жизни «тридцатьчетвёрки» с номером «26» – никто не знал.

ПРОЗА

Олег БУНИН

Те долгие годы войны

**Бунин
Олег Вячеславович**

Писатель, журналист. Работал в газетах Притобольного и Звериноголовского районов, в том числе редактором районных газет. Публиковался в газетах и журналах Зауралья, автор двух книг прозы: «Светлая моя родина» и «Костёр на снегу». Победитель областного литературного конкурса в номинации «Публицистика».

Заслуженный работник культуры России. Почётный гражданин Притобольного района. Живёт в селе Глядянском Курганской области.

Детство – оно у каждого из нас одно, и неповторимо, дорого, незабываемо. Детство моё и моих сверстников пришлось на военное лихолетье. В одночасье прохрипели репродукторы войну. Лихой враг всей своей военной силой обрушился на нашу Родину.

Мы в своём Зауралье не слышали рёва танков и самолётов, разрывов бомб и снарядов, гортанных криков злых чужеземцев. Но из нашей деревни уходили на далёкий от нас фронт парни и мужики, уходили многие из них, чтобы не вернуться никогда в родные края, чтобы отдать собственную жизнь за свободу дорогой каждому Родины.

Мы по малолетству этого ещё не понимали, а взрослые горько рыдали под всхлипы гармошек. Они-то знали, что такое война. И с каждым уходившим прощались на всякий случай навсегда, навеки. И прощальные песни пели с неизбывным душевным надрывом.

Многое в этой жизни забывается. А вот память детства – это как награда свыше. Вновь и вновь оживают картинки раннего былого. Вот идёт по селу почтальон. Это однорукий дядя Николай, прозванный «однокрылым еропланом».

С затаённой болью и тревогой смотрят на него сельчане. Когда он задерживался у какой-то избы, то иной раз там истошно начинали голосить бабы. Откуда мне, несмышлёнышу, было знать, что очень уж часто приходили с фронта похоронки, и дядя Николай, доставляя время от времени треугольные послания с передовой, был в то же время разносчиком самых страшных вестей с войны...

Мама, Клавдия Никитична Бунина, всю жизнь учительствовала. Вспоминают её и теперь с признательностью и благодарностью бывшие ученики. А в военное лихолетье осталась она одна с двумя несмышлёнышами на руках.

Особенно тяжело приходилось зимой. Мы голодали и мёрзли. Не хватало не только хлеба, но и картошки. Мама уходила в свою школу. Я с маленькой сестричкой Люсей оставался в свои четыре года за старшего. И до сих пор как подвигом горжусь тем, что ни разу не обидел её в скудной еде, которую, отрывая от себя, оставляла нам мама.

Бедствовала, голодала вся наша деревня. Но взрослые изо всех сил работали для фронта, для победы, в которую верили свято. Парни постарше мечтали поскорее попасть на фронт, чтобы быстрее прогнать с нашей советской земли фашистское исчадье.

Самое светлое пятно в моей детской памяти – это когда по ранению приехал с фронта на побывку папка, Вячеслав Григорьевич Бунин.

...Искрился под лучистым солнцем осевший мартовский снег, чернели на буграх проталины. В ворота с покосившейся калиткой боком протиснулся человек в шинели и на костылях. Я испугался чего-то и, споткнувшись на крыльце, кинулся в избу:

– Мама!

А у мамы, вышедшей на крыльцо, подкосились ноги. Она бессильно опустилась на ступеньку, но тут же, ухватившись за перила, поднялась и бросилась на шею пришельцу.

– Ну что ты, Клаша, я же живой и почти здоровый...

Мне в детских грёзах представлялось, что мой папа – герой, при виде которого дрожат от страха фашисты. Вот он приедет домой, победив злобных, но трусливых врагов, в фуражке со звездой, с орденами на груди, такой весёлый и сильный, надарит нам подарков, – и начнётся тогда такая жизнь, какая бывает только в хорошем сне. И мамка тогда перестанет вздрагивать и бледнеть при виде убогого почтальона...

Я стоял и растерянно смотрел на отца. Когда началась война, мне было два года. А он, конечно, помнил меня таким, каким я был тогда. А такого, как я теперь, он тоже не знал.

– Олечка, ну что ты, иди ко мне!

Я подошёл, и он, взяв костыли в одну руку, поднял меня, прижал мою голову к своей небритой щеке.

Позже, осмелев, я спросил у него:

– Папка, а где твой автомат?

– С автоматом, сынок, в бой ходят, а не домой.

– Ну хоть пистолет у тебя есть?

– И пистолета нету.

Он улыбался, а я искренне огорчился. Вот пришёл с войны отец. Пусть только на побывку. Но если соседские Петька и Колька спросят, как я им скажу, что никакого оружия у него нет? Они всё равно будут мне завидовать. Ведь на их отца, дядю Матвея, ещё в прошлом году пришла похоронка.

– Мой папка зато был самым храбрым. В той бумаге, мамка читала, так и было написано – «Пал смертью храбрых в боях за Родину», – говорил Петька.

Мы сидели потом за столом, ели блины из овсяной муки. Муку эту мы мололи на жерновах, которые в ту пору были у каждого. Мололи из неочищенного зерна. У меня уже хватало сил крутить верхний круг этого агрегата. Шершавыми, как кошкин язык, были эти блины. Но это было лакомство, которое доводилось отведать только в особых случаях.

Вечером пришли гости, соседки, мамыны подруги по школе. А кто ещё мог прийти? Отцовских годков не было в нашей выхолощенной деревне. Пили хмельную бражку. Пели военные и мирного времени песни. А мы на кухне бережливо сосали конфетки и всё сверялись – у кого больше осталось.

– А сколько твой папка немцев убил? – спрашивал Колька.

– Наверное, сто, а может – и больше, – уверенно отвечал я.

С утра до вечера мама была в своей школе. С собой приносила уйму тетрадок для домашней проверки. Отец наводил порядок во дворе: поправил забор, калитку, поправил припадавшее на один бок крылечко. Я, понятное дело, был при нём. Чувствовал себя мужиком – как же, работаем вместе, без меня тут никак не обойтись.

С каждым днём становилось всё теплее. Уже загомонили в перелесках грачи. Вот-вот и скворцы заявятся.

В минуты отдыха мы сидели на обновленных ступеньках крыльца. Он был немногословным, несуетливым, мой отец.

– Пап, а что, тебе орден дали? – спрашивал я, трогая отливающий позолотой и рубином орден Красной Звезды на его гимнастёрке.

– Награды, сынок, на войне дают за фронтовую работу. Вот как в школе или колхозе – тем, кто лучше трудится или учится.

– А ты сколько самолётов сбил?

Отец улыбается:

– Ну, это не по моей части. Я ведь из пехоты. На войне тоже каждый своим делом занимается.

Я много позднее осознал, что тогда был безоглядно счастлив.

Но счастье зачастую бывает недолговечным. Отец уже ходил без костылей, чуть припадая на раненую ногу. Всё реже надо было менять повязку на ране. И незаметно подступила горькая пора расставания. Мне отец говорил на прощание:

– Ты главный мужик в семье, того и гляди в школу пойдёшь. Помогай маме, сестрёнке. А я скоро вернусь и тогда уже насовсем.

Но это «скоро» растянулось на два долгих года...

Ошибка солдата

ПРОЗА

Ой, сколько всякого в войну было!.. И не рассказать. Ты вот как думаешь: война – только с оружием бегаешь да стреляешь? А вот и не так. Ой, сколько я в ту войну поработал!.. Война – работа это, тяжёлая мужичья работа.

Сказывал же я тебе уже: артиллеристом я служил, при пушке, значит. А она тяжеленная какая – ух! С позиции на позицию лошадки её тягают, тягают, а как на взгорок какой – рядом с ними припрягаешься и толкаешь эту махину вперёд. А коли весна али осень, из грязи её вытаскивать – все жилы порвёшь. Зимой того хуже: из сугроба в сугроб перекачивать нашу матушку, без сапёрной лопатки... скажу тебе, там делать нечего. А ведь надо всё быстрее да быстрее: когда войска в наступление идут, за ними поспешать надобно.

А когда на позицию прибыли – опять по новой окапываться надо, чтоб живым остаться. Сначала пушечку родимую окапываем, в земельку её закапываем, чтоб не торчала на виду как лошадиная оглобля. После себе окоп роём, а коли камень попадётся – всю спину там оставишь. Зимой обязательно ещё надо всё снегом закидать, в порядок привести, а не то будем как на ладони у фашистов треклятых. В общем, целый божий день копаешь и копаешь, ночью валишься совсем без спины, а делать нечего: жить захочешь – работай в три жилы.

Теперь ты понял: сапёрная лопатка – самое главное оружие артиллериста, без неё на фронте как без рук. Ну да, снаряды тоже хорошо жилы те рвут. Хорошо в бою: в азарте мечешь их как нечего делать, сам потом удивляешься, откуда силёшки брались. Так ведь их надо ещё и подготовить к бою, натаскать к пушке поближе. Зато когда она стрелять начнёт – такая музыка начинается!.. Я голос своей родимой пушечки изо всех узнавал.

«Баба Маня» – так мы пушечку нашу звали, – маленько пузатенька да неповоротлива, ага! Зато как даст – только пух и перья у врагов летят! А на стволе наводчик наш написал «За Родину! За Сталина!». Вот как бой начинается, для начала наша батарея начнёт стрелять, после мимо нас пехота вперёд бежит, да все как один так и кричат: «За Родину! За Сталина! Ура!!!»... И правильно это! Конечно, мы ж не только за Родину, Сталина: каждый – за свою семью, ребятишек, матерей, только разве будешь в бою кричать – «За мамку-батьку», «За Надюху-сеструху», это ж какая разногласица выйдет! А тут все как один: «За Сталина! За победу!» – и прут вперёд.

А ещё был у меня случай: сапёрная лопатка мне жизнь спасла. А как же! Тот раз фашисты в наступление пошли. Сначала артобстрел начался – ну, это как всегда бывает. Полчаса наши окопы утюжили, ну и меня засыпало в том

**Тутарова
Ольга Александровна**
(литературный псевдоним –
Ольга Ман)

Родилась в 1957 году. Окончила Магнитогорский педагогический институт по специальности «преподаватель французского и немецкого языков».

Публикации выходили в районной газете «Красный уралец» (2023), в журналах «Тобол» и «Графоман» (2024), в альманахе «Кладовая солнца».

Проживает в городе Верхнеуральск Челябинской области.

окопе. Контузило, знамо дело. Выкарабкиваюсь я оттуда потихоньку – в ушах звон, в глазах земля; не вижу ничего, башкой трясу, чтоб тот звон унять. Рукой махнул по глазам – глядь, а передо мной фриц, да такой здоровенный. Прёт на меня с автоматом, а у меня, кроме сапёрной лопатки, никакого вооружения. Ну, думаю, кранты тебе, Андрон.

А тот фриц автомат за спину перекинул, да на меня кинулся... И чего он думал в ту минуточку, зачем меня не стрелил – не знаю: может, молитва материнская спасла, а может – решил, что голыми руками со мной справится. Навалился он на меня, к горлу тянется, а я исхитрился, землю ему в глаза сыпанул. Начали мы с им бороться, а кого там: немец сытый, откормленный! Чую – смерть моя пришла, душит он меня, аж глаза на лоб лезут... Шарю я руками вокруг себя, – и попалась она мне под руку, лопатка сапёрная, родимая моя. А у немца того каска-то, пока мы с ним боролись, слетела. Ну и вдарил я, сколько силёшек хватило, ему по кумполу. Потом уж бил, пока не обессилел...

Очухался, а наши уж фрицев назад с наших позиций попёрли. Кругом тела валяются вперемешку – наши и немецкие. И мой немец лежит, развалился, здоровый как два меня. Достал я его документы. А там фотка, на фотке – мадама в причёске да два немчика маленьких. Не дождутся они теперь папку своего. Пнул я его напоследок, автомат снял, да пошёл командира искать. Орденом меня за того фрица наградили, ребятишки заиграли куда-то орден тот.

А ошибка моя в другой раз произошла. Отправили меня после контузии в госпиталь отлежаться, иду я, значит, один как перст по полю, самого шатает, и вот надо тому быть – опять обстрел начался, миномётный. Ну, я уж учёный, в ближайшую воронку сховался. Прыгнул – а там уже кто-то лежит, головой в землю упёрся, главное, и не шевелится. А вокруг свистопляска, мины рвутся, аж земля вся вздрагивает.

– Эй, – говорю, – земля, будем знакомы!

Да и потрогал его – не отвечает. Перевернул – тогда только понял, что он уже здесь не один день лежит. Эх, думаю, жизнь наша горькая! Как-то неудобственно мне с мертвяком в одном окопе лежать, а выскочить боязно: как раз под мину попадёшь. Ну, думаю, пока обстрел, похороню его, чтоб на виду не лежал. Достал лопатку свою сапёрную, благо, что земля мягкая ещё, после взрыва не скомковалась. Закопал, сверху пилотку евонную положил как положено.

Обстрел кончился, вылез я, да и пошёл дальше в тыл в госпиталь. Уж километра два маханул, как стукнуло меня: ведь я документы у того солдата не забрал, ни медальон смертный, ни военник. Вот незадача! Оплочал! Думал было назад вернуться – да разве ж найду я ту воронку, да и силёшек у меня уже совсем не осталось, хоть бы до госпиталя доплестись. Так и ушёл.

А он с тех самых пор ко мне по ночам приходит: придёт и стоит, молчит. Я уж и разговаривал с ним: не ходи, мол, ничего теперь уж не поделаешь. А душа болит, ведь где-то мамка его, может, до сих пор ждёт.

Дезертир

Я ж с двадцатого года, война началась, я на Дальнем Востоке служил. Тогда три года служили ж, я уж деньки считал до дембеля. Всё представлял, как в родную деревню возвращаюсь, – форма пригната, вся подшита, на ногах галифе, чуб из-под фуражки волной выётся. Тятка с мамкой меня встречают, братишка младший на шею кинется. Мамка заплачет, конечно, сеструха тоже слезу пустит. Брательники старшие – мужики суровые, но обниматься всяко будем. А боле всех тятка гордиться будет: вон каких сынов поднял – четверо нас, братьёв, да сеструха девица ещё.

Вечером вся родня соберётся, соседи придут, самогоночку мамка уж точно приготовила, погуляем, не без того. Но первым делом я свою гармошку возьму – ух, девки наши деревенские соскучились по моей гармошке, по-ди! Вечером на вечерки в клуб пойду, все девки мои будут, – ан нет! Не случились мои мечты: война.

А я в армии у комроты ординарцем был. Только войну объявили – мы с ним вместе заявление написали на фронт. А нам отказ! Мы другой раз пишем – опять отказывают. И так семь раз. Говорят – вы здесь нужны, здесь граница с Китаем, кто охранять будет, ежели все на фронт уйдут? Ну, командир отступился, а я – молодой, душа горит, в восьмой раз написал, просился у командира чуть не на коленях, а он меня не отпускает ни в какую, привык, три года мы с ним вместе.

Уже ноябрь наступил, когда он мне скрепя сердце заявление на фронт подписал, да дал ещё неделю на побывку – ведь на фронт я через свой Урал поеду. Семь дней ехал я поездом до Магнитки, а у меня всего-то две недельки. Выскочил на вокзале, вещмешок потуже затянул, и попёр пёхом в деревню, а идти километров пятьдесят, если напрямки. Пру по дороге, аж пар от меня валит. Подхватила меня по дороге машина, за зерном шла в Спасский-то. А оттуда уж вовсе места знакомые пошли, я чуть не бегом поспешаю.

Родители и не знают ничего, не ждут меня, письма медленно у нас шли, вот, думаю, сюрприз будет. Иду, сам думаю – жалко, братьев не повидаю, на фронте воюют они уже. Писали мне тятка с мамкой, что Алексей в пехоте, а от Ильи покамест писем нету. Ну как «писали»: неграмотные они у меня были – сеструха за них письма сочиняла, все события деревенские мне описывала: кто женился, кто родился, а последние письма – всё про то, кто на фронт ушёл, кто раненый, а на кого похоронка пришла. Наши, слава богу, живы!

Вот и деревней запахло, дымом потянуло, собаки забрехали, коровы мычат, вечер, зовут хозяек доить пора. Иду я по деревне, стемнело уже, собаки меня не узнают, кидаются, а я к дому подбегаю, дверь на ходу распахиваю.

– Мамка, тятка! – кричу. – Встречайте! Ваш сын на побывку пришёл.

Тут суматоха поднялась, мамка воет прям в голос, упала на меня, ноги не держат. Сеструха с другой стороны на мне повисла, братчик малой Николашка прыгает вокруг, меня бабы оккупировали, так он за ногу уцепился, не отпускает, мало не уронили. Тятка подшкандылял – хромой он у нас, ногу на лесоповале потерял ещё по молодости лет, – руку жмёт, тоже слезу потихому смахивает. Еле все успокоились, мамка с сеструхой по хозяйству хлопотали.

А дома тепло, печка топится, лампа керосиновая зажжена, хлебом пахнет, занавесочки знакомые висят, – ну как не уезжал будто. Вскорости на столе картошечка горячая образовалась да капуста с лучком, маслицем пахучим политая, помидорчики да огурчики солёненькие, ну и бутылка самогоночки, куда ж без этого.

Выпил я с батькой, маманька пригубила, сеструхе по молодости лет не предлагали, разомлел я после еды да выпивки. Давай тут я про братьев

расспрашивать. Гляжу – у маманьки глаза таки на мокром месте, и тятка чего-то темнит.

– Давайте, – говорю, – говорите, чего случилось у нас. Чует моё сердце чего-то неладное.

Тут мамка опять зарыдала, в платок сморкается, тятка зубы стиснул, сеструха молчит, как партизанка какая, а малой только глазами хлопает, не поймёт ничего. Отправили Николашку на печку с кошкой играть, Надюха в светличку ушла. Тут-то родители и рассказали мне такое, что у меня челюсть отвисла. Жахнул я стакан самогонки зараз, слушаю, только зубами скриплю. Никак не ожидал я такого от братца старшего...

Оказывается, когда брательника моего старшего Лексея забрали на фронт, по дороге их эшелон разбомбило. А он так напугался той бомбёжки, что сбёг, целый месяц тайком домой пробирался, а его уже здесь ищут. Приходили к родителям, расспрашивали, а они в отказ пошли: не знаем, мол, ничего, на фронт ушёл и как в воду канул – ни письма, ни весточки. А у него в деревне семья осталась: жена, сынок да дочка малолетняя. К ним тоже приходили, она тоже не знает о нём ничего. Наказали – коли появится, пускай сообщит куда следует, иначе её в тюрьму заберут, а детишек в детский дом сдадут.

А вскорости и сам Алёшка объявился, тайком ночью в родительский дом пришёл. Ночью же его и проводили, продуктов надавали на первое время. А он у нас охотник знатный был, все тропки в наших горах знал, все пещерки. Вот в какую-то пещерку он и спрятался, месяц да два там побыл, еду ему жена да сеструха носили, да только с каждым днём всё холодает да холодает. Стал он по ночам домой приходить греться. Так выдала его какая-то сволочь, пришли военные с оружием, с ними управляющий, еле Алёшка через лаз да по чердаку ушёл.

А тут ещё одна беда: снег выпал, каждый следочек видать. Совсем невмочь ему стало в пещере той спастись. Пришёл он в деревню, у тётки Химки обретаётся, бездетная она, в подполе прячет его, в кадушке из-под капусты он там у ей прячется...

– Вот дурак, вот дурак, – схватился я за голову, – чего натворил-то? Там на фронте то ли убьют, а может, и жив останешься, а тута как теперь? Дезертировал ведь, найдут, стрелнут по военному времени – и прощай, жизнь человеческая.

Тута мамка вообще в три ручья улилась, батька совсем сгорбился.

– Ведите меня к нему, – говорю.

– Что ты, что ты, – мамка меня за рукав хватает, – никак невозможно, глаза кругом... Увидят, загребут его. Мы к тётке Химке и не ходим теперь совсем: будто поссорились, чтоб глаза отвести. Завтра Надюха шепнёт бабке, он сам до нас придёт, погутаишь с ним.

Спать я лёг с тяжёлым сердцем: не так планировал дома побывать. За весь вечер на гармошку даже и не глянул.

Утром не успел я глаза продрать – управ заявился, поручкались мы с ним. Мамка за стол позвала, выпили по сто грамм за нашу победу. Зачал он меня расспрашивать – что да как, подивился, что я добровольцем на фронт иду. Говорит, по закону военного времени ты обязан мне документы свои показать, мало ли чего, мол. Достал я ему документы – всё честь по чести: вот военник, вот увольнительная до двадцатого ноября, вот приписное само. Посмотрел он документы, крякнул в усы, а сам нет-нет да на мамку с тяткой поглядывает. Ничего не выглядел, ушёл, а тут сосед подошёл, потом другой, так целый день народ шёл и шёл. Уже ночью последнего гостя выпроводили, лампу потушили, будто спим.

Тятка во двор будто до ветру пошёл, а сам поглядывает, кабы кто чужой не заявился. Слышу, через время дверь скрипнула. Зашёл брательник, обня-

лись мы с ним, стоим оба, плачем, он трясётся весь, худой, даже ростом вроде ниже стал. Накрыла мамка нам стол за печкой, окошки все позанавесили, лампу не зажигаем, сидим с ним близко голова к голове, разговариваем. Алёшка начал мне рассказывать – говорит, говорит, голос трясётся, как он сам; ест, картохой давится, голодный. И так мне его жалко стало – просто до слёз: всё ж таки родная кровь.

– Да, – говорю, – Алексей, большую глупость ты совершил, но сегодня тебе хороший шанс выпал через меня к жизни возвратиться. Завтра я на станцию пойду, пора мне на фронт отправляться, – пошли со мной, до фронта доберёмся, документы тебе выправим, придумаем чего-нибудь, будем вместе воевать. Не бойся, брательник, не пропадём: вдвоём – не один.

Подбодрил я его хорошо, он вроде бы даже подраспрямылся малёхо. И такое чувство у меня, как вроде не он, а я – старший брат, сильнее и умнее его. Поплакали мы ещё вместе, договорились, что встречаемся с ним в лесочке под горой, завтра утром чем свет, и вместе на станцию идём.

Дверь скрипнула, ушёл брат. Я бухнулся спать, еле голову до подушки донёс, да и спать то оставалось часа три, не боле. И сквозь сон вдруг слышу я стук какой-то – голову поднимаю, а они уж дверь с крючка сняли, в дом ворвались: трое военных с комендатуры Магнитогорской, и все при оружии. Все углы в доме прошарили – нет ничего, так и ушли ни с чем. Во дворе задержались, по сараям прошлись, я в окошко за ними наблюдаю. Тут смотрю – управ к ним подбежал, чего-то поговорил, и рукой куда-то в сторону показывает.

Подхватились они, я к другому окошку метнулся, тятка с мамкой за мной, а они напрямик к тёткиному дому двинулись. Ух, как мамка взвыла, тятка её за плечи хватает, ну разве удержишь. Метнулась она из избы как была – в исподнем, я следом лечу, фуфайку ей на плечи надёргиваю, а она несётся в калошах на босу ногу по сугробам, не разбирает.

Пока мы добежали до тёткиного дома, а брательника уж выводят, двое руки ему заломили, а третий с автоматом наперевес сзади поспешает. Тётка Химка на крылечко выскочила, голосит, мамка на конвой кидается, я еле её держу. Батька прикандыбал, стоит, зубы стискивает, в землю смотрит. Алёшка наш только в ostatний раз из-под руки конвоировой на нас глянуть успел, затолкали его в машину, тронулась та машина, мамка на колени упала, за машиной ползёт, причитает как по мёртвому.

Веду я своих домой, а из-за каждого забора на нас глаза глядят, всю деревню перебулгачили. Домой зашли, я вещмешок собрал, тятку обнял, мамку с братчиком и сестрёнкой поцеловал, иконам поклонился и ушёл. Не мог я боле там оставаться. Иду по деревне, мимо дома управа прохожу, глянул – а он за забором притулился, спрятался, значит. Не сдержался я, через забор перепрыгнул, смазал раза эту гниду, в харю ему плюнул, да обратно через забор – и ходу на станцию. Бегу по следам машины, которая брательника увезла, слёзы на снег капаят: понимаю, в последний раз я брата своего повидал.

Так оно и случилось: судили его, приговорили по военному времени к расстрелу. А я воевал, да-а-а, – и за себя, и за брательника своего, за головушку его неприкаемую. И ни пуля, ни штык меня не брали, ни миной не накрыло. Вернулся с фронта живой, токо контуженный малёхо.

Тот староста незадолго с деревни уехал с концами: понимал, гнида, фронтовик возвращается. А я с фронта трофейный «вальтер» вёз, ради гниды этой только. Потерялся тот «вальтер» куда-то, да и не нужен он мне уже теперь, а управ где-то своей смертью помер – Бог отвёл меня от смертоубийства. Попался бы он мне тогда – жалости у меня к нему ни на грамм не было, ни в жизни б я ему брательника не простил. Кабы не его душонка подлая, может, жив был бы мой братчик.

**Букреев
Александр Исакович**

Журналист, краевед, главный редактор альманаха «Тобол» в 1998–2005 гг., автор проекта, редактор сайта «Лица Зауралья».

Родился в селе Благовещенском Шумихинского района Курганской области. Трудовую деятельность начал после окончания Карачельской средней школы мотористом Благовещенской киноустановки.

В 1962–1966 гг. служил на Тихоокеанском флоте: матрос, командир отделения, старшина команды крейсера «Адмирал Сенявин». После службы десять лет работал в Шумихинской районной газете «Знамя труда» литературным сотрудником, заведующим отделом, заместителем редактора. С 1970 г. – член Союза журналистов.

Без отрыва от работы окончил факультет журналистики Уральского государственного университета имени А. М. Горького, в 1984 г. – Свердловскую Высшую партийную школу. С 1976 по 1991 г. в работал в партийных органах: заведующий отделом пропаганды и агитации Шумихинского райкома, инструктор, заведующий сектором печати, радио и телевидения, заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации, ответственный организатор Курганского обкома КПСС.

С 1991 по 1997 г. был главным редактором издательства «Парус-М». В течение двенадцати лет был редактором и главным редактором литературно-публицистического альманаха «Тобол».

Александр БУКРЕЕВ

В шаге от Звезды Героя

На сайте «Лица Зауралья» размещена информация о ста фронтовиках, представленных к званию Героя Советского Союза, но не получивших его и награждённых орденами.

В Курганской области есть информационный ресурс, который блестяще раскрывает боевую доблесть и отвагу зауральцев на фронтах Великой Отечественной войны.

В разделе «Герои Советского Союза» сайта «Лица Зауралья» представлены биографии 119 зауральцев, удостоенных высшей награды Родины. Причём десять имён открыты вновь, в процессе работы над сайтом.

Но есть ещё одна категория фронтовиков, которые совершили подвиги, достойные звания Героя Советского Союза. Они и были представлены к этой награде командирами воинских частей. Но в процессе согласования их представлений вышестоящими инстанциями порой принимались иные решения. Так появлялись приказы о их награждении орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, Суворова, Богдана Хмельницкого...

Сегодня установлены более ста зауральцев, на которых в представлениях к награде отмечалось: «Достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Участники войны, представленные к званию Героя Советского Союза, есть практически во всех городах и районах Зауралья. В Кургане таких людей десять, в Каргапольском районе – восемь, в Белозерском, Притобольном и Шумихинском районах – по шесть.

Претенденты на высшую награду представляли все рода войск, имели разные звания – от рядового до полковника, занимали различные воинские должности – от стрелка до командира полка.

Лётчики

В Зауралье (и не только) хорошо известно имя уроженца Шумихинского района **Евстигнеева Кирилла Алексеевича**. Он дважды был удостоен звания Героя Советского Союза. Но немногие знают, что к этому высокому званию его представляли четырежды.

Впервые 17 июля 1943 года командир 240-го истребительного авиационного полка представил Евстигнеева к званию Героя Советского Союза за выполнение 70 боевых вылетов, участие в 18 воздушных боях, в которых сбил лично 10 и в группе 2 самолёта противника. Его представление поддержали командир 302-й истребительной авиационной дивизии и командир 4-го истребительного авиационного корпуса. Однако приказом ВВС Красной Армии Кирилл Алексеевич был награждён орденом Суворова III степени.

2 августа 1944 года за выполнение 144 боевых вылетов, участие в 53 воздушных боях, в которых сбил лично 23 и в группе 3 самолёта противника, командиру эскадрильи старшему лейтенанту Евстигнееву присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

20 октября 1944 года состоялось его третье представление к званию Героя Советского Союза. 23 февраля 1945 года за выполнение 227 боевых вылетов, участие в 97 воздушных боях, в которых он сбил лично 46 и в группе 3 самолёта противника, Евстигнеев награждён второй медалью «Золотая Звезда».

20 мая 1945 года Кирилл Алексеевич был представлен к третьей Звезде Героя. За годы войны он выполнил 283 боевых вылета, принял участие в 119 воздушных боях, в которых сбил 53 самолёта противника лично и 3 – в группе. Представление не было поддержано. Нашему прославленному земляку не суждено было стать трижды Героем Советского Союза.

После войны генерал-майор Евстигнеев служил на ответственных командных должностях в Советской Армии. В городе Шумихе Курганской области установлен бронзовый бюст дважды Героя Советского Союза Евстигнеева, а на здании школы № 2 – мемориальная доска. В 2007 году Курганскому авиационному спортивному клубу РОСТО (ДОСААФ) присвоено имя Героя.

Есть и другой пример, когда лётчика-аса не представляли к званию Героя, но его сослуживцы настойчиво добивались, чтобы его подвиги были отмечены Золотой Звездой.

С мая по июль 1942 года уроженец Шадринского района лётчик-истребитель гвардии младший лейтенант **Талыков Михаил Иванович** совершил 35 штурмовых вылетов, уничтожил и повредил 2 самолёта, до 50 танков, свыше 150 автомашин с войсками и грузом, 1 паровоз, 2 переправы, 5 полевых и зенитных орудий, 7 зенитно-пулемётных точек и свыше 500 солдат и офицеров противника.

29 июля 1942 года, выйдя из атаки, Талыков заметил, что ведущий звена лейтенант Емельяненко, подбитый огнём зенитной артиллерии, производит посадку на территории, занятой противником. Он совершил посадку вблизи сбитого самолёта, забрал в фюзеляж боевого товарища, блестяще взлетел и вырвал командира эскадрильи из-под носа врага. Командование штурмового истребительного полка ходатайствовало о награждении Талыкова орденом Ленина. Награждён орденом Красного Знамени (14.11.1942).

14 марта 1943 года при выполнении сложной боевой задачи по разрушению переправы противника через реку Кубань самолёт заместителя командира авиаэскадрильи гвардии младшего лейтенанта Талыкова Михаила Ивановича был сбит, упал в Темрюке около здания немецкой комендатуры. Лётчик погиб.

О героизме Талыкова писали Герои Советского Союза Борис Левин, Семён Гетьман, Иван Аксентьев и его командир Василий Емельяненко. Дважды – в 1964 и 1965 годах – бывшее командование, боевые товарищи представляли ходатайство маршалу авиации Вершинину К. А. на присвоение звания Героя Советского Союза младшему лейтенанту Талыкову (посмертно) за совершённый им редкий в истории авиации подвиг и проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками мужество и героизм.

Напомним, что подвиг по спасению боевого командира в 1939 году совершил наш земляк дважды Герой Советского Союза **Грицевец Сергей Иванович**. Во время боя под Халхин-Голом он заметил, как подбитый советский самолёт совершил посадку в степи на территории, контролируемой японцами (в 60 километрах от линии фронта). Приземлившись рядом, с ходу подрулив к бегущему к нему командиру части майору В. Забалуеву и с трудом разместив его в одноместной кабине своего «И-16», Грицевец вывез командира на свой аэродром.

К званию Героя Советского Союза представляли ещё двух наших прославленных лётчиков – **Ковалёва Тимофея Алексеевича**, призванного Курганским РВК, и **Плюснина Георгия Федосеевича**, уроженца Частоозерского района. Оба они награждены орденом Александра Невского. Но Ковалёву два месяца спустя по вторичному представлению было присвоено высокое звание.

Стрелки

В разделе «Люди удивительной судьбы» сайта «Лица Зауралья» достойное место занимает биография уроженца Далматовского района **Охулкова Алексея Михайловича**. В декабре 1942 года курсант отдельного учебного стрелкового батальона 64-й стрелковой дивизии Охулков совершил подвиг, за который был представлен к званию Героя Советского Союза.

В начале декабря полк, в котором служил Охулков, получил боевой приказ: потеснить врага и захватить важный рубеж в районе севернее Сталинграда. За артиллерийской подготовкой последовала атака, затем стрелковые подразделения перешли в наступление.

Ночью немцы решили вернуть захваченные позиции и бросили на этот участок 26 танков и сотни автоматчиков. Советские воины смело отражали танковую контратаку и буквально засыпали вражеские танки гранатами.

Пример показал красноармеец Охулков. Броском гранаты он перебил гусеницы вражеской машины. Но вскоре был тяжело ранен. В этот момент мимо него проходил фашистский танк. Чтобы преградить ему путь, преодолевая боль, собрав последние силы, Охулков поднялся с противотанковой гранатой во весь рост и бросился под вражеский танк. Ценой жизни он преградил путь врагу и спас подразделение от потерь. Все атаки противника были отбиты. Потеряв 10 танков и до 70 автоматчиков, гитлеровцы отошли.

За образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом доблесть и мужество красноармеец Охулков награждён орденом Ленина, посмертно (1.04.1943).

Среди фронтовиков Зауралья, претендовавших на присвоение звания Героя Советского Союза, почти каждый второй был представителем стрелкового подразделения. Среди отличившихся – стрелки, пулемётчики, командиры отделений, взводов, рот и батальонов, командиры полков и дивизий.

Бесстрашным воином, мастером своего дела проявил себя командир пулемётного расчёта сержант **Фролов Михаил Никонович**, призванный Ольховским РВК.

В августе 1944 года в Польше, когда на батальон надвигались 52 немецких танка и до прибытия батальона пехоты при поддержке двух дивизионов артиллерии, Фролов прикрывал свою пехоту и сдерживал натиск врага. В течение 11 часов немцы пять раз переходили в контратаку, стремясь сломить сопротивление наших воинов. Фролов выпустил 6 лент патронов, истребил до 50 гитлеровцев, не пропустив врага. Тогда немцы открыли огонь по его огневой точке, но пулемёт продолжал косить вражескую пехоту. На пулемёт устремились два танка. Фролов подбил один танк гранатой, а второй развернулся. Экипаж подбитого танка, открыв люк, бросал гранаты по окопу, где находился расчёт пулемёта. Фролов поднялся во весь рост и броском гранат свалил трёх гитлеровцев. Будучи контуженным, он не оставил поле боя. Рубеж был удержан. Награждён орденом Красного Знамени (26.08.1944).

Уроженец Макушинского района командир стрелковой роты 2-й воздушно-десантной гвардейской дивизии гвардии капитан **Лажин Михаил Петрович** в октябре 1943 года со своей ротой первым переправился на правый берег реки Днепр, занял выгодный рубеж. В боях за удержание плацдарма на правом берегу Днепра его рота была семь раз контратакована крупными силами пехоты и танков, поддержанными бомбардировочной авиацией противника. В этих боях Лажин проявил исключительное хладнокровие и выдержку, воодушевляя бойцов, появляясь в критические моменты боя в самых опасных местах. В боях за удержание плацдарма Лажин лично огнём автомата, гранатами и пулемётным огнём уничтожил более 70 немецких солдат и офицеров. Награждён орденом Ленина (3.06.1944).

Подвиг Лажина – ещё одно подтверждение тому, что в боях за Днепр советские воины проявили массовый героизм. Примечательно, что за форсирование Днепра 27 зауральцев были удостоены звания Героя Советского Союза.

Дважды командование 35-й гвардейской стрелковой дивизии представляло к присвоению звания Героя Советского Союза командира 100-го гвардейского стрелкового полка **Воинкова Александра Михайловича**, призванного Курганским РВК. Первое представление к высокому званию было за форсирование реки Висла, исключительное упорство и героизм, проявленные в боях за овладение плацдармом. Повторное представление командира полка было написано за успешное форсирование реки Варта, прорыв обороны противника на германской государственной границе в районе Либух. За 10 дней боёв полк уничтожил свыше 500 солдат и офицеров, 15 пулемётных точек, взял в плен около 100 солдат противника. Однако данные представления остались нереализованными.

Гвардии подполковник Воинков Александр Михайлович героически погиб 21 апреля 1945 года в боевых порядках подразделений на подступах к Берлину. В честь погибшего, любимого всеми бойцами и офицерами командира полка, был дан салют из всех видов оружия.

Артиллеристы

Грозной силой на поле боя в годы Великой Отечественной войны была артиллерия. Артиллеристы играли решающую роль как в атаке, так и в обороне.

В боях при форсировании Днепра отличился командир орудия 185-го гвардейского артиллерийского полка гвардии старший сержант **Бессонов Дмитрий Тарасович**, призванный Белозерским РВК.

В октябре 1943 года он переправился со своим орудием на правый берег Днепра и встал на прямую наводку на подступах к укрепленному пункту немцев – селу Башмачка. После артподготовки наша пехота пошла в атаку. Противник открыл по ней сильный пулемётный огонь, что принудило пехоту залечь. Бессонов, рискуя жизнью, поднял свой расчёт и под непрерывным обстрелом противника своим орудием уничтожил 6 станковых пулемётов и беглым огнём разбил 4 дзота противника с засевшими в них автоматчиками. Когда немцы пустили в контратаку 6 танков и до полка пехоты, бесстрашный командир метким огнём своего орудия лично подбил два танка и уничтожил до 100 немецких солдат. Контратака была отбита. Пехота стремительным броском овладела селом Башмачка. Гвардии старший сержант Бессонов награждён орденом Красного Знамени (6.04.1944).

Уроженец Юргамышского района командир батареи 575-го артиллерийского полка лейтенант **Бахматов Павел Никифорович** в апреле 1945 года одним из первых форсировал реку Ост-Одер. Во время переправы противник открыл мощный артиллерийский огонь, и лодка, в которой находился Бахматов, повреждённая осколком снаряда, затонула. Бахматов с телефонным проводом добрался до берега вплавь, быстро оборудовал НП, корректировал огнём своей батареи, отражая ожесточённые контратаки противника. За день боёв им были отбиты четыре вражеские контратаки. При этом уничтожено 3 станковых, 5 ручных пулемётов и до 100 немецких солдат и офицеров. Награждён орденом Красного Знамени (5.06.1945).

Уроженец Усть-Уйского района командир орудия 43-го гвардейского артиллерийского полка гвардии сержант **Захаров Яков Фёдорович** озарил свой боевой путь доблестью и героизмом. На его счету было 8 подбитых танков, 8 бронетранспортёров, 35 уничтоженных огневых точек и до взвода пехоты противника.

В январе 1945 года на западном берегу реки Одер орудие Захарова отражало контратаки танков и пехоты противника. От вражеского огня был выведен из строя наводчик. Захаров встал за панораму орудия. Подпустив головной танк на 200 метров, он открыл огонь, и от первых выстрелов танк загорелся. Но танки противника продолжали наступать. Захаров, действуя за наводчика и заряжающего, метким выстрелом лишил второй вражеский танк ствола орудия. Танки были вынуждены повернуть назад, но пехота продолжала наступать. Когда закончились снаряды, Захаров лёг за пулемёт и очередями посылал свинец на головы фашистов. Он был ранен, но продолжал вести огонь до тех пор, пока не была ликвидирована опасность. Награждён орденом Красного Знамени (28.03.1945).

Дважды был представлен к званию Героя Советского Союза командир батареи артиллерийского дивизиона гвардии младший лейтенант **Харди-ков Яков Давыдович**, призванный Курганским РВК. За мужество, стойкость и отвагу, проявленные при освобождении города Каменец-Подольска, ему присвоено звание Героя Советского Союза. А в июле 1945 года командир 29-й Унечской мотострелковой бригады представил Хардикова к вторичному присвоению высокого звания.

В боях на Львовском направлении артиллерийская батарея под командованием Хардикова показала исключительную слаженность, высокое военное мастерство и самоотверженность. В первый день боёв в городе Львове батарея уничтожила 4 танка, 2 пушки, 4 крупнокалиберных пулемёта, 28 станковых пулемётов и разгромила 2 роты пехоты противника. Во время боёв во Львове выбыл из строя весь расчёт орудия, а немецкие танки перешли в контратаку. Хардиков лично из орудия прямой наводкой уничтожил 2 танка и взвод немецких солдат и офицеров, не позволив противнику продвинуться вперёд. В этом бою он был ранен и тяжело контужен. Награждён орденом Красного Знамени (13.08.1944).

Танкисты

Одним из символом Победы стал танк «Т-34». Советские танки сыграли решающую роль в Великой Отечественной войне. Их применение повлияло на ход многих сражений – от обороны до контрнаступлений.

Механик-водитель танка «Т-34» гвардии старший сержант **Терентьев Александр Петрович**, призванный Курганским РВК, проявил себя исключительным мастером вождения боевой машины. Вместе с экипажем он прошёл с боями тысячи километров, участвовал в десятках атак, освободил Львов, форсировал Вислу, освобождал польские города Сташув и Шидлув. Его экипаж уничтожил до 30 автомашин с военными грузами, до 200 немецких солдат и офицеров, захватил 10 автомашин, 4 бронетранспортёра, 9 миномётных батарей, 6 пушек.

В марте 1945 года танк был поставлен для прикрытия единственной свободной дороги из Лаубана, где наши части вели тяжёлые бои. Противник несколько раз пытался перерезать дорогу, пустив на этом участке отборные части. Терентьев самоотверженно выполнял задачу, отбивая в неравном бою все атаки противника. За день боёв он подбил 3 танка, самоходку, 2 бронетранспортёра, уничтожил до 100 солдат и офицеров противника. До последнего дыхания в горящем танке он отбивал вражеские атаки. В этом бою Терентьев погиб геройской смертью, но не дал противнику перерезать дорогу, чем обеспечил свободный выход наших частей из Лаубана. Награждён орденом Отечественной войны I степени, посмертно (13.04.1945).

17 марта 1945 года танк, механиком-водителем которого был уроженец Каргапольского района гвардии лейтенант **Востряков Афанасий Макарович**, пошёл в атаку с задачей овладеть деревней Хекендорф Померанской провинции Германии. Преодолевая упорное сопротивление противника, умело маневрируя танком среди складок местности, узких улиц деревни, громя и круша огневые точки противника, тяжёлый танк, ведомый Востряковым, впереди всех прорвался в центр населённого пункта. Сильным огнём противника пехота была задержана около деревни, танки роты выведены из строя. Был подбит танк Вострякова, а два члена экипажа – командир орудия и заряжающий – выведены из строя. В подбитом танке, окружённом врагом, остались командир танка Грустнев и механик-водитель Востряков. Будучи раненым в правую руку, Востряков занял место заряжающего. Отстреливаясь от наседавших гитлеровцев из пулемётов и орудия, танкисты дождались наступления темноты, а затем исправили танк.

Умело маневрируя среди узких улиц, работая одновременно механиком-водителем и заряжающим, Востряков метко поражал выявляемые огневые точки и косил пулемётными очередями немцев, пытавшихся поджечь танк. Танкисты уничтожили 5 самоходных орудий, 3 пушки, 5 дзотов, 4 гнезда «фаустников» и до 75 солдат и офицеров противника. На следующий день немцы были выбиты из деревни, но продолжали сильный артил-

лерийский огонь по наступающим подразделениям. Не страшась этого, героический экипаж принялся эвакуировать из деревни подбитые танки своей роты. Из-под огня противника были эвакуированы все три подбитых танка. Награждён орденом Красного Знамени (11.04.1945).

В феврале 1945 года во время штурма крепости в городе Познань уроженец Варгашинского района сержант **Казанцев Александр Иванович**, будучи командиром башни танка «Т-34» в составе экипажа младшего лейтенанта Поглазова, действовал с исключительной смелостью и решительностью. Дерзко ворвавшись в оборону противника, ведя прицельный огонь по вражеским укреплениям, разбил 7 дзотов, 18 огневых точек, 4 орудия и до 100 солдат и офицеров противника.

Когда был ранен командир танка, Казанцев принял на себя команду, показал образцы мужества, отваги и тактического умения. Подойдя к непроходимому противотанковому рву, сделал смелый скрытный манёвр, нашёл проход и, поднявшись по крутому склону, стремительно ворвался в расположение вражеских войск, сея панику в их рядах и беспощадно уничтожая огнём и гусеницами танка живую силу и технику противника. При этом разбил 4 дота, подавил огонь 9 пушек, гусеницами танка раздавил 27 огневых точек, 3 зенитных орудия, 6 повозок с грузами, 9 автомашин и расстрелял до 70 солдат и офицеров противника. Награждён орденом Красного Знамени (28.02.1945).

Командир танковой роты уроженец Щучанского района гвардии капитан **Ваганов Александр Васильевич** воевал в составе 68-го гвардейского танкового полка прославленной в боях 1-й гвардейской танковой армии. Громил гитлеровцев на Курской дуге, на берегах Днепра, Западного Буга, Сана, Вислы, Одера, участвовал в штурме Берлина.

В июле 1944 года в районе Переспа, когда противник встретил наши танки организованным огнём, Ваганов пустил 3 танка в обход, а сам ударил в лоб противника. Тот, почувствовав себя окружённым, бросил технику и бежал с поля боя, оставив 2 танка, 3 орудия, 2 самоходки и более 75 погибших солдат и офицеров.

Далее Ваганов одним из первых форсировал реку Висла и преследовал противника до м. Богория, опередив на сутки все остальные части. В этих наступательных боях ротой Ваганова захвачено большое количество вражеской техники, уничтожено 9 танков, 5 бронетранспортёров, 7 самоходок, свыше 250 солдат и офицеров и 11 автомашин с пехотой. Командир танкового полка представил гвардии капитана Ваганова к званию Героя Советского Союза. Приказом Военного Совета 1-й гвардейской танковой армии он награждён орденом Александра Невского (23.08.1944).

В мае 1945 года за успешный рейд по тылам противника, позволивший отрезать пути отступления противника, захватить до 200 автомашин с боеприпасами, вывести из строя 3 штурмовых и 9 полевых орудий, взять в плен до двухсот солдат и офицеров противника, гвардии капитану Александру Васильевичу Ваганову присвоено звание Героя Советского Союза.

Сапёры

Ответственную работу по строительству войсковых и тыловых оборонительных рубежей, устройству различных заграждений, минированию и разминированию осуществляли инженерно-сапёрные подразделения.

В боях за город Сталинград уроженец Макушинского района командир отделения 41-го отдельного гвардейского сапёрного батальона гвардии сержант **Иванов Андрей Алексеевич** проявил мужество, героизм и отвагу. Лично блокировал 4 огневые точки противника, где уничтожил более 100 немцев. Под ожесточённым вражеским огнём установил 600 мин, чем способствовал успеху разгрома окружённой группировки под Сталинградом.

За время боёв от Сталинграда до Будапешта Иванов установил 9000 мин, на которых подорвались 12 танков, 6 транспортёров и до 150 солдат и офицеров противника. Сопровождая пехоту в опасных для жизни местах, разминировал 3000 мин противника, обеспечив продвижение частей дивизии. Награждён орденом Красного Знамени (13.02.1945).

Уроженец Шадринского района командир отделения 59-го отдельного сапёрного батальона гвардии младший сержант **Полев Александр Феоктистович** 22 июня 1944 года получил приказ – подорвать железнодорожный мост в районе станции Ловша, который находился под охраной противника. Подобрал себе помощника, Полев преодолел расстояние 12 километров и выполнил задание: в 17 часов 23 июня мост был взорван.

После форсирования на подручных средствах реки Западная Двина пехота закрепилась на западном берегу реки. Когда противник перешёл в контратаку, запас боеприпасов стал быстро таять. Полев получил приказ доставить боеприпасы оборонявшимся бойцам. С одним из сапёров они быстро соорудили плот и под огнём противника сделали 10 рейсов, переправив необходимое количество боеприпасов. Задание командира стрелковой части было героически выполнено. Награждён орденом Красного Знамени (18.07.1944).

Дважды был представлен к званию Героя Советского Союза командир взвода 285-го инженерно-сапёрного Кременецкого батальона лейтенант **Деревяженков Сергей Иванович**.

Выполняя задачу по переправке артиллерии на левый берег реки Висла, где закрепились наши стрелковые подразделения, он в течение ночи сделал семь рейсов на пароме, сооружённом из трёх лодок, переправив семь пушек. Выходивших из строя бойцов он заменял резервом. На четвёртом рейсе был ранен сам, но оставался на пароме. Благодаря исключительному героизму командира взвода и его бойцов приказ был выполнен. Этот подвиг отмечен орденом Красного Знамени (6.09.1944).

В период наступления войск армии на рубеже Ракув – Демено 11 января 1945 года ротой старшего лейтенанта Деревяженкова в течение ночи было извлечено до 3000 противотанковых и противопехотных мин и в образовавшиеся проходы были пропущены войска и боевая техника 389-й стрелковой дивизии и приданных частей, что обеспечило прорыв обороны противника.

28 января во время форсирования реки Одер Деревяженков, передвигаясь с передовым отрядом 389-й стрелковой дивизии, первым вышел на берег реки. Не имея табельных переправочных средств, лично на первой лодке высадил десант – усиленную стрелковую роту, чем обеспечил захват плацдарма на западном берегу реки. При переправе основных сил дивизии сел в лодку и перетянул трос, что решило успех переправы войск дивизии на западный берег реки и захвата плацдарма. За исключительные заслуги по переправе войск на западный берег реки Одер Сергей Иванович

награждён орденом Богдана Хмельницкого III степени (11.04.1945). После войны жил в Белозерском районе Курганской области.

Помощник командира инженерно-минного взвода 2-й гвардейской механизированной бригады гвардии старший сержант **Дмитриев Савелий Матвеевич**, призванный Шатровским РВК, отличился при штурме Вены. По приказу командования он во главе группы сапёров под покровом ночи обеспечил сохранение моста через Дунай. Все подступы к мосту находились под сильным артиллерийским и ружейно-пулемётным огнём противника, а сам мост охранялся большой группой автоматчиков. Сапёры провалились через вражескую оборону, по фермам моста добрались до его середины и перерезали провода заминированного моста, а взрывчатые вещества в количестве 35 зарядов сбросили в воду. При этом Дмитриев был ранен. Мост был сохранён. Части Советской Армии стремительной атакой опрокинули противника и, пользуясь сохранённым мостом, преследовали его на левом берегу Дуная. Гвардии старший сержант Дмитриев награждён орденом Отечественной войны I степени (4.05.1945).

Связисты

Почётную и ответственную работу в годы войны выполняли связисты. От неё зависели быстрота и своевременность передачи донесений, распоряжений, приказов и команд, наибольшая потребность в которых возникала именно в условиях напряжённого боя, особенно в критических ситуациях.

Во время ожесточённых боёв на западном берегу Днепра личный героизм проявил командир отделения связи управления 2-го дивизиона 1-го гвардейского артиллерийского полка гвардии старший сержант **Дьячков Павел Ильич**, призванный Каргапольским РВК. 3 октября 1943 года при наступлении нашей пехоты на деревню Губин он под ураганным миномётным и ружейно-пулемётным огнём проложил связь. Миномётным огнём противника связь была перебита в четырёх местах, а на одном участке концы были раскинuty в разные стороны. Дьячков, стащив концы, упал, схватил концы руками, пустив ток через собственное тело. Благодаря этому связь работала в течение трёх часов, дав возможность вести огонь по контратакующему противнику. При этом были уничтожены 2 миномётные батареи, 2 пулемётных гнезда, до двух рот вражеской пехоты. Контратака была отбита. Дьячков награждён орденом Красного Знамени (20.01.1944).

Связист взвода связи 447-го стрелкового полка ефрейтор **Хайсаров Зилифудин**, призванный Щучанским РВК, в ночь на 17 апреля 1945 года под сильным артиллерийским и миномётным огнём переправился на западный берег реки Одер и первым во всей дивизии дал связь командиру полка с небольшой группой, действовавшей на западном берегу реки. Во время отражения вражеских контратак корректировал артиллерийским огнём. Когда противник подполз к нему до 50 метров, он взял в руки автомат и отражал вражеские атаки. При этом уничтожил до 10 гитлеровцев. Бесперебойное обеспечение командира полка связью дало возможность быстро расширить плацдарм. Ефрейтор Хайсаров награждён орденом Отечественной войны I степени (3.06.1945).

Командир отделения связи 862-го стрелкового полка 197-й стрелковой дивизии сержант **Преминин Георгий Васильевич**, призванный Катайским РВК, отличился при форсировании Вислы и освобождении Польши. 31 июля 1944 года под ураганным огнём противника он навёл телефонную связь через реку Висла. Советские войска вели бои за переправу и плацдарм на левом берегу реки, при этом связь непрерывно рвалась. Преминин 23 раза переплывал Вислу и устранял один порыв за другим. С 31 июля

по 6 августа он устранил 47 порывов. Бойцы отбивали девятую яростную контратаку врага, когда произошёл новый порыв связи. Преминин под огнём в воде заменял контакт связи. Забрав в руки два конца провода, он заменил своим телом метр кабеля. Полтора часа провёл он в воде, обеспечивая командирам возможность руководить боем. Контратака была отбита, рубеж удержан.

7 августа 1944 года сержант Преминин погиб при выполнении боевого задания. Награждён орденом Отечественной войны I степени, посмертно (04.06.1945).

Разведчики

В период войны разведчики провели тысячи разведывательных операций, взяли в плен большое количество вражеских солдат и офицеров, добыли множество важных документов, что способствовало успешному ведению боевых действий.

Командир взвода пешей разведки 229-го стрелкового полка младший лейтенант **Нетунаев Анатолий Иванович**, призванный Катайским РВК, проявил себя исключительно смелым и храбрым разведчиком. При форсировании рек Десна, Днепр и Припять он первым с группой разведчиков перешёл эти водные рубежи, не имея никаких средств переправы. Под сильным огнём противника пробирался в тыл к врагу, выявлял силы и огневые средства, их расположение. В этих операциях разведки им взяты и доставлены в штаб полка 3 «языка». На подступах к реке Припять он с группой попал в сложную обстановку окружения, но в силу личной отваги и находчивости вышел с боем из окружения и привёл «языка».

В октябре 1943 года командование стрелкового полка представило младшего лейтенанта Нетунаева к присвоению звания Героя Советского Союза. Награждён орденом Красного Знамени (23.12.1943).

Второе представление Нетунаева к званию Героя Советского Союза состоялось в марте 1944 года.

4 марта 1944 года под его руководством были взяты в плен и доставлены в штаб полка 33 немецких солдата.

7 марта Нетунаев с группой бойцов разведал железную дорогу, идущую с Проскурова на Тернополь, и дал точные сведения о расположении противника. Когда подошли батальоны, он с группой разведчиков перерезал железнодорожный путь и вступил в бой с противником.

15 марта 1944 года, находясь в разведке в городе Скалат, он заметил скопление живой силы и техники противника, которое сосредоточивалось для контрнаступления на наши подразделения. Разгадав замысел врага, он доложил об этом командованию полка, а сам с группой разведчиков зашёл на правый фланг и открыл огонь по вражеской пехоте. В результате противник, опасаясь флангового удара, поспешно отошёл на исходные позиции. Контратака была предотвращена. В этом бою младший лейтенант Нетунаев пал смертью храбрых. Командование 23-го стрелкового корпуса наградило Нетунаева орденом Отечественной войны I степени, посмертно (5.04.1944).

Командир 73-й отдельной гвардейской разведывательной роты 75-й гвардейской стрелковой дивизии гвардии капитан **Шварев Николай Евграфович**, призванный Глядянским РВК, отличился при разгроме врага в Германии. В апреле 1945 года он со своей ротой переправился на западный берег реки Одер, с хода ворвался во вражеские траншеи. В течение суток, принимая основной удар на своё подразделение, он отбил 6 контр-

атак противника. Рота, действуя малыми группами, метр за метром расширяла плацдарм.

Ведя бои, Шварев вскрывал систему обороны противника, чем способствовал разгадыванию его замыслов. За день боёв рота уничтожила свыше 100 солдат и офицеров, захватила 2 пулемёта, 3 пушки, 30 «панцерфаустов», несколько автоматов и этим оружием вела бой. Шварев своим мужеством и отвагой воодушевлял бойцов, лично убил 8 гитлеровцев. Измотав силы противника, Шварев поднял роту в атаку, занял несколько домов, а затем вместе со стрелковыми подразделениями овладел населённым пунктом Ной-Глитцен. Награждён орденом Красного Знамени (3.06.1945).

Заместитель начальника штаба по разведке 2-й механизированной бригады 5-го механизированного корпуса капитан **Плотников Дмитрий Павлович** проявил отвагу и воинское мастерство в марте 1944 года при форсировании реки Днестр. С группой бойцов он раздобыл рыбацкую лодку и скрытно переправился через реку. Закрепив трос на западном берегу, обеспечил за ночь ещё несколько рейсов. Возглавив группу из 12 бойцов, Плотников скрытно подобрался и внезапным броском захватил укрепленную позицию немцев на господствующей возвышенности. Несколько часов он и его группа отбивали вражеские контратаки огнём своего и трофейного оружия и смогли продержаться до прибытия мотострелкового батальона. Захваченный плацдарм в районе города Могилёв-Подольский Винницкой области был удержан, и на него началась переправа частей 5-го механизированного корпуса 6-й танковой армии 2-го Украинского фронта. Темп стремительного наступления советских войск был сохранён.

За этот подвиг Плотников был представлен к присвоению звания Героя Советского Союза, но вышестоящее командование не поддержало представление, наградив его орденом Красного Знамени (1.04.1944).

Работая военным комиссаром Курганской области с 1967 по 1973 годы, Дмитрий Павлович много сделал по улучшению деятельности районных и городских военкоматов.

В мае 1996 года, накануне Дня Победы, в центральных газетах был опубликован Указ Президента страны о присвоении полковнику в отставке Плотникову Дмитрию Павловичу звания Героя Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Рамки очерка не позволили рассказать обо всех известных зауральских фронтовиках, представленных к званию Героя Советского Союза. Между тем за каждым именем – реальные подвиги, которые вызывают уважение и восхищение силой духа и готовностью наших земляков к самопожертвованию. Все они нашли достойное место на сайте «Лица Зауралья» – в разделах «Военачальники», «Герои Советского Союза», «Орденосносцы», в электронном календаре «Подвиг во имя Победы». Только календарь «Подвиг во имя Победы» уже вмещает более 4 тысяч героических эпизодов. По сути, на сайте создана энциклопедия подвига зауральцев в Великой Отечественной войне.

Король московских журналистов

Редакторы, военные корреспонденты, репортёры, вся газетная братия в 1930–1940 гг. называла «королём московских журналистов» Лазаря Константиновича Бронтмана, который свои юношеские годы провёл в городе Кургане. Я решила поинтересоваться, что же пишет о нём Википедия, – и узнала, что Лазарь родился под Курганом, в деревне Мало-Чаусово, в 1905 г. Это является какой-то выдумкой.

Историю семейства Бронтманов можно проследить с 1902 г. Уроженец Кишинёва Хацкель Гершевич Бронтман – по профессии маляр и «живописец вывесок» – проживал в Одессе и входил в «Южную революционную группу социал-демократов». Здесь он получил кличку Константин и впоследствии звался Константин Григорьевич. В эту же группу входила работница конфетной фабрики Чарна Алтеровна Чичельницкая. Молодые люди вели подпольные кружки, разбрасывали листовки, участвовали в демонстрациях и оба были арестованы в 1902 г. Чарну отпустили под надзор полиции, а Константина 9 июля 1903 г. приговорили к 6 годам ссылки в Якутскую губернию. Потом срок ссылки был увеличен. Чарна, как верная жена, добровольно последовала за мужем.

Бронтманы прибыли в Якутск 31 марта 1904 г. За время ссылки они переменили несколько мест пребывания, и дети их родились в разных местах. Старший сын Лазарь в документах указывал, что родился 26 октября 1905 г. в Иркутске (возможно, имея в виду обобщённое название Иркутской губернии). Его брат Абрам родился 26 декабря 1907 г., но место рождения установить не удалось; Александр родился в селе Каменке, Давид – в Тулуне.

Константин Григорьевич и жена его Чарна Алтеровна провели в сибирской ссылке 14 лет. В 1916 г. ссылка кончилась, и семья прибыла в Курган, где Константин Григорьевич активно включился в политическую жизнь. Курганский исследователь – краевед Николай Юрьевич Толстых опубликовал в газете «Новый мир» в марте 2008 г. статью «Один из троих», которая посвящена политической деятельности Константина Григорьевича. После приезда в наш город старшие сыновья были определены в учебные заведения. В августе 1916 г. Лазарь был принят во второй класс Высшего начального мужского училища. Указывалось, что ранее он обучался в Высшем начальном училище города Тулуна Иркутской губернии. Куда определили Абрама – не удалось найти, но в 1921 г. оба брата оказались студентами вновь открытого сельскохозяйственного техникума.

**ПОРТРЕТЫ
И СУДЬБЫ**

**Васильева
Александра Михайловна**

Историк-краевед, Заслуженный работник культуры Российской Федерации. Автор книг «Забывтый Курган» (1997), «Курганские хроники: 1662–2000» (2002), «Курганское купечество» в двух томах (2010), «Курган. Времена минувшие» (2013), «Курган. Так было» (2019), «Курган. Взгляд сквозь время» (2024), многочисленных публикаций в научных сборниках и периодической печати. Член редколлегии литературно-публицистического журнала «Тобол».

Здоровье Константина Григорьевича было подорвано годами ссылки и суровым климатом Сибири. Он умирает 26 марта 1918 г., по одним источникам – от порока сердца, по другим – от чахотки. После смерти отца Лазарь оказался старшим мужчиной в семье. Мать не могла работать, имея на руках маленьких детей, и летом в свободное от занятий время Лазарь работал. Состоял сотрудником уездного агентства «Губграмота» с 1 февраля по 5 мая 1920 г., 5 мая – перешёл во 2-й Белозерский райком партии, который выдал ему 12 августа 1920 г. удостоверение: *«Настоящим удостоверяется, что т. Лазарь Бронтман действительно состоял сотрудником райпарткома с 5 мая по 12 августа 1920 г. в качестве конторщика на жалование 1260 р. в месяц при четырёхчасовом рабочем дне. Вполне соответствовал своей должности и оставил службу добровольно»*. После этого месяц работал монтером при Воскресенском заводе, принадлежавшем ранее землевладельцу Геннадию Францевичу Шмурло. В 1921 г. Лазарь поступает в сельскохозяйственный техникум, расположенный как раз в бывшем имении Шмурло. При поступлении предъявляет справку: *«Дана настоящая Лазарю Бронтману в том, что он действительно обучался в шестом классе 1-й Советской школы 2-й ступени с 1 сентября по 1 ноября 1921 г. и выбыл из шестого класса вследствие расформирования школы»*. Годом позже в этот же техникум поступил Абрам. В 1922 г. Лазарь прослушал курсы электромонтеров при профтехшколе и был на практике по установлению освещения, телефонов, телеграфа и сигнализации.

Несмотря на тяжёлое материальное положение, Чарна приняла решение отпустить Лазаря на учёбу в Москву. 25 июля 1923 г. он пишет заявление в Бюро профсоюзов рабочих земли и леса, т. к. все студенты техникума были членами этого профсоюза:

«Желая получить высшее образование по специализации в области техники, прошу курганское уездное Бюро профсоюзов предоставить мне командировку в одно из Высших технических учебных заведений республики. Считаю нужным дополнить своё ходатайство некоторыми автобиографическими данными. Я сын рабочего, за свою революционную деятельность бывшего два раза в ссылке. Мой отец после февральской революции был амнистирован и был организатором курганского Совета рабочих и солдатских депутатов. В нём он был избран сначала секретарём, а потом заместителем председателя. В марте 1918 г. он умер от порока сердца. Кроме меня у моей матери ещё трое детей, все младше меня, которые находятся на её попечении и иждивении. В настоящее время у неё никаких средств к существованию не имеется, кроме пенсии, получаемой от райкасы. Самому мне уже с 14 лет пришлось служить, комбинируя службу с учением. Затем по окончании Курганского Высшего начального училища я поступил на электростанцию подённым рабочим. Проработав там около года, с уходом белых я остался без места. В конце 1919 г. мне удалось поступить в совнархоз. Затем я работал во втором райкоме РКП(б), откуда в конце 1920 г. перевёлся на электростанцию. В декабре 1921 г. я поступил в число

слушателей первого курса сельскохозяйственного техникума, где и пробыл до настоящего времени, окончив два основных курса подготовки, как общеобразовательных, так и специальных... В настоящее время я лишён всякой возможности самостоятельно продолжить своё образование в желаемом направлении и потому командировка Упрофбюро имеет громадное и решающее значение для всей моей будущей жизни». (Государственный архив социально-политической истории Курганской области) (ГАСПИКО). Ф.1. Оп.1. Д.126. Л.87) В своём заявлении он указывает адрес – Троицкий, 119.

Получив направление, Лазарь едет в Москву и поступает в электротехнический институт им. М. В. Ломоносова, который в 1924 г. был реорганизован в механический институт им. М. В. Ломоносова. Лазарь перешёл на учёбу в Высшее техническое училище (МВТУ им. Баумана).

8 октября 1924 г. в стипендиальную комиссию МВТУ поступает обращение: *«Общество политаторжан и ссыльнопоселенцев обращается с просьбой о назначении госстипендии Лазарю Константиновичу Бронтман, студенту 2-го курса, переведённого с электротехнического факультета Ломоносовского института. Лазарь Бронтман – сын умершего революционера-ссыльнопоселенца, мать его состоит пенсионеркой общества политаторжан».* Да и сам Лазарь старался что-то заработать, он увлёкся журналистикой, делал репортажи, был замечен и в 1926 г. получил удостоверение корреспондента газеты «Правда», подписанное секретарём газеты Марией Ильиничной Ульяновой. В январе 1926 г. уже наравне с корреспондентами других газет присутствовал на беседе с Анатолием Васильевичем Луначарским, с 1926 г. реферировал выступления Михаила Ивановича Калинина. В газете он проделал путь от ведения судебной хроники до освещения заседаний Правительства и Верховного Совета СССР, был человеком увлекающимся, разносторонним, с большим чувством юмора. Бронтман жил в самой гуще событий, для газеты писал очерки, репортажи, одних передовиц написал более 900! Недаром его звали «королём журналистов». Он освещал все знаменательные события в стране, принимал участие во многих экспедициях, описывал стройки, в том числе строительство московского метро. Благодаря своей известности и профессионализму решением правительственной комиссии Бронтман в составе узкой группы корреспондентов центральных газет был допущен в ближайшее окружение Сталина на всех официальных мероприятиях. Сталин знал и читал статьи Лазаря Константиновича.

В 1931 г. был реконструирован и введён в эксплуатацию завод АМО (завод имени И. А. Лихачёва), которому было присвоено имя Сталина. В 1933 г. Автодор выступил инициатором сверхдальнего пробега, чтобы изучить выносливость отечественных автомобилей в тяжелейших условиях. Это был самый опасный и самый невероятный автопробег Москва – Кара-Кум – Москва. Бронтман добился разрешения участвовать в экспедиции, которая взяла старт 6 июля 1933 г. от ворот завода им. Сталина и закончила пробег 30 сентября 1933 г. у этих же ворот.

В своих репортажах Лазарь Константинович писал: *«Жара доходила до 60 градусов. Температура кожаного сидения в кабине водителя грузовой машины «АМО» к трём часам дня достигала 77,8 градусов. Водитель, сидя как на сковородке, подкладывал под себя ватники...».*

Пустыня каждый день приносила всё новые испытания. Местные проводники часто искали дорогу, определяя по характеру песка и почвы, в какой части пустыни находится колонна. Иногда попадали в ловушки:

«Головная машина неожиданно встала. Тревога охватила колонну, и через полминуты, высыпав из кузовов, люди вцепились в машины. Жалобно взревели моторы, затряслись в лихорадке кузова. Что-то невидимое

и страшное, укывшееся под землёй, вцепилось в колёса грузовых машин и втягивало, всасывало их вместе со всем корпусом в вязкую трясику мокрого солончака... Под тонкой коркой почвы лежала зелёная, вязкая гипсовая масса. Машины, буксуя, погружались в трясику».

Напрягая последние силы, люди спасали машины, отдавая перегретым моторам свою воду. Норма воды была два литра в сутки. После пяти часов напряжённейшей работы без воды люди доходили до изнеможения, падали на песок с помутневшими глазами, с висками, в которых молотом стучала кровь... В редких колодцах вода часто оказывалась непригодной для питья. В жесточайших условиях 93 человека на 23 машинах преодолели 9400 километров. Зарождавшемуся Автопрому удалось доказать всему миру, что наши серийные автомобили не уступают западным аналогам. Трое из участников пробега были награждены орденами Ленина, остальные получили Почётные грамоты, нагрудные памятные знаки и кожаные пальто. Бронтман и Габриэль Эль-Регистан (тоже участник пробега) написали книгу про героических людей, покорявших пустыню, – «Москва – Кара-Кум – Москва».

Июньский пленум 15 июня 1931 г. принял решение о строительстве метрополитена в Москве. Куратором проекта по партийной части стал Лазарь Моисеевич Каганович. Строительство метро было объявлено ударной стройкой, и первая линия была готова уже в декабре 1934 г. Бронтман пишет в дневнике 23 января 1935 г.:

«Последние предпусковые дни метро. Сегодня вечером я поехал на станцию "Комсомольская площадь", чтобы дать небольшой очерк об опытном поезде метро. Стал ждать. Часов около десяти приехал Л. М. Каганович, с ним вместе Булганин, Хрущёв – в робе и ватнике – и Старостин. Каганович быстро осмотрел станцию, коротко одобрил и предложил поехать по опытной трассе. Каганович встал в кабине машиниста. Доехали до Красносельской. Осмотрел, одобрил, понравилась. Дальше поехал в вагоне. Осмотр длился два часа».

4 февраля по всей трассе прошёл первый испытательный поезд, 6 февраля прокатили депутатов. Эти первые пассажиры были делегатами 2-го съезда Советов и делегатами съезда колхозников-ударников. Для рядовых москвичей торжественное открытие метрополитена состоялось 15 мая 1935 г., ему было присвоено имя Л. М. Кагановича, которое сохранялось до 1955 г. Для газеты «Правда» Бронтман писал репортажи о первых днях работы метрополитена.

6 июля 1935 г. ледокол «Садко» начал первую советскую арктическую высокоширотную экспедицию в целях исследования глубоководных районов арктического бассейна. К плаванию были допущены два спецкорреспондента: от газеты «Известия» – Эзра Виленский и от газеты «Правда» – Лазарь Бронтман. Все участники экспедиции вели дневники, журналисты ещё слали радиogramмы в свои газеты.

Дневник Бронтмана начат 6 июля 1935 г.: *«Два года назад, в этот же день 6 июля 1933 г. я начал Каракумский пробег и примерно в тот же час. Сегодня в 4 часа дня после митинга у переполненной пристани мы покинули Архангельск».*

Во время всей экспедиции Бронтман слал очерки и радиogramмы каждый день или через день. Жена сообщала: «Печатают всё. Хвалят».

Из сообщений Лазаря Константиновича можно было представить, чем занимается экспедиция. 3 августа: *«Вчера, второго августа, "Садко" вступил в бескрайние просторы Ледовитого океана. Он встретил нас суровым ветром, искристым льдом, туманными далями. Гренландское море осталось позади. Мы перечертили его пятью гидрологическими разрезами, сделали*

в его глубинах 30 замеров, всесторонне изучили воды, течение, рельеф дна, фауну, очертания береговой кромки льда, окаймляющего Гренландию. Собрано несколько сот проб воды, богатые коллекции планктона, ценнейшие образцы донных глубоководных животных...»

На следующий день Бронтман дополняет: *«Изучение Гренландского моря было одной из основных задач высокоширотной экспедиции. Оно представляет огромную чашу, где стекаются два великих океана – Атлантический и Северный Ледовитый; является мощными воротами Атлантики, ведущими в Полярный бассейн. Обмен обоих океанов может быть понятен и изучен только в Гренландском море».*

Своей жене Лазарь слал краткие отчёты: *«Вчера взвесился – в носках, холодном белье, синих брюках, казённом жёлтом свитере, тёплом кителе и жёлтых туфлях – 60 кг»*, или: *«Вечером пошёл к зубному врачу. Выдрал подряд четыре зуба. Впечатление среднее».*

Экспедиция завершила свою работу 27 сентября, собрав большой научный материал и открыв новый остров, названный в честь начальника экспедиции Г. А. Ушакова. После плавания Бронтман признался: *«Прodelав на корабле около 7000 миль по морям советской Арктики, я был пленён Севером и, буквально, тосковал по нему».*

Через два года Лазарю Константиновичу предстояла новая встреча с Севером. В феврале 1936 г. было принято правительственное Постановление организовать в 1937 г. экспедицию в район Северного полюса и доставить туда на самолётах оборудование научной станции и зимовщиков. Руководить экспедицией было поручено опытному полярнику Отто Юльевичу Шмидту. Началась тщательная подготовка четырёх четырёхмоторных самолётов, которые должны были перебросить на Северный полюс около десяти тонн различных грузов для научной станции. На случай вынужденной посадки все самолёты были ярко окрашены. Велась работа по экипировке участников экспедиции, выбиралось научное снаряжение станции, особое внимание уделялось питанию зимовщиков.

Через год, в марте 1937 г., экспедиция была готова к вылету. Бронтман писал: *«В предполётные дни был решён вопрос и о моём личном участии в экспедиции. Редакция "Правды" посылала меня в качестве своего специального корреспондента. Шмидт дал согласие и предложил мне лететь вместе с ним на одном самолёте. С огромной радостью отправлялся я в этот почётный поход. Беспокойная и живая профессия журналиста давно привила мне страсть к передвижению. Я летал на самолётах и дирижаблях, ездил на аэросанях и глассерах, участвовал в пробегах».*

Лететь до Северного полюса пришлось целых два месяца. 22 марта 1937 г. эскадра поднялась в воздух в Москве и в тот же день приземлилась в Архангельске, где задержалась на двадцать дней, ожидая лётную погоду. Туманы, ветра, низкая облачность заставляли самолёты и дальше пережидать погоду на материке и на островах. Только 21 мая самолёт Михаила Водопьянова высадил на полюсе первых 13 человек. Три самолёта с оставшимися членами экспедиции были задержаны погодой и прилетели на льдину 26 мая. Десять дней шла разгрузка самолётов, установка и оборудование палаток,

На Северном полюсе.
(В центре – О. Ю. Шмидт и И. Ф. Панин). 1937

настройка радиостанции, обследование льдины. 6 июня провели торжественный митинг, посвящённый официальному открытию станции «Северный полюс». Подняли флаг с гербом СССР, обнажив головы, спели «Интернационал», дали троекратный залп из винтовок и револьверов. Самолёты взяли курс на материк. Зимовщики Иван Дмитриевич Папанин, Эрнст Теодорович Кренкель, Пётр Петрович Ширшов и Евгений Константинович Фёдоров оставались на льдине.

Бронтман писал в дневнике: *«Москва сообщила, что ждёт эскадру 25 июня. Ровно в 5 часов дня самолёты должны были опуститься на бетонированное поле центрального аэродрома им. Фрунзе... Самолёты медленно кружили над восторженной столицей и, наконец, пошли на последнюю посадку. И незабываемая встреча! Круг завершён, экспедиция закончена. Автомобили подвезли нас к центральной трибуне. Мы увидели знакомые лица товарищей Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, членов правительства и ЦК ВКП (б). Участники экспедиции переходили из объятий в объятия, тов. Сталин и другие поздравляли, обнимали и целовали поочередно всех участников перелёта. Мы были взволнованы и потрясены необычайной встречей!».*

Потом был приём в Георгиевском зале. Когда Шмидт представлял Бронтмана, Сталин неожиданно сказал: «Я вас помню. Я читал ваш материал в “Правде”». Многие участники экспедиции были награждены, в том числе Лазарь Константинович получил орден Трудового Красного Знамени – один из высших орденов СССР. По итогам экспедиции Лазарь Константинович написал книгу «На вершине мира», которая была несколько раз переиздана не только в нашей стране, но также в США, Англии, Голландии, Чехословакии, Болгарии, Китае.

Крепкая дружба у Лазаря Константиновича сохранилась с полярным исследователем Иваном Дмитриевичем Папаниным, который бывал в его доме и однажды подарил огромную шкуру белого медведя, которая долгие годы висела в кабинете Бронтмана.

В 1939 г. Папанину было поручено возглавить экспедицию по вызволению ледокола «Георгий Седов» из ледового плена, который в 1937 г. продолжил работу предыдущих исследователей по изучению Арктики. 23 октября 1937 г. «Седов» был зажат льдами в море Лаптевых и лёг в дрейф, который продолжался 812 дней. Выручать «Седова» готовили ледокол «Иосиф Сталин», на который Папанин взял двух корреспондентов – Бронтмана и Виленского. Вышли из Мурманска 15 декабря 1939 г., 3 января 1940 г. в Гренландском море подошли к «Седову» на расстояние 25 миль, на эти мили было потрачено 10 дней. Пришлось закладывать в 2–3 метрах от корпуса заряды, взрывами разрушая пятиметровый лёд под кормой. 13 января встали рядом с «Седовым». Дрейф окончен. Седовцы вернулись на землю 29 января 1940 г. Была издана книга «Седовцы», один из авторов которой – Лазарь Константинович.

Большой любовью Бронтмана была авиация. Он знал всех лётчиков, авиаконструкторов, часто встречался с ними, писал о них замечательные статьи. Близко дружил с Валерием Чкаловым. Следил за перелётом через полюс Чкалова, Байдукова, Белякова. В его дневнике есть запись: *«Сегодня приле-*

*Среди участников экспедиции.
(Справа – И. Ф. Папанин.) 1937*

тели из Парижа на "АНТ-25" Чкалов, Байдук, Беляков. Встречал их. Вышли иностранцами – в шляпах, пальто, ботиночках, крахмальных воротничках. Летели с 17 декабря. Вечером Чкалов пригласил меня и Льва к нему. Приехали. Косой. Показывал вещички, потом позвал меня в соседнюю комнату, вызвал всех, снял с меня галстук и надел другой. "Долго думал, чем тебя порадовать. Не обессудь, если не уважил"».

Гибель Чкалова была личной трагедией Бронтмана. Об известном лётчике-испытателе Владимире Коккинаки он написал книгу. В дневниках Лазаря Константиновича можно найти историю лётных испытаний новых самолётов, о гибели лётчиков при испытаниях. Есть две записи о лётчиках, чьи имена связаны с Курганом. 1 октября 1939 г.: *«Вчера узнал тяжёлую весть. На Витебском аэродроме руливший самолёт разбил винтом голову Грицевцу. Получив звание дважды Героя, быть в опаснейших переделках и так глупо погибнуть! Нелепо до безобразия».* И запись 5 марта 1943 г.: *«Погиб дважды герой Григорий Кравченко. Был командиром дивизии истребителей. Кокки (Коккинаки. – А. В.) рассказал как было: полетел сам на операцию на "Ла-5". Подбили, загорелся. Выпрыгнул, парашют не раскрылся. Всё потом выяснилось, что пуля перебила стропы. Хоронили на Красной площади».*

Когда грянула война 1941 года, газета «Правда» с ходу перестроилась на военный лад. Штатский корреспондент Бронтман был назначен заместителем заведующего военным отделом. Ему присвоили воинское звание майора и выдали личное оружие, за ним закрепили машину «эмку» (советский серийный легковой автомобиль «ГАЗ-М-1»), на которой он выезжал на фронт. Он, конечно, видел себя корреспондентом в авиационных войсках, но пришлось ему в 1941–1942 гг. сидеть в отделе, и лишь с конца 1942 г. он стал получать спецкомандировки на фронт.

В первые дни войны перед газетой «Правда» встал вопрос эвакуации семей. И уже 7 июля на перрон Курского вокзала явилась тысяча детей и женщин, которые двумя эшелонами были отправлены в Горький, а оттуда пароходами в Васильсурск. В конце октября семьи были вывезены в Сибирь, в село Чернолучье, в 45 километрах от Омска. Железной дороги до Чернолучья не было, а навигация заканчивалась. Эвакуированных доставили по Иртышу последним рейсом в начале ноября. Пароход сквозь льдины подошёл к селу, и Иртыш в ту ночь стал. Прибывших расселили на территории бывшего Дома отдыха ЦК. Младший сын Бронтмана там чуть не умер от коклюша. Старший сын Ростислав вспоминал: *«В эвакуации наши матери, обеспечивая жизнь лагеря в несколько сотен семей, работали с утра до вечера, ведя занятия в организованной школе, на кухне и в столовой, на дровяном складе, экспедиторами, грузчиками и истопниками».*

15 октября 1941 г. редактор «Правды» получил указание произвести немедленно, в тот же день, эвакуацию редакции в Куйбышев, сохранив в Москве лишь небольшую оперативную группу. В редакции было введено казарменное положение. Бронтман переселился в кабинет военного отдела. 4 ноября 1941 г., в дни наибольшего напряжения под Москвой, партийное собрание «Правды» приняло его из кандидатов в члены ВКП(б). Лазарь Константинович писал передовицы, очерки, брал интервью у лётчиков, которые прилетали в Москву, принимал корреспонденции с фронтов и срочно ставил их в номер. В 1942 г. выезжал в действующую армию на два месяца, с весны 1943 г. начались его регулярные, частые и продолжительные поездки на фронт на два–четыре месяца. С тех пор он циркулирует между фронтом и редакцией.

Приказом от 22 сентября 1944 г. Бронтман был награждён орденом Красного Знамени за освещение действия войск по форсированию Днепра и освобождению Киева. Ни разу не был ранен, хотя бывал под бомбёжками

и под обстрелом. В конце войны, по настоянию главного редактора газеты, который ориентировался на усиливающийся антисемитизм, Бронтман стал писать под псевдонимом Лев Огнёв. 23 сентября 1945 г. вышел 10 000-й номер «Правды». Указом от 23 сентбря 1945 г. газета награждена орденом Ленина, сотрудники получили награды разного достоинства. Лазарь Константинович получил орден Красной Звезды (Газ. «Правда». № 229. 24.09.1945.) После удачного интервью с Анастасом Микояном в мае 1945 г. ему было разрешено снова подписываться своим именем. 28 декабря 1945 г. Лазарь Константинович получил четвёртый орден. Он записывает в дневнике: *«Сегодня в Кремле М. И. Калинин вручал ордена полярникам. Вручил и мне Звезду. Орден я обмыл коньяком и водкой "Охотничьей". Вечером Папанин позвонил мне домой»*. Кроме орденов у Бронтмана были медали. 2 июля 1944 г. он получил медаль «За оборону Москвы». На всю Москву отчеканили 300 таких медалей. 18 сентября 1945 г. генерал Галактионов вручил Бронтману медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг». В 1948 г. он получил юбилейную медаль 30 лет Советской армии и флота».

После войны Бронтман был назначен заведовать информационным отделом «Правды», много писал передовиц, готовил целые полосы, читал лекции для слушателей Высшей дипломатической школы МИДа и для Высшей партийной школы. Был членом кафедры журналистики ВПШ (Высшая партийная школа). 17 марта 1947 г. подал заявление в Союз писателей и в декабре 1947 г. был принят в члены Союза писателей. Он планировал написать книгу об опыте военных корреспондентов «Правды». Были и другие задумки.

Из дневника: *«Задумал книжку "У последних параллелей" – цикл очерков из трёх экспедиций "Садко", полюс и вывод "Седова". А после этого надо сесть за книжку "Они говорили". Хорошо бы в ближайшие 3–5 лет дать ещё книжку "Лётные встречи". Тогда на покое можно будет засесть и за "Встречи журналиста". Это должно быть итогом моей журналистской деятельности. Задумал я её лет 15 назад. В дальнем плане – за все годы газетного творчества»*.

Всем этим планам не суждено было сбыться. В 1949 г. Лазарь Константинович, как и многие его коллеги, был осуждён «за грубые политические ошибки», а именно за дружбу с космополитами, прежде всего с врачами. Он лишился работы – а был четырежды орденоносцем. Имел ордена Трудового Красного Знамени, Красного Знамени и два ордена Красной Звезды. Редактор журнала «Знамя», друг Вадим Кожевников, взял его в журнал на редакторскую работу, но печататься там Бронтман уже не мог – он заболел. Иван Папанин и друзья-лётчики устраивали его в лучшие больницы и санатории, материально помогали семье. Победить болезнь не удалось. 4 декабря 1953 г. Лазарь Константинович скончался от рака лёгких.

В ЦК было получено разрешение на похороны на Новодевичьем кладбище. «Правда» взяла на себя организацию всех ритуальных мероприятий. Траурный митинг состоялся в Доме культуры газеты. Проститься пришли почти все лётчики, писатели, журналисты, сотрудники редакции и типографии. Некролог опубликовали «Литературная газета» и «Вечерняя Москва».

Валерий ПОРТНЯГИН

**Только о любви
(из будущей книги «Избранное»)**

Пасха

Спаситель наш, наш всемогущий Бог!
Так слышу я и мыслью уповаю
на силу, воскресающую вдох,
на всё, что плоть души, её издох,
и, посвящённый в них, не унываю.

Так кто же я тогда пред дуновеньем
божественным в том световом столбе,
который я назвал бы вдохновеньем,
когда б не уносимая мгновеньем
грусть зыбкая любви моей к тебе?

Катулл

*Odi et amo*⁶.

Гай Валерий Катулл, I век до н. э.

Как я люблю! Как ненавижу!
Одновременность этих чувств
как будто бы в упор не вижу,
и тяжёлый мой сердечный груз.

И кажется, что для меня такого
никто в любви не испытал,
но... было в Древнем Риме слово:
«Odi – amo», – Катулл писал.

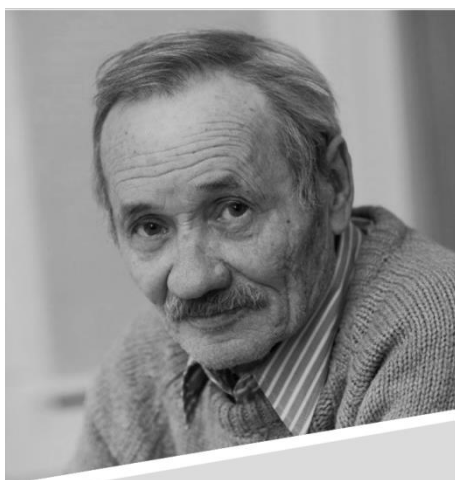
Страстей непонятых примеры
напомнил давний тёзка вновь,
чтоб знать, что и до нашей эры
была несчастною любовь.

Отражение

Ты – будто я, но в странном отражении,
где в разногласиях чудится разлука.
Не напророчь, душа, молчи, ни звука!
Умерь, поэт, своё воображение.

Пораниться не мудрено любя,
я псом залёг, зализывая рану, –
считаю отражение наше странным,
не представляя жизни без тебя.

ПОЭЗИЯ

**Портнягин
Валерий Иванович**

Член Союза журналистов и Союза писателей России. Родился в 1946 г. в Кургане, и теперь вся его творческая деятельность связана с этим городом.

Более известен как журналист. Работал в курганских газетах «Молодой ленинец», «Советское Зауралье», «Зауралье» (редактор в 2000–2003 гг.), «Новый мир». Пресс-секретарь мэра г. Кургана в 1997–2000 гг. Один из основателей газеты «Курган и курганцы», её главный редактор с 1991 по 1997 и повторно – с 2015 по 2018 год. Печатался практически во всех СМИ Зауралья, в газетах Екатеринбург, Москвы, Хабаровска, Омска, а также в Германии (ГДР), Болгарии, Украине, Казахстане, Монголии. Тесно сотрудничал с «Комсомольской правдой» и ИТАР-ТАСС. Лауреат многих журналистских премий, обладатель знака «Золотая акула» как лучший журналист Урала (2005). Как писатель, является автором книг «Провинциальный летописец и другие» (Курган, 2011), «Словарный запас» (2016), «Сомнения» (Санкт-Петербург, 2021) и нескольких документальных книг и сборников, изданных в Москве, Екатеринбурге, Тобольске и, конечно же, Кургане. Редактировал альманах «Тобол» в 2022–2024 гг. на сайте Курганского Союза журналистов, вёл проект «Литературная среда с Валерием Портнягиным».

⁶ Odi et amo (лат.) — ненавижу и люблю.

Свет темноты

Гляжу в твои глаза и вижу свет,
из глубины идущий, он прекрасен.
И если я свечусь тебе в ответ –
его исток для нас обоих ясен.

О, Господи, как хорошо смотреть
в такую глубь, где вечер голубиный
весь обмер и глядит в мои глубины,
и мы согласны темноту терпеть.

Мост

Опять меня напрасно ищет мать,
я на мосту любви, над бездной.
Её мольбы сегодня бесполезны –
Мост без опор. Не надо меня звать...

Рождение хрипа

Вечерние сумерки страстью закручены,
а мы в непогоду любить не обучены.
Представь, как бессильно сегодня хриплю,
чтоб слышала ты, как я сильно люблю.

Сонет про дуэт

Солнце всходит на востоке,
птицы к северу летят,
я пришел на караоке
сорок восемь лет назад.

Был загадочен и молод,
ты стройна во цвете лет,
но рубашки тесен ворот –
не случился наш дуэт.

Песня сложится позднее,
Через сорок восемь лет.
А сейчас мы что имеем?
Это соло – не дуэт.

Помню твой прощальный взгляд,
Птицы снова к нам летят...

Диана-охотница

Охотница Диана,
презревшая диваны,
покинув свой топчан,
лук, стрелы и колчан
взяла – и на охоту,
как будто на работу,
влетела в город мой
с заряженной стрелой.

Стрела её незряча,
летает наудачу
и рвётся в ожидании
смертельного свидания.
И вот она пронзает
того, кого не знает.
Спасенья не проси –
ты умер от любви!

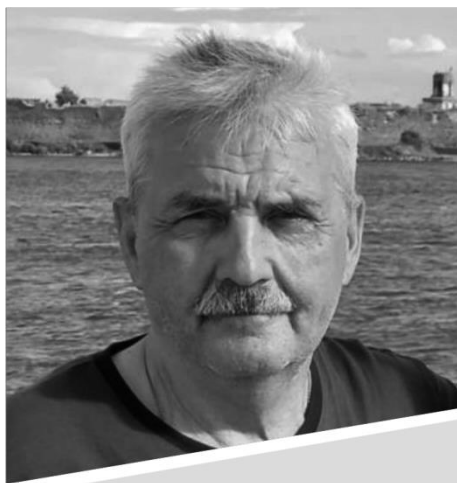
Встреча выпускников

Время летит по орбитам планеты,
Космос глубинный приблизив к Земле.
Школьный учитель

вновь ждёт с нетерпением
Первой субботы зимой, в феврале.
Снова придут они, сядут за парты.
Трудно ей будет детьми их назвать:
Кто-то седым стал, кто-то в морщинах –
Школьный учитель их сможет узнать.
Будут искать они в классном альбоме
Старые фото с печалью у глаз.
Скажут: «Большое спасибо, учитель,
Просто за то, что вы были у нас».
В вальсе закружатся взрослые люди.
Бабушки, дедушки стали они...
Только сегодня они снова дети,
Добрый учитель, ты их не брани.
Взрослыми будут они только завтра,
Завтра их встретят заботы, дела.
Вы их вернули в счастливое детство,
Ваша любовь их сюда привела.
Век двадцать первый

всё мчится куда-то!

Только учитель по-прежнему ждёт
Прежних ребят, что учил он когда-то, –
Вечер февральский их вновь соберёт.

**Карпунин
Андрей Аркадьевич**

Поэт. Родился в 1961 г. в селе Одино Мокроусовского района Курганской области. В 1972 г. семья переезжает в село Шмаково Кетовского района Курганской области. Здесь он и окончил среднюю школу. В 1979 г. был призван для прохождения воинской службы, по окончании которой вернулся на родину, поступил на учёбу в курганский сельскохозяйственный институт. В 1987 г. с дипломом «учёного-агронома» поступает на работу по специальности в «Курганский совхоз».

В 2017 г. написал стихи песни «Фестивальная», которая стала лауреатом и завоевала Гран-при на Всемирном Фестивале молодёжи и студентов.

Лушан
Сергей Владимирович

Родился 7 ноября 1983 года. Проживает в городе Воронеже. Окончил Воронежский институт высоких технологий (ВИВТ). Автор публикаций в журналах «Александръ», «Краснодар литературный», «Литкультпривет!», «Luterra», а также в альманахах: «Рукопись», «Георгиевская лента», «Вместе», «Венец поэзии», «Исеть». Участник XXX Пекинской международной книжной выставки – 2024.

В «Тоболе» публикуется впервые.

Малая родина

Малая Родина, здравствуй!
Много прошёл я дорог,
Чтобы сказала ты: «Царствуй!»
Солнцу в зените без ног.

Чтобы роняла лучами
Свет долгожданный. На крест.
Чтобы ласкала часами
Неба родимых мне мест.

Мест, где для взгляда просторы,
Храм золотит купола.
Чтобы на все косогоры
Радуга тушь пролила.

Пусть колокольным напевом
Радость порхает твоя
Между землёю и небом.
Царствуй, Россия моя!

Крым

Ах, Крым, ты – русская душа!
Ах, Крым, ты – русская свобода!
И пусть так долго, чуть дыша,
Мы ждали твоего прихода.

Прошли года – и вновь весна,
Что Русской позже назовётся.
От бед закроет, как стена,
И песней на душу прольётся.

Построен мост – он как скала.
И Крымским мы его назвали!
Разбилась о него волна,
А Родину враги не разорвали.

Ах, Крым, ты – русская душа!
Ах, Крым, ты – русская свобода!
Теперь с тобой мы не спеша
Готовимся для нового похода.

Макушка лета

Макушка лета пахнет сеном,
Когда в разгаре жаркий день.
Она томит горячим ветром,
За скирды лишь набросив тень.
В тени бутыль с холодным квасом:
В Ярилин день он – как ручей.
Скрипит арба осипшим басом,
Покос собрал на луг людей.
Макушка лета пахнет полем,
Когда подсолнух солнцу рад.
Его нектар все пчёлы роем
Уносят, звонко крыльям в лад.
Богат июль на колос спелый.
Горяч июль, как в бане пар.
Его смакуют месяц целый.
Макушка лета – Божий дар!

Закончилось лето

Мне слышится эхо где-то:
«Домой возвращаться пора».
Как быстро закончилось лето,
Уснуть бы теперь до утра.
А утром босыми ногами
По лугу до сонной реки.
Пойду я большими кругами,
Чтоб медленно тратить деньки.
Но дни пролетают мгновенно
Успеть бы деревню обнять.
Успеть бы друзей непременно,
Меня пригласить провожать.
Разлуки минуты наступят,
Приедет водитель в обед.
Бабуля с дедулей обступят,
Обнимут, окрестят мой след.

**Астафьева
Валентина Васильевна**

Окончила факультет иностранных языков КГПИ и юридический факультет УрАГС. Ветеран Таможенной службы и Службы судебных приставов. Параллельно в течение 25 лет преподавала в Курганском государственном университете и Курганском филиале РАНХиГС.

Член студии В. Ф. Потанина, Кетовского литературного объединения «Тобол», редакционного совета журнала «Родник». Номинант национальных конкурсов «Поэт года – 2017», «Писатель года – 2017», «Поэт года – 2019», «Георгиевская лента – 2020». Стихи и проза напечатаны в альманахах ООО «Издательство РСРП» в Москве. Награждена Российским союзом писателей медалью к 130-летию Анны Ахматовой.

Автор сборника стихов «Алая заря» (2020), сборника рассказов для детей «Жираф за печкой» (2021), сборника рассказов для взрослых «Инопланетянка» (2023).

С 2020 г. – автор публикаций в журналах «Родник» и «Тобол», Половинской газете «Вестник района», Кетовской районной газете, на электронных ресурсах «Стихи.ру» и «Проза.ру».

Мной пройдены ещё не все дороги...

Мной пройдены ещё не все дороги.
Хоть и не знаю, сколько впереди,
Шагаю через горы и пороги,
И сердце бьётся радостно в груди.

Иду вперёд – в закаты и рассветы,
Любуюсь яркой радугой небес.
В душе моей рождаются сонеты,
И вновь звучит прекрасный полонез.

Жизнь – Божий дар. И это – несомненно.
А потому нет повода грустить.
Обиды все, скажу вам откровенно,
Мне удалось простить и отпустить.

Теперь живу взахлёб и жизнь смакую.
Хмелею от неё, как от вина.
Бездумно больше жизнью не рискую,
Желая насладиться ей сполна!..

07.04.2024

Танцующий дождь

Причудлив дождь. Он состоит из струн,
Натянутых меж небом и землёю:
Дождь начался с вечернею зарёю,
Весь полон колдовства волшебных рун.

Звенели тонко струны. Дождь тугой
Неистово плясал по лужам на асфальте,
Как будто он возник из тропиков на
Мальте:

Вдруг небо треснуло и выгнулось дугой!

Дождь танцевал до самого утра!
Лишь на восходе он затих устало.
В одно мгновение очень тихо стало,
Как будто, кто-то выключил ветра.

И благодать в природе разлилась...
Земля парила под лучами солнца.
Один случайно заглянул в оконце,
И птичья трель тотчас же раздалась!

21.06.2024

Распустила волосы берёза

Позабыв про зимние морозы,
Шелестя листвою на ветру,
Распустила волосы берёза,
Заплетая косы поутру.

Вслушиваясь в тихий звук напева,
Под хрустальной утренней звездой
Изогнула стан свой, словно дева,
Наклонившись низко над водой.

Мелкой рябью на зеркальной глади
Отразился стройный силуэт:
Белый ствол, берёзовые пряди, –
Русский символ, что воспел поэт.

И стоит берёзонька, любуясь
Белым отражением в пруду.
Я к тебе, родимая, волнуясь,
Как обычно, под вечер приду.

Поделюсь с тобой теплом сердечным,
Расскажу про радость и беду,
И с душою лёгкою, беспечно,
По тропинке к дому побреду.

06.05.2024

Плачет дождь

Плачет дождь за окном,
И душа моя плачет.
Никому не дано
Время переиначить.

Что начертано там,
На небесных скрижалях,
Вопреки всем мечтам,
Растворится в печалях.

Судьбы – в Божьей руке.
Суждено – значит, будет.
Я плыву по реке
Утомительных буден.

Всё исполнится в срок,
Скрытый Промыслом Божьим.
Только смелый пророк
Приоткроет, возможно,

Этой тайны туман,
Чтоб исчезла тревога.
Ведь иллюзий дурман –
Нам подарок от Бога!

29.09.2024

Родная сторонушка

Хороша ты, родная сторонушка!
Перелески. Поля. Ковыли.
Купол неба высокий да солнышко,
Да меж ко́лков просёлки в пыли...
Робкий шёпот берёз за околицей,
Птичий гомон. Стон ветра в трубе.
И старушка, что плачет и молится
За детей, об их лучшей судьбе...
Облака над степными просторами.
Предра́ссветная трель соловья.
Синь небес над лесными озёрами
И земля, что исконно своя.
Слышу русские песни надрывные,
Слышу сладкую русскую речь,
Что мне предки (простые, наивные)
Завещали навеки сберечь!
Всё до боли знакомо и дорого!
Пред землёй не останусь в долгу:
Никогда не отдам в руки врага
То, что с детства в душе берегу!
01.04.2023

Сгустилось время

Сгустилось время. Стало плотным, вязким.
Единым целым стали звуки, краски.
И сгустком чувств и мыслей, и тревог
Вдруг покати́лось время за порог,
Как детский мяч. За ним мне не угнаться.
Хотя самой себе давно пора признаться:
Бегу за ним, стараясь не отстать.
Держу осанку, сохраняю стать.
Бегу я мимо скучных, серых буден.
Надеюсь, верю – счастье ещё будет.
Пусть за закатом вновь придёт рассвет:
Исчезнет тьма и будет жизни свет!
16.06.2024

Райский уголок

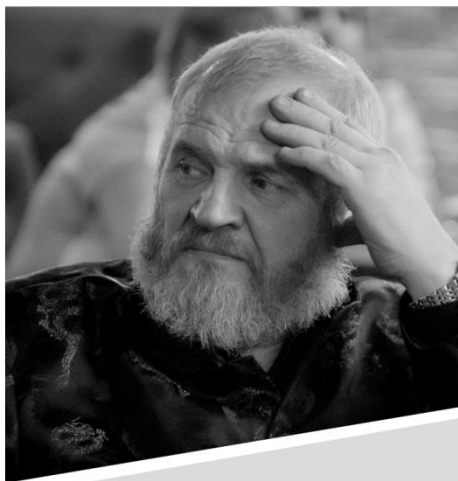
Мой райский уголок, моё гнездо,
Прекрасный город в Западной Сибири!
Его я знаю с детства, от и до:
От старых улочек и до Увальской шири.
Люблю свой дом. И город свой люблю.
И, где бы ни была, спешу вернуться.
Себя на этой мысли я ловлю,
Спешу скорей к ним сердцем прикоснуться.
Расти, **Курган!** Цвети и молодей!
И, созиданья новой силой гордый,
Ты наполняйся радостью людей
С характером, что по-сибирски твёрдый!
26.11.2023

Божественный орган

Душа людей – божественный орган.
В ней музыка Чайковского и Баха.
В ней красота Земли и разных стран,
Зов предков, начиная с Мономаха.
В ней звон колоколов Святой Руси
И скрип колёс минувшего столетья.
О, Боже! Нашу душу ты спаси!
Спаси народ твой в годы лихолетья!
21.03.2021

Победный май

Победный май шагает по планете.
Повсюду марши радостно звучат.
И только те, кого уж нет на свете,
Десятки лет в сырой земле лежат.
Полощет ветер красные знамёна,
Склонившись над могилами солдат –
Тех рядовых, чьи скромные погоны
Уже под солнцем больше не блестят,
Но всё равно они сегодня с нами,
И радуясь, глядят на нас с небес.
Святыми мы гордимся именами.
Из памяти их подвиг не исчез.
Мы славим всех, погибших за Победу,
И тех, кто выковал её в тылу.
Мы говорим: «Спасибо!» нашим дедам,
Отцам и мамам, павшим в ту войну...
09.05.2021

**Галямин
Александр Анатольевич**

Поэт, участник клуба «Приют поэтов» (Курган). Путешественник – по воде и по земле. Родился в 1960 г. в р. п. Аргаяш Челябинской обл. В 1961 г. семья переехала в Курган. В течение трёх лет жил в Китае, что оставило неизгладимый отпечаток на последующей жизни и творчестве.

Дожди за окном (Из Китайской тетради)

За окном идут дожди
на тридцатой параллели.
Осень, что ни говори,
но стоят в цвету деревья.
А на родине в Сибири
все листочки облетели,
И снежинки закружили,
и вот-вот пойдут метели.
Я от осени бежал,
за собой захлопнув дверцу,
В субтропический Жугао,
а она со мною в сердце.

На берегу Футами

*Может, некогда служил
Тушечницей этот камень?
Ямка в нём полна росы.
Басё*

На берегу Футами
Странный есть с виду камень:
Лунка на этом камне
Росою полна и стихами.
Мне кажется – я там был,
И тушь в эту лунку лил,
И, кисточкой в тушь макая,
Я жил здесь, стихи слагая.
Я ждал, когда друг придёт,
Окликнет меня «Сайгё!»,
И до глубокой осени
Мы пропадали в Ёсино.

Следы на воде

Плыву по реке,
Но вниз по течению.
Не взмахну веслом –
Не замутишь бы воды.
Будет ли след от меня?

Любуюсь пейзажами японских художников

Фудзи вершина,
Как прудовой улитке,
Мне недоступна.

Воспоминания в полнолуние

В разлуке нам быть
Теперь уже навсегда,
Но не позабыть –
Стражем воспоминаний
Оставила мне луну.

Ночная гостья

Четвёртый этаж –
Кто же смотрит в окно?
Да это Луна!

Ноябрь в Жугао

Тёплое солнце
Греет ладони мои.
А в сердце – зима.

Китайская ночь

Жёлтый лик луны
Заглянул в окно моё.
Ты не заглянешь...

Очень русское хокку

Я любви грабли
Положу в чулан тёмный.
Не наступить бы.
* * *

Незамеченным
Пробраться в чулан тёмный
Не получилось.

* * *

Спокойна ночь –
 осины лист не шелохнётся,
И никого вокруг,
 лишь грустный лик луны
На чёрной глади
 озера качнётся
Из-за невесть откуда
 взявшейся волны.
Наполню чашу
 одиночества до края,
Тоску свою
 излить бы мне кому.
Мне лишь луна
 печальная внимает
И смотрит молча
 в тёмную волну.
Так до утра
 мне горечь пить хмельную,
Печально слушать
 речь мою луне,
Что вдалеке
 я по тебе тоскую,
Но ближе ты
 уже не станешь мне.

* * *

Этой ночью луна приходила в мой дом
Через тонкую щель меж задёрнутых штор,
И коснулась руки серебристым лучом,
Еле слышно со мною вела разговор.
Я на луч зачарованно долго смотрела.
Он ладошку мою нежно так щекотал.
И казалось, луна что-то пела...
Будто целую вечность тот миг пролетал.
Этой ночью луна приходила в мой дом,
Пролила на меня свой божественный свет.
В целом мире мы были всего лишь вдвоём...
А о чём мы шептались с луною – секрет.
(В соавторстве с Верой Ильиных)

Открываю Виктора Потанина

Открываю Виктора Потанина,
Может быть, впервые для себя.
И, как будто первая проталина,
Что рассказ, то новая судьба.

Вроде всё как ситцевое полюшко,
Васильками вытканый узор.
А в войну – что ни семья, то горюшко,
Пашут бабы пахотный простор.

Ребятишкам было не до сладостей:
Ладно вот, картошка удалась.
Мать пришла с работы – вот и радости!
На неделю натуго впряглась.

Берега Тобольные – просторные,
Мирно плещет тихая вода.
И лесные тропочки узорные
Остаются в сердце навсегда.

И в начале каждого творения
Люди все – чужие для меня,
А в конце приходит вдруг прозрение,
Что герой-то – будто мне родня.

И уводят в дали-были повести
Авторского замысла слова.
А в душе – как очищение совести,
И при ней – народная молва.

**Морозовская
Елена Анатольевна**

Поэт, член Российского союза профессиональных литераторов. Родилась в городе Кургане в 1960 г. В 1983 г. окончила факультет русского языка и литературы Курганского государственного педагогического института. 13 лет прожила на Дальнем Востоке. 10 лет служила в рядах Советской армии на Тихоокеанском флоте старшим радиотелефонистом в звании сержанта. 24 года проработала воспитателем в детском саду. С 1996 г. живёт в Кургане. Автор поэтических сборников и публикаций в журналах «Сибирский край» и «Огни Зауралья».

В «Тоболе» публикуется впервые.

ПИСЬМА И МЕМУАРЫ

**Потанин
Виктор Фёдорович**

Писатель, член Высшего творческого совета при Союзе писателей России, член Приёмной коллегии Союза писателей России, Общественно-редакционного совета литературно-художественного журнала «Вертикаль XXI век», лауреат премий имени И. Бунина, В. Шукшина, Д. Мамина-Сибиряка и других. Его проза переведена на многие европейские языки и включена в школьные хрестоматии. Заслуженный работник культуры России, почётный гражданин города Кургана и Курганской области, делегат многих съездов Союза писателей СССР и России. Награждён орденом «Знак Почёта», орденом Дружбы, орденом Почёта. Всего им издано более 50 книг, общий тираж которых составляет около 7 миллионов экземпляров.

Виктор ПОТАНИН

Сокровенное (Из блокнота писателя)

Каждый писатель, и я не исключение, всегда ждёт писательских писем. В конце концов, ради этого и рождается наше слово – чтобы кто-то, услышав его, захотел поделиться своей болью и радостью, своими надеждами. Конечно, такие письма бывают самые разные, и среди них есть и требовательные письма, и просительные, есть и исповедальные. И этих последних в моей читательской почте значительно больше. Но почему? Да, наверное, потому, что проза моя – по преимуществу лирическая, то есть в самой этой прозе заложена исповедь с самым близким другом – с читателем. Да что говорить! Большинство моих книг так и строится – в форме монологов, признаний и даже писательских дневников. Но значит ли это, что я, как человек пишущий, а значит и неуверенный, постоянно мятущийся, сомневающийся, пытаюсь строить свои книги только в форме таких возвышенных монологов? Конечно же, нет! Ведь вокруг нас царствует во многом совершенно бытовая, обыденная жизнь, а всякие небесные ангелы и алые паруса являются к нам только во сне. И потому признаюсь – именно о такой обыденной жизни я и пытаюсь рассказать в своих последних книгах. А самая последняя из них – «Дневники и записные книжки». И я не ожидал, что она вызовет такое читательское внимание! И начались телефонные звонки и письма, очень много

писем. И среди этих посланий – вопросы, вопросы, очень много вопросов. Читатели спрашивают: «Чувствуете ли Вы себя счастливым человеком? Какие книги для Вас сегодня самые главные? Назовите своих любимых писателей». Или: «Кто из литературных критиков самым решительным образом повлиял на Вашу писательскую судьбу?». Из этой груды вопросов я выберу сейчас самые последние, потому что они ближе других соприкасаются с литературой. А среди самых любимых писателей я, как всегда, называю Валентина Распутина, Виктора Астафьева, Василия Шукшина, Василия Белова и Виктора Лихоносова... А из литературных критиков я бы назвал Юрия Селезнёва... Я поставил сейчас многоточие, потому что очень волнуюсь. А волнение – от того, что именно Юрия Селезнёва я считаю своим крёстным отцом, своим наставником и учителем. Что-то подобное я слышал однажды от Валентина Распутина, нашего замечательного писателя и классика на все времена. Но от чего такая любовь? Да от того, что этот литературный критик – мыслитель неоднократно утверждал, что в Слове русская душа нашла совершенное

воплощение. А сам характер русский постоянно напоминает как бы застывший кристалл или золотой самородок, в который навеки вкраплены многие главные приметы нашего национального духа, нашей христианской морали. И всё же кристалл этот, безусловно, живой, самодвижущийся, обладающий каким-то пронзительным матовым свечением, которое постоянно успокаивает нас и, если хотите, утешает. Так же утешают жития святых и молитвы, или вовремя совершённое родительское благословение или наши исповеди, произнесённые в минуты душевных порывов и откровений. Трудно мне что-либо добавить к этим мыслям – кроме разве одного, что этот человек в своё время с любовью отзывался о моих повестях «Пристань», «Над зыбкой», «Провинциальный человек»... Он не просто отзывался, а написал большие исследовательские статьи о моих первых литературных опытах. Конечно, это благословение открывало мне – провинциальному писателю из Кургана – дверь в большую русскую литературу. И этого я никогда не забуду и поэтому признаюсь – мне всегда хотелось рассказать о Ю. И. Селезнёве. Да, рассказать нашим читателям об этом удивительном человеке, которого уже нет на земле. Но зато он продолжает жить в нашем сердце...

Ю. И. Селезнёв

А с чего начать? Ведь любое начало, как говорят, это половина дела. И потому я начну с воспоминаний.

Недавно в своём Утятском я пережил одну чудесную встречу. Мне пришло в голову, что я снова учусь в своём незабвенном Литературном институте, а самое главное – что я снова молод, снова полон сил и желаний. Но это, конечно, не всё. Да, да... Самое чудесное – всё-таки то, что я увидел себя в большой комнате нашего общежития, а за столом сидел писатель Юрий Селезнёв. Это было почти как в кино: наше воображение порой вытворяет великие чудеса. Ну конечно, конечно... И потому я мучительно вглядывался в это дорогое до боли лицо, а какой-то голос во мне всё повторял: «Но как же, как же?.. Что за мираж? Ведь его уже нет на земле, а ты его видишь». И только прищурю глаза – а он снова рядом, рядом, можно ладонью дотронуться, можно даже о чём-то спросить. Но спросил первый он:

– Значит, условились? Я сейчас тебя буду экзаменовать... Выходит, обещанный роман ты так и не написал?

– Нет, нет... – залепетал я смущённо и опустил глаза.

– Плохо, милый, никуда не годится. Ты же обещал написать о своих сельских учителях. Это же кровь твоя, – неужели тебя не пугает?..

– А что должно напугать? – ответил я с вызовом, а он улыбнулся в ответ своей пронзительной детской улыбкой:

– Жизнь наша, пути наши должны напугать... – И вдруг добавил строго и наставительно: – Забывать мы стали своих пророков. Э-э, да что говорить. Вот прочти в моей будущей книге, как великий Фёдор Михайлович разговаривал с сырыми да убогими, как помогал им. Да, да... Часто последнюю денежку выложит, а что до чувств! – Он покачал головой. В его синих глазах мелькнула усталость. А может, печаль. И через секунду опять продолжал: – А учительство наше тоже сирое и убогое. Кто только над ним не командовал, кто только не обижал. Ты помоги ему распрямиться.

– Я? – вырвалось у меня с каким-то испугом.

– А кто же, если не ты! Нужно ставить перед собой большие задачи. Порой один бывает сильнее целой толпы. Наши великие это знали и потому шли на бой...

– И часто проигрывали.

– Ну-ну... – Он рассмеялся и потянулся за сигаретой. – Нам бы, милый, их поражения. Мелеют нынче не только моря, но и наши страницы... А я вот пишу сейчас, как Достоевский готовил своё слово о Пушкине. И ты знаешь... А, впрочем, говорить преждевременно. Примета худая.

И после этих слов он затих. И голова его, уже слегка поседевшая, как бы остановилась в пространстве, застыла. А потом пропало, смылось видение. И сколько бы я ни напрягал память, а больше вспомнить не мог ничего. Пропала и та наша комната, и тот разговор. Как это печально. Ведь мне о нём нужно было многое написать.

На днях пришло письмо из Краснодарского книжного издательства – с его родины, а в том письме: *«...выпускаем книгу воспоминаний о Юрии Ивановиче Селезнёве. Вы с ним много встречались, дружили, потому приглашаем участвовать в нашем сборнике...»*. Вот и все слова, а сколько забот они мне принесли, сколько волнений... Вот и тогда я сидел на крылечке своего деревенского домика, смотрел на закатное солнце и горевал. «О чём же писать и как выделить главное? О чём же, подскажите, посоветуйте?...» – умоляла кого-то душа. Но кто подскажет, да и нужны ли в этом деле советчики. И тогда я открыл его книгу «Достоевский», изданную в серии «ЖЗЛ». Открыл – и нашёл то место, где великий прозаик говорит о великом поэте:

«Голос его уже звенел в потрясённой тишине зала, время от времени взрывающейся овациями, и он продолжал:

– Да, Пушкин – истинно наш народный поэт, но и не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и в этом смысле он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо... ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своём развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески...

Жил бы Пушкин далее, – голос его снова опустился едва не до шёпота, – так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров... Но Бог судил иначе. Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унёс с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем, – почти экстатически закончил он.

Несколько мгновений зал пребывал ещё в каком-то онемении, которое прорвалось вдруг столь бурно, что вряд ли когда прежде Благородное собрание видело что-либо подобное.

– Пророк! Пророк! – раздавались крики. Славянофил Иван Аксаков и западник Тургенев бросились целовать Достоевского. В зале творилось невообразимое – люди плакали, обнимались, кто-то упал в обморок. Словно пусть на мгновение, но всё злое, недоброе, разделяющее людей отпало вдруг как скорлупа, и они обрадовались себе, новым, забытым, но мучившимся всегда в этой проклятой скорлупе и теперь ликующим от возможности быть самими собой. Рассказывали потом, что в эти минуты мирились, обнимая и целуя друг друга, даже старые враги: два известных Москве старика, о которых знали – лет уже двадцать слышать не могли один о другом без ссоры, – вдруг, не сговариваясь, бросились в объятия, сникли и заплакали, как малые дети, седые, беззащитные...

Следующим должен был выступать Иван Сергеевич Аксаков, его любили в Москве и встретили овацией.

– Я не могу говорить, – сказал он, – после речи Фёдора Михайловича Достоевского, этой гениальной речи, которая, конечно же, – историческое событие.

Объявили перерыв. К Достоевскому подходили, поздравляли, спрашивали о планах на будущее.

– Вот напишу ещё “Детей” после “Карамазовых” и умру, – отвечал спокойно, не рисуясь, как о деле давно решённом.

Вечером в гостинице только почувствовал, как он устал. Но не спалось, дневное потрясение от того впечатления, которое произвела его речь на присутствующих, всё ещё живо переживалось, и он снова оделся, взял с собой тяжёлый – дотащит ли? – венок, которым увенчали его сегодня. Нанял извозчика и по ночной Москве – прямо к Страстной площади, к Тверскому, туда, где теперь вечно будет стоять Пушкин, задумчиво склоняя голову, глядя на потомков своих:

– Здравствуй, племя младое...

Он положил свой венок к подножию памятника, снял шляпу, низко поклонился поэту. Улица была безлюдна, одиноко светили фонари, накрапывал лёгкий июньский дождь. Так он стоял, один и вместе с Пушкиным и, казалось, со всей вселенной, глядящей на него через разрывы неплотных и невидимых облачков таинственно мерцающими из её бесконечности мирами. Как знать, может, это и было то самое мгновение, которое, конечно, стоило всей жизни и, во всяком случае, ради которого стоило пройти через все её нелёгкие искушения, мытарства, обманы, насмешки?..»

Я закрыл книгу и стал молить снова кого-то, чтоб повторилось то виденье – та встреча в студенческом общежитии... Но тщетно, тщетно. И сколько я ни напрягал память – ничего не мог вспомнить. А ведь мы тогда ещё долго сидели и говорили. Но о чём же, о чём?.. И чем больше было этих вопросов, тем больше скапливалось раздражения. А потом я неожиданно успокоился и решил про себя – всё равно, всё равно я напишу свои странички про Юрия Ивановича Селезнёва. Напишу и отправлю заказным письмом в Краснодар – пусть смотрят издатели, пусть критикуют. В конце концов я имею право: у меня целая стопа писем от него и открыток, да и встреч было столько, что и считать бесполезно. Вот только знать бы тогда – я бы всё заносил в дневничок... Хорошо, конечно, тем, кто умеет писать такие воспоминания. А ведь я не шучу, я уверен: есть люди, которые прекрасно это умеют... У них даже талант на это – ну, конечно, талант! Иначе чем объяснить их обильную, ни с чем не сравнимую память. Они помнят каждую фразу того, о ком пишут и вспоминают. Да что фразу... Они помнят каждый жест его, все привычки, причуды. Как будто только и делали, что ходили за ним с блокнотом в руках – и стенографировали, запоминали, заносили в анналы... Читаешь потом такие воспоминания, и нет-нет да и шевельнётся льдинка сомнения – а правда ли это? Может, всё это выдумка, литературное сочинение?

А впрочем, хватит об этом! Да и если честно, то всё моё ворчанье сейчас – только ширма, только способ прикрыть свою робость, своё волнение. Ведь я твёрдо решил написать сейчас эти странички и рассказать о дорогом для меня человеке – Юрии Селезнёве...

Но о чём рассказывать и что вспомнить?! Может быть, о его письмах, которые так согревали и утешали меня и давали утешение и надежду. Да, согревали и утешали, потому что все мы тоскуем по доброму слову, по теплу и вниманию. А если уж честно признаться, я не очень люблю давнюю расхожую истину, что наши друзья обязаны-де быть суровыми, принципиальными мужчинами и в своей суровости должны низвергать на нас только правду, правду и правду. И о нас самих, и о наших близких, и о наших книгах, которым всегда так далеко от совершенства. Нет, для меня настоящий друг

тот, который всегда может утешить и вызвать надежду. И в письмах Юрия Селезнёва всё это было – и надежда, и верность, и доброе слово. И ещё какая-то щемящая, неприкрытая нежность, от которой встаёт комок в горле... *«Витя, дорогой мой человек, с Новым Годом тебя! Дай Бог тебе здоровья, душевного тепла, понимания, добрых дружеских встреч, светлых минут за рабочим столом. Не забывай. Будет минута – напиши о себе. Целую тебя. Твой Юрий С.»* – и дата – 28 декабря 1983 года...

Это было одно из его последних писем на мой домашний адрес. «Не забывай...» И сказано это за три дня до Нового года. Не забывай! Как это горько, непоправимо – этих слов он уже больше мне не скажет. И самое горькое, что он ещё был молод, полон сил и надежд, полон планов; он ещё только-только набирал высоту, и можно было только догадываться: какой это был бы бесконечный и прекрасный полёт... Как это горько, непоправимо, но ничего не изменишь.

Я смотрю вверх по улице, и мне ещё тяжелее. Вокруг – пустота и почти нет прохожих. А зимой здесь ещё тяжелее. Все попрятутся в тёплые дома, за двойные рамы, за тяжёлые, обитые одеялами двери. У нас в Сибири привыкли основательно готовиться к долгой зиме, ведь в январе морозы за сорок. Наверное, потому человек наш сибирский привык закутывать не только свои дома, но даже и души. И потому, конечно, так много у нас людей молчаливых, угрюмых. Но это внешне только, честное слово. Копни поглубже, расшевели ту угрюмость – и своим глазам не поверишь – сколько хлынет на тебя доброты и силы! И нежности, сострадания! И мужества, и верности своему долгу... Как-то с Юрием Селезнёвым мы долго говорили об этом. Точнее, он говорил, а я слушал.

– Какое всё-таки необъятное слово – Сибирь, здесь и Ермак, и Кяхта, и знаменитый сибирский характер.

– Почему знаменитый? – прикинулся я непонимающим...

– А потому... Потому что закалённый, выносливый... Один стоит десяти. – Он на секунду задумался, стал разминать сигарету. Глаза сделались печально серьёзными. – Вспомни сорок первый, бои за Москву. Какие были тяжёлые дни и недели. Но вот пришли из резерва сибирские полки и спасли положение. А потом гнали врага до самой границы... А возьмём литературу... – Он повернулся ко мне и улыбнулся чудесной белозубой улыбкой. – Да, и в литературе бывали тяжёлые дни. Но вот пришёл из Иркутска молчаливый, застенчивый человек Валентин Распутин – и сразу приподнял литературные потолки. На десять этажей вверх, на двадцать. Согласен?

– Ну конечно, конечно, – сказал я и замолчал.

А он снова стал говорить о Распутине, о его книгах, о встрече с ним, о его известности, о читательской любви к нему – любви миллионов. И разговор наш продолжался ещё долго-долго. Такой памятный для меня разговор! И вспоминаю об этом, как будто всё случилось только вчера. А ведь прошло уже столько лет с того дня, с того часа, – даже страшно подумать. И кажется, что это случилось только вчера. Да, да, я помню всё, почти каждое его слово. Мы оба были приглашены тогда в качестве руководителей на зональный семинар молодых литераторов. Семинар проходил в Костроме, в загородном доме отдыха на берегу Волги. Стояла поздняя весна, берёзы уже были в зелёном уборе, и солнце грело уже по-летнему... И пришли мои незабываемые счастливые дни. А впрочем, что же здесь счастливого? – усмехнётся кто-то из моих читателей. Ведь семинар – это тяжёлая работа. А для руководителей – особенно... Да, спорить не буду. Конечно же, любой семинар – это работа. Но всё-таки я ничего не прибавлю сейчас, когда говорю о счастливых днях. Потому что совсем рядом, в каких-нибудь тридцати метрах от нас, была Волга. А для всякого русского человека близость Волги – как сильный дождик

в засушливый день. Хлынул он – и всё ожило, расцвело – и деревья, травы, и каждая былинка пошла в рост, почуяла силу. Так и было с нами. Спать мы почти не спали, по крайней мере, я почти совсем не ложился. Да и как было заснуть, когда рядом, за окнами, была Волга. По реке всё время шли и шли пароходы, и эти пароходы беспрерывно гудели. И гудки были какие-то непривычно громкие, молодые, весёлые. И мне, никогда не жившему у большой реки, всё это казалось праздником. Оно так и было. Именно так. В своём родном городе я привык к размеренному, довольно обыденному существованию – и вдруг рядом огромная весенняя река, длинные гудки пароходов, тёплые, почти летние ночи, напоённые запахом трав и близкого леса... И рядом, совсем рядом с тобой – такой умный, искренний и надёжный человек, как Юрий Селезнёв. Разве это не праздник?.. И опять какой-нибудь скептик сурово сдвинет брови – подумаешь, мол, умный, глубокий... Да мало ли вокруг нас таких людей? Да, согласен, таких людей немало. Только у Юрия Селезнёва всё это было возведено в квадрат, в куб, а может, и того больше... И ещё: он по-братски любил тех, кого считал настоящими. Да, мне всегда казалось, что людей он делит на две категории: просто на людей и на людей настоящих, у которых душа, как глубокий артезианский колодец. И эти настоящие люди часто были совсем не писатели, а порой даже и близко не стояли к литературной работе. У него было много таких – и в родном Краснодаре, и в Москве, где он учился в аспирантуре, а потом работал в различных местах. К слову сказать, я давно уже заметил, что часто большие писатели как раз и тянутся к людям простым, обычным, не обременённым большой начитанностью и мудрыми книжными мыслями. А впрочем, стоит ли об этом серьёзно, ведь часто любая начитанность просто меркнет, бледнеет, если рядом поставить глубину совести – глубину человека. Но я снова немного отвлёкся...

А между тем я хорошо помню самые первые его московские годы. Даже и не годы, а самые первые дни и недели в столице. Он жил тогда на седьмом этаже в общежитии Литературного института по улице Добролюбова. У меня в глазах опять встаёт эта комната. Она вся была завалена книгами, журналами, рукописями – как говорят, ноге ступить некуда. Как он находил дорогу в этих книжных лабиринтах – ума не приложу. Да вдобавок в комнате этой всегда было синё от табачного дыма. Табак хозяин комнаты признавал, а вот вино, мне кажется, недолюбливал. Но бутылка сухого у него всегда была в запасе. На какой-нибудь пожарный случай – мало ли... Зайдёшь, бывало, к нему на огонёк – он поставит на стол тарелку с конфетами, сигареты, а рядом – это сухое.

– Витя, немного? Чисто символически?

– Нет, нет. У меня же давление.

– Вот и хорошо! – вздохнул он с облегчением. Он радовался, что не нужно пить эту злополучную рюмку. Ведь впереди у него была ночь работы, на столе у него всегда лежали исписанные густым почерком странички. В те дни он писал свою книгу о Достоевском, о своих страничках он говорил со мной мало, да и с другими тоже. Почему так – я не знаю. Может, это было обычное авторское суеверие, что если дело не сделано, то и грешно о нём говорить. А может быть, он не находил для себя среди нас достойного оппонента, ведь тема-то какая – Достоевский! Зато часто для отдыха, что ли, он говорил совсем о другом, о более близком для нас, повседневном – о наших всегдашних заботах, печалях. Я говорю о литературных, конечно, печалях... Бывало, посмотрит на меня повнимательней, чем всегда, улыбнётся своей тихой улыбкой:

– Витя, что сейчас обживаешь? Опять рассказ? Из курганской жизни своей?

– Опять...

– Да-а, друзья милые. Ты тоже, как все...

– Почему?

– А потому, что все писатели пишут свою жизнь, что было с ними, происходило – живую реальность. Так вот напиши о том, что с тобой никогда не случилось и не случится. Вот, к примеру, в Париже ты был?

– Не был. Ну и что?

– А на острове Пасхи был?

– Ну и что! – Я уже стал выходить из терпения. – И на экваторе я не был, и в пустыне Сахара.

– Хорошо, что сознался. – Он громко смеётся, а глаза что-то знают. И вдруг он обрывает смех, и сразу грустнеют глаза: – Вот ты и напиши о том, что с тобой никогда не случится. Ведь это тоже жизнь. Да, наши мечты – это тоже прекрасно. Ведь у иного в жизни только и есть, что мечты да надежды. А состарился, и всё равно есть о чём вспомнить. Он мечтал, он надеялся! Как это хорошо...

И он ещё долго говорил на эту тему, но я не решаюсь сейчас приводить его слова, потому что боюсь неточностей. К тому же я только что иронизировал над такими воспоминаниями, где всё прекрасно и замечательно, как будто авторы только и делали, что ходили за своим героем с блокнотом в руках и стенографировали всё, заносили в анналы... И всё же в одном я признаюсь: тот разговор для меня не прошёл бесследно. У меня действительно появился такой рассказ, подсказанный Юрием Селезнёвым. Главный герой рассказа – провинциальный учитель – человек очень нудный, тяжёлый. Он постоянно всем недоволен, даже погодой. И самое лучшее, самое счастливое его состояние – когда он спит, когда видит сны и мечтает. Но мечты его – маленькие, пустые, как у Манилова, но и у того хоть была широта, а мой учитель всего боится: и учеников своих, и их родителей, и своей любимой девушки он тоже боится, потому что та всегда может узнать, догадаться, какой он мелкий, трусливый. И погибает он тоже нелепо: случайно попадает под машину, которая возила на ферму концентраты. Его хоронит вся школа, даже отменяют уроки. И на школьной ограде играет оркестр, в почётном карауле стоят пионеры. А потом начинаются речи, прощание. Все шумят, суетятся, речи произносят громкими, весёлыми голосами. И только одна девочка, пятиклассница, плачет – жалеет учителя. И этот плач оттого, что учитель походил на её старшего брата. Наконец, эта пятиклассница не выдерживает и кричит прямо в лицо всем окружающим: «Почему вам не жаль его?! Почему?!» И после этого я поставил точку, хотя и понимал, что рассказ вышел бескровный, нежизненный. А потом я ещё долго мучил, переписывал, а потом взял... и бросил. Видно, трудно всё-таки писать о том, что с тобой никогда не случилось. И прав Юрий Селезнёв, что живую реальность описывать, конечно же, легче. Но литератор должен всё время усложнять свои задачи и идти часто неведомыми путями...

И мои горячие беседы с Юрием Селезнёвым становились всё продолжительней, откровенней. Как-то зашёл к нему в комнату, а он прямо на первой минуте стал выговаривать.

– Вот все пишут, трезвонят, что теперь провинции уже нет... А ведь это неправда. Есть же!

– Ну конечно! – соглашалась моя душа. А он уже продолжал, и глаза его нервно блестели:

– И гнилые заборы есть, и лужи посреди улицы, и низкая вялая травка возле заборов. И такие же разговоры в домах – усталые, вялые, ни о чём. И такие же люди. Уставшие, без желаний. Вроде бы люди, а вроде бы и сухие листья... Подул слабый ветерок – и вот уж закружились, опали, и как не было их. Как не было...

И опять душа моя соглашалась с ним, потому что именно в те дни я начал писать повесть «Провинциальный человек». И повесть эта у меня написалась. Несколько лет спустя Юрий Селезнёв мечтал напечатать её в одном столичном журнале, но повесть не взяли. В другой журнал предлагал – и снова не взяли. Такая уж, видно, судьба...

А потом в редакции «ЖЗЛ» он предлагал мне новую идею:

– Витя, уйди с головой в Древнюю Русь... – И предложил мне такую тему, от которой у меня кружилась голова. А душа моя радовалась, приподнималась: надо же, он продолжает верить в меня, надеяться. Как это хорошо, когда верят... А он уже улыбался своей мягкой, удивительной улыбкой. И вдруг грустно щурился:

– Недавно был на море. Как будто приснилось. Позагорал немного, поплавал. Завидую тем, кто каждый год отдыхает. Счастливые люди... А меня отозвали в Москву. Заехал по пути в Краснодар, повидался с мамой. Мы редко встречаемся. Дела, Витя, всё дела-а. Нас погубят эти дела...

Так и вышло. Его сгубила огромная работа. Хорошо было тем эллинским богам – и останавливать реки, и вести войны, и ворочать огромные камни, передвигать горы... Хорошо им было, ведь они были бессмертны. Но у человека – иначе. У него бывает последний час на земле, последний миг, последнее слово... С Юрием Селезнёвым случилось это очень рано. Непоправимо рано...

Я не хоронил его, не стоял в изголовье гроба. Я находился в то время опять в своей деревне, а туда все известия доходят с опозданием на много дней. А может быть, это судьба меня пожалела, что я не хоронила Юрия Селезнёва. Я бы ведь всё равно не поверил, что это лицо может быть мёртвым и неподвижным... Прекрасное, иконописное, удивительное лицо... Не лицо даже – какой-то древнерусский лик, особенно глаза! У нас в деревне был человек с такими глазами. «Это не жилец!» – всё время говорила про него моя бабушка Катерина. «Ну почему?» – «А потому, – отвечала она, – что Бог таких любит. Вот и берёт их к себе».

Я не знаю, каким именем назвать того Бога, который позвал к себе Юрия Селезнёва. Наверное, его зовут всё-таки Любовь, наша большая Любовь. И эта же Любовь вернула его обратно. И его небесное лицо, и его книги, и его незабываемое слово тоже вернула...

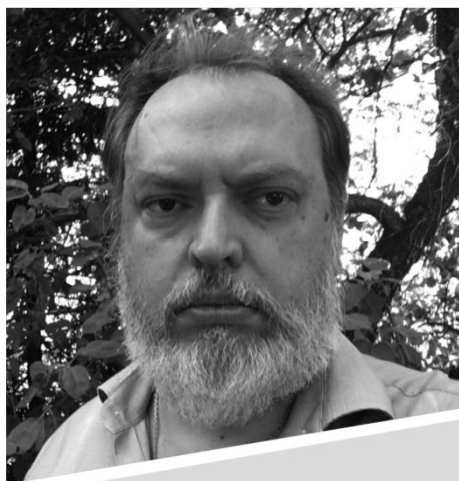
Помню, когда на Волге я стоял с ним на большом холме, возле беседки, в которой любил сидеть великий А. Н. Островский. И Юрий осторожно тронул меня за плечо:

– Его уже нет. А Волга всё та же. И будет здесь вечно...

Я сейчас говорю то же самое о Юрии Ивановиче Селезнёве:

– Его уже нет. А образ его с нами. И будет так вечно.

Анна Ахматова. Памятник самой себе

**Аникин
Дмитрий Владимирович**

Поэт. Родился в 1972 году в Москве, где и проживает в настоящее время. По образованию – математик. Предприниматель. Публикации в печатных изданиях на настоящий момент времени: циклы стихов в журналах и альманахах «Новый мир», «Prosodia», «Слово/Word», «Главуучий мост», «Перископ-Волга», «Кольцо-А», «Дегуста», «Нижний Новгород», «Искусств», «Сетевая словесность», «Изысканная словесность», «Клаузура», «Русский колокол», «Точка зрения», «9муз» и др.

Лауреат конкурса «Золотое перо Руси». Шорт-лист конкурсов «MyPrize-2024», «Мыслящий тростник». Автор книг «Повести в стихах», «Сказки с другой стороны», «Нечётные сказки».

В «Тоболе» публикуется впервые.

Есть в Евангелии от Матфея притча о талантах:

Одному дал он пять талантов, другому – два, и третьему – только один, каждому в соответствии с их способностями, сам же уехал.

Тот, что получил пять талантов, тотчас пустил их в оборот и нажил ещё пять.

Получивший два таланта таким же образом нажил ещё два.

А тот, который получил один талант, пошёл, выкопал в земле яму и спрятал в ней деньги своего господина.

Мф. 25:15–18

А бывает тот, кто получает один талант, но настолько выгодно пускает его в оборот, что на выходе – пять. И господин не знает, что делать с таким рабом.

«Юность моя – юность гения. Я жил и поступал так, что оправдать моё поведение могут только великие деяния», – писал о себе Брюсов. Юность Ахматовой, с её лунатизмом, её любовным дурманом, не обещала гениальности. Это была юность декадентки, модернистки, модной поэтессы. Всё ярко, всё символично, всё соответствует духу эпохи. Ахматова, бродящая ночами по коридорам Смольного, – это сцена для дурного фильма с прицелом на дешёвую мистику. Тут ещё нет русской литературы.

Гумилёв часто сравнивал её со змеей, и у других это сравнение было ходовым. Она была гибкая, как змея, и такая же опасная, такая же хладнокровная.

«Из логова змиева, / Из города Киева, / Я взял не жену, а колдунью.» Гумилёв и Ахматова. Этот брак действительно был заключён на небесах. На землю идеальный небесный образ отразился в виде искажённом и мучительном. Как они ни противились, но обе их поэзии, пошедшие от единого анненского корня, постоянно переплетались ветвями. Все остальные были призваны в акмеизм только для того, чтобы семейственность этого дела не выглядела такой явной. Может быть, это была одна поэзия на двоих. Инь и ян. После смерти Гумилёва Ахматовой приходилось справляться одной.

Городецкий называл Ахматову «моя недоучка». Каково слышать такое от самого бездарного поэта эпохи? Но в чём-то он был прав – Ахматова пришла в поэзию человеком необразованным. Учила языки и изучала мировую литературу уже в зрелом возрасте, уже состоявшись сама. Это странный опыт – впервые прочитать Данте, как равный равного.

И Ахматова, и Гумилёв писали до крайности безграмотно. Гумилёв утверждал, что при том, сколько книг он прочёл, его безграмотность – это признак кретинизма, а кретинизм – гениальности. Когда видишь рукопись Ахматовой, вообще кажется, что писал не просто малограмотный, но человек, для которого русский неродной. В её рукописях можно найти: «выставка», «разсказал», «оплупленный». Вот уж когда поверишь в происхождение от татарской княжны. О себе Гумилёв писал:

*Только змеи сбрасывают кожи,
Чтоб душа старела и росла.
Мы, увы, со змеями не схожи,
Мы меняем души, не тела.*

Ахматова, как истинная змея, меняла кожу, а душа старела и росла. Другое дело, что кожа зачастую сдиралась вместе с мясом. Ну так отечественный способ выделки! А душа неестественно, не по годам, росла, – так часто кожу сдирали.

Никто не сумел с таким достоинством прожить свою грешную жизнь.

С возрастом Ахматова становилась всё больше похожа на Екатерину Вторую – Анна Великая, императрица Всея Руси.

«Прервалась связь времён». Ахматова оставалась единственной, кто эту связь поддерживал. Вокруг неё дышалось не воздухом Серебряного века, но воздухом пушкинской, дворянской России.

В греческой культуре оценивали поэтов по степени близости к Гомеру; так, из девяти великих лириков гомеричнейшим считался Стесихор. Самым пушкинским поэтом двадцатого века была Ахматова.

Ни один поэт не может получить пушкинское наследство целиком. Юмор, беспокойный ум, полемический задор Ахматовой не достались.

О Любви Блок, всеобщей *Прекрасной Даме*, Ахматова сказала: «Бегемот, вставший на задние лапы». Ненавидела Наталью Гончарову, презирала Лилию Брик. Нечего в поэзии делать непишущим женщинам, так называемым музам.

Лев Лосев предположил, что в названии «Поэма без героя» как раз и зашифровано имя главного героя – по первым буквам: «П», «б», «г» – Петербург. Или «Поэма без героя» – потому, что всё место, все строки заняла героиня и автор мучительно пытается понять, кто эта героиня: двойник? отражение в зеркале? она сама, пишущая свои строки?

Ахматова думала сделать из поэмы трагический балет. Гибкая, сильная была, многие пророчили ей балетное будущее.

*В Кремле не надо жить – Преображенец прав,
Там древней ярости ещё кишат микробы:
Бориса дикий страх, и всех Иванов злобы,
И Самозванца спесь – взамен народных прав.*

«Петербург – самый умышленный город на свете», – писал Достоевский. Неудивительно, что самый умышленный русский поэт – Ахматова – стала голосом Петербурга.

Возможно ли представить московскую Ахматову или петербургскую Цветаеву? Цветаева, конечно, подарила Ахматовой Москву, но та не знала, что с подарком делать, и отдариваться не стала.

Знаменитая встреча Ахматовой и вернувшейся из Парижа Цветаевой. «Кто я против Марины? Тёлка!» – якобы сказала Ахматова. Иногда эти слова объясняют преклонением Ахматовой перед стихами Цветаевой, иногда – презрительной завистью к парижским шмоткам. Взгляд поэтический и взгляд женский.

Русская литература сделала всё, чтобы никакое оправдание Сталина не было возможным. Русская история делает всё, чтобы появился новый

«Реквием». «Реквием» – это прекрасные стихи, иногда кажется, что слишком прекрасные. Как будто Ахматова смогла гармонизировать то, что гармонизировать было нельзя.

Ахматова, когда дарила томик своих стихов, тщательно заклеивала те, которые попали туда из сборника «Слава миру», а зря: бездарность сервильных стихов только подчёркивала честность и чистоту её дара.

Упорная мастерица, когда это касалось собственной поэзии, Ахматова равнодушно относилась к качеству своих переводов и беззастенчиво пользовалась трудами литературных «негров». Этакая Александра Дюма-мать. Видимо, рассуждала: кому надо, те прочтут в подлиннике. Переводческая халтура приносила ей серьёзные деньги.

Как известно, холодная война началась после ночного визита Берлина к Ахматовой. Ахматова обладала редким даром: она чувствовала историческое время, в котором приходится жить. Рассказывают, что и обычное время она тоже точно чувствовала, прекрасно обходясь без часов.

«Полумонахиня, полублудница» – определение хлёсткое, но уж очень поверхностное. Кажется, что Ахматова сама подталкивала к таким дефинициям, привлекающим читателя, но скрывающим истинную сущность поэта. Ахматова не обрела всю глубину поэтического дара только в 30-е, в годы «ежовщины», но обладала некоторыми впадинами, омутами изначально. Просто не хотела отталкивать курсисток. Вся эта знаменитая любовная лирика Ахматовой, она не только о любви...

В том библиотечном шкафчике, куда рассовывают стихи всё, что целиком и без остатка помещается в одну ячейку, немного стоит. Любовные, эротические, военные, гражданские стихи – если эпитетом определяется вся суть стихотворения без остатка – не имеют прямого отношения к поэзии.

Ахматова не обладала выдающимся умом, но была по-настоящему мудра. Она понимала границы своего разума и за них – ни-ни. Сдержанность – редкое качество для поэзии.

*Печальным взором и молящим
Глядит Ахматова на всех,
Был выхолом настоящим
У ней на муфте драный мех...*

На эти строки нешуточно обиделась. Юмор в свои стихи не допускала, опасалась, что будет недостаточно умно. К чужим поэтическим шуткам относилась холодно. Невозможно представить её одним из авторов «Античных глупостей». Ирония Ахматовой – «Я научила женщин говорить, / Но... как их замолчать заставить» – отдаёт некоторым жеманством. Сама не обладая чувством юмора, она боялась показаться смешной.

Стихи молодой Ахматовой обещали большое поэтическое будущее, но не то, которое ей досталось. Трагедию от драмы отличает присутствие рока – чего-то такого, что начинает влиять на действие независимо от планов писателя. Или так: готовилась трагедия классическая, личная, а случилась та, где, по словам Элиана и Бродского, гибнет не только протагонист, но и хор.

*Скоро мне нужна будет лира,
Но Софокла уже, не Шекспира.*

И шекспировская лира не была для Ахматовой первой. Начиналось пение под лиру Сафо. И ни одну лиру Ахматова не отбрасывала окончательно. Всё в хозяйстве пригодится.

Кто она под конец жизни, если с точки зрения домоуправления? Человек без определённого места жительства. Бомж. Если бы это было игрой, модернистским жизнетворчеством, то отдавало бы дурновкусием.

После чтения Ахматовой появляется ощущение, что она так мало сказала, хотя так много знала. Боюсь, что это ощущение ложное. Ахматова – уникальное явление в русской поэзии, она смогла реализовать свой талант полностью. Как говорил гоголевский Осип: «Верёвочка?.. И верёвочка... пригодится». Всякое лыко шло в строку. Казалось, что поэтический КПД Ахматовой асимптотически приближается к 100 %. А потом, без какого-то великого перелома, без взрыва, меняющего суть явлений, продолжает увеличиваться, увеличиваться, увеличиваться.

Под конец жизни Ахматова скрупулёзно правила свои стихи и чужие мемуары. Кажется, что создание ахматовского мифа было для неё важнее самой поэзии. «А если когда-нибудь в этой стране / Воздвигнуть задумают памятник мне...» Ахматова первая после Пушкина без иронии заговорила о памятнике себе.

Понятно, откуда взялись все эти пакостные книжонки, разоблачающие Ахматову. Слишком законченным, слишком целостным получился её образ, так и тянет как-нибудь выщербить. Таких людей не бывает в жизни, такие бывают только герои в классической литературе.

Ариадна Эфрон то ли сама, то ли передавая слова матери, сказала об Ахматовой: «Она – само совершенство, и в этом её предел». Это был предел не Ахматовой, это был предел самой поэзии. Гениальность не врождённая, но благоприобретённая. Наверное, единственный случай в русской, а может быть и в мировой поэзии.

«Какую биографию делают рыжему», – сказала Ахматова, узнав об аресте Бродского. Настоящая биография поэта – это список написанных и прочитанных книг, всё остальное – маргиналии. Бродский всю оставшуюся жизнь пытался отделаться от своей биографии, он хотел, чтобы его ценили как русского поэта, а не как жертву режима.

Лев Гумилёв упрекал мать: «Тебе было бы лучше, если бы я сгинул в лагере». Ей было бы хуже, а мифу лучше.

У неё были свои истории, анекдоты: продуманные и затверженные до последнего слова, они должны были казаться слушателям импровизацией. Она называла эти приспособления для *table-talk* «мои пластинки».

Ахматова так тщательно выстраивала свой миф, что не заметила, как его переросла. Для того, чтобы звучала любовная лирика и даже трагические стихи 20-х годов, нужна была поза, нужны были тщательно проработанные модуляции голоса, нужен был подтекст, обеспеченный нелитературными средствами, нужна была биография. А вот «Реквием» и «Поэма без героя», поздняя лирика не нуждаются в знаковом авторе. Кто угодно подойдёт: хоть та, кто трёхсотая с передачею, хоть аристократка и богачка, – ничего не прибудет и не убудет.

Так что разоблачители Ахматовой, может быть, работают на благо её поэзии. Как на Суд Божий душа человеческая является без лишних атрибутов вроде имени и судьбы, так и поэзия имеет значение только сама по себе. Пушкину и в голову бы не пришло заботиться о том, как он будет выглядеть в воспоминаниях современников. Кстати, когда Ахматова писала о Пушкине, то понимала, что поэт в обычной жизни должен быть бестактен. А вот когда речь шла о ней самой, то какие-то провинциальные страхи сдерживали её живую натуру. Может быть, эти страхи и оставались единственной подлинной чертой в каноническом облике Анны Всея Руси.

Обычные стихи стесняются своего автора, стихи гениальные принимают своё сомнительное происхождение как должное.

Когда б вы знали, из какого сора...

Простим поэту его биографию, любую, даже самую прекрасную!

ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ

Юлиана ДАНИЛОВА

Ольга Фёдоровна Хузе. История одного библиотекаря

**Данилова
Юлиана Николаевна**

Кандидат философских наук, исследователь японской культуры, автор ряда научных статей на тему японской литературы, искусства, истории. Руководитель Курганского регионального отделения Общества «Россия – Япония», мастер суми-э. Более десяти лет знакомит жителей города Кургана с японской культурой.

Хузе Ольга Фёдоровна – библиотекарь и переводчик, литератор и литературовед, а также первый директор Курганской областной универсальной научной библиотеки (с 1943 по 1951 г.), родилась 7 февраля 1909 году в Старом Петергофе Ленинградской области в семье железнодорожного служащего, финна по национальности.

Из воспоминаний:

«Я родилась в 1909 году 7 февраля нового стиля в Старом Петергофе Ленинградской области в семье железнодорожного служащего. Отец мой 29 лет служил на различных станциях Балтийской железной дороги в должностях от телеграфиста до начальника станции. Последние годы жизни работал диспетчером на овощной базе в Ленинграде. Умер он 26 сентября 1939 года. Моя мать была домохозяйкой. Родители жили в городе Гатчина (Красногвардейск), посёлок Рошалья. Мать умерла в блокадную зиму в Ленинграде 19 февраля 1942 года».

В 1920 году маленькая Оля переехала к родственникам в Ленинград, где окончила школу-девятилетку, а после поступила на литературное отделение при Государственном институте истории искусств и закончила его в 1930 году по специальности «редакционный работник». Она начала работать библиотекарем в районной детской библиотеке Петроградского района Ленинграда, а через год Ольгу Фёдоровну назначили заведующей этой библиотекой, и одновременно она работала инструктором по школьным библиотекам Петроградского района.

Из воспоминаний:

«Ещё до окончания института 1 апреля 1930 года я начала работать в качестве библиотекаря в районной детской библиотеке Петроградского района. С 15 марта 1931 года до 1 августа 1937 года я работала заведующей этой библиотекой, совмещая одновременно с работой районного инспектора по школьным и детским библиотекам. Одновременно с зимы 1931/32 я работала методистом кабинета детского Библиотекаря ленинградско-

Ольга Фёдоровна Хузе

го Горона и преподавала специальные дисциплины на библиотечном отделении группы педвуза им. Герцена. Преподавала спецдисциплины на библиотечном отделении педучилища им. Некрасова (1934–1935 гг.) и в городском педучилище в 1940–1942 годах».

С конца 1937 и до конца марта 1942 г., вплоть до эвакуации, Хузе работала в читальном зале районной детской библиотеки Фрунзенского района, по совместительству она была методистом Городского методического кабинета детского библиотекаря Ленгорono, преподавала детскую литературу и специальные библиотечные дисциплины в городских педучилищах и на библиотечном отделении Педагогического вуза им. А. И. Герцена: «С 1939 года вела работу с учителями русского языка и литературы в Ленинградском городском институте усовершенствования учителей и читала лекции по литературе и вопросам руководства детским учреждениям через Институт усовершенствования и ленинградский лекторий».

В своём дневнике Хузе запечатлела самое страшное время не только в своей жизни. Отрывки блокадного дневника хранятся в архиве Курганской областной универсальной библиотеки им. А. К. Югова.

Из дневника О. Ф. Хузе:

«3 декабря 1941 г. Я забываюсь за работой. Сегодня в бомбоубежище у Елизаветы Ивановны для школьников 3–4 классов проводила беседу. Немного отлегло от сердца, чем-то прежним пахнуло».

«7 января 1942 г. Голод абсолютный. За третью декаду не можем ничего получить, не говоря о первой декаде января. В столовых сегодня не варили даже супа – нет воды, нет дров, а я подозреваю, что нет даже муки, чтобы заболтать суп. Сегодня я ем завтрашний хлеб, больше не могу, мне очень тяжело брать вперёд, но ничего поделаться не могу. Видно, приходится готовиться к концу, к смерти».

«30 января 1942 г. Не живущим сейчас в Ленинграде почти невозможно представить нашу жизнь. Вокзалы стоят мёртвыми 2–3 месяца, трамваи остановились в последнюю пятиндеевку ноября, в декабре ходили они иногда, но спотыкались, и застряли на перекрёстках и улицах и стоят полузанесённые снегом. Стал водопровод. Нет электричества. Нет радио. Нет почты. Нет газет. Грузовой автомобиль на улице – редкость, да и то это чаще военная машина. Хлеб возят на саночках. Воду носят с Невы в вёдрах и чайниках. Тысячные очереди за хлебом. Пожары. Которые не тушат, т. к. и воды нет, и она замерзает на лету в брандспойтах».

Но даже в это время Ольга Фёдоровна не забывала о своей профессии, а точнее, призвании. На страницах её дневника мы находим такие строки:

«26 декабря 1941 г. Сегодня делала 8–10 классам в 9 школе доклад о Короленко и связала это с практическим делом – созданием библиотечки для госпиталя из книг, подаренных учащимися. Ученики – замечательные. В морозных классах занимаются отлично».

«8 марта 1942 г. Вчера для учителей 9-й школы делала доклад "Образ женщины в русской литературе". Приятно и радостно было видеть, как оживились глаза и лица. Великая русская литература, оружие в борьбе с голодом, холодом, смертью! Сколько радости и бодрости, сил и надежд даёт она в наши дни».

Неизвестно, как бы сложилась судьба Хузе, останься она в Ленинграде. Скорее всего, её бы постигла печальная участь тех ленинградцев, что умерли от голода за годы блокады. Но судьба распорядилась иначе. В апреле 1942 г. Ольга Фёдоровна вместе с сестрой отправилась в эвакуацию на Большую землю и, проведя 17 суток в пути, 23 апреля приехала в Курган:

«19 марта 1942 г. Нам с Марусей предстоит эвакуация. Не скажу, чтобы она меня обрадовала, но слишком много пережито здесь, чтобы так легко расстаться. Но приказ Родины есть приказ, – и, если нужно, мы с радостью поедем, хотя страшиновато начинать жизнь снова в чужом месте и в такую лихую годину».

Также: *«23 апреля 1942 г., город Курган: Vita nuova началась. За месяц произошло столько событий – их не успевала (да и времени не было) записывать. С 6. IV. до 22. IV. – 17 суток в пути из Ленинграда в Курган. Санаторий на колёсах; несмотря на усталость, утомление, – подкрепились, подкормились в пути. Очень дико, очень трудно применяться, привыкать к жизни заново».*

А уже в июле 1943 года Хузе была назначена директором Курганской областной библиотеки.

Тяжело привыкала Ольга Фёдоровна к новой жизни, но, как всегда, её спасли любимая работа и книги: *«Два преобладающих внутренних состояния: силы наливаются, возвращаются, радость жизни тихо плещется, – и рядом стыдно, совестно своей радости, сытости, спокойного сна. Работаю в библиотеке и хочу работать на полную мощь... Начала читать в госпитале раненым... Больше прежнего люблю русскую литературу: она со мной прошла испытания фронта и была мне оружием, радостью, хлебом духовным, вином».*

Здание по ул. Куйбышева, 43, где в годы Великой

Отечественной войны располагалась областная библиотека

О том, как шла работа в курганской библиотеке в то суровое время, требующее от людей максимального напряжения духовных и душевных сил и высшей концентрации духа, свидетельствует стихотворение Ольги Фёдоровны, написанное ею в 1943 году.

Курган 1943

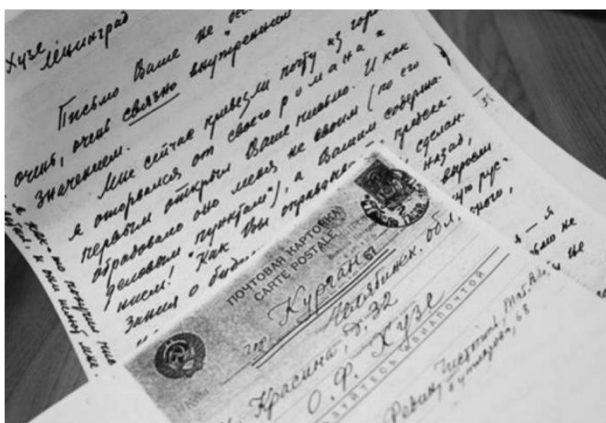
*Влекло людей в промёрзлый кабинет
тревогами своими поделиться,
и дружба с многими из дальних лет
и по сей день, не остывая, длится.
Температуры выше плюс пяти
В рабочем кабинете и не жди.
Там печки не было, вернее, раскалялась
за стенкой печь,
но эта сторона,
как ни топи, совсем не прогревалась
и комната была так холодна,
что частым посетителям моим
казалась просто Домом Ледяным.
А я, дровишками не запасаясь заранее,
и не надеялась попасть на зиму в дом.
В служебном кабинете на диване
спала под одеялом и ковром.*

5 июля 1943 года решением Облисполкома на базе окружной центральной была создана Курганская областная библиотека, которую возглавила Ольга Фёдоровна. Благодаря её стараниям книжный фонд и площади библиотеки увеличились в несколько раз, на работу были приняты трудолюбивые, ответственные, а самое главное – любящие свою работу люди. Ольга Фёдоровна сумела привлечь к сотрудничеству лучшие творческие силы области: краеведов, художников, писателей, искусствоведов. В главной библиотеке области в корне изменились формы и методы работы с читателями – в читальном зале библиотеки стали проводиться всевозможные тематические диспуты, обзоры новых книг, газет, журналов, открываться выставки художников, читались лекции по литературе, творчеству писателей, произведениям отечественного и зарубежного искусства...

Литературовед по образованию, Ольга Фёдоровна лично знала многих писателей. Курганская областная библиотека располагает копиями писем в её адрес – среди их авторов писатель и журналист К. А. Федин; поэт и писатель А. Т. Твардовский; писатель и журналист, военный корреспондент В. С. Гроссман; писатель, драматург, переводчик А. А. Крон; поэт, драматург, переводчик и театральный драматург П. Г. Антокольский.

Восемь лет отдала Хузе становлению Курганской областной библиотеки, превратив её, в трудные военные и послевоенные годы в форпост культуры в Зауралье. Ольга Фёдоровна возглавляла Курганскую областную библиотеку до июня 1951 г.

Наконец, спустя долгие годы, она вернулась в свой родной Ленинград! Ольга Фёдоровна устроилась на должность старшего научного сотрудника Российской национальной библиотеки, также она стала редактором Ленинградского отделения издательства «Детская литература», была постоянным автором журнала «Звезда» – публиковала в нём библиографические заметки, отзывы о произведениях отечественной литературы.

Письмо и почтовая карточка из корреспонденции О. Ф. Хузе

Коллектив Курганской областной библиотеки. 1948 г.

В мае 1968 года Курганская областная библиотека переехала в новое здание. На торжественное открытие библиотеки были приглашены и библиотекари-ветераны 20–40-х годов. Среди гостей была и О. Ф. Хузе. Это был её последний приезд в Курган.

Умерла Ольга Фёдоровна в 1981 году.

Начало XXI века. Война далеко позади. О ней говорят, пишут, имена участников войны то и дело звучат на торжественных мероприятиях и тематических встречах. Это имена, которые знают все. А есть имена, которые звучат по-особенному лишь для немногих. Таким именем для тех, кто работает сейчас в областной библиотеке имени Югова, стало имя Ольги Фёдоровны Хузе. Не окажись она тогда, в 1942 году, в далёком, чужом Кургане, – неизвестно ещё, как бы сложилась судьба библиотеки и людей, которые в ней работали.

Без преувеличения можно сказать, что деятельность Ольги Фёдоровны дала толчок, послужила стимулом для начала большой и кропотливой работы по формированию творческой, культурной и интеллектуальной среды города.

Пусть Ольга Фёдоровна давно покинула Курган, но память об этой удивительной женщине до сих пор жива в душах читателей, сотрудников библиотеки и краеведов города. Благодаря их усилиям была создана песня (композитор А. Фадеев) на слова О. Хузе:

*Я не была его женой,
Но я его вдова.
Он был убит ещё весной,
Едва взошла трава,
Трава в обугленном лесу,
Немом лесу, без птиц...
А я писала каждый день
По десяти страниц...
Я так хотела, чтобы там,
На линии огня,
Где смерть ходила по пятам,
Он слышал бы меня,
Чтоб он, готовясь ночью в бой,
Листок поцеловал,
Перед товарищами вслух
Женой меня назвал.
И все вернулись через год,
Как лебеди весной, –
Немые вестники – и вот
Лежат передо мной...
Они лежат передо мной –
Погибшие слова...
Я не была его женой,
Но я его вдова.*

ПОГИБШИЕ СЛОВА

Слова О. ХУЗЕ

Музыка А. ФАДЕЕВА

$\text{♩} = 130$

Violin *pizz.* *arco* *pizz.* *arco*

Voice *mf*

Piano *mf*

mp

$\text{♩} = 110$

1. Я не бы - ла е - го же - ной, но

mf

Фото взяты из архива Курганской областной универсальной научной библиотеки им. А. К. Югова

**Сорокина
Виктория Аркадьевна**

Родилась в 1995 г. в селе Каминском. Окончила педагогический колледж, филологический факультет Курганского государственного университета. Журналист. Внештатный корреспондент газеты «Куртамышская нива». Финалист Всероссийского литературного молодёжного фестиваля-конкурса им. А. Л. Чижевского, лауреат Всероссийского литературного конкурса «Спасите пушкинский язык» (II место), участница литературной мастерской Захара Прилепина. Живёт в с. Каминском Куртамышского муниципального округа Курганской области.

Для гробовой доски хороша сосна. У соседа гроб иссох. Он заказал его загодя. «Выпадет из щелей, когда закапывать будут», – закашлявшись, сказал отец, смял о шесток окуроч.

Было это десять лет назад. «Десять ли?» – удивлялся про себя, пакуя по карманам сигареты, зажигалку и ключи от машины. Машину бросил у лесопилки, на выщербленном асфальте, где тридцать лет назад сохло тёплое зерно. Россыпь оглаживал ветер, метал хлебную пыль, которая сединой въедалась в жёсткий волос.

«Тридцать ли?» – накинуд на плечо рюкзак. За спиной протрещала сигналка.

Апрельскую темноту сёк луч фонаря. Пахло сырой землёй, прелым чернозёмом и клейким листом. По обочине зрели вербы, гибкие и сочные. Из жёлто-серых побегов ладилась корзины, хранившие запах весны. Так пахло на чердаке, где пылились пустые иссохшие «пестерьки», в который впитался дух земляники, ежевики и «глубянки». Так называла лесную клубнику мать. «Глубянка» росла глубоко в лугах, на покосах. Вяленная на подоконнике ягода липла к зубам, и звал я её на материн-

ский лад – «глубянка».

«Сапоги бери, – сипло говорил отец в трубку. – Раньше бы на день собрался», – добавил.

Сапоги я не взял, надеясь успеть.

Ухватил ветку, оборвал мягкий пух. Почки набухли, пустили из липкого брюха жёлтую муку. Вспомнил, как вода губит вербу. Дома зеленоватый молочный побег всегда хранился за Богородицей.

Креп ветер, гнул вербы, шумел. Шум рос, ширился. К ветряному шуму лип смелый и постоянный плеск. Полосой густого дёгтя через грейдер переваливала масса. Из плеска и черноты вырастали старые лохматые вёты, нудно скрипящие по ночам.

Луч улёгся на глянцевитую воду, потонул в её густоте. Я шагнул за лучом, в ботинок ударила упругая волна, облизала подошву, смыла апрельскую грязь.

Отяжелевшие вёты громоздились вешками-ориентирами, обступив дорогу, тянулись к улице, которая, я знал, есть впереди. Но улица тонула в черноте, и голубой луч, бесцельно сверля её, не отыскивал знакомых бревенчатых стен. Всё превратилось в плеск и шум, в глубину без дна и вершины, за грань которой можно пробрести, вынырнуть, с силой ударившись темечком в холод и сырость.

Я тронул рукой макушку; потную голову, как ледяным языком, вылизал ветер. С головы сорвало кепку. Луч шарил по дёгтю, смешивая его с голубым мёртвым светом, бессмысленно отыскивая кепку. Пустил луч к ногам. Ботинки тонули в воде. Почувствовал, как к пальцам прикасается холодное, невесомое и живое.

Щеколда сорвалась, забренчала. Вторя ей, сипло залаяла собака. За шторами в мутно-жёлтых окнах раскачивались тени, словно призраки прошлого. В темноте набежал на черёмуху, густо разросшуюся за несколько лет. «Пять?» – удивился про себя, отводя в сторону сырую цепкую ветку, больно уткнувшись в щёку.

Тени смешались в клубок, прокатились мимо окон, над крыльцом зажглась лампа, раскачиваясь на ветру, брызгала в темноту и мелкую морось свет. Дверь распахнулась. Кубарем со ступеней слетела собака.

– Инга, – окликнул я. Коротконогая сука, обнюхав ботинки, ткнулась тёплым носом в ладонь, облизала руки.

– Алексей? – Голос был тяжёл. Я узнал сестру, поднялся на крыльцо. Полина обхватила мои плечи, прижалась к груди. Обдало теплом и знакомым запахом. Под ногами заскулила сука, брэнча хвостом о сырые половицы.

– Не успел, – голос, ударившись о грудь, пропал, растворился во мне. Она отстранилась, оглядела моё худое лицо, растёрла под носом сырость. – Ты как добирался?

– Вброд, – виновато улыбнулся и потрепал Ингу за сытый загривок.

– Промочил ведь ноги-то, – Полина всплеснула руками, точно так, как делала мать. – Давай в дом скорей.

Оттолкнув ногой собаку, она переступила через порог. В сенках громоздились старые кастрюли с обитой осколками эмалью, банки, пахло сухими травами, терпко – мятой. Пол был гол.

Первой в дом влетела Инга. В кухне, которую в селе принято называть избой, было прохладно. Белели грузные бока остывшей русской печи. На шестке лежали мятые окурки.

«Десять лет назад? Нет. Всю жизнь».

С высокого потолка бил свет, разлетался по крашенному до глянца полу, с которого сорвали половики, оставили нагим.

Из комнаты через порог шагнул отец, поправил на переносице очки, крикнул.

– Прибыл, значит.

– Прибыл, – выдохнул я. И на этом выдохе подался к отцу, сжал протянутую руку, притянул к себе его тело, почувствовав под ладонью острые лопатки и трепет дыхания. Дыхание сбилось, в ладонь забарабанила россыпь. Отец закашлял, отрывая жилистое тело от моего, потного после дороги. Казалось, что весь теперь я пропах вешней водой.

Отец отступил, заглянул в комнату, сел на край стула. Я заметил его острые колени. Такие бывают только у стариков.

Мать лежала на плахах, проброшенных между двух табуреток. Эти табуретки, грубо сколоченные отцовской рукой, густо выкрашенные половой краской я помнил из детства. На одной из них перед окном стоял столетник, покрытый пылью, которую мать смывала куском изношенной рубахи.

Свет желтил её лицо, острые скулы и нос. Скулы и нос всегда после смерти остры, протыкают загустевший воздух. Белый лоб опоясывал венчик и вязь слов; из твёрдых пальцев торчало, как пробившийся и умерший росток, чёрное пластмассовое распястье. По-матерински звучало протяжно: «распястье».

Я сжал её руки. В них не было ни тепла, ни холода, что-то дрогнуло, расшатало материнское тело на плахах, тело превратилось в сгусток тяжести, из которого вынули дыхание, и это дыхание раскачивалось под потолком, копило остаток тепла. Кусок за куском тепло выбредало из дома в открытую дверь, в распахнутую настежь дверцу печи, через черноту сажи каптилось по трубе.

Под плахи, под хозяйскую спину, улеглась Инга. Я заметил её оплывшие бока и отвисшие сухие соски. Собака недавно оценилась, но щенков отец убрал.

Губа посолонела, и я всё старался стереть эту соль, мазал по щекам, – но, вязкая, она копилась в горле, носу, застилала глаза; мой запах внешней воды, напивавшись солью, вытекал из моей разбухшей головы.

– Гроб ещё не сколотили, – отец стоял у материнских ног в мягких алых тапочках, возле алого белел сложенный саван.

– Há вот, – Полина протянула шерстяные носки, резко пахнущие овчиной, – сухие надень.

Усевшись на порог, я стянул скрипучие ботинки, влажные, еле тёплые носки.

– На пороге не сидят, – отец растирал пальцем мутные стёкла очков, поднося к лицу, разглядывал их на свет, в линзах прыгало живое радужное пятно и отпечаток пальца.

Полина сунула ботинки в чёрную пасть печи, на тёплый под, где мать пекла калачи, рассадив тесто на газеты. Бумага, прилипнув, пригорала к хрустящей корке.

Гроб привёз местный плотник дядя Вася, худой, с клоками жёстких волос над глазами. Дядю Васю я всегда считал лешим; всё его тело, как мхом, было покрыто густым волосом, для головы волос не осталось, лысая макушка блестела под лампочкой в тусклые шестьдесят ватт.

С дядей Васей втащили домовину, вместе с ней – запах смолы, древесной стружки, щедро насыпанной на дощатое днище гроба. В сенках белел крест и крышка.

Креститься «леший» не умел, постояв возле матери, потянулся к двери. Я заметил прозрачную горловину и алую пробку, торчавшие из кармана «пинжака». Полина молча махала «лешему» вслед, словно благословляла на дальнюю дорогу.

Перетрясая стопы тряпья, Полина вынула из шкафа отрез коленкора, алый сатин. Отец зажал в губах мелкие гвозди, толстыми, жёлтыми от самосада пальцами перебирал ткань, разглаживал шов. Молоток ходил криво, сбивая шляпку гвоздя, сминал коленкор.

– Дай мне, – я протянул отцу руку.

Отец крепче сжал в губах гвозди. Замер, внимательно оглядел съехавшее с доски полотно, с протяжным выдохом бросил в стружки молоток.

Гвозди впивались в дерево, отец кряхтел, проглаживая руками ткань:

– Не шибко бей. Прорвёшь.

Гроб я обивал впервые. От дерева пахло свежо, прогретым на солнце бором, шелестели жёлтые завитки, коленкор крыл годовые кольца. Отец принёс чёрные атласные ленты, примерил к алому краю, располосовал на куски, пригвоздил, словно очертил грань. Из цветастого свёртка Полина достала подушечку, уложила в гроб. Подушка была набита материнскими волосами, которые она остригла перед болезнью. К смерти, как к уважаемому гостю, готовились.

– Запаслась покойница. Спасибо, – отец положил молоток на пол. От «покойницы» ополоснуло алым и горячим. Вместо матери – «покойни-

ца», стремительно, как стрелка на часах. Вместе с теплом сквозь трубу и сажу улетучилось слово.

– Договорились, чтобы не анатомировать, – Полина расправила под чёрным платком волосы. – Чего мёртвое тело маять.

О том, что тело, даже мёртвое, нужно хранить от маяты, я думал просто, как рубил в бревне паз: тело создано для пота и крови. От маяты беречь нужно душу. Чего я не умел.

Мать уложили в гроб. Гроб водрузили поверх плах.

Пенилась вода, отрезая село, как остров, от мира.

II

На переправе ждал Анатолий.

След после нас провожающие присыпали песком. Полина бросала в окно «шестёрки» зерно и сосновые колючие ветки.

«Дюралька» раскачивалась на бойкой волне, в борт плескалась мутная вода. Над грейдером волочились тёмные от влаги брёвна, упругие жерди, лабзы камыша, которые прибывало к чёрным заборам.

За машиной увязалась Инга, заглядывала в лица, первой сорвалась с берега и запрыгнула в лодку. Анатолий выкинул собаку за борт, в шутку погрозил красным от ветра и воды кулаком.

Гроб втащили на лодку. Из-под винта с утробным хлопотом забурлила вода, понеслась пена, капли ополоснули багровый сатин. «Дюралька» выла, против течения шла тяжело.

Анатолий в шапке и фуфайке правил к бледному взгорку. Апрельский ветер остро сёк грудь и лицо.

К берегу шли мужики. Лодка, замолчав, ткнулась брюхом в мягкий влажный песок. Мужики притянули лодку, привязали верёвкой к электрическому столбу с оттопыренной деревянной ногой, стащили гроб и понесли, закинув на плечи.

Куски земли сыпались с грохотом, съедали алое. Я бросил три горсти, которые проглотила земная утроба; быстро рос холм, заполнял пустоту. На светло-жёлтом кресте, вместо тела, маялся и рвался на ветру белый рушник. Полина раздавала отрезы и носки мужикам, они брали милостыню землистыми руками, пихали в глубокие карманы. Я протянул деньги и три бутылки «Пшеничной», на которой шумела и пахла хлебом полоса, и небо было синим-синим, каким оно не бывает в жизни.

– Оставайтесь. Мы к вам придём, а вы к нам не ходите, – Полина гнусаво прощалась с холмом земли. Красное лицо опухло.

На вершинах старых тополей латали прошлогодние гнёзда грачи, вили новые; их крик заполнял простор, пугал кладбищенское вечное молчание. С мраморных плит глядели знакомые, но позабытые глаза, их поток уносил в прошлое; раскачивались низкие сосновые лапы, с которых падали хрустящие шишки; в растворённые дверцы оградок вползал запах весны, сырой земли, разгоряченного древесного нутра. В старой гуще всё так же чернел ствол сломленной сосны, и блазило, как во сне, в травах бредёт чёрная старуха.

От Анатолия пахло самосадам – в весеннем воздухе запах этот был особенно терпким, кисловатым, словно крошки табака, набившись в тучи, разопрели, выпустили сизый дым, который полз по далёкому бору.

Волна внахлест била песок. На берегу ждала Инга, вылизывала брюхо и набухшие от молока соски. Анатолий скомкал деньги, спрятал под фуфайку и всунул в карман «пшеницу и синее-синее небо», украл свет, потекла пасмурь. Переправщик остался в лодке. Я слышал, как шипит вода, оглажи-

вая борт лодки, как несётся с берега железный гул днища, крепнет, поднимается к небу, раскатами летит, бьёт в затылок. Так оглушает весна.

III

Чадила баня. Пахло закипевшей берестой. В доме по белым стенам шелестела щётка, влажный воздух полнился ароматом глины, свежей извести. Полина мыла после «покойницы», отец тенью перемещался по комнате, чтобы не мешать «бабской работе».

Накинул куртку и отцовскую шапку, надел скрипучие сапоги, ввалился в сухое тепло бани, забросил в топку беремья сосновых дров и пошёл к берегу, наглядеться на воду перед отъездом.

На берегу сохла лодка с густо промазанным битумом днищем. Глянцевито блестел поднятый винт «Ямахи». Дорогую штуку из города привёз Слава. Я был старше Славы на пять лет, в детстве белоголового Славика учил материться. Теперь белоголовый жил в городе, приезжал в село по выходным.

Слава укладывал в лодку мешки, на серой траве стоял генератор «Хутер». Мы «поручкались», загрузили генератор в лодку. Слава глядел на волну, на чёрную пляску туч в воде. Навалившись на «дюральку», я толкнул лодку на глянec. Ставши невесомой, лодка раскачалась, медленно потекла на ряби к затопленным вербам.

Слава веслом развернул лодку, о борт ударялась набегающая волна, хлестко разбивалась, разлеталась на крупные капли, гаснущие в чёрной глубине.

Заурчал мотор. Лопасты, меся воду, разносили голубоватую пену, накручивали на мотор длинные космы выцветшего камыша. Слава глушил урчание, поднимал винт, срывал мокрые русалочки пряди, по которым сбегала вода.

Катилась бесконечная волна, блестела бесконечная рябь, огромная рыба дышала, раздувала бока с перламутровой чешуёй, из алых жабр бурлила пена, обнося землю влагой. Вода набегала на небо, становилась небом, и было не различить горизонта, и не понять – сталь воды бьёт в дюралевый борт, или небо лопается от грома и стучит в брюшину лодки. Кружилась голова, и лодка с перевёрнутым днищем болталась над водным панцирем. Земли не стало, неба не стало. Была вода и остров, берега которого вода обмывает, как перед облачением в «смёртное» покойника.

Небо оторвалось от воды, по горизонту чёрной лентой растёкся бор, обозначая грани. Впереди на волнах маячила макушка, росла, превращалась в надутое водой брюхо, которое обрастало жёлтыми вербами. На брюхе были густо насажены дома, вросшие в землю избы, скатанные из толстых столетних сосен, щипали прошлогоднюю траву пятнистые коровы, втягивали в липкие тёплые ноздри весеннюю влагу мягкобокие телята. Рядом с телятами бродил алабай.

Лодка налетела на холм и заглохла.

– У меня сети поставлены здесь, – по упругому брюху прокатился голос, следом за голосом шёл Иван, брат Славы по отцу.

– Раньше бы говорил, – Слава выкидывал из лодки мешки.

Иван бросил в воду окурок, алый огонёк зашипел, почернел. Приветствовали друг друга сухими хлопками ладоней.

Генератор заволокли на брюхо, к самой макушке, на которой высился крепкий крестовик. В нём жил Иван с семьёй. По двору рассыпался хлам – железные остовы вымерших тракторов, среди которых бродили красноглазые курицы, глупо смотрели на небо, воду и нас, протяжно кудачтали.

В мешках был хлеб. Иван занёс хрустящие булки в дом, с крыльца крикнув, чтобы опасались петуха. За двором рыл землю, бузил и выкатывал бурый глаз бык. Такую бузящую скотину старики называли «порозом». Но опасаться нужно было петуха, его хвоста и пламени в нём. Бывает, «красного петуха» запускают на крышу. Но в окружении воды бояться нужно только воды.

Иван жил на отшибе, на втором острове, в семи километрах от нашего. По пути Слава перекрикивал грохот днища о воду и вой «Ямахи», рассказывал про брата, его дом – единственный крестовик на брюхе, разбухшем от водянки; про двухгодовалого бычка Яшеньку с горячими чёрно-пёстрыми боками и пятьдесят молочных коров, купленных на грант. У Ивана – или Ванó, как звал его иногда Слава, – было четверо детей, мал мала меньше, и жена с обветренными красными руками.

От Ивана стойко пахло молоком и навозом. Двор, бревенчатые стены крестовика и сама земля, казалось, напитались этим духом. Запах был знаком – особенно навязчив весной, когда начинает бродить оттаявшая земля, лужи полнятся багровым навозным соком.

Слава разглядывал МТЗ, по синей кабине которого, как седина, поползли белёсые полосы – так цвет слизало солнце.

– Готово у тебя? – Слава, переступая через железные кости, шёл к Ивану.

– Сейчас начнём, – Иван спустился с крыльца, поддёрнул залоснившиеся камуфлированные штаны. – Ты баранину ешь? – он уставился на меня. – А колоть умеешь? – перебил мою мысль, не давая очухаться в дурманном прелом запахе.

Ягушку погнали «на зады». Овца сдуру заскочила в бурелом, хрустя трубками пересохшего репья, вырвалась на свободу и напоролась на резкую брань Ивана. Овцу поймали, спутали, завернули комолую голову назад. Я отвернулся. По траве засучили ноги, проблеяв, ягушка захлебнулась.

От парного мяса исходил запах бараньей шерсти, ветер сушил жирные полога, обрывал бурые капли, которые копились на песке, словно закипая, оставляли алую пену, уходя в землю, печатали липкое пятно.

– Люблю в такую погоду забивать, – Иван вытирал руки грубой тряпкой, похожей на старую рогожку. – Мухоты нет. Здесь, знаешь, как рукам тепло? – он кивнул в сторону сине-зелёного пузыря. От вынутой утробы шёл пар, казалось, она оставалась живой, надувала упругую плёнку, в мутном шаре отражалось небо (или это была вода: кто-то перевернул полный стакан, быть может, теперь мы под водой и топчем облака?). – Охотники так делают, – продолжал Иван, пока Слава паковал в чёрный пакет кусок мяса. – Если руки замёрзли, то нужно засунуть их в кишки.

– Прямо как у Семёнова, – мне захотелось терпкого плова с бараниной. Остывающая требуха не мутила чувств и настроения.

– У кого? – спросил Иван. Его руки были красными, словно кровь пропитала их.

– Это всё разговоры. Мясо лучше есть. И мясо нельзя мыть, – Слава прятал баранину в полиэтилен, вымыл руки в ржавой бадье.

Во дворе, среди железных костей, маячили светловолосые головы, льняные, душистые. От детских макушек и темечка пахнет сладко: и перезревшим яблоком, и мятой, и клейким листом, и тёплой постелью. И хочется жить. Трое «ивановых» спрыгнули с вершины брюха, покатались по острову к сырому берегу. Четвёртый телепался в окне, стучал кулачком в стекло и кривил красный рот, ждал отцовского взгляда.

Иван предложил заскочить на чай. Слава отказался, протянул брату деньги.

– Ну тебя, – махнул рукой Иван. «Нутебя» лопалось от обиды.

– Вано! – как лозунг, выкрикнул Слава.

Иван молчал. Я отвернулся.

– Бери. У тебя дети, – Слава ждал, протягивал мягкую руку, и кожа на ней, упругая и светлая, впитывала синеву купюры.

– Я детей прокормлю.

За спиной глухо прозвенело стекло, в серую раму бренчала жена Ивана, как лепесток, металась в окне детская ладошка, и мокрые от слюны губы что-то лепетали. Иван улыбнулся, махнул в ответ длинной жилистой рукой, смутился откровения и нежности, скомкал улыбку и отвернулся от окна.

Мы спускались к опустевшему берегу. К песку с нежностью никла волна. Светловолосые улетели по невесомой серой пелене, и только голоса, что застряли в вербе и пушистых макушках, были осязаемы и так же, как вербы, нежны. Вместе с вербами их сломят и уложат на божницу.

Вдоль берега подпирали небо пустые дома, чёрные глазницы окон смотрели на волну, не различали выси и земли, слушали плеск воды и вскрики лебедя, раскрыв, словно в удивлении раззявив рот, дверь, вывалили серое крыльцо на старую лебеду.

– Деньги нужны всегда, – говорил Слава, его слова нараспев путались в скрипе сапогов. – Мясо, молоко, хлеб, хорошо, конечно.

– Ещё вода, – прервал Иван.

– Чего?

– Воду ещё пьём, чтоб не умереть, – Иванова «вода» горчила.

Слава перехватил пакет, в котором обмяк кусок, источая аромат и сукровицу. Принял горечь «воды» и заговорил:

– Кроме грыжи ничего не заработаешь. И что тебе дети скажут: «Папа, а девочка в телевизоре в кино ходит и попкорн грызёт!»?

– Я телевизор закопал.

– Упрямый ты, – Слава усмехнулся.

Я первым запрыгнул в лодку, принял пакет с мясом и уселся на холодную доску, проброшенную между дюралевых бортов.

– За генератор спасибо, – Иван с шумом вошёл в воду, крепкими руками вытолкнул лодку из вязкого песка и отпустил нас по волне. Заурчал мотор, выписал пенную дугу. Иван стоял в стальной глубине, его болотники омывала вода.

– Зачем ему генератор? – перекрикивал я урчание импортного зверя.

– Электричество отключат, – кричал в ответ Слава. Наши слова рвал ветер, уносил, забрасывал на вершины сосен, потонувших в воде. Там они, потеряв человека, превращались в беспокойных ворон и неслись по округе надрывным «кау», как сгусток горечи и боли.

– Зачем?

– Паводок, – Слава обвёл рукой сине-серый простор, пытаясь ухватить и смять раскисший от воды пейзаж. – Ты что, без света никогда не жил?

Я пожал плечами и мотнул головой. Без света я жил, но боялся потерять мерцание жёлтого огня над головой, заточённого в стекло.

– Без света мы всегда живём. Вместо него придумали электричество, – Славу потрянуло, он поперхнулся словами, сбавил обороты. Лодка килем наскочила на мель.

IV

Я уезжал, и мать крестила вслед, отец проклинал молчанием. Двадцать лет назад.

«Двадцать ли?»

Я очнулся, не понимая, произнёс вслух, или мысль, обретя тело, прозвучала сама. Слава спокойно смотрел на воду, не слыша моих «двадцати».

Мимо борта бежали утонувшие сосны, берёзы, кривобокие вёты превратились в плакучие ивы, опускали потоки желтоватых, пока без зелёной ряби, веток, с которых сбегал сок, крапал в сталь. Плакучая ветла наплакала, утопила землю, оставив, как прощение, клочок земли. Только он теперь и был. Оставшийся город, дорога и пыль растворились, как сахарный осадок в крепком чае.

Я узнал серо-зелёную копну из сосен и тополей, и казалось – пуская пар от влажной земли, темнеет рыхлый вытянутый бугор, мечется на кресте белый рушник. Вчера навещали мать. «Покойников до обеда проводят», – говорил отец, застёгивая на худой груди рубаху. Он готовился основательно, как будто там, над бугром земли, «проведав», мог отведать смысл вечного. Больным и дремучим старикам смерть лучше жизни.

Моторка секла волны, шла к переправе; от неё, обогнув село, мы хотели причалить к берегу, к огороду Славиного дома, от которого отходило дюралевое судно утром.

Задумался и не заметил, как моторка остановилась на холостых, мягко ткнулась, как телок в материнское вымя, в песок.

– Переправы ждём? – Славин голос качался на воде, медленно тонул.

– Да полчаса уже, – бледно-алым вспорхнули сухие губы, быстрые и знакомые, как и голос, и тонкая бровь. И глаза, отразившие небо и воду, были знакомы. Дрогнув, я раскрыл рот, готовый сорваться и крикнуть в удивлении, но замолчал, пришибленный мыслью: «Дурак».

С водой лился поток слов, которые питали землю, а я не искал смысла, неотрывно смотрел в эти глаза, как в небо, как в воду, на которые хотел наглядеться прежде, чем отчалить.

– Здравствуй, Лёш, – она уселась на плашку, утрясла пакеты и сумку и замерла в ожидании, как перед дальней дорогой.

– Здравствуй, – удивился, как имя, позабытое мной, легко звучало в её сухих губах, теперь оно лежало на воде, пухом липло к влаге, оставалось на сини, и гудел мотор, винт накручивал волну на металл.

Казалось, её имя я забыл, двадцать лет назад слетавшее с моих губ. Вспомнил это «Лёш», как своё настоящее, данное при крещении, которое хранят, как святыню, от чужих. Надя, конечно, Надя. Надеждой никогда не называл, только в шутку: «Я живу с Надеждой».

– В области была, а здесь затопило, – кричала она сквозь вой мотора. – Сына провожала в армию, – всё расправляла набегавший на глаза шарф и волну светлых волос под ним, развернувшись к Славе. Но говорила она мне, для меня.

Мотор замолчал. Тишина приятно ласкала слух. Я спрыгнул на песок, чувствуя, как качаюсь на земле, привыкнув к колыбели воды. Принял пакеты и сумку, Надину руку и тяжесть её тела. Смеясь над своей неуклюжестью, она вышагнула из лодки:

– Ой, корова, – потешалась она.

Распрощались со Славой и пошли.

– Схоронили? – она, как и я, шла и качалась, голос тонул в разбухших почках сирени.

– Да. Теперь домой собираться надо, – я шёл следом, сминал, как песок сапогами, годы разлуки.

– А я хотела схоронить, да не получилось. Так-то бывала у покойницы, и перед самой смертью заходила.

– Ты как здесь? – выпалил я.

– Да я здесь лет пять уже живу. Отец как заболел, переехала к нему. Схоронила. Так вот и осталась. Квартира, думаю, для сына пусть будет. Женится – жить надо где-то. Молодым тяжело теперь.

От прошлого остался дом, окна и двери; только новый забор, диван, стол, телевизор «ЭлДжи» и двухметровая «Бирюса» губили прочно слитые воспоминания.

«Бирюса» мерно гудела, замирала, вздыхала и начинала молчать, на плите шипел чайник, по календарюплыли россыпи цифр, и на глянцевитой картинке была синяя вода и синее небо. Но наша вода и небо были серыми, как пух желторотого лебедя.

– Один приехал? – Надя вернулась на кухню, и теперь воздух наполнился запахом мыла, крема, духов, звоном посуды, её тёплым дыханием. Так женщина заполняет собой пространство. Вопрос был прост. И если бы сейчас она спросила о погоде и высоте придорожных тополей, – я бы понял. Говорить о моей жизни и женщине она не могла.

– Один, – просто ответил я. – А твой где? – Я заглянул в комнату, в которой бродил серый свет дня.

– Кто? – она сметала в ладонь крошки для птиц и голодного апрельского дня. – Мы ведь давно не живём, – она махнула рукой, оттолкнула мои слова.

Было легко. И всё качалось вокруг, и сам остров, подхваченный волной, плыл и плыл.

Надя снимала с плиты чайник, а я вертел глазами. Магнит «ЕКБ» лепил к белому боку «Бирюсы» фото.

– Виталька мой, – радостно сказала Надя, расставляя кружки с чаем. Мне попалась толстостенная, со спелой смородиной, от листа которой терпко пахнет весной, соком земли. Земля пахнет прекрасно, как и вода.

– На тебя похож, – в светловолосом парне я видел её глаза, улыбку и что-то неуловимое – поворот головы, прищур или «поглядочку», как поют в частушках.

– Отец вылитый, – Надя устроилась напротив, возле окна с геранью.

Громко бренчали часы, и мы говорили ни о чём, и чем дольше тянулось время, тем ближе клубилась мысль: «Завтра отчаливать». Надя смеялась, так сочно, так спело, словно апрель промчался одним днём: выгляни в окно – и май греет вспаханную полосу. Я разучился ждать весну, забыл, как пахнут срезанные металлом пласты паров.

Она провожала меня до крыльца и вдруг спросила о сыне и жене.

– Сын в Москву уехал, рубля надо длинного, – ничего не сказал о жене, помолчал. С крыльца был виден водный горизонт и водные тучи. К вечеру холодало, скоро свалится на землю туман, из водного вымени сонной коровы польётся молоко, пахнущее молодой травой.

– Мы с тобой почему разбежались? – Я воткнул в губы сигарету. Вопрос был прост и лёгок, как туман и дымка над огородом.

– Да кто ж его знает, – она пожала плечами, по-доброму улыбнулась. – Уступать надо. А люди глупые. Даже те, кто умные, всё равно глупые, – говорила она и смеялась. Все серьёзные вещи и правду всегда говорят, смеясь, чтобы истина стала ложью.

V

Дом пах глиной, чистотой; на вымытый пол легли ленты половиков и старые паласы с тёмными цветами. Цветы были похожи на забайкальские саранки, но кроваво-бурые вместо желтизны степного солнца. В печном нутре гудел огонь, от жара кололись на искры осиновые дрова, про которые говорят, что весёлые. В доме с печью, в которой вьётся огонь, не так одиноко, словно кто живой раздувает бока, выпив пять кружек крепкого чая, и теперь дремлет, сопит, всхрапывает.

Полина ушла.

– Алексей, ты, что ли? – Отец лежал на диване. В чёрном плоском экране отражалось зарево огня.

– Я, – нажал на белую клавишу. Лампочка пропускала сквозь стеклянный панцирь темноту.

– Да нет света. Выключили, – отец поднимался с дивана, скрипели половицы и его колени. – В баню сколько раз уже накидывал.

– Первым бы шёл.

– Не привык я.

По обычаю, гость шёл в первый жар. Теперь здесь я был гостем.

Мылся с фонариком, скоблил худое тело, жилы; плескал воду на железный бок печи; баню заволакивало паром, который вис под потолком, лип к смоляным каплям.

Ждал отца на лавке в предбаннике. Сквозь щели ходил ветер, обдавал прохладой ноги и спину. Он рвался вместе с волной, гнал к селу запах влаги и стон земли, погружённой в пелену воды и тумана. Блуждали старые вёты, сбившиеся с пути; горя над ними, охали выпы.

– Хэ, – усмехался чему-то отец. Потом бормотал о свете и воде. – Отключили, замыкания боятся... Давно уже оно, замыкание это, в мозгах у них...

Он сидел за столом в чистой рубашке. От печи несло жаром. Металась искра свечи, скупое желтела отцовские руки с толстыми венами, лицо. В очагах беспокойно плясал огонёк. Я закидывал в топку картофелины. Захотелось молока, хлеба, картофельной рассыпчатой мякоти и шкурки, испечённой до угля. На улице теперь пахло золой и подгоревшим картофельным боком. Отец говорил – «картофь», как будто с придыханием о самом святом. «Хлеб» тоже нужно тянуть и выдыхать.

– Мясо и карасей унёс Игорю. У него генератор заведён, – перечислял отец, словно перелистывал страницы, терпел, откладывал главный вопрос.

И решил:

– Теперь когда приедешь?

– Отпуск в сентябре.

– Что мне твой отпуск. Всё равно ведь не поедешь, – отец махнул рукой, свеча на миг потухла, возмущившись, снова разгорелся огонёк. – Так и могилы зарастут, нарочно никто не придёт. Лучше бы уж как Матёра, под воду.

Чёрная вода бурлила и закипала, просветлел месяц, и от мягкого света вода становилась темней, глубже.

На столе чадили печёнки в золе, пахло угольком и осиновым жаром. Отец ел молча, верил в святость хлеба, земли и воды. И что было для него сильнее, не разгадать, но воды он ждал, как правды, силы и свободы. Однажды, когда мать собиралась до колодца, чтобы почерпнуть воды, которая в ночь на Крещение бывает святой, он сказал: «Вода всегда святая». Может, прикоснувшись вслом к стальной глади, он молился, скупое, по-своему, про себя. Отец знал, что ходят не *за водой*, но *по воде*. «Как ты её догонишь», – ухмылялся людской глупости.

Отвыкнув от дома, я ворочался на кровати, прислушивался к скрипу половиц и брёвен, дом, разминая отёкшие бока, ворочал пазы на старом сухом мху, тянуло сыростью из подпола. Ставни, отдавшись ветру, готовы были сорваться в небесную гущу, держались на ржавой проволоке, стонали. Отец поднимался, шёл к двери, звал Ингу. Собака пропала во тьме, или в воде. Оттого дом ходил ходуном, но спасала грузная русская печь, в которой тлели угли.

Завтрашний день, я знал, будет тяжёл и сер, как вода. Прощания я не любил и не знал, что лучше, уезжать или глядеть вслед, провожая. Двадцать лет назад, перед дорогой, отец сказал: «Собрался, сынок?» Так он назвал

меня впервые, и «сын» перевешивало всю тяжесть жизни. Ничего глубже, грубее и горше от отца я не слышал.

К утру Инга не вернулась. Отец защёлкнул на двери замок, и мы пошли к переправе. На дороге стояла Полина, прятала в карманы окоченевшие руки. Ветер был силен. К переправе подтягивались мужики, работавшие на лесопилке – последнем «градообразующем» предприятии села.

За всех говорил ветер. Вместе с порывами стонали вёстры, но грудного воя моторки было не различить. Так протянулись двадцать, тридцать и сорок минут, и время терялось, растворялось в воде. Вместо этих минут, казалось, мы стояли годы, ждали переправы, переминаясь на отёкших ногах.

– Всё, не будет переправы, – первым нарушил молчание и перебил затяжной монолог ветра Сергей. Когда я уезжал, Сергей был тонкошеим парнем, сейчас руки и голос его загрубели.

– Почему? – я посмотрел на щербатое лицо и красные глаза.

– Запил. Точно.

Мужики, бросая в волну окурки, медленно расходились по пустым длинным улицам.

В Славинном моторе закончился бензин и масло, а переплыть нужно было позарез. Я хотел сечь ребром ладони по кадыку, чтоб объяснить это, но Слава разводил руками. Анатолий мирно спал или шёл на вёслах, блуждал в рваном тумане, выдыхая тяжёлый кислый перегар.

– Ну, ничего, позвони. Объясни – так, мол, и так, – успокаивала Полина, протягивала свой телефон, в котором, в отличие от моего, была связь. И я не мог понять её волнения и тихой радости.

О том, что я задерживаюсь, жена не горевала. После звонков я возвращался к переправе, но вода оставалась неумолимой и такой же бесконечной. Анатолий, потерявшись, где-то спал в лодке, и в пьяной радости он был спокоен и по-своему неоспоримо прав.

– Ладно – твоя взяла, – ответил кому-то: отцу, Полине, острову или воде, убаюкавшей перевозчика в фуфайке и шапке.

Посыпал дождь – такая колкая россыпь звалась в народе «матрусью». Отец дремал под плеск с потоков, вздрагивал и заходил в кашле.

Я вышел на морось, поёжился, хотел идти к Полине, но свернул в тёмный под ветлой проулок. Пустые дома чередовались с живыми, но теперь вода лишила электрического света, и в сумерках было не различить, в каком из них обитает абориген. Вода поглотила остров, пока я спал; теперь шёл в воде, под водой, ждал, когда проплывёт могучая рыба, выкатит холодный металлический глаз, отразит моё лицо, всколыхнёт хвостом воду.

– Вода к воде липнет, – сказала Надя и впустила в тепло, где так же пахло кремом и её волосами. Вода помогала, скрывала мой шаг, смывала грех, прятала в тёмную гущу. Надя не таилась, зажгла свечу, но я прикрыл фитиль пальцем, растёр обуглившуюся нить.

Она долго молчала, перебирала пальцами растрепавшиеся волосы, наконец, глухо заговорила:

– Когда теперь отчалишь?

Слово наполнилось тоской. Нужно было обмануть.

Небо прояснилось, матресь замолчала, последние капли сбегали с крыш, звенели в луже у фундамента, в окно упирался красноватый «рыбий глаз». Надя поднялась, завернула плечи в одеяло и задёрнула шторы, прогнала рыбье любопытство. Из тепла уходить не хотелось. И, вернувшись, нужно что-то сказать отцу.

– Поехали со мной, – я натягивал рубаху, путался в рукавах.

– Смешно как, – она села рядом, прижалась ко мне горячим плечом. – Столько лет прошло, чтобы снова сойтись.

– Всяко бывает.

– Я жалела тебя.

Я молчал, соглашаясь.

– Мой прийти может, – она убирала постель, на упругом теле колыхалась сорочка.

– Кто?

– Муж. Я же с ним не разведена. Давно не живём. Он человек неплохой, пьянка только далась. Иногда приходит, чтоб накормила.

Я вышел под «рыбий глаз», ветер утих, как милость, дал тепло, и влажная земля парила.

В тишине пролилась вода, словно кто плескал вёдрами в её гущу; утробно и отрывисто кто-то кричал. Крик тонул, мешался с водой, вынырнув, снова проносился во влаге и тумане, повисал в пространстве и в молочной рани.

Я вышел на огород, спустился к берегу; чёрная полоса земли скрывалась под беспокойной волной, из воды торчал почерневший от сырости забор и красные вершины вишнёвых кустов. От резкого плеска раскололся воздух, и я отскочил, почувствовал, как холодные капли посекали щёку. Над водой метался крик, в плеске волны дрожало пятно, вскидывалось и снова падало в воду.

Косуля рвалась от земли, но не сумела: тонкой ногой угодила в щель между толстого тёса.

Светало медленно, пелена порывалась на востоке. Я кинулся к дому, в голове крутилось, что нужно отыскать верёвку, лодку и кого-то сильного, с крепкими жилами и нервами. Но плеск и крик, свернувшись клубком, опали в воду. Косуля, разметав по воде серую шкуру и ветви рогов, утихла; её укачивала вода, между досок чернело острое копытце, которым рогачу высекать бы на крыше самоцветы. Зверь хлебал жадно воду, выкатывал глаз, раздувались бока; рванувшись из последних сил к водной дали, он упал, убаюкался.

Я зачем-то пришёл к переправе, и руки были пусты. По воде расходилась рябь, над туманом парили космы вётел, впереди, разгребая белую ослабевшую вату, качалась лодка, от дюралевого носа к бетонной опоре на берегу тянулась верёвка, густо усаженная мелкими каплями. Запахло табаком, закашлял переправщик.

Молча зашагнул в лодку, занёс на железное брюхо воду.

– Переправь до кладбища.

Анатолий важно докурил, отвязал лодку, толкнув судно в дюралевый острый нос, прыгнул с утробным гулом на днище.

– Обратно не повезу, – и забренчал мотор.

«Плевал я на тебя и на твою переправу». Вчерашняя злость на Анатолия прошла, осталась тоска. Так бывает после похорон, когда вернёшься к пустому дому с пустой думой. Тоска приходит следом по замытым следам, спустя день и два пробуешь настоящую горечь.

Анатолий ждал на берегу, о борт хлюпала вода. Кладбище утопало в тополях, чахли две лиственки, сыпали чёрную хвою. В вершинах блудили ранние птицы, трещали, зазывали день. Сквозь пелену пробивался жар, после тумана и ночного дождя повиснет «вёдро».

Материнскую могилу я увидел сразу – её сырой холм, прикрытый изумрудной хвоей венков; тяжёлый от влаги, обвис на кресте рушник – такой же серый, как туман. Возле венков, где крест вырастал из супеси, свернув-

шись, лежала Инга. К чёрной шерсти лип туман, и светилась морось на хребте и боках. Собачонка окоченела, уткнувшись носом в землю.

Я унёс Ингу в ров, присыпал листьями, вернулся и сел на сырую скамью. Так наступает горечь. К горечи мешалась соль, я душил всхлип, над головой висли тополя, слушали и ждали.

Вместо переправы Анатолий рассёк волну поперёк и погнал лодку по затопленной улице. Вода, обхватив огороды, вплотную подкралась к дощатым верандам и бревенчатым серым амбарам. Дома смотрели сурово, топорщили ставни с облупившейся краской.

Пришвартовались за селом. Анатолий вынул из кармана бутылку с тем же сине-синим небом и полосой ржи, ополоснул стопки и наотмашь выплеснул водку. Волна проглотила подаяние, с шелестом, как с благодарностью, забила о борт.

– На меня вчера осердились – переправы нет, – Анатолий зажмурился, проглотил водку, – а я один пить не умею. Вот и вышло так. А почему-то я тебя никак не помню, – он внимательно смотрел на меня.

Он был старше, но теперь, заглянув за борт в качающуюся воду, я видел скуластое лицо со впалыми небритыми щеками и красными, как у чебака, глазами, словно я мотался в лодке неделю и больше. В седине и морщинах мы с Анатолием были наравне.

– Ты сколько здесь не живёшь?

Я задумался, сколько не жил и когда закончилась жизнь. И чувствовал, как скользит по затылку провожающий любопытный взгляд, и кто-то вслед вспоминает: «Чей он будет?»

– Лет двадцать назад? Так? – он посмотрел в небо. – Я-то постарше тебя. Ты ведь на «Кировце» начинал. А на лицо не запомнил тебя. Редко ездишь ведь, – он говорил, зная. Только сам я запомнил, как давно оторвался от острова и где-то, убаюканный, тянусь по волнам.

Пили без закуски, Анатолий смеялся, что воды «около море, а не за-пить». Я быстро пьянел, раскисал, волна укачивала, и я заснул.

Очнулся через минуту или через вечность, резко и сразу, соскочил, и как о низкий прозрачный потолок ударился лбом о свежий свет и воздух. Кругом шевелилась и шептала вода. В лодку рядом со мной уселась весенняя блажь.

– Толя-я! – кричал я и ждал ответа, искал усатого переправщика.

«Утонул», – охватил страх.

Лодка упиралась боком в коряжистый топляк, в чёрных сучьях запуталась верёвка, и берег светлел полосой за верхушками верб. Я ткнул веслом в воду, нащупал дно в полутораметровой глубине. «Луг», – понял я. Старое судно дрейфовало по волне над покосами, и я спал крепко, без снов. Вынул из кармана телефон и вспомнил, что брать его было без толку: вышка, раздающая «мою» связь, топталась железными ногами в воде. Вместо воздушных волн под её остистым каркасом плескались водные, и впору было брать бутылку и отпускать послание в неизвестность и серо-жёлтую даль.

Выпутал веревку, завёл мотор и повёл лодку к переправе. Дюралевый нос поднимался, бил по воде; лодка сердилась и пёрла на мель, хватала винтом камыш.

На переправе от лесопилки выстроились мужики, вслушивались в ветер и гул моторки. Понуро глядел Анатолий с припухшим лицом, под носом топорщились седоватые усы, шапка съехала с головы, держалась на потных волосах, как на честном слове. В распахнутую фуфайку уставилась худая грудь.

Мужики заулюлюкали, побросали окурки и завалились в лодку, расселись по сырым доскам. Я остался на берегу, чтобы уехать с партией поменьше, уступил место голодным мужикам, с гомоном устремившимся к лодке.

– Ну ты даёшь, – протянул Анатолий. – Зачем лодку-то угнал? – говорил он спокойно, клокотавшая злость улеглась, перегорела. Я молчал, ничего не помнил. Подался от берега к забору лесопилки. Мужики проводили взглядом.

По крыше «Калины» струились капли, дождь был недолог. Под грязным днищем чернели чурбаки толстенных берёз, старше меня на жизнь. Колёс у «Калины» не было, и фары ехидно шурились под чёрной «мухобойкой».

– Твоя? – я оглянулся на голос. Печально улыбался узколобый мужик, и в этой улыбке копилась грусть, такая близкая и понятная.

– Моя, – я выдохнул, как перед нырком, готовясь набрать полную грудь весны, чтоб оставить себе на память. Хотелось чего-то хорошего.

– А мы гадали – чья? Говорим, что ненашенская.

Я усмехнулся, пошарил по карманам, сигарет не было. Гудел вой моторки, я шёл к переправе. На горизонте серым дымом кружились тополя. Захотелось в этот дым, как под покров, но я не знал, как доплыть к их чёрным загрубевшим телам, и кусок весны во мне изнывал, по капле высасывал душу. Нужно было что-то сказать отцу, Полине и Наде. Сокровенное я выдал про себя: «Видишь вдали тополя, и хочется к ним, – значит, причалил к дому».

ПРОЗА

**Коростелёва
Татьяна Николаевна**

Родилась в 1955 году в деревне Осокино Далматовского района Курганской области в семье крестьян. Училась в Смирновской восьмилетней и Далматовской средней школах. Закончив Шадринский педагогический институт, работала в школах города Далматова учителем русского языка и литературы в течение двадцати пяти лет. Печаталась в районных газетах Далматова и Шадринска, в областной молодёжной газете. Участвовала в областных телевизионных передачах, посвящённых поэзии. Были публикации в журналах «Урал», «Наука и жизнь», «Тобол», альманахах «Исеть», «Родник». С прозаическими произведениями принимала участие в открытых литературных конкурсах имени В.И. Юровских «Своя песня». Живёт в г. Далматове Курганской области.

**Татьяна КОРОСТЕЛЁВА
Никитична**

Потомственная крестьянка Миропея Никитична Канюкова, не знавшая грамоты, безвыездно прожила свой век в зауральской деревне Осокино. В её доме, в простенке между окнами, всегда висела фотография сына Степана Александровича Подкорытова, погибшего на фронте в годы Великой Отечественной войны.

Родилась Никитична (так называли её добрые люди Осокино) в большой трудолюбивой семье, где гостям говорили: «Добро жаловать», угощали «землянкой» – конфетами в форме горошка, похожего на землянику.

Красавицей Никитична не слыла, но, как девушка-сמידелушка, побывала в стряпухах у зажиточных преуспевающих крестьян села Мальцево. Не по расчёту, не по принуждению, а по любви, по согласию двух сторон летом 1917 года она вышла замуж за осокинского парня Александра Подкорытова.

Свадьба «бегала» в большое село Замараево. После венчания на обратном пути в Осокино свадебный поезд накрыл скорый окатный дождь. Вымокли все до нитки. Пострадало подвенечное платье, сшитое некоей умелицей – бабушкой Зиновией, имя которой десятилетиями передавали мы из уст в уста. Платье это с потёками, со следами «замараевского» ливня Никитична каждое лето вывешивала во дворе, чтоб не излежало, не превратилось в пыль.

Степан-Стёпушка, в котором свекровь Афимья Степановна души не чая-

ла, был первым сыном, вторым – Николай. Народились и девки – Мария, Александра – как без них! После рождения Софьи на безоблачное небо семьи набежала-наснулась первая туча: встал и ушёл со двора кормилец-поилец. Он увёл лошадёнку Серуху, а сыновьям выделил одни сапоги на двоих. Свекровь Афимья Степановна приняла смелое решение, осталась с невесткой и внуками.

Пытать судьбу вторично Никитична не стала, а на вопросы отвечала так: «Была под венцом, и дело с концом». Земельный надел – три десятины у Пимкова колка – помогал обрабатывать однодеревенец Иван, но забирал себе часть урожая, поэтому Степан и Кольша ещё малолетками взяли в руки серпы и литовки.

Славная, колосок к колоску, вырастала на плодородной земле пшеница. А если выдавался неблагоприятный для хлебопашества год, то у всей семьи отказывали-подкашивались ноги от хлебушка с жабреем и кобыляком. При-

ходил в семью и достаток, позволивший «перетрясти» избу, пристроить к ней горенку. Живи да радуйся.

В 1939 году призвали ребят на армейскую службу. Перед отправкой полушутя-полусерьёзно оба сделали зарубки на ободвёрке. Степан был выше и стройнее, у него была невеста Шуронька, которая обещала ждать. «Годы службы пролетят незаметно, – думалось каждому из братьев, – а там снова придёт в Осокино весна, запоют соловьи в рондовском саду, затрынкает балалайка».

Когда срочная служба Степана и Николая подходила к концу, грянула война. Она разбросала братьев по разным фронтам, по разным полям сражений. Но по воле providения, по воле недремлющей всевидящей судьбы единожды пересеклись пути-дороги братьев Подкорытовых. Встретились они на железнодорожной станции. Воинский эшелон Степана стоял одну минуту, за которую только и успел он отдать младшему брату фронтовой гостинец из солдатского пайка.

А Осокина, родная зауральская деревня, жила тревожным ожиданием писем. Война и тут постаралась, перевернула-переиначила жизнь сестёр Подкорытовых. Мария, сызмала привыкшая гужевать, села на трактор и сутками «загорала» в поле. Синеглазую красавицу Шуру, имевшую смутное представление о городе, о каком-либо производстве, взяли в ФЗО для обучения строительной профессии. Школьница Соня, увлечённая математикой, взвалила на себя заботу о корове-кормилице: летом пасти, зимой мережить поле, покрытое снегом, в поисках клочка сена или соломы.

Самой Миропее Никитичне приходилось несладко. Хлебное поле – сто потов – не отпускало и зимой. После обильных снегопадов бригадир Илья Гурьянович наряжал бабёнок на работы по снегозадержанию, и она, надевая для тепла две, а то и три юбки, выходила в поле.

Изрядно поредевшую, будто побитую градом семью поддерживала Мария. Ей как трактористке полагалось немного муки. Никитична делилась, подкармливала паренька из бедовавшего семейства. Бывало, с думой о сыновьях, с молитвой «метала» она краюху хлеба в кутнее окно, то бишь подавала нищенкам, которые ходили по сёлам.

Последнее фронтовое письмо старшего сына Миропеи Никитичны, исполненное драматизма, любви и высокой поэзии, содержало слова, повторить которые у нас никогда не хватало духу.

Сообщение о гибели Степана пришло немногим позже его прощальной эпистолы.

Когда закончилась война, в родную Осокину вернулся Николай с орденами и медалями на груди, но настолько изменившийся внешне, что сосед Василий Никитич его не узнал. Приболевшая в тот день Никитична без памяти выбежала навстречу.

В тот сенокосный день

Наша корова Тополинушка не была ненаедай. Она как будто знала, что «сена нет, так и солома съедома». Но мы не щадили живота, запасая для неё сенцо. Покос был далековато, в пойме реки Ольховки, но, как говорят, «свои ножки – что дрожки», да и тропинка к нему давно засвоена.

«Погода отменная, хорошо сушит», – говорила мама, имея в виду шибко разгулявшийся верховой ветерок.

Разбудилась я спозаранку. Мама, терпеть не могшая разлёживаться по утрам, стучала на кухне скалкой, готовила лапшу-самодельщину. Летом в деревне обходились тем, что давал огород, и «молочкой». Лапшу варили постную с луком и на молоке.

В летние дни два окна из семи мы держали распахнутыми. Было слышно, как кто-то, шурша травой, подошёл к окну прихожей комнаты. «Валя, здравствуй», – по голосу я узнала Надю Василия Егоровича. Она выкосила пологую галейку за рондовским садом и каждый день, насколько позволяло здоровье, ходила грабить и копнить.

Поговорив о погоде, о качестве сена, Надя удалилась. «Нам, Татьяна, тоже пора подсобирываться», – сказала мама, приоткрыв дверь горенки. Через спинку стула с вечера было перекинута безрукавое платье – «полу-солнце». Его я и надела, чтоб немного позагорать.

«Татьянка, сбегай в огород, сними огурчиков», – попросила мама, отрезая изрядный ломоть от растронутой пшеничной булки. В нашем удобренном огороде, несмотря на все ухищрения, почему-то не росла капуста, а огурцов нарастало – ешь не хочу. «Не поломай клечи», – напоминала мне в свою бытность бабушка Миропея, давая понять, что огурцы – культура нежная, требует бережного отношения.

Среди шершавых листьев, плетей и пустоцвета таились раннеспелые огурчики – «алтайцы», и я сощипнула до пятка.

Пропиталом мы запаслись, вилы-грабли были наготове. Но уже на пороге мама спохватилась: для работы под солнцем ей как воздух нужен белый хлопчатобумажный платок. Где его взять?

Мы бросили взгляды на сундук, стоявший в углу комнаты. Он был отрадой тёти Сони, незамужней женщины, сестры моего отца. В сундуке среди прочих вещей хранилась коллекция необрубленных головных платков. «Свои люди – сочтёмся», – подумала я и, нарушив Сонин запрет, выбрала для мамы красивый и скромный платочек.

Придя на покос, работали мы легко и неторопно, без понукания. Что понадсаднее, мама брала на себя и всё напевала любимую песню «Ой ты, рожь».

К вечеру на нашем покосе стояли аккуратно причёсанные копёшки – сено для Тополинушки, а мои плечи, руки, лицо покрылись ровным загаром.

Прошли десятки лет, но тот солнечный сенокосный день живёт в моей душе, как и память о маме.

Без транспорта нет победы

Сегодня, в канун празднования 80-летия со Дня Победы в Великой Отечественной войне, мне представляется необходимым вспомнить об одной из служб Министерства обороны. Об офицерах этой службы нет фильмов и художественных литературных произведений. Вернее, встречаются отдельные упоминания, небольшие эпизоды. Но есть исторические исследования, научные труды, публикации в специальных журналах и периодических изданиях. Это служба военных сообщений.

Моя гражданская специальность – «эксплуатация железных дорог», или, как она сейчас называется, «организация перевозок и управления на транспорте». Параллельно, начиная со второго курса, на военной кафедре института мы изучали организацию воинских перевозок на железнодорожном, морском, речном и воздушном транспорте. Начальником учебной части военной кафедры у нас был полковник Модестов Владимир Александрович.

Отрывок из его биографии:

«...после окончания Ленинградской Военно-транспортной академии... был назначен помощником военного коменданта станции Урбах и участка пути Приволжской магистрали. Эта станция была базой снабжения армий Сталинградского фронта. В конце октября 1942 года на одной из станций во время налёта вражеской авиации стоял поезд с боеприпасами. Поездная бригада состава убежала в укрытие, а поезд нужно было немедленно отправлять. Владимир сам вывел состав на перегон, за что был представлен к ордену Красной Звезды...» [10].

Первым местом моей воинской службы в августе 1972 года стало Управление военного коменданта железнодорожного участка и станции Курган Южно-Уральской железной дороги. Одним из моих наставников был тоже участник Великой Отечественной войны майор Коркунов Константин Фёдорович.

КРАЕВЕДЕНИЕ

**Покидышев
Николай Александрович**

Поэт, член Союза писателей России. Автор поэтических сборников: «Отголоски», «С тобою навсегда», «Неразделимость», «Звательный падеж» и книг «Осколок в памяти», «За Красными горами». Майор в отставке. Проживает в Кургане.

Модестов Владимир Александрович

В слове «участок» присутствует уменьшительный оттенок. Наш «участок» был общей протяжённостью около тысячи километров. Из них примерно девятьсот километров приходилось на Транссибирскую магистраль. Контроль за продвижением всех воинских грузов по участку, проверка караулов с обязательной записью в постовой ведомости о результатах проверки, принятых заявках на материально-бытовое обеспечение, встреча эшелонов, получение заявок

от начальников эшелонов на продовольствие и помывку людей на оборудованных для этого станциях, обязательные через каждые три часа доклады по засекреченной связи в Управление начальника службы передвижения на Южно-Уральской ж. д. по оперативным перевозкам – это только часть обязанностей дежурного помощника военного коменданта. Продолжительность дежурства – 24 часа.

Здесь я начал познавать практические азы погрузки воинских транспортов и эшелонов с боковых и торцевых аппарелей на платформы и выгрузки с них. Учился погрузке автомашин в «ёлочку» в полувагоны, проверке готовности «теплушек» для личного состава караулов, и многому крайне необходимому другому.

Но возвращаюсь к основной теме.

«Во всех войнах и военных конфликтах, требующих массовых перебросок войск по путям сообщения, служба военных сообщений, со дня образования, являлась важным связующим звеном между военным ведомством и органами транспорта» [1].

Прообраз службы был создан ещё Петром I в 1716 году. С тех пор двести с лишним лет с объявлением войны железные дороги театра военных действий переходили в полное подчинение Отделу военных сообщений как одному из подразделений Главного управления Генерального штаба.

Нападение фашистской Германии и вынужденный отход наших войск в начальный период войны поставили железнодорожный транспорт в исключительно трудное положение. Из-за временного отхода войск протяжённость железных дорог

всё время сокращалась и к концу 1941 года снизилась на 42 % от довоенного уровня. Среднесуточная погрузка войск и материальных средств в первые

Автор статьи с наставником Коркуновым К. Ф.

Эмблема железнодорожных войск и службы военных сообщений (ВОСО), включая слушателей Военно-транспортной академии и школ ВОСО по Приказу НКО СССР №165 от 31.08.1936 г: крылатый якорь с красной звездой, молотком и французским ключом (копия)

дни войны составила около 40 % общей погрузки на всей сети железных дорог. На контроле органов военных сообщений одновременно находилось до 1,5–1,7 тыс. оперативных эшелонов и до 10–12 тыс. транспортов только по централизованному плану [3].

«В начальный период Великой Отечественной войны, благодаря высокой мобилизационной подготовке железнодорожного транспорта и оперативности службы ВОСО (Военных сообщений), в летне-осенний период 1941 г. для развёртывания и сосредоточения Вооружённых Сил из внутренних военных округов были доставлены главным образом железнодорожным транспортом 291 стрелковая дивизия, 94 стрелковые бригады и свыше 2 млн. человек маршевых пополнений...»

В ноябре–декабре 1941 г. было скрытно перевезено с Урала, Сибири и из Средней Азии четыре резервные армии, свыше 30 отдельных стрелковых бригад. Это позволило остановить фашистскую армию под Москвой, перейти в контрнаступление, в целом избежать трагического развития событий.

Одновременно с перевозками войск и материальных средств на фронт шёл большой встречный поток эвакуационных перевозок из западных и юго-западных районов страны. В первые месяцы войны объём эвакуационных перевозок составил около 1,5 млн. вагонов, или 30 тыс. поездов [2].

«Роль службы ВОСО и железнодорожного транспорта в Великой Отечественной войне были настолько высокими, а иногда даже решающими [как, например, в битве под Москвой], что И. В. Сталин лично выслушивал доклады о ходе важнейших перевозок начальника Управления военных сообщений Красной Армии генерал-лейтенанта И. В. Ковалёва» [2].

Во время Отечественной войны в зависимости от места нахождения обязанности военного коменданта железнодорожного участка, конечно, различались: или это станция на линии перевозки из тыла, или конечная станция выгрузки вблизи театра военных действий для внутрифронтовых оперативных и снабженческих перевозок и т. д. Но в основном они включали:

- организацию и контроль погрузки, её правильности; приёмку вместе с начальниками станций;
- составление совместно с Военно-эксплуатационным отделением графиков движения эшелонов до станций выгрузки войск;
- контроль выделения потребного количества вагонов и локомотивов, определение порядка их пополнения углём и водой на промежуточных станциях;
- наблюдение за правильностью и своевременностью передвижения воинских частей и грузов, а также за погрузкой и разгрузкой воинских поездов;
- проверку состояния воинской дисциплины, материального обеспечения и бытового обслуживания военнослужащих, а также крепления вооружения, военной техники, материальных средств и других грузов;
- проверку несения службы гарнизонными караулами, расположенными на территории железнодорожного участка, а также караулами, сопровождающими транспорты с воинскими грузами;
- инструктирование начальников эшелонов, команд и караулов по правилам перевозки и требованиям безопасности в пути следования;
- проверку выполнения требований пожарной безопасности в проходящих воинских эшелонах и транспортах с воинскими грузами;
- слежение за санитарным состоянием залов ожидания для военнослужащих на вокзале и проходящих воинских эшелонов, вагонов с караулами, а также принятие мер по оказанию медицинской помощи военнослужащим, заболевшим или пострадавшим в пути следования.

Кроме того, военный комендант должен был немедленно устранять разрушения путей на станциях и перегонах. И это не считая бесконечных текущих вопросов.

Нельзя объять необъятное. Поэтому я остановлюсь лишь на отдельных эпизодах.

23 июня 1941 года был подписан приказ наркома о введении с 18 часов 24 июня на 44 дорогах **воинского графика движения поездов**. В нём предусматривалось первоочередное продвижение воинских эшелонов и транспортов, максимальное использование пропускной способности линий, обеспечение чёткой работы станций. Весовые нормы воинских эшелонов и транспортов были унифицированы, размеры пассажирского движения [как дальнего, так и пригородного] были сокращены до минимума.

Также была введена **новая система нумерации поездов**. Она позволяла органам военных сообщений в любой момент знать не только положение поездов на сети железных дорог, но и для каких фронтов они предназначены, какого рода груз перевозится, и какие меры предосторожности нужно применять при погрузке, выгрузке и продвижении.

«В годы Великой Отечественной войны станция Курган сыграла важную роль в обеспечении бесперебойной работы железной дороги. Железнодорожники обеспечивали бесперебойное прохождение поездов, устанавливали новые трудовые рекорды...»

Эта цитата оставляет за своими рамками реальную значимость подвига курганских железнодорожников. Представьте себе разветвлённую, а подчас густую, сеть железных дорог европейской части страны, сколько поездов и эшелонов движется оттуда. И все их нужно, не срывая графика движения – одного из основных законов для каждого железнодорожника, – отправить по Транссибирской магистрали на восток.

При этом на направлении Шадринск – Курган существовал однопутный мост через реку, т. е. встречные поезда могли двигаться только поочерёдно.

Цитата из буклета «Курган-1941»:

«...23 июня – железнодорожники Кургана объявили себя мобилизованными. За первый же день было перевезено сверх плана более 20 тысяч тонн грузов. Они обеспечивали бесперебойное прохождение поездов...»

С сайта «Национальная оборона»:

«...В первые месяцы войны объём эвакуационных перевозок составил около 1,5 млн. вагонов или 30 тыс. поездов» [2].

Сразу возник вопрос о местах выгрузки прибывающего оборудования. Нужно было не только быстро выгрузить, но и освободить путь и место на разгрузочной площадке для следующего эшелона. Как правило, крупные станции зажаты городскими строениями. Поэтому, во избежание скопления составов, принимались решения о выгрузке на прилежащих к железнодорожному узлу станциях, вблизи которых находились автомобильные дороги.

Даже в мирное время ни одна погрузка или выгрузка эшелона не проходит гладко. Погодные условия, усталость солдат, чья-то неопытность или небрежность в креплении техники...

На транспорте нет мелочей. В начале семидесятых с одного из заводов выводили на станцию платформы с погруженными на них танками. По соседнему пути проходил состав порожних пассажирских вагонов. Вдруг у одного из танков начала поворачиваться башня и стволом пушки зацепила пассажирские вагоны. Официально причиной назвали разрыв проволоочной стяжки, крепившей ствол...

Невозможно предугадать, что произойдёт. Но что-нибудь случается в самое неподходящее время. А времени, как всегда, и так не хватает. И спрос с помощника коменданта за нарушение графика погрузки-выгрузки всегда был самый жёсткий...

Параллельно шла работа по подготовке вагонов для мобилизационных перевозок.

До начала войны в эксплуатации находились двусосные крытые вагоны грузоподъёмностью до двадцати тонн и четырёхосные грузоподъёмностью 27,5 – 50 т. Четырёхосные вагоны, построенные в годы довоенных пятилеток, имели грузоподъёмность 50–60 т.

Крытые двусосные товарные вагоны переоборудовались в «теплушки» для перевозки людей, прежде всего для переброски войск. Вагоны обустроивались двух- или трёхъярусными нарами, утеплялись внутри деревянными щитами и двойным войлоком. В центре вагона размещалась печка-буржуйка. Грузоподъёмность вагона составляла 16 т, вместимость составляла 40 человек на площади 6,4×2,6 м.

Готовность «теплушки» тщательно проверяли помощник коменданта, санитарный врач и представитель станции. Обращалось внимание на техническую исправность дверей, их надёжного крепления во избежание самооткрывания при входе состава в поворот или при торможении на спуске.

Снова цитата из буклета «Курган–1941»:

«...15 декабря – несмотря на морозы и бураны, машинисты паровозов Курганского депо, окрылённые победами Красной Армии над немецко-фашистскими войсками в битве под Москвой, водят тяжеловесные поезда со значительным перевыполнением технических скоростей. В этот день машинист комсомольской бригады тов. А. М. Утюмов дал рекордный показатель, проведя тяжеловесный состав из Кургана в Макушино на 1 час 40 минут раньше расписания и без набора воды...»

Из нашего времени трудно представить, насколько непросто провести тяжеловесный состав на паровозной тяге за такое время. Особенно в зимних условиях, при снежных заносах путей и пониженной видимости. Поясню: проезд запрещающего сигнала приравнивался к преступлению, за которое могла последовать суровая мера наказания.

30 июля 1941 поступила первая партия раненых в первый головной хирургический госпиталь № 1729, разместившийся на станции Курган. В Кургане в течении первых трёх месяцев войны было создано пять госпиталей:

№№ 1728, 1729, 444, 1130, 3976. Всего в годы войны на территории Курганской области размещалось 17 эвакуационных госпиталей [8].

Эвакуационные перевозки раненых и больных приравнялись к воинским оперативным перевозкам. Они выполнялись военно-санитарными поездами (ВСП), временными военно-санитарными поездами (ВВСП) и военно-санитарными летучками (ВСЛ).

Также специальную нумерацию имели военно-санитарные поезда. Они были приписаны к распределительным эвакуационным пунктам и делились на временные и постоянные. Первые эвакуировали раненых из прифронтовых районов в госпитальные базы армий, вторые – из госпитальных баз армий в глубокий тыл.

А сейчас давайте мысленно объединим все эти направления работы в одно целое, и попробуем понять – на каком пределе человеческих возможностей трудились люди!

В связи с острой нехваткой кадров ушедших на фронт мужчин-железнодорожников заменили женщины. Уже 1 июня 1942 года доля женщин в общем числе работников железнодорожного транспорта составила 39,2 %, а на отдельных направлениях их число доходило до 58 %.

Вспоминаю разговор с одним из помощников машиниста станции Кособродск: *«В войну мама работала дежурной по станции. Часто и ночевала там, на посту дежурного. А я приносил ей еду. Закутаю картошку и бегу. Приду, а она от усталости даже есть не может. Обнимет: "Спасибо, сынок. Оставь. Потом поем..."»*

Сейчас тяговое плечо для машиниста электровоза – около 300 км.

«...11 ноября – машинист паровозного депо ст. Курган орденоносец Иван Петрович Блинов, воодушевленный докладом товарища Сталина к XXIV-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, провёл поезд от Макушино до Кропачёво (769 км) без набора угля и песка, дав среднесуточный пробег 1056 км.» [«Курган–1941»]

Было понятие «турная езда», когда обслуживание локомотива осуществляется несколькими (двумя, тремя или четырьмя) закреплёнными за ним локомотивными бригадами. За тендером паровоза цеплялась «тепушка» для отдыха. Одна бригада работала, а остальные отдыхали по очереди. Это позволяло сократить время на замену бригад и другие технологические процессы. Но тяговое плечо увеличивалось на несколько сот километров. А значит – на столько же километров машинисту нужно было детально знать профиль участка, все его переломы, подъёмы и спуски. Знать смежные кривые (повороты), расположенные близко друг от друга. Почему эти кривые опасны? Потому что накопление динамических условий движения состава в одной кривой оказывает влияние на условия движения в другой. Всё это входило в степень ответственности локомотивной бригады.

Мой дедушка Степан Степанович – в те годы вначале кочегар, а затем помощник машиниста – в составе таких бригад водил поезда от станции Синарская (ныне Каменск-Уральский) до Перми на запад и до Омска на восток. Бывали случаи, когда, вернувшись на свою станцию и получив продовольственные пайки, они опять отправлялись в поездку. Нередко эшелон, помимо стрелков военизированной охраны, сопровождал помощник военного коменданта...

Говоря о примерах самоотверженности и героизма, проявленного офицерами службы военных сообщений, железнодорожных войск и работниками транспорта, приведу отрывок из статьи «Бойцы первого эшелона» полковника Виктора Клусова:

«...Потери в личном составе во время войны служба военных сообщений несли очень большие. Её офицеры уходили при отступлении последними и возвращались обратно с передовыми эшелонами наступающих войск.

...Начальник военных сообщений 3-й армии бригадный комиссар И. Барinov в сентябре 1941 года в боях за Киев лично принимал участие в спасении эшелонов, боеприпасов и горючего на станциях Чернигов и Навля, руководил работами по устройству заграждений на участке хутор Михайловский – Навля и погиб в бою с прорвавшимися танками противника.

...Офицер комендатуры станции Гребёнка интендант 3 ранга Н. Ванцов лично производил расцепку горящих вагонов и погиб смертью героя.

...20 июля 1944 года заместитель военного коменданта станции Иваново капитан Л. Фокин, находясь в оперативной группе на станции Великие Луки, принимал активное участие в рассредоточении воинских поездов под непрерывными бомбёжками противника и был смертельно ранен.

...22 марта 1944 года на станции Старая Торопа при исполнении служебных обязанностей погибли военный комендант распорядительной станции № 51 инженер-майор Суликин, военный комендант станции снабжения № 92 подполковник Бабокин, начальник военных сообщений 37-й армии подполковник Бердоносов, начальник военно-продовольственного пункта станции Прохладная интендант 3 ранга Плучек, помощники военного коменданта распорядительной станции № 51 старший техник-лейтенант Стыров, лейтенант Яшугин...» [4].

Раткевич В. Н. в автореферате «Служба военных сообщений на железнодорожном транспорте в годы Великой Отечественной войны» пишет:

«...Офицеры органов военных сообщений на фронтовых железных дорогах, особенно на участках, подвергавшихся воздействию авиации противника, часто были не только организаторами, но и непосредственными исполнителями воинских перевозок. Так, 22 августа 1942 г. военный комендант железнодорожного участка и станции Сталинград подполковник В. Лопатин выехал на выгрузку эшелонов на разъезд Конный, но туда прорвались танки противника, и, обеспечивая выгрузку, он погиб.

Летом 1942 г. во время налёта вражеской авиации на станцию Райгород помощник военного коменданта капитан Лысанов сделал всё возможное, чтобы рассредоточить вагоны с опасными грузами, вывел в укрытие дежурную смену железнодорожников, а сам погиб на боевом посту...

...в марте 1944 года на станции Залешики попал под бомбежку эшелон с танками. В вагонах с боеприпасами возник пожар, начали рваться снаряды. Сопровождавший поезд лейтенант М. И. Гончаров, несмотря на контузию, вместе с поездной бригадой расцепил состав, вывел горящие вагоны со станции и организовал тушение пожара.

Благодаря его мужеству и чёткой распорядительности было предотвращено разрушение станционных устройств, спасены люди и техника...» [9].

С сайта «Символы воинской доблести»:

«... Старший лейтенант Иван Мефодиевич Тучной, занимая должность военного коменданта железнодорожного участка Белгорода, 4 августа 1943 года во время вражеского авианалёта на станцию Сариевка, лично занимался расцепкой вагонов и их растаскиванием в безопасное место, в результате чего спас 23 вагона боеприпасов и тола...» [5].

Восемьдесят лет назад закончилась Великая Отечественная война.

В народе говорят: «Тело заплывчиво, а память забывчива». Кто-то приводит по-своему: «Тело заплывчиво, а дело забывчиво». В любом случае, забываются или дело, или память. И совершенно плохо забыть дело и утратить память. Конечно, какие-то не очень важные дела или события можно и за-

быть. Но есть дела и события, не подлежащие забвению. Это дела и события той Войны. Цифры говорят сами за себя:

«Итоги работы органов ВОСО в период Великой Отечественной войны:

...Общий объём централизованных перевозок за годы Великой Отечественной войны составил 9 305 257 вагонов, кроме того, были выполнены большие перевозки импортных грузов, трофейного имущества и оборудования, а также значительные по объёму внутрифронтовые оперативные и снабженческие перевозки, осуществляемые распоряжением фронтов.

Мобилизация перевозки

За период мобилизации в первые дни войны перевезено 1 579 эшелонов – 58 401 вагон.

Оперативные перевозки

За период с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года оперативные перевозки выполнены в следующих размерах:

...По роду грузов снабженческие перевозки характеризуются:

Боеприпасы – 1 435 606 вагонов – 29,2 %;

Вооружение, технические и интендантские грузы: 1 173 007 вагонов – 23,5 %;

Горюче-смазочные материалы – 1 386 016 вагонов – 27,9%;

Продовольствие и фураж – 976 101 вагон – 19,4%.

Санитарная эвакуация

Для санитарной эвакуации было сформировано: постоянных военно-санитарных поездов – 260, временных военно-санитарных поездов – 137 и санитарных летучек – 300...»

И ещё:

«...За годы войны всеми видами транспорта был выполнен такой объём воинских перевозок, какого до этого не знала история. Так, железнодорожным транспортом он составил свыше 440 тыс. поездов, около 20 млн. вагонов...

За исключительную стойкость, инициативу и личную храбрость при выполнении воинских перевозок около 7 тыс. офицеров военных сообщений награждены орденами и медалями» [6].

«...Уроки использования железнодорожного транспорта и деятельности органов ВОСО в ходе Великой Отечественной войны многогранны. Положительный опыт, накопленный в ходе крупнейших оборонительных и наступательных операций, представляет собой величайшую ценность...» [9].

«Без транспорта нет победы!» – из этого, прежде всего, исходил и исходит личный состав службы военных сообщений.

Пусть простят мне офицеры ВОСО водных и морских перевозок, что не написал о подвигах на их видах транспорта! Вечная память и слава тем, кто нёс службу в те годы в управлениях военных сообщений на морском и речном бассейне, комендатурах военных сообщений водного участка и порта, речных и морских флотилий!

Пусть простят мне офицеры железнодорожных войск, что не упомянул о вкладе военных железнодорожников в Победу, о километрах путей, взорванных ими в начале войны, о «Рельсовой войне», о восстановленных под бомбёжкой километрах фронтовых путей в таких местах, где порою и телеге проехать непросто!

Пусть простят мне коллеги-железнодорожники такие короткие упоминания о них! Мы все неотделимы друг от друга, как пальцы одной руки. Думаю,

что сейчас, на западе страны, где идёт специальная военная операция, эта аксиома подтверждается каждый час! Кто-то под обстрелом строит прифронтовые рокады, кто-то – ведёт по ним «вертушки» с боеприпасами, кто-то – грузит раненых в военно-санитарные летучки, кто-то – спешит к родным на заслуженный отдых...

Пожелаем им скорейшей победы и возвращения домой!

Список использованных материалов:

1. Сайт Минобороны mil.ru
2. «Национальная оборона» <https://2009-2020.oborona.ru>
3. С сайта «Рувики: Интернет-энциклопедия», Центральное управление военных сообщений.
4. «Красная звезда», 29.06.2002, «Бойцы первого эшелона», полковник Виктор Клусов.
5. «Символы воинской доблести». «Труженики железных дорог : о награждениях военнослужащих службы ВОСО в годы Великой Отечественной войны». 10 декабря 2022.
6. Газета «Красная звезда», 4 марта 2008 г., статья «Через годы, через расстояния».
7. <https://web.archive.org/web/20210118113312/https://pobeda.mintrans.ru/history/29/> Министерство транспорта РФ, «Железнодорожный транспорт в годы Великой Отечественной войны».
8. «Зауралье в годы войны. Создание эвакуационных госпиталей». 13 мая 2021.
9. Раткевич В. Н. «Служба военных сообщений на железнодорожном транспорте в годы Великой Отечественной войны» (Историческое исследование). Москва, 2005 г.
10. «Уральская магистраль», «Гудок», Выпуск № 16, 05.05.2023, «Офицер военных сообщений».
11. <https://kurgan.roskazna.gov.ru/upload/iblock/5b4/Istoricheskiy-kalendar-Kurgan-v-41-m.pdf>

Они «к штыку приравняли перо». Памяти Г. П. Устюжанина и В. В. Усманова

**Могутнов
Валерий Петрович**

Доктор исторических наук, профессор, академик АВИН РФ. Полковник в отставке.

Родился 21 июля 1950 г. в с. Стрельцы Петуховского района Курганской области. Воспитывался в Долговском детском доме Куртамышского района Курганской области. С 1965 по 1968 г. учился в Куртамышском педагогическом училище на отделении физвоспитания, по окончании которого работал учителем физкультуры в средней школе с. Птичье Шумихинского района Курганской области. С ноября 1969 по ноябрь 1971 г. проходил военную службу по призыву в авиации Забайкальского военного округа. После увольнения с военной службы работал учителем физкультуры в школе, учеником токаря на Курганском заводе колёсных тягачей. В 1972 г. поступил, а в 1976 г. окончил Курганское ВВГАУ и был направлен для дальнейшего прохождения военной службы в Южную группу войск (Венгрия). В 1981 г. поступил на педагогический факультет Военно-политической академии им. В. И. Ленина, по окончании академии в 1984 г. был направлен на должность преподавателя в Курганское ВВГАУ. В 1991 г. защитил кандидатскую, а в 2001 – докторскую диссертацию. В 2004 г. избран действительным членом (академиком) Академии военно-исторических наук. За подготовку кадров награждён орденом «Михайло Ломоносов». В 2015 году уволен с военной службы по достижении предельного возраста пребывания на военной службе. Полковник в отставке. В настоящее время продолжает педагогическую деятельность в вузе.

В «Тоболе» публикуется впервые.

Что же такое патриотизм? Под патриотизмом всегда понималось одно из самых глубоких человеческих чувств, впитавшее в себя на протяжении многих веков и даже тысячелетий лучшие национальные традиции, моральные нормы, преданность идеалам своего народа, любовь к Родине, стремление служить её интересам, дальнейшему развитию и продвижению вперёд, защищать от внешних и внутренних посягательств. Быть патриотом Отечества, послужить ему достойно верой и правдой (а если потребуется – и самой жизнью) считалось великой честью для гражданина России во все времена. Не случайно знаменитый русский историк Николай Карамзин писал: «История всегда любопытна для того, кто Достоин иметь Отечество».

Настоящий патриот любит Родину не с испуга, не по указке. Патриотизм вырастает и крепнет на фундаменте серьёзного образования, культуры, понимания развития в обществе жизненных процессов и приоритетов. Таких людей не сбить с толку сиюминутными лозунгами на злобу дня, они каждодневно не меняют своих убеждений и взглядов. Служить Отечеству, быть его патриотом – вовсе не означает только: «Есть встать в строй!». Это значит – научить молодёжь любить всякий труд, не бояться трудностей, уважать людей, любить свою Родину. Например, никогда не носил армейской одежды доктор Гавриил Абрамович Илизаров, но гражданином и патриотом России, нашей Курганской области он оставался до последних дней своей жизни. Всегда были, остаются и останутся патриотами своей малой и большой Родины известные зауральцам гастроэнтеролог Яков Давидович Витебский, земледelec Терентий Семёнович Мальцев, писатель Виктор Фёдорович Потанин, художник Герман Алексеевич Травников и многие другие.

Однако несмотря на сложные для нашей большой и малой Родины времена в 90-е годы XX столетия, в Курганской области нашлись неравнодушные к происходящим событиям люди, вставшие на пути идеологии развала России, негативного отношения к историческому прошлому России, антипатриотизма, бездуховности и безнравственности. Это военный комиссар Курганской области генерал-майор Владимир Викторович Усманов и директор издательства «Парус-М» Геннадий Павлович Устюжанин.

Многими замечательными событиями, инициированными и организованными областным военным комиссаром В. В. Усмановым, был отмечен 1996 год. В этом году повсеместно в нашей области прошли слёты солдатских матерей, имевшие хороший отклик как у взрослого населения, так и у молодёжи. Особенно удался такой слёт в Юргамышском районе, проведённый в стенах музея «Материнская слава» на высоком эмоциональном накале. Беседа экскурсовода и создателя музея Веры Петровны Платницкой не оставила равнодушным к истории и судьбе своих земляков ни родителей, ни призывников. В Кургане состоялась международная региональная научно-практическая конференция, посвященная столетию со дня рождения Г. К. Жукова. Проведены соревнования юнармейцев, Уроки Памяти, тематические вечера. В областной и районных газетах были напечатаны сотни публикаций по патриотической тематике, выпущены книги «Маршал Жуков и зауральцы», «Шадринские были о солдатах».

В. В. Усманов

В Курганской области набирало силу юнармейское движение. Так, если в 1993 году в областном финале юнармейские команды представили 9 районов, то в 1996 году в соревнованиях уже участвовали 32 команды из 23 районов. Впервые был проведён месячник военно-патриотической работы на тему «Офицер – профессия героическая». В результате возросло количество юношей, изъявивших желание связать свою судьбу с армией. По итогам года Курганская область заняла лидирующее место в стране по отбору кандидатов в военные учебные заведения в Уральском военном округе.

В числе первоочередных задач военный комиссариат области поставил перед собой задачу усиления и координации работы с главным управлением народного образования области, общественными организациями, военно-патриотическими клубами и объединениями в интересах патриотического воспитания молодёжи. По инициативе военного комиссариата совместно с системой образования был разработан региональный компонент программы «Основы безопасности жизнедеятельности», в который включены строевая, тактическая и огневая подготовка. По своему содержанию и насыщенности эта программа, рассчитанная на 140 часов, была приближена к учебным программам начальной военной и допризывной подготовки юношей.

Ещё до принятия в 1995 году Федерального закона «О Днях воинской славы (победных днях) России» в Курганской области отмечали даты, посвящённые историческим победам российской армии и флота. После опубликования Федерального закона военный комиссариат области вышел с предложением в главное управление образования с тем, чтобы события Дней воинской славы углубленно изучались в общеобразовательных учреждениях и были внесены в учебные программы. И это предложение было принято.

Военный комиссариат области всемерно поддерживал работу военно-патриотических клубов «Крылатая юность», «Голубые береты», «Юный пограничник». С помощью администрации области стали проводиться учебно-полевые слёты допризывной молодёжи. Такие слёты прошли во всех районах, в них приняли участие свыше 4 тысяч юношей. В 1997 году было организовано 33 спортивно-оздоровительных лагеря. Опыт патриотической работы распространялся в школах области. Так, первый кадетский класс был открыт в школе № 9 города Кургана, а затем в Крутогорской средней школе Шумихинского района. Впоследствии кадетские классы открылись в Катайском, Далматовском, Шадринском, Куртамышском районах. Первый опыт их работы показал, что это очень интересная, увлекательная и необходимая форма работы с молодёжью, где наряду с теоретическими знаниями и практическими навыками ребята получали возможность профессионального самоопределения. Поэтому неслучайно резко возрос конкурс при поступлении в эти классы. Постоянным лидером в соревнованиях «Движение юных патриотов» была команда кадетов школы № 50 города Кургана, в 1996 году занявшая первое место и удостоившаяся права защищать честь области в общероссийском финале в городе Смоленске.

В 1991 году сложился творческий союз издательства «Парус-М» с областным военным комиссариатом, возглавляемым В. В. Усмановым. Участник боевых действий в Афганистане, генерал-майор, кандидат педагогических наук, человек энциклопедических знаний, лидер по характеру и стойчивый боец – В. В. Усманов стал «генератором» интересных идей, добрых и нужных дел в нашей области. Вот неполный перечень его инициативных дел, которые были реализованы в нашей области:

- взял под личный контроль доведение строительства госпиталя ветеранов войн и труда, был организатором постоянной благотворительной помощи ему;
- организовал шефство над курганским детским домом;
- стоял у истоков кадетского движения в Курганской области;
- инициировал и добился открытия в каждом районе именных «Колодцев памяти» в честь участников Великой Отечественной войны и героев Советского Союза;
- в год 55-летия Победы возглавил агитационный пробег «И мы никогда не забудем», который прошёл во всех городах и районах области. В ходе пробега было дано более 50 концертов вокальной группы «Лада» Курганского пограничного института ФПС России.
- Усманов В. В. лично выступал перед людьми разных возрастов, в школах, техникумах, посетил многих ветеранов на дому;
- стоял у истоков зарождения ежегодного областного конкурса патриотической песни «Родина. Честь. Слава»;
- организовал проведение международной региональной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения маршала Г. К. Жукова;
- по его инициативе в Кургане прошли конференции по государственно-патриотическому воспитанию;
- была реализована его идея по установлению памятников исчезнувшим деревням.

Все эти патриотические акции, конференции, слёты, проводимые в Курганской области в 90-е годы XX века, не финансировались из областного бюджета. За успехи в службе генерал-майор В. В. Усманов в 1997 году был награждён орденом «За военные заслуги», а за работу по патриотическому воспитанию молодёжи – Священным Синодом Русской Православной Церкви орденом «Святого Благоверного князя Даниила Московского III сте-

пени». Сегодня имя генерала В. В. Усманова носит губернаторская кадетская школа-интернат в Куртамыше.

Интересна такая особенность. В конце XX начале XXI века, в отличие от других субъектов Российской Федерации, в Курганской области о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., военных конфликтах, об участии в ней зауральцев было написано больше, чем за все предыдущие годы. И в первую очередь это было связано с творческой деятельностью издательства «Парус-М», книги которого имели и имеют неоценимое патриотическое значение. В них увековечена память не только об участниках как Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., но и современных военных конфликтов, Героях Советского Союза и России, солдатских вдовах, воинах-афганцах и др.

За годы своей издательской деятельности с 1991 по 2007 год коллективом издательства численностью 5 человек издано свыше 120 наименований книг. Здесь же выпускали литературно-публицистический альманах «Тобол». Основными направлениями издательской деятельности была родная природа, экологическая тематика, книги зауральских писателей и поэтов, а также военная тематика.

Остановимся кратко на характеристике некоторых книг, изданных «Парус-М». В 17 томов «Книги памяти», которая была подготовлена всего за два года, вошли сведения о 117 тысячах наших земляков, погибших или пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Правда о войне глазами очевидцев запечатлена в пяти книгах «Помни войну». В них вошли воспоминания зауральцев, участников боевых действий, которых уже сегодня нет с нами, а память о них жива. В 1988 году вышла книга «России доблестные даты». Это первое в России издание после опубликования Федерального закона «О Днях воинской славы (победных днях) России». Главная её особенность – региональная направленность. Через призму памятных дней воинской славы авторы показали в ней имена зауральцев, показавших чудеса героизма в битвах с врагом. Книга является ценнейшим подспорьем для учителей и всех, кто проводит мероприятия военно-патриотической направленности. За участие в подготовке и издании уникальных книг «России доблестные даты» и «Книги памяти. Чечня» генерал-майор В. В. Усманов стал лауреатом специальной премии Губернатора Курганской области в области литературы и искусства и лауреатом премии Союза журналистов России.

В 2000–2003 гг. издательством «Парус-М» было подготовлено и выпущено трёхтомное издание «Золотое созвездие Зауралья». Директор издательства «Парус-М», журналист Геннадий Павлович Устюжанин, вспоминал: *«Это были годы кропотливой работы сотен самых разных людей из всех городов и районов области. Подняты многочисленные документы отделений государственных архивов и военных комиссариатов, музеев и комнат Боевой Славы, отделений паспортно-визовой службы, перелистаны многие подшивки областных, районных и многотиражных газет, семейные альбомы. Так энтузиасты разных поколений по крупицам собирали сведения о боевой доблести земляков – солдатах Великой Победы»*. В первый том издания вошли сведения о 115 зауральцах – Героях Со-

Г. П. Устюжанин

ветского Союза и Героях России. Суходом из жизни участника Великой Отечественной войны, полковника в отставке, Героя Советского Союза Елисеева Федота Васильевича оборвалась наша связь с героями. Второй том книги «Золотое созвездие Зауралья» вобрал в себя сведения о всех Героях социалистического труда, а третий – сведения о кавалерах Ордена Славы. В 2006 году в издательстве вышла книга «Солдатские вдовы» объемом 800 страниц. При подготовке книги, как вспоминал составитель этого издания Г. П. Устюжанин, поступило 50 тысяч статей о солдатских вдовах, в книгу пришлось включить только тех, кто воспитал трёх и более детей, не вышедших замуж. В книгу вошли материалы о 2200 вдовах.

В 1979 г. по просьбе Правительства Демократической Республики Афганистан был введен ограниченный контингент советских войск, принявший участие в Афганской войне. За 10 лет (1979–1989) в боевых действиях на территории ДРА приняли участие более полутора миллионов человек. Более 200 тысяч военнослужащих и служащих награждены боевыми орденами и медалями, 86 человек удостоены высокого звания Героя Советского Союза, из них 25 человек – посмертно. Первым удостоен звания «Герой Советского Союза» посмертно наш земляк, уроженец села Обухово Кетовского района (ныне округа) Николай Яковлевич Анфиногенов. В горах Афганистана рядовой Н. Я. Анфиногенов, прикрывая отход товарищей, долго вёл неравный бой. Окруженный душманами, расстрелял весь боезапас. А когда враги бросились к бойцу, чтобы схватить его, последней гранатой герой подорвал себя вместе с подбежавшими душманами. Большой отклик в сердцах зауральцев получило издание в 2000 году сборника «Живая память Афгана», вобравшего в себя и увековечившего имена как павших, так и живых наших земляков, воевавших в Афганистане. В результате скрупулёзной работы глав администраций, военных комиссаров городов и районов, журналистов и организации «Побратим» в сборник включены сведения о воинах-афганцах из 24 районов области и города Кургана. Каждая зауральская семья, в которой кто-либо из родственников был участником войны в Афганистане, получили в дар эту книгу. Также получили книгу «Страну заслонили собой» участники ликвидации Чернобыльской аварии, проживающие в Курганской области. Необходимо подчеркнуть, что все книги патриотической направленности, выходившие в издательстве «Парус-М», распространялись по всем учебным заведениям и библиотекам области.

В 2001 году в издательстве «Парус-М» вышел первый том книги военного комиссара Курганской области В. В. Усманова «Зовущий колокол, огнём горящий меч», в 2003 – второй том объемом 768 страниц, а в 2006 – третий том объемом 696 страниц. Замысел трёхтомника предусматривал показать историю военного управления Российского государства и Зауралья. На деле она вышла за рамки цели, обозначенной автором, и превратилась в энциклопедию истории российской государственности и военного строительства. В ней мы можем найти ответы на вопросы зарождения и формирования регулярной армии, её комплектования, обеспечения различными видами вооружения. В книге установлены и увековечены забытые имена многих наших земляков, показавших мужество и героизм на полях сражений, в том числе Отечественной войны 1812 года. Значительное место в трёхтомнике отведено военно-мобилизационной работе. Так, за годы Великой Отечественной войны военными комиссариатами Курганской области был призван и направлен в Красную армию 221 181 человек.

Ключевая тема книг издательства «Парус-М» – преемственность поколений, причастность зауральцев к военной истории России. В них нашли отражение вопросы патриотизма, любви к Родине, боевая слава наших

земляков, их ратный труд в тылу, героизм в годы Великой Отечественной войны, в Афганистане, Чечне. Образно сказал о книгах издательства «Парус-М» известный в России зауральский писатель Виктор Федорович Потанин: *«Во всех этих книгах звучит одна струна, одна главная нота – любите Россию, любите свой край, не жалейте трудов своих для воспитания молодого поколения, которому продолжать дело своих отцов»*. Многие книги, подготовленные и изданные издательством «Парус-М», не имеют аналогов в России.

Говоря о деятельности «Парус-М», необходимо особо сказать о Геннадии Павловиче Устюжанине – директоре издательства, трудолюбивом, неравнодушном к истории страны и Зауралья человеке. Тема патриотизма, любви к родному краю – основная тема его творчества как журналиста. Сам Геннадий Павлович исполнил интернациональный долг в Афганистане и знал о войне не по рассказам.

Сегодня нет ни издательства «Парус-М», ни Г. П. Устюжанина, ни В. В. Усманова, но сделанное ими имеет огромную историческую ценность. Пройдут годы, люди забудут авторов – составителей этих книг, а память о зауральцах – участниках боевых и трудовых событий, запечатлённых в книгах издательства «Парус-М», будет храниться в веках.

Война глазами художников (О произведениях из собрания Курганского областного художественного музея им. Г. А. Травникова)

**Кулакова
Светлана Ивановна**

Родилась 23 июля 1964 г. в Кургане. Искусствовед, зав. отделом изобразительного искусства Курганского областного художественного музея им. Г. А. Травникова. Член Союза художников России и Ассоциации искусствоведов России. Член редакционной коллегии литературно-художественных альманахов «Тобол» и «Курган. Текст».

В собрании Курганского областного художественного музея им. Г. А. Травникова хранится более ста произведений на тему Великой Отечественной войны. Это – картины и скульптуры, рисунки и гравюры разных лет, в том числе курганских авторов. Безусловно, самыми ценными из них являются созданные непосредственно в военное время, запечатлевшие драматичные события военной поры и их участников. Многие из них просто уникальны и вошли в золотой фонд музея. О них и пойдёт речь в этой статье.

Уже не один десяток лет в постоянной экспозиции музея зрителя встречает большое красочное полотно московского живописца Даниила Яковлевича Черкеса (1899–1971) «На фронт. Зима 1941». Солнечный мажорный колорит картины, на первый взгляд, не соответствует её сюжету. Автор посвятил своё произве-

дение знаменитому параду на Красной площади 7 ноября 1941 года, когда войска, пройдя торжественным строем перед трибунами мавзолея, отправлялись на защиту столицы: враг уже был на подступах к Москве. Вообще, в этой картине художник дважды погрешил против истины. Документы свидетельствуют, что в день парада была сильная облачность, шёл снег, пришлось даже отменить полёт истребителей над Красной площадью. А у Даниила Черкеса яркое солнце заливает полотно, сверкают разноцветные купола Собора Василия Блаженного, полыхает алое знамя над рядами воинов и переливается красками снег под их ногами. Ещё одна вольность живописца: он развернул марширующие колонны и направил их к Историческому музею, хотя фото и кинохроника зафиксировали обратное движение – к Собору Василия Блаженного. Попробуем проникнуть в замысел автора. Художник заканчивал картину в 1943 году, когда уже нашей победой в Сталинградской битве был ознаменован коренной перелом в ходе войны, и никто уже не сомневался, что победа будет за нами. Этим можно объяснить жизнеутверждающий оптимизм полотна. Даниил Черкес показал воинов на фоне Собора Василия Блаженного, вложив в это большой нравственный смысл: за ними вся русская земля в образе старинного собора, и они должны защитить её.

Художник с самого начала войны работал в московских «Окнах ТАСС», рисовал плакаты. В 1947 году ему вручили медаль «За оборону Москвы». В мире искусства Даниил Черкес больше известен как живописец-маринист и один из родоначальников советской мультипликации. Конечно же, нашим соотечественникам более памятна картина Константина Юона, запечатлевшая в суровом колорите и жёстких ритмах с высоты птичьего полёта парад 7 ноября 1941 года. Тем не менее, малоизвестное полотно заслуженного ху-

дожника РСФСР Даниила Черкеса из собрания нашего музея достойно отразило одно из важнейших событий в летописи Великой Отечественной войны.

Кисти ленинградца Николая Ивановича Дормидонтова (1897–1962) принадлежит картина «Ленинград в дни блокады», написанная в 1943 году прямо из окна мастерской, где фактически жил совершенно обессиленный к тому времени художник.

По занесённым снегом улицам города медленно, как тени, двигаются, едва переставляя ноги, голодные, исхудалые ленинградцы: кто-то на работу – к станку, в госпиталь, кто-то – поделиться последним с умирающими близкими людьми, а кто-то везёт на санках завёрнутый в простыни труп родственника. Всё происходит в тишине, в молчании, обыденно и оттого ещё страшнее. Сам город стал важным персонажем картины. Заклеенные крест-накрест окна, заколоченные витрины магазинов, оборванные трамвайные провода, неубранные от сугробов улицы, очередь за хлебным пайком, который становился всё меньше и меньше...

Первый вариант этой картины, 1942 года (находится в Нижегородском художественном музее), выставлялся в большом зале Союза художников Ленинграда, а потом был доставлен в составе выставки ленинградских художников-блокадников самолётом в Москву. Сам Н. И. Дормидонтов добирался в течение пяти суток (в том числе по Дороге жизни) в столицу, чтобы на открытии выставки рассказать о героическом творчестве и жизни блокадных художников.

По воспоминаниям живописца, нарядные оживлённые гости вернисажа, гуляющие в фойе по натёртому до блеска паркету среди вазонов с живыми цветами, были буквально шокированы увиденным в зале ленинградской выставки и пережили смущение за неуместность своего традиционно радостного ожидания праздника искусства.

Сам Николай Дормидонтов пережил всю блокаду, похоронив множество родных и друзей. В этих нечеловеческих условиях он создал обширную серию «Ленинград в блокаде», куда вошли десятки рисунков и картин, в том числе и наше музейное полотно.

Гордостью музея являются четыре парадных монументальных портрета советских маршалов, написанные московским живописцем Василием Николаевичем Яковлевым (1893–1953). Все они создавались в связи с получением их героями высших воинских званий за значимые победы в ходе войны.

- **Николай Николаевич Воронов** получил звание маршала артиллерии после победоносной Сталинградской битвы, где решающее слово сказали пушки, особенно знаменитые «Катюши». Когда артподготовка из 5 000 орудий закончилась, в бой вступили советские танки и пехота. От такого мощного артиллерийского удара немцы не только гибли – они сходили с ума, сдавались тысячами. Вместе со званием маршала Воронову в Кремле вручили платиновый орден Суворова. Сталин лично поднял за него тост.

На портрете 1943 года Николай Николаевич изображен на светлом нейтральном фоне сидящим в кресле, с руками, сложенными в замок. Грузная фигура, полноватые кисти рук. Художник не приукрасил своего пятидесятилетнего героя. Маршал артиллерии, этот истинный бог войны, выглядит на портрете Яковлева обыкновенным человеком, сдержанным, спокойно-расслабленным, немного усталым.

- **Портрет маршала Василевского А. М. (1944).** Александр Михайлович Василевский – один из наиболее выдающихся полководцев Второй мировой войны. Фактически он был третьей, после Сталина и Жукова, фигурой в советском военном руководстве. Из 34 месяцев

пребывания на посту начальника Генштаба 22 месяца А. М. Василевский провёл непосредственно на фронте. Был ранен и контужен. За полтора года войны он вырос от генерал-майора до Маршала Советского Союза в 1943 году. А. М. Василевский координировал действия фронтов в Сталинградской битве, под Курском, при освобождении Донбасса и Крыма, в Белорусской операции «Багратион».

На фронтах Великой Отечественной войны советский полководец А. М. Василевский громил гитлеровских фельдмаршалов и генералов: Ф. фон Бока, Г. Гудериана, Ф. Паулюса, Э. Манштейна, Э. Клейста и др. Художник В. Н. Яковлев изобразил маршала Василевского снимающим перчатку и внимательно слушающим невидимого собеседника. Портрет был написан в 1944 году в связи присвоением маршалу звания «Герой Советского Союза».

- **Портрет маршала Конева И. С. (1945).** Полководец Иван Степанович Конев в годы Великой Отечественной войны командовал армией, фронтами. Его войска Калининского фронта разгромили немцев под Москвой, проявили себя в Курской битве. 5 августа 1943 г. войска Конева взяли Белгород, в честь чего Москва дала свой первый салют. В 1944 году под Корсунь-Шевченковским немцам был устроен «Новый (малый) Сталинград» – окружено и уничтожено 10 дивизий и 1 бригада. Тогда И. С. Коневу было присвоено звание Маршала Советского Союза. А 26 марта 1944 г. войска 1-го Украинского фронта под его командованием первыми вышли к государственной границе. В ходе Берлинской операции войска маршала Конева вышли к реке Эльба у Торгау и встретились с американскими войсками. 9 мая 1945 года они завершили разгром фашистов под Прагой. 57 раз салютовала Москва войскам И. С. Конева.

Портрет был написан после победы в 1945 году. Перед нами стоит, заложив руки за спину, строгий, собранный, волевой и решительный военный человек. Лаконичный по художественным средствам портрет прекрасно передаёт саму суть характера знаменитого полководца, получившего в войсках звание «Генерал Вперёд».

- **Портрет маршала Рокоссовского К. К. (1944).** В годы Великой Отечественной войны Константин Константинович Рокоссовский командовал армией, фронтами. Отличился в Смоленском сражении и в битве под Москвой. Был тяжело ранен под Сухиничами. Во время Сталинградской битвы Донской фронт Рокоссовского совместно с другими фронтами окружили 22 дивизии врага общей численностью 330 тыс. человек. В плен был взят фельдмаршал Ф. Паулюс. В Курской битве Центральный фронт Рокоссовского нанёс поражение немецким войскам под Орлом. 1-й Белорусский фронт Рокоссовского разгромил группу армий «Центр» и совместно с войсками генерала Черняховского окружили в «Минском котле» до 30 дивизий врага. На заключительном этапе войны 2-й Белорусский фронт Рокоссовского участвовал в Восточно-Прусской, Померанской и Берлинской операциях. 63 раза салютовала Москва войскам полководца Рокоссовского. 24 июня 1945 дважды Герой Советского Союза, маршал К. К. Рокоссовский командовал Парадом Победы на Красной площади в Москве.

В связи с победами в целом ряде грандиозных военных операций в 1944 году Рокоссовскому было присвоено звание «Маршал Советского Союза». В связи с чем и появился парадный портрет, написанный В. Н. Яковлевым. На нём молоджавый военный в парадном кителе

стоит с фуражкой маршала в руках. Лучистый взгляд, мягкая улыбка делают весьма притягательным образ знаменитого полководца.

Василий Яковлев – народный художник РСФСР (1943), дважды Лауреат Сталинской премии, действительный член Академии художеств СССР. Среди советских художников он занимает особое место благодаря оригинальному авторскому методу в живописи. Известный советский живописец, график, педагог, искусствовед, а также выдающийся реставратор и музейный работник, он, будучи сторонником академической живописной школы, в своем творчестве соединил стиль «старых мастеров» с соцреалистическими установками. Портреты маршалов – яркое тому свидетельство. В них – виртуозная светотеневая лепка объёмов, точный рисунок и поразительная материальность изображения телесных покровов, одежды и аксессуаров, благородный музейный колорит.

В собрании музея немало фронтовых рисунков советских художников, свидетелей и очевидцев, а также непосредственных, с оружием в руках, участников боевых операций. Быть может, именно они представляют бесценное художественное наследие военного времени.

О героизме защитников Москвы повествует графическая композиция народного художника СССР Николая Жукова «Панфиловцы», созданная в 1942 году. Этот автор в первые два года войны был художником Политуправления Калининского фронта, работал в армейской газете. За серию рисунков, посвящённых Красной Армии, он был награждён в 1943 году Государственной премией СССР. В эту серию входит и музейный рисунок «Панфиловцы», рассказывающий о подвиге двадцати восьми солдат в тяжёлом оборонительном бою с превосходящими силами противника и вошедших в историю как «панфиловцы». Так называли бойцов 316-й стрелковой дивизии, участвовавших в обороне Москвы под командованием военного комиссара Киргизской ССР генерала-майора Ивана Васильевича Панфилова. Фраза, произнесённая в сражении политруком Клочковым – «Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва!» – вошла в историю и стала крылатой. Художник передаёт эмоциональный накал боя, когда солдаты с гранатами бросались под танки, приближая Победу ценой своей жизни.

В бою у разъезда Дубосеково панфиловцы уничтожили 18 танков из 50. Всем участникам того боя было присвоено звание Героя Советского Союза посмертно. Как выяснилось позднее, не все панфиловцы погибли. Шестеро из них выжили, но были ранены или контужены. Двое из них попали в плен и испытали на себе все ужасы фашистских концлагерей.

316-я стрелковая дивизия была переименована в 8-ю гвардейскую стрелковую дивизию и награждена Орденом Красного Знамени.

Народный художник СССР Орест Георгиевич Верейский в годы войны работал в редакции газеты «Красноармейская правда» 3-го Белорусского фронта, где встретился и подружился с А. Т. Твардовским. Иллюстрации Верейского к бессмертной поэме «Василий Тёркин» пользуются всенародным признанием. Ряд натурных фронтовых рисунков к этим иллюстрациям находится в коллекции нашего музея, в том числе «На Днепре» и «По дороге на Берлин».

Софья Сергеевна Уранова, ученица известного русского художника М. В. Нестерова, весной 1942 ушла на фронт и участвовала в освобождении многих городов России, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Польши. За воинскую доблесть С. С. Уранова награждена орденом Красной Звезды, медалями «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией».

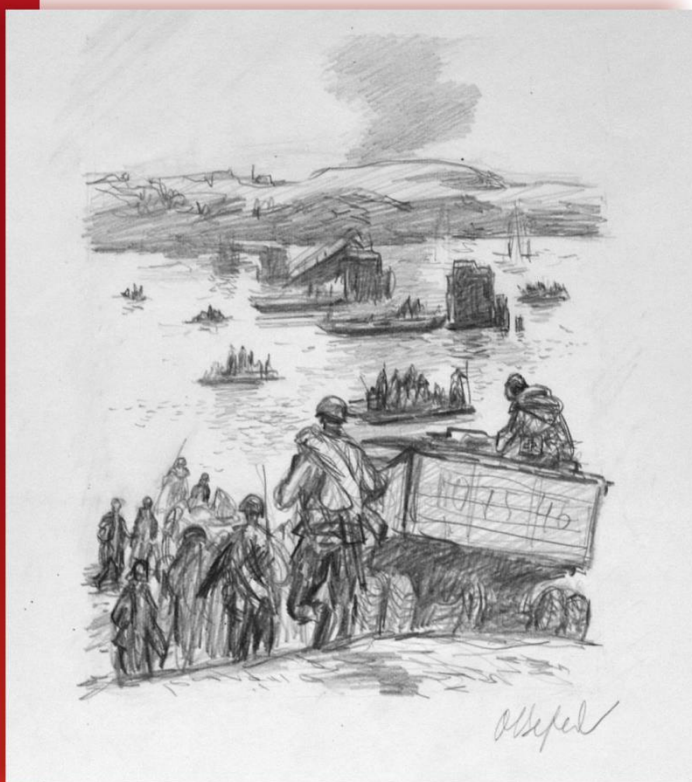
Софья Уранова сделала на фронте большую серию зарисовок с натуры пером и карандашом. Часть из них вошла в собрание знаменитой Третьяковки. Наша музейная работа «Письмо на родину. Жаркий день. 1944 г. Беларусь, г. Брест» (1944) запечатлела редкий момент затишья в военных буднях. Девушка-боец, спасаясь от палящего солнца под телегой, пишет письмо домой. И это письмо обнадеживающее: скоро выдворят наши фашистов за пределы родной страны, войне скоро конец. Казалось бы, ничего особенного, героического художница не изобразила. Можно сказать, это почти автопортрет или зарисовка с боевой подруги. Но этот рисунок заставляет задуматься о том, что понятия «женщина» и «война» в принципе не совместимы, ведь женщине самой природой предназначено давать, а не отнимать жизнь.

Наш земляк, известный график и иллюстратор, народный художник СССР Виталий Николаевич Горяев в период Великой Отечественной войны был главным художником и ответственным секретарём журнала «Фронтowej юмор», который печатался прямо в блиндажах и землянках на передовой. Также художник всю войну принимал участие в выпуске плакатов «Окна ТАСС». В условиях фронтовой жизни он не только работал в области сатиры, но и непрерывно рисовал с натуры, делал жанровые зарисовки, вошедшие впоследствии в серии: «По дорогам войны», «Бездомные», «По следам отступающего врага». Горяев награждён орденом Красной Звезды и многочисленными медалями: «За отвагу», «За взятие Кёнигсберга», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и др.

В рисунках «Пленный немец» (1944) и «За кипятком» из серии «По дорогам войны» (1944) звучат ноты узнаваемого «горяевского» юмора, который скрашивал суровые и драматичные события в жизни бойцов, листающих страницы журнала «Фронтowej юмор».

С каждым годом всё дальше от нас события Великой Отечественной войны, всё меньше остается их очевидцев и свидетелей. Особенно неумолимо время к самим фронтовикам. Вот почему наряду с фото- и кинохрониками произведения художников становятся такими же ценными документами, запечатлевшими не только события Великой Отечественной и облик её участников, но и сам дух той великой эпохи в выразительных и запоминающихся образах.

80
ПОБЕДА!

Верейский О. Г. На Днепре.
Иллюстрация к поэме А. Твардовского «Василий Тёркин».
1943–1946. Бумага, карандаш. КОХМ

Верейский О. Г. По дороге на Берлин.
Иллюстрация к поэме А. Твардовского «Василий Тёркин».
1943–1946. Бумага, карандаш. КОХМ

Дормидонтов Н. И. Ленинград в дни блокады.
1943. Холст, масло. КОХМ

Горяев В. Н. Пленный немец.
1944. Бумага, акварель, белила. КОХМ

Яковлев В. Н. Портрет маршала Воронова Н. Н.
1943. Холст, масло. КОХМ

Яковлев В. Н. Портрет маршала Конева И. С.
1945. Холст, масло. КОХМ

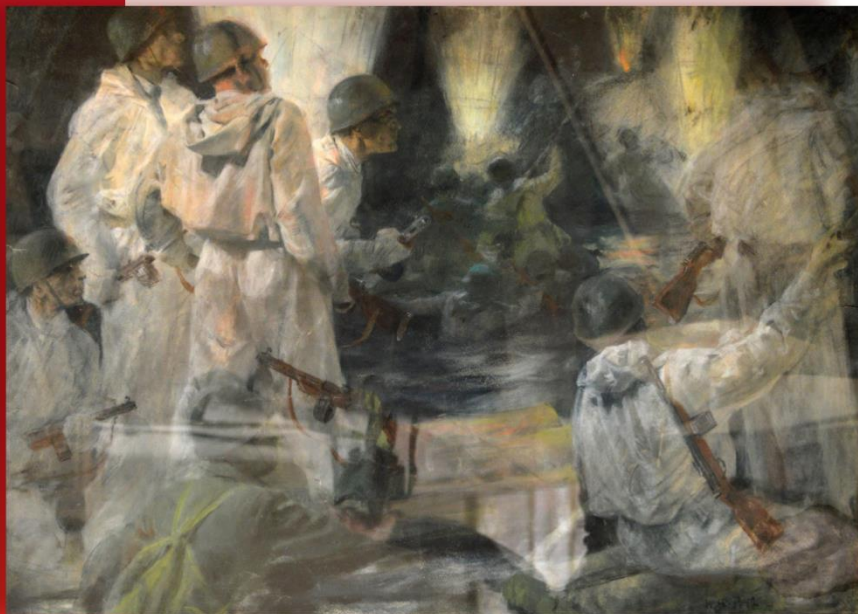

Яковлев В. Н. Портрет маршала Василевского А. М.
1944. Холст, масло. КОХМ

Яковлев В. Н. Портрет маршала Рокоссовского.
1944. Холст, масло. КОХМ

Мальков П. В. Армейская разведка.
1942. Бумага, пастель. КОХМ

Мальков П. В. На строительстве укреплений.
1944. Бумага, уголь. КОХМ

Жуков Н. Н. Сестра Маша.
1942. Бумага, уголь. КОХМ

Жуков Н. Н. Панфиловцы.
1942. Бумага, уголь. КОХМ

80
ПОБЕДА!

Уранова С. С. Письмо на родину. Жаркий день.
1944. Бумага, уголь. КОХМ

Горяев В. Н. Кипяточек (За кипяточком).
1944. Автолитография. КОХМ

Мальков П. В. Воздушная тревога.
1944. Бумага, уголь. КОХМ

Богаткин В. В. Унтер-ден-Линден. 2 мая 1945 г.
1945. Бумага, соус. КОХМ

Славы различная степень

Отдаляются годы Великой Отечественной войны... Подвиги наших отцов и дедов становятся легендами. А ведь они, подвиги, были не надуманными, а реальными, потрясающими сознание обыкновенного человека. Не верите? Так послушайте.

В апреле 1944 года в Витебской области почти упал дымящийся самолёт «Р-5» – как мы его называли, «кукурузник». Из него в разные стороны побежали дети, много детей. Они кричали: «Дядя горит!». Наши бойцы подхватили выпавшего из кабины при посадке тлеющего воина неба. Его ноги были обуглены до костей, одна ступня отпала. На каком запасе сил он летел, сохраняя жизни 10 детей и трёх взрослых – врачам было непонятно. Лейтенант Александр Мамкин умер через несколько дней, не приходя в сознание.

Как оказалось, лётчик уже неоднократно совершал полёты в тыл к немцам и вывозил из партизанских отрядов раненых, женщин, детей, привозил то, что нужно для боевых действий. Отряду предстояли тяжёлые бои, он был почти в окружении. Поэтому в двух контейнерах под крыльями, в заднюю кабину пилота посадили максимальное количество ребят. Взлетели. Попали под огонь немецких зениток. Горящее масло попало на лётчика. Он горел, но упрямо вёл самолёт к нашим. И вывел, и спас детей. А сам погиб.

А вот награждён не был. Посмертное представление к званию Героя Советского Союза где-то затерялось.

Геройскими поступками нашу страну не удивишь. Таких примеров история войны знает очень много: когда бойцы шестиамбразурного дота под командованием капитана Постовалова сражались без поддержки 13 дней и взорвали себя, чтобы не сдаваться в плен; когда по данным историков более 400 человек легли на амбразуры, повторив подвиг Александра Матросова; когда сотни лётчиков совершили огненные тараны, погубив и себя, и врага; когда повар, защищая свою кухню, бросился с топором на немецкий танк, погнул пулемёт, залепил триплексы грязью и захватил его вместе с экипажем...

Массовый героизм наших воинов – не выдумка советской пропаганды, а реальность. Это в перестроечное время нам пытались доказать, что не было 28 героев-панфиловцев; что Зоя Космодемьянская – не та Зоя, а совсем иная, с другим именем и по соседству; что Николай Гастелло с экипажем совсем и не врезался в колонну фашистов, а это был другой экипаж; что глупые русские бросались на амбразуры, а их умные немцы шестами отпихивали и обхохатывались, мол, гонят вас комиссары...

ПУБЛИЦИСТИКА

**Филимонов
Владимир Иванович**

Поэт, писатель, член Союза писателей России. Автор книг: «Все мы родом из детства», «Гора цветения», «Капелька жизни», «Письма с фронта. Святое имя – Учитель» и другие. С 2008 по 2019 г. – руководитель Курганской областной писательской организации. С 2015 по 2023 г. – редактор альманаха «Тобол».

Майор в отставке. Член редколлегии литературно-публицистического журнала «Тобол».

Но наш генетический код противится таким доказательствам, не верил и не верит лучшим друзьям Запада и их либеральным последователям. Поэтому что их теория такова: зачем войну выигрывали, сейчас бы уже баварское пиво попивали. Бытовало и такое мнение во втором поколении после войны.

Наши Герои остаются с нами. Так поют сегодня, а моё поколение об этом пело всегда.

Воины-победители вернулись домой, счастливые признанными подвигами и поощрённые наградами. Погибшие остались в братских могилах, увековеченные, награждённые посмертно, порой – безымянные. Что греха таить: сказал же когда-то некий полководец, что «солдат не жалеть, бабы ещё нарожают». Слова эти приписывают маршалу Жукову, что является совершенным враньём. Эта фраза тоже придумана фальсификаторами Великой войны. Он говорил так: «Выжечь калёным железом безответственное отношение к сбережению людей, от кого бы оно не исходило». Но мы сегодня будем говорить о тех, судьба которых старательно огибается справа и слева историками и мемуаристами. Мало кто с ней соприкасался. Это – тема советских военнопленных.

Легко ли браться за тему, которая долгие годы находилась под негласным запретом? Должно быть, нелегко. А то и невозможно.

И не из-за того, что беду на свою голову накликаешь, нет. Сейчас пиши о чём хочешь и сколько хочешь... Тема тяжкая, неподъёмная, в чём-то неблагодарная. Кому нужны дела давно минувших дней, да ещё и бесславные, пахнувшие кровью и смертью, голодом и пеплом, бесправием и безнадежностью. Ведь никому не хочется вспоминать, что Великая Победа досталась не только мощными наступательными ударами наших войск во второй половине войны, но и ужасными окружениями в её начале. Во многом здесь вина и верховного командования, и трусости на местах, и явного превосходства вермахта в умении вести боевые действия. Теперь-то мы знаем, что была разгромлена Красная Армия на западных рубежах начального периода войны не преобладанием немецкой мощи, а стратегической грамотностью фашистских руководителей и просчётами советского правительства.

Косвенным доказательством тому служит известная шифрограмма Генерального штаба РККА от часа 45 минут ночи 22 июня 1941 года, отправленная в войска в 2.25, в которой, наряду с мобилизующим смыслом, есть и такие строки: «Задача наших войск не поддаваться ни на какие провокационные действия, могущие вызвать крупные осложнения»...

Приказы Наркомата Обороны «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» от августа 1941-го и Приказ «О мерах по укреплению дисциплины и порядка в Красной Армии и запрещении самовольного отхода с боевых позиций» (в народе – «Ни шагу назад!») – от июля 1942-го – страшные приказы, вызванные тяжёлыми последствиями первого года войны. Слава Богу, что второй пункт 270 Приказа «...если часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаться в плен, – уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи», – после осознания масштабов потерь применялся на практике не в полной мере: наших пленных не бомбили, семьи не арестовывали, но льгот лишили вплоть до частичной реабилитации бывших военнопленных в 1956-м и до полной – в 1995-м.

Трудно говорить эти слова. Ещё труднее понять, что так оно и было на самом деле. И не умаляет подвига советских бойцов и командиров того периода времени. Вот лишь один из таких примеров:

«Этот необычный бой произошёл 17 июля 1941 года на 476-м километре шоссе Москва – Варшава. 19-летний старший сержант артиллерии Николай Сиротинин вместе с комбатом вызвался прикрывать отход основных сил 17-й стрелковой дивизии. Замаскировав орудие, Сиротинин с комбатом стали ждать. С рассветом появилась первая колонна техники. Метким выстрелом Николай подбил бронетранспортёр и создал пробку на дороге. Комбат, получивший ранение, ушёл в сторону советских позиций, а Сиротинин остался. В это время немцы попытались отбуксировать БТР двумя танками, которые один за другим подбил сержант. Вскоре Сиротинин также подбил пытавшуюся переправиться вброд бронемашину. Немцы долго не могли определить позицию одинокого орудия (!?). Когда фашисты спустя два часа вышли на позиции Сиротинин, возле орудия оставалось лишь три неизрасходованных снаряда. На предложение сдаться Сиротинин отвечал огнём из карабина. Немцы долго не могли поверить, что с ними сражался всего один человек, ведь на дороге дымились 11 танков, 7 бронемашин, а 57 гитлеровских солдат и офицеров были убиты, сражаясь с одним 19-летним советским сержантом».

Доказательный пример! И таких очень много. «Эти подвиги были, как дрожжи войны, на которых вырос хлеб нашей победы», – Константин Симонов (роман «Живые и мёртвые», том 1).

Например, первый воздушный таран советским самолётом немецкого состоялся в 5:15 утра лётчиком Дмитрием Кокоревым. Он остался жив, но погиб в бою уже в октябре 1941 года. Наград за подвиг не получил. Более 600 раз советские лётчики обрушились на немецких асов телами своих машин.

Ни один солдат мира не писал на стенах осаждённой крепости: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20/VII 1941». Июль! Прошло меньше месяца с начала войны. Но дух воинов не был покорён. Даже несмотря на полное окружение.

Недаром министр пропаганды фашистской Германии Геббельс сказал после первых дней войны: «Было бы большой ошибкой считать упорство русских солдат только следствием убеждений большевиков. Русский народ всегда был таким упрямым и, вероятно, всегда таким и останется».

Упорство упорством, но, когда в тебя стреляют со всех сторон, самолёты бомбят сверху, танки давят окопы, а слухи об окружении витают в воздухе, – поневоле растеряешься.

Что же произошло, когда на около 3 миллионов советских воинов на Западном фронте навалилась сила в почти пять миллионов отобилизованных, захвативших Европу, солдат вермахта? Я не сочиняю, ибо использую только проверенную информацию, подсчитанную военными историками до десятков тысяч. Сколько же их было, этих окружений? Например, стратегических. И сколько же наших бойцов и командиров попало в плен? Обратимся к истории доступной, а не засекреченной.

- Белостокско-Минский котёл (22 июня – 8 июля) – 324 тысячи пленных;
- Уманский котёл (26 июля – 7 августа) – 110 тысяч пленено;
- Киевский котёл (21 августа – 26 сентября) – 665 тысяч попало в плен;
- Смоленский котёл (сентябрь 1941) – 100 тысяч;
- Вяземский и Брянский котлы (30 сентября – 15 октября) – пленено 673 тысячи человек;
- Мелитопольский котёл (29 сентября – 10 октября) – 100 тысяч пленных;
- Харьков (май 1942) – 330 тысяч;
- Севастополь (июль 1942) – 80 тысяч.

Взятие врагом морского города стало последним крупным поражением наших войск. Бывали тактические окружения – рот, батальонов, полков и дивизий, в плен попадали и в 45-м, но всё же это было лишь временными

и не решающими итог войны эпизодами. Сколько их случилось – знают лишь архивы, да леса и поля, до сих пор усыпанные солдатскими костями...

Всего же за 4 месяца с начала войны немцы захватили в плен около полутора миллионов наших воинов, разбили 17 советских армий, 7 механизированных корпусов, уничтожили большую часть техники и вооружения. Наука войны и боя гласит, что, если, к примеру, дивизия потеряла 12 % списочного состава, она становится небоеспособной. Сколько мы потеряли – написано выше, без учёта безвозвратных потерь, то есть убитых.

Это был разгром. Для чего я всё это говорю? Для того, чтобы нынешнее поколение осознало: будущая Победа ковалась практически с нуля. Враг уже под Москвой, ему до Красной площади оставалось меньше 30 километров, которые не то что на танке, а и пешком можно было пройти.

И даже был назначен парад и напечатаны на него приглашения. Такие же приглашения в ресторан «Астория» были готовы и для руководства войск, штурмовавших Ленинград. Был назначен и немецкий комендант Москвы, который сравнивает её с землёй и организует на её месте море.

Это общеизвестные факты. Я еще раз повторяю их для того, чтобы мы все и наши дети внукам-правнукам передали: страна висела на волоске перед падением в бездну. Её спасли массовым героизмом советские бойцы и командиры.

А что же пленённые? Наши бойцы и командиры. С начала войны и до 1 февраля 1945 года по оценкам различных историков в немецкий плен попали от 4 с половиной до 5 миллионов советских солдат и офицеров. С болю называю эту чудовищную цифру. Но такова реальность.

Были среди них и зауральцы. Из всех районов области. Так распорядилась военная стезя. Именно о них и рассказывается в серии книг «В фашистских застенках». Инициатором создания такой серии стала Наталья Захарова из с. Мокроусово, начиная с 2014 года. На сегодняшний день уже выпущены:

- Том 1. Часть первая: Альменевский, Белозерский Варгашинский районы, часть вторая: Далматовский район;
- Том 2. Звериноголовский, Каргапольский районы;
- Том 3. Катайский, Кетовский районы;
- Том 4. Курган и микрорайоны;
- Том 5. Куртамышский район;
- Том 6. Возвращённые имена. Мокроусовский район;
- Том 7. Лебяжье-евский район;
- Том 8. Макушинский район;
- Том 9. Мишкинский район;
- Том 10. Петуховский район. Будем считать, что в ближайшее время и этот том увидит свет. Пока он не напечатан.

Впереди – Половинский, Притобольный, Сафакулевский, Частозерский, Шадринский (будут скорее всего два тома), Шатровский, Шумихинский, Щучанский, Юргамышский районы, которые сейчас – «муниципальные округа». Но бойцы-то призывались из районов... Своими книгами Наталья Захарова со товарищи раскрывают пласт военной истории, за которую не брался никто в России. Такой серии ещё нет в стране. Она первая.

Серия была бы невозможна к выпуску, если бы не ещё один человек. Это Сергей Дмитриевич Кудрявцев из города Ярославля, историк, поисковик. Я не ошибусь, если скажу, что его бесценная работа над редактурой и корректурой текстов по военнопленным – воистину живительная для них влага. Он тоже, как и Наталья Захарова, верит в торжество справедливости и жертвует личным временем для достижения истины. Надеюсь, что его помощь продолжится в подготовке и последующих томов «В фашистских застенках». В целом половина работы уже проделана...

О чём эти книги? Доказательно, на основе документов из архивов и с доступных сайтов рассказывается о судьбах воинов, которые в книгах памяти Курганской области значатся бывшими в последнем бою или просто пропавшими без вести. А они не пропали, они, как правило, попали в плен и там либо погибли, либо были освобождены, проверены и вновь призваны в Действующую армию, либо определены в рабочие батальоны, либо комиссованы по состоянию здоровья. Призванные воевали яростно. Это мягко сказано.

Судьбы военнопленных однообразны и печальны: погиб от голода, умер от ран, расстрелян за попытку побега, повешен... В книгах вы увидите некоторые фото наших солдат. Измученные лица, потухшие глаза. Как же с ними обращались? Например, в районе действия группы армий «Центр», где была пленена большая часть наших воинов, питание в сутки составляло не более 700 килокалорий. Много это или мало?

Это ничто. При таком питании человек умирал голодной смертью меньше чем за месяц. Всё питание сводилось к формулировке, высказанной Германом Герингом: *«В обеспечении питания большевистских пленных мы, в противоположность снабжению пленных других стран, не связаны никакими международными обязательствами. Поэтому их снабжение может осуществляться только согласно результатам работы на нас».*

Пленных было так много, что 13 ноября 1941 года начальник генерального штаба Гальдер заявил: *«Неработающие пленные в лагерях должны умирать от голода. Работающие пленные в исключительных случаях могут получать питание».* Именно голод явился главным фактором высочайшей смертности советских военнопленных.

Когда на Нюрнбергском процессе руководителей вермахта спросили о причинах жестокого обращения с советскими военнопленными, ответ был один: мол, Россия не подписала Женевскую конвенцию 1929 года, определяющую правовой статус военнопленных. Это была отговорка: статья 82 Конвенции об обращении с военнопленными говорит: «Если на случай войны одна из воюющих сторон окажется не участвующей в конвенции, тем не менее положения таковой останутся обязательными для всех воюющих сторон». Вот так.

Массовая гибель советских военнопленных была обусловлена не Конвенцией, а звериной сущностью фашизма. Я бы добавил: немецким практицизмом, заставляющим фашистов посыпать земли своей страны пеплом сожжённых людей для повышения урожайности. Вдумайтесь в эти слова. Содержание в немецком плену советских воинов имело целью уничтожение живой силы в неволе. Тотальное уничтожение. По подсчётам специалистов – в 14 тысячах концлагерей...

Вообще система лагерей была такова: сборный пункт, куда отправлялись все попавшие в плен; дулаг – место сортировки военнопленных; далее – шталаг – для рядового и сержантского состава, офлаг – лагерь для командиров. Вершина системы – лагерь смерти, где содержались так называемые «неисправимые» военнопленные, совершившие побег и другие «грубые» нарушения немецкого орднунга, порядка. Название говорит само за себя.

Сколько же человек вернулось из плена?

Известно и это. Снова обратимся к доступным источникам. Советский и российский военный историк Григорий Кривошеев указывает следующие цифры, основывающиеся на данных НКВД: из 1 836 562 солдат, вернувшихся домой из плена, 1 миллион 230 тысяч после фильтрационных проверок были возвращены в войска. Почти 80 процентов от общего числа бывших военнопленных. Это о них я говорил выше – «воевали яростно». И совершали подвиги, и награждались, как обычные бойцы. Бывшим командирам после

штрафных батальонов и смывших вину плена кровью награды и звания возвращались.

Например, мишкинец Иван Филиппович Степин, попавший в плен в 1942 и освобождённый в 1944 году, был награжден медалью «За отвагу», а в год 40-летия Победы удостоен ордена Отечественной войны II степени. Или лебязьевец Кирющенко Валентин Иванович, попавший в плен в начале войны, освобожденный в апреле 1945 и успевший закончить войну в Берлине с медалью «За отвагу». Или петуховец Александр Иванович Быстров, пленённый в июле 41-го, освобожденный в июле 44-го, освобождавший Польшу, награжденный за это медалью и добивавший фашизм у озера Балатон в Венгрии в середине мая 1945 года. Награды не обошли и его, вплоть до ордена Отечественной войны II степени в 1985 году. Примеры можно продолжать десятками из уже опубликованных книг.

А могу рассказать уж и вовсе уникальный случай, не относящийся к нашему региону. На фото – лейтенант Александр Иванович Башкин, уроженец Тульской области. Попадал в окружение; был пленён, пять раз бежал, последний раз – удачно; вновь призван и продолжал беспощадно воевать; трижды рядовой штрафной роты, кавалер медали «За отвагу», орденов Красной Звезды и Отечественной войны двух степеней – и всё-таки в ноябре 1944 года – удостоен звания Героя Советского Союза. Есть о нём и книга – «Прощание славянки». Ушёл из жизни уже в наше время – в 2011 году.

Геройский человек, уникальные подвиги. Например, Михаил Девятаев, бежавший из плена с девятью товарищами на немецком бомбардировщике. Невероятно!

Около 600 тысяч бывших военнопленных оказались под подозрением. 233 400 человек были осуждены в связи с обвинением в сотрудничестве с противником и отбыли наказание в системе ГУЛАГа. Остальные 370 тысяч после завершения проверки, которая могла занимать несколько месяцев, также были освобождены от подозрений и, как правило, были направлены в рабочие батальоны на восстановление городов и предприятий. Война на тот момент уже закончилась. Они к 1 марта 1946 года вернулись домой, но с обязательством работы на местных предприятиях. Надо было воссоздать из пепла. Никого не расстреливали. И так крови было пролито без меры, а судеб через колено переломано ещё больше.

Правда, из 86 советских генералов, попавших в плен, за сотрудничество с фашистами из числа вернувшихся под конвоем на Родину 7 генералов повешены по делу Власова, 17 были признаны изменниками Родины и казнены. 22 генерала погибли в плену. Остальным вернули звания, награды и постепенно уволили в запас. Всё верно, с командиров и спрос выше. Не будем пугаться цифре пленных наших генералов. Немецких тоже 515 штук попали в плен к нашим войскам.

Сказанное выше – к разговорам о бытующих мнениях – «из лагерей немецких – в лагеря соловецкие». Мол, все побывавшие в плену – и сразу в ГУЛАГ. Я назвал вам цифры. Они точны. При Иосифе Сталине и Лаврентии Берии – не забалуешь.

Если произвести простейшие вычисления, то из плена не вернулось приблизительно 3 миллиона советских воинов. Они погибли. Кто-то скажет, мол, придуманы эти цифры! Напомню, только что прошла война – и враньё было исключено из списков возможных действий. Лично я знаю пять человек, которые попали в плен в первые месяцы войны, а в апреле-мае 1945 года бы-

ли освобождены Красной Армией, прошли проверку, дослужили или комиссованы и внесли свой достойный вклад в развитие страны в последующие годы. Они работали председателями колхозов, учёными (!), трактористами, учителями, работниками культуры, директорами школ, наставниками в вузах. И были награждены юбилейными орденами в 1985–86 годах в ознаменование 40-летия Победы. А это значит – не сломались и не запачкали себя сотрудничеством с оккупантами и администрациями лагерей. Честь им и слава! В данных книгах вы найдёте их имена.

От многих пленных остались лишь немецкие карточки учёта, редко – с фото, отпечатком пальца, или – не осталось ничего. Книгу памяти Курганской области тоже изучали авторы книг «В фашистских застенках», находя для неё всё новых и новых наших земляков-военнопленных, память о которых не должна быть утрачена.

В 18 томах Книги памяти по Курганской области, как правило, отдельные попавшие в плен числятся бывшими в последнем бою тогда-то. И это правильно. Было время, когда тема пленных замалчивалась.

Кто, к примеру, захочет помнить пересыльный лагерь для пленных под названием «Уманская яма»? Когда в глиняный карьер шириной 300 метров, длиной около километра и высотой 15 метров – было согнано, по разным сведениям, от 65 до 100 тысяч человек? Люди находились под открытым небом и солнцем, их почти не кормили, если можно считать кормёжкой высыпаемые прямо в яму грузовиками свёклу и морковь с окрестных полей.

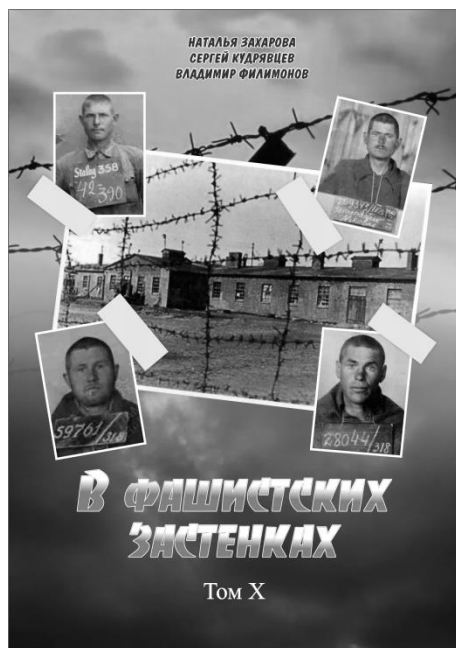
Или шталаг 321 Эрбке, Германия. Здесь десятки тысяч пленных жили в норах и почти полностью вымерли из-за вспыхнувшей эпидемии тифа.

Или лагеря смерти – Освенцим, Треблинка, Собибор, Дахау, Бухенвальд и другие... Через них прошло более 18 миллионов человек, уничтожены 11 миллионов. Были среди них и наши зауральцы. Например, Михаил Пшеничников из с. Сухмень Половинского района, погибший в Аушвице (Освенциме) 20 лет от роду.

Всё это было, и от фотографий из этих лагерей отворачивались подсудимые Нюрбергского процесса. До виселицы им оставались считанные месяцы. Возмездие свершилось.

Взялся бы кто другой за хотя бы частичное раскрытие этой темы в нашей области? Я не знаю. Вряд ли. А Наталья Героевна Захарова взялась. Ею и её сторонниками в уже опубликованных книгах раскрыты судьбы более 2 000 наших земляков. Её к этому никто не призывал и не подталкивал. Она посчитала такую работу своим священным долгом памяти.

Хотелось бы добавить, что данные в книге действительны на период до 2019 года включительно. Работу можно и нужно продолжать уже местным энтузиастам на форуме «Солдат.RU», ОБД «Мемориал», «Память народа» и других сайтах. На них постоянно выкладываются новые документы. А это значит, что могут появиться и новые фамилии. Не надо стыдиться наших пленных.

Воевавшие за Родину – для нас ВСЕ герои. И СЛАВЫ, казалось бы, различная СТЕПЕНЬ – для всех советских участников Второй мировой войны – ОДНА, высшая, геройская, историческая. Надо понять и принять это всей душой.

В справочниках о военнопленных свыше 60 процентов тех, чьи последние жизненные шаги звучат из небытия для родных и общественности откровением. Впервые! И за каждой судьбой – конкретный человек, положивший себя на алтарь Отечества. Каждый погибший прошёл через сердце авторов. Особенно дороги для создателей книги имена тех, кто НИГДЕ не увековечен. А есть и такие.

Как завершился путь солдата – родные не знали. Они получили похоронки о том, что их отец, муж, брат пропали без вести. Поэтому перечисленные книги – открытие. Пусть в чём-то горькое, но нужное. Такое важное и человеческое.

Я частенько думал – а почему участники войны, не говоря уж о побывавших в плену, с неохотой делятся воспоминаниями о войне? И понял однажды, что она, война, напрочь противна и ненавистна человеческой природе. Нашей природе, а не фашистской. Доказательством тому – дроны по жилым домам, гранаты в подвалы, заполненные людьми, повешенные дети... Это сделано украинскими человеконенавистниками. Фашизм жив и дождался своего часа – напомнил о себе. Он напомнил. А мы – придушим. Да и отношение к нашим ребятам, попавшим в плен и вернувшимся, ныне изменилось.

Курганская область в вопросах выхода книг военно-патриотической направленности частенько была примером. Даже заказ Правительства по подготовке многотомной Книги Памяти выполнила третьей в стране.

Пусть же серия книг «В фашистских застенках» послужит ещё одним памятником нашим отцам и дедам, примером для подражания другими регионами России.

**Наталья ДРУЖИНИНА,
Нина КОМАРСКИХ**

Солдат. Учитель. Поэт

В год 80-летия Великой Победы хочется вспомнить о судьбе солдата, который стал Учителем для нескольких поколений выпускников факультета иностранных языков Курганского государственного педагогического института. Майкл Степанович (так уважительно называли его студенты) поражал окружающих силой духа и мудростью. Мало кто знал тогда, что пришлось пережить ему на фронте.

Михаил Степанович Филиппович родился 20 марта 1920 г. в селе Александров-Ерша Дзержинского района Красноярского края, где прожил до 1932 г.

Ещё в 1904 г. его дед с бабушкой по столыпинской реформе переселились в Сибирь из Белоруссии. Почти четверть века многодетная семья (четыре сына, три дочери) трудилась на сибирской земле, обустроивая своё родовое гнездо. В 1930 г. отец Михаила Степановича со старшими женатыми сыновьями поставил для разросшейся семьи новый сруб на 4 комнаты с кухнями вместо маленькой избёнки. Власти, начав борьбу за ликвидацию кулачества как класса, признали отца кулаком. Родители бежали от раскулачивания, бросив дом, хозяйство и четверых младших детей на сердобольных соседей. Николаю было тогда 12, Михаилу – 10, Марии – 5 лет, Нине – 3 года. Только в 1932 г. мать сумела вывезти детей тайно на станцию Нижнеудинск Восточно-Сибирской железной дороги Иркутской области, где семья, наконец, воссоединилась, хотя и очень бедствовала на новом месте.

В 1935 г. М. С. Филиппович поступил в Иркутскую школу военных техников железнодорожного транспорта, в 1940 г. ушёл из неё и, окончив курсы маркшейдеров при Иркутском горном институте, уехал на рудник Мало-Северный добывать слюду. Вскоре был призван в армию, а в октябре 1941 г. был отправлен под Москву на ст. Дорохово. 29 октября получил ранение. После госпиталя Михаил Степанович попал в кукольный театр Сергея Образцова, где возглавил фронтовую бригаду кукольников.

**ПОРТРЕТЫ
И СУДЬБЫ**

**Дружинина
Наталья Николаевна**

Учитель английского языка. Работала в школе, а также методистом Института усовершенствования учителей, в сфере туризма, была переводчиком. Выпускница КГПИ 1971 г.

В «Тоболе» публикуется впервые.

**Комарских
Нина Александровна**

Учитель английского языка. 29 лет работала в Норильске Красноярского края. Член Зауральского генеалогического общества им. П. А. Свищёва. Автор более 20 краеведческих публикаций в научных сборниках и периодической печати. Выпускница КГПИ 1973 г.

В «Тоболе» публикуется впервые.

В 1942 г. был отправлен на Северо-Западный фронт. По доносу был арестован и приговорён к расстрелу. За измену Родине. Об этом событии в 1991 году он написал воспоминания «43 дня под расстрелом», которые находятся на хранении в Государственном архиве Курганской области.

Вот небольшой фрагмент, объясняющий причину его ареста:

«В 1942 году в июле месяце я был второй раз на фронте после эвакуации в г. Бийске на С.-Западном фронте, в километрах 40 от г. Валдая и почти рядом с деревней Кулотино, которую мы пытались отбить у генерал-лейтенанта Фон Бута, его семнадцатой армии, которая преграждала нам дорогу на г. Старую Руссу.

Наступление на с. Кулотино было неудачным. По существу не было артподготовки, бомбардировки с воздуха и танковой атаки. Познали пехоту на немцев, которые при небольшом артогне покинули передовые позиции, подпустили нашу пехоту и отрезали её минометным огнём с тылу, и стали уничтожать нашу живую силу. Полегли около двух тысяч, а может, и больше. Стоны и крики доносились всю ночь. Какое-то количество солдат и офицеров было захвачено немцами в плен, об этом мы узнали из передач по громкоговорителям с немецкой стороны, а позднее из листовок, которые нам строжайше было запрещено поднимать с земли, тем более читать. За обнаруженную листовку давали 10 лет заключения. Мы это знали и всё равно поднимали листовки и читали их. В листовках писали, что клика Сталина навязала России жандармский крепостнический режим, что сама клика стала богаче царей. Я читал в кустах в одиночку. А красноармеец Рогожников читал в присутствии других и на другой день был арестован. Сексоты были везде, даже на передовой. Секретные сотрудники есть и сейчас и во многом количестве. Тогда это было для меня открытием. Вскоре, через день-два, арестовали и меня, и повели два особиста (солдаты особого отдела) в тыл на допросы. Я весело попрощался с товарищами по орудийному расчёту в надежде скорого возвращения, так как никакой вины за собой не осознавал. По пути в тыл, в особый отдел, повстречался знакомый лейтенант, который пожелал стойкости и мужества. Видимо, он знал, что ждёт даже невиновных в подвалах советских жандармов – коммунистов. Это меня насторожило и озаботило. Доставили меня в подземную глубокую траншею, где уже лежало в два ряда человек двадцать военных. Мне нашлось место у самого выхода. Началось неловкое молчание. Я поздоровался. Но никто не заметил моего приветствия. Все были угрюмы и мрачны. Потом кто-то спросил: "Эй, ты, новичок! Откуда?". Я ответил, что с передовой.

– За что?

– Не знаю.

– Ну, скоро узнаешь.

И действительно, я скоро узнал то, о чём мне и не снилось. На первом же допросе оперуполномоченный особого отдела с видом хозяина, могущего тебя уничтожить, спросил о моей встрече на батарее в 2-х км от передовых позиций противника, с бывшим школьным товарищем, лейтенантом Виктором Парфёновым, который с семьёй бойцами направлялся к немцам "за языком". Разговор был довольно коротким. Он рассказал, как взрвал пощечину политруку, обнаружив в его расположении кучу американских посылок, которые тот отжухал (украл) от своих солдат. Дав по морде комиссару, Виктор забрал посылки и раздал своим бойцам. За что Парфёнова судили и послали брать "языка". Операция была неудачной. Никто из группы захвата не вернулся обратно. Надо было искать виновных. Одним из них оказался я. По доносу бойца Фисенко из нашего орудийного расчёта, якобы в нашем разговоре упоминались "Сдаться в плен". Теперь задача опера была

– выбить из меня признания, что я знал о намерении своего товарища, став таким образом соучастником преступления. В дополнение: антисоветские настроения, неверие советской печати, насмешка над полководцем всех времён и народов – вождём мирового пролетариата, соратником Ленина Иосифом Виссарионовичем Сталиным. Начались попытки применить силу. Вызвал мой палач-опер двух солдат, и началась драка. В опера я успел запустить чернильным прибором. Очнулся в траншее, где мой сосед по несчастью привёл меня в чувство. Он же сохранил обед – кусок хлеба и суп в котелке. Но мне было не до еды.

Перетерпев ночь в сырой яме, испытывая боль в боках, в пояснице, разбитом носе и губах, я чувствовал себя уже своим среди арестованных. По бои говорили о том, что я не предал своих товарищей и выстоял против общепринятых пыток советского правосудия.

Здесь, в этой вонючей траншее, я понял, что никакой Советской власти (в смысле власти народа) не было, нет и не будет... Но сказать это я никому не мог. За это ждёт расстрел, имитацию которого я испытал на следующий день. "Мой" опер решил добить меня и начал с того, что врагов народа на фронте расстреливают без суда и следствия на месте преступления, и что он, в случае моего непризнания, расстреляет меня. Рядом с ним были два мощных лба (бойца), видимо для охраны, а на лбу у него повязка. Видимо, чернильный прибор задел его баранью голову. Сил у меня не было для борьбы. Но я решил молчать. Молчание – сильное оружие, но не с палачами.

Два "лба" выволокли меня на улицу из блиндажа, поставили к берёзе и начали процедуру расстрела. Я верил и не верил, что меня расстреляют без суда и следствия. Боли и гнев фронтовика против лживых тыловых крыс давали мне силы сопротивляться, вести себя достойно, с презрением к своим мучителям.

"Стреляйте, гады! Не убила немецкая, пусть добивает советская (пуля)". Это вызвало у палачей бешенство. Они стали стрелять выше головы в ствол берёзы. Кончилось всё тем, что меня приволокли без сознания в подземелье.

Так я стал своим среди арестованных. Началось знакомство, рассказы о себе. Общим у всех было то, что никто не признавал за собой какой-либо вины, но из каждого из нас выбивали признание в совершении преступлений. Вот такое правосудие в 1942 году было на Северо-Западном фронте в июле месяце...» (ГАКО. Ф.Р-2380. Оп.1. Д.42. Государственный архив Курганской области. Личный фонд искусствоведа, журналиста, краеведа Б. Н. Карсонова).

43 дня и 42 ночи ждал М. С. Филиппович своего часа в траншее смертников. Снизости: «10 лет лагерей и 5 лет высылки». Когда стало совсем невмоготу, написал в Президиум Верховного Совета СССР: «Прошу вникнуть в моё дело. Я не виновен. Если же не найдёте возможным освободить, то прошу меня расстрелять». 17 ноября 1945 г. Михаила Степановича освободили с формулировкой «за отсутствием состава преступления». А на работу и учёбу никуда не берут, т. к. бывший зек. Нашёлся добрый человек, подсказал не указывать в биографии факт нахождения в лагере. Так Михаил Степанович поступил в Иркутский институт на факультет иностранных языков, который окончил в 1953 г. с красным дипломом! Стал работать учителем английского языка в средней школе. С 1956 г. преподавал в Тобольске, а с 1962 по 1980 – в Курганском пединституте. Был первым деканом факультета иностранных языков КГПИ, читал курсы «Практика речи», «История английской литературы». Писал стихи, искренне любил студентов и свою Родину.

«Майкл Степанович, так уважительно и просто мы называли этого неординарного человека. Он был для нас и деканом, и преподавателем, и чело-

веком, умеющим выслушать наши проблемы (которые, увы, не обходили нас стороной), вникнуть по-отечески, никогда не отмахнуться и помочь», – вспоминает выпускница 1973 года Н. А. Соколова.

Из воспоминаний заслуженного учителя РФ Т. В. Быстровой (Курган), выпускницы 1966 г.: «Михаил Степанович был не только строгим и требовательным педагогом, но и примером серьёзного отношения к изучению языка, старшим другом и советчиком в личной жизни. Мы доверяли ему все свои проблемы, трудности. Вот уже более 50 лет у меня хранится поздравительная открытка от Михаила Степановича и его стихотворение "Об английском языке". Это был редкий человек – сильный, могучий, мудрый, внимательный, знающий и любящий свой предмет, а главное – он любил нас, своих студентов. Мы платим ему тем же – до сих пор мы помним и любим его, хотя его давно нет с нами».

Выпускница 1967 г. Макарова А. В. (Санкт-Петербург), вспоминает: «С каждым новым общением с ним, будь то учебные занятия или внеурочное время, наш грозный декан становился нам всё ближе и ближе. Он поощрял робких, по-доброму журил провинившихся, проявлял истинно отеческую заботу о судьбах каждого. Не раз посещал общежитие, интересовался бытом, чем питаются, не мёрзнут ли, в порядке ли содержат своё жильё, хватает ли денег на жизнь, разумно ли тратится стипендия и родительские деньги».

Вспоминает выпускница 1971 г. Т. И. Гурьева (Екатеринбург): «У меня возникли личные обстоятельства, и я решила уйти из института, поступить куда-нибудь на заочное, а там будет что будет. Сказала о своём решении Михаилу Степановичу. Он тут же оставил меня после лекции на разговор. Я горячо доказываю ему своё решение. Он внимательно слушает, задаёт вопросы, как-то хмыкает. И всё решила его фразой: "Знаешь, Тамара, впереди

Выпуск 1966 г.

Выпуск 1971 г.

Выпуск 1979 г.

480

МИНИСТЕРСТВО Связи СССР

Корреспонденция

ТЕЛЕГРАММА

19028

ПЕРЕДАЧА: _____

Принял: _____

Минск 5/188 30 19 2215

Служебные отметки: _____

КУРГАН ТОМИНА 31 кв 10

ФИЛИППОВИЧУ МИХАИЛУ

СТЕПАНОВИЧУ

ОГРОМНОЕ СПАСИБО БОЛЬШОМУ ЧЕЛОВЕКУ И ПЕДАГОГУ

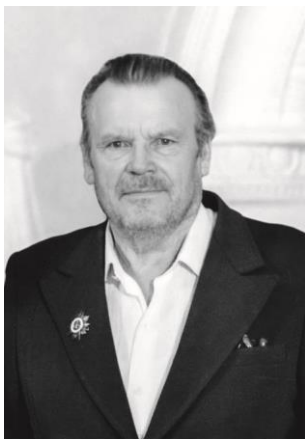
ВАШИ ЗАНЯТИЯ НЕЗАБЫВАЕМЫ ВАШИ ЮМОР ЭНЕРГИЯ ПОМОГАЮТ

ЖИТЬ НАИЛУЧШИМИ ПОЖЕЛАНИЯМИ ЗДОРОВЬЯ УСПЕХОВ

75 АБДРАШТОВ ЛЕОНУР

1973 г. Обл. тем. г. Кострома. зак. 7808, тир. 39/120/100

Телеграмма М. С. Филипповичу –
поздравление с 60-летием от выпускника

М. С. Филиппович (1920–1997)

у тебя целая жизнь, будут возникать новые проблемы и обстоятельства, и тогда ты поймёшь, что сегодняшняя твоя проблема – это такая мелочь, такой пустяк, надо пережить и стать сильнее и мудрее”. Да, спасибо, Михаил Степанович, я действительно стала сильнее и мудрее, и неоднократно вспоминала этот наш разговор».

В 2022 г. по инициативе и на средства выпускников была издана книга «Пепел надежд». Случайно обнаруженная папка со стихами М. С. Филипповича на кафедре иностранных языков КГУ стала прекрасным поводом и основой для издания лирического сборника. Кроме стихов в сборник вошли письма, воспоминания его студентов, фотографии родных и близких, которые представляют интерес для историков и краеведов. Неординарная судьба находит отклик в сердцах даже незнакомых лично с Михаилом Степановичем людей. Николай Покидышев, известный поэт, член Союза писателей России, посвятил стихотворение первому декану иняза, зная о его высокой и горькой судьбе только со слов своих друзей.

Переводчик

*Памяти декана кафедры английского языка
Курганского государственного педагогического института
Михаила Степановича Филипповича*

*В валенках, высокий, чуть сутулясь,
Мягкой, неспешною походкой.
Он любил бродить вдоль зимних улиц,
И искрился снег в его бороде.*

*А позёмка вслед за ним летела,
Путалась в ногах, не отставая,
И ему тихонько что-то пела,
Лёгкий след порошей засыпая*

*Неотступно тень кралась по-лисы,
Уменьшаясь, забегая сбоку,
И незримо рядом вились мысли
О вчерашнем и совсем далёком:*

*О семье, работе и ГУЛАГе,
Как он выжил – бывший «враг народа»,
О последнем из романов «Саги»,
О Шекспире в русских переводах.*

*...А однажды вдруг его не стало;
Говорили, сын увёз в Канаду.
И следы чужие заметала
Та позёмка, что вилась с ним рядом.*

*Налетают зимние метели,
Выстужают память человека.
Русский крест от них укрыли ели
Между Монреалем и Квебеком.*

Работая в архиве с документами М. С. Филипповича, мы нашли много тёплых поздравлений его выпускников из разных городов России, в том числе и телеграмму Абдрашитова Леонура, выпускника 1971 года. Леонур сей-

час живёт и работает в Казахстане. Вот что он написал, когда однокурсница отправила ему сборник «Пепел надежд»:

«По мере углубления в прочтение и понимание стихов Михаила Степановича осознаёшь, что они не только во многом носят автобиографический характер, но и глубоко патриотичны. Они воспринимаются мною, как заветное Учительское нам, его бывшим студентам, а ныне – людям того возраста, в котором “осталось меньше, чем прошло”. Они – свидетельство силы и таланта Михаил Степановича, растроченных не зря. Эти строки звучат для меня сегодня, как уроки Учителя издалека».

Несмотря на всё пережитое во время войны, Михаил Степанович не очерствел душой, был внимателен к судьбам своих студентов, заботливым, строгим, требовательным, но всегда справедливым. Михаил Степанович помог однажды выжить первокурснице Нине Клычковой (Комарских), когда она в первую сессию «завалила» историю. «Неуд» получила, потому что по учебнику всё рассказала, а вот работу Ленина не успела прочесть и списала конспект у подружки. Уехала домой, потому что не знала, что можно пересдать экзамен во время сессии и не лишиться стипендии. Михаил Степанович знал, что родители Нины – пенсионеры, помогать им будет трудно. Сам декан пришёл в общежитие и через студентку из другой группы передал, чтобы Нина срочно вернулась в институт и исправила оценку. Родители первокурсницы даже не знали об этом.

Лет через 15 Нина Александровна, будучи в Кургане в отпуске, увидела со спины Михаила Степановича, догнала его, чтобы поздороваться. Очень удивилась, что он обратился по имени и спросил: «Как там Норильск? Как работает тебе, Нина, в суровом крае?». Подумала, как же он среди стольких студентов помнит ещё и выпускников?

Мы знали, что он писал стихи, считали это нормальным. Некоторые он читал нам на своих лекциях. Это были стихи о Родине, о войне, несправедливости, о дружбе, о любви, о природе. В архиве хранятся письма его брата Николая за 10 лет (1980–1990). Видимо, Михаил Степанович делился с братом своими стихами, а брат высказывает своё мнение, анализируя их. В мае 1984 г. Николай пишет брату: *«Ты не бросишь писать стихи до последнего вздоха, потому что они – часть, неотъемлемая часть твоего образа жизни, самого тебя».* В письме 1983 г. просто пророческие строки Николая: *«Мне кажется, что из всех твоих стихов ты соберёшь и сделаешь сборник хороших стихов (или сделал уже), которые со временем, если не теперь, станут доступными массовому читателю».*

М. С. Филиппович с супругой

М. С. Филиппович с сыном Сергеем и внуками. 1985

Вот фрагмент одного из стихотворений Михаила Степановича о войне, вошедшего в сборник «Пепел надежд»:

Гвардии Рядовому

*Пройти всю войну и вернуться домой –
Нет выше, уверен, награды.
Пусть даже калекой, с одною ногой,
А мать всё равно будет рада.*

*...Заслуга, конечно, оставшихся ТАМ.
Мы им помогали в подвиге ратном.
В долгу перед ними вся наша страна,
И память о них свята и набатна.*

*Поэтому в праздники чувствую грусть.
Из всей батареи осталось нас трое.
Но счастлив безмерно: жива моя Русь!
Спасли её наши герои.*

Он дарил свои стихи студентам. И студенты писали о нём свои стихи. Одно из них – выпускницы 1975 г. Валентины Астафьевой (Колесниковой):

Mr. Michael

*Поэт. Декан. Он – рыцарь «Слова».
Романтик. Честный человек.
Пора настала вспомнить снова
Того, чьё имя – «Имярек».*

*Высок. Красив. Харизматичен.
Прост в обращении с людьми.
«Многоязык» и поэтичен.
Заботлив, как отец с детьми.*

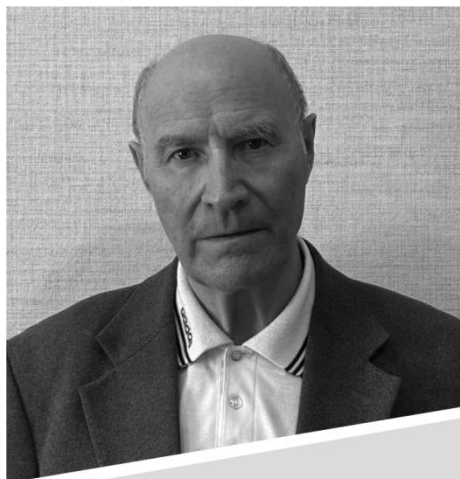
*Наш «Mr. Michael» во всём примером
Был для студентов в те года.
Нет, он не стал миллионером,
Метлой мёл парки иногда.*

*Но помним мы всегда – Поэта,
Кто нам читал свои стихи.
Знал языки. – А мы за это
Готовы все простить грехи!*

*О, Майкл Степаныч! Мчится время –
Не остановишь его бег!
Нам тягот жизненное бремя
Не даст забыть о Вас вовек!..*

...Завершая рассказ о Солдате, Учителе, Поэте, хочется сказать: у каждого поколения свои испытания. Михаил Степанович Филиппович переехал к сыну в Канаду, но прожил там всего 51 день. Умер 23 марта 1997 г. Похоронен в Торонто на берегу озера Онтарио.

Зов предков

**Вахтин
Владимир Григорьевич**

Краевед. Родился в Половинском районе Курганской области. Окончил Половинскую среднюю школу, Новосибирский электротехнический институт связи по специальности «инженер электросвязи». С ноября 1963 по ноябрь 1966 г. проходил службу в рядах Советской Армии.

С 2008 г. активно занимается краеведением, основная тема – история Половинского района. Автор книг «Церковь и Вера» (2017) и «История Половинского района. Заселение территории. Основные населённые пункты», а также около ста краеведческих статей.

В «Тоболе» публикуется впервые.

В начале августа в райцентре Половинное побывали удивительные гости – супруги Заборовские из Санкт-Петербурга. Не слышавшие до этой поры о таком селе, они считают его теперь одной из дорогих точек на карте России, на карте истории их рода. Потому что именно здесь родился дедушка Владимира – Заборовский Александр Яковлевич; здесь более полувека служил священником прадед Заборовский Яков Иванович. На старом приходском кладбище покоится прах священника и его жены Раисы Фёдоровны.

Яков Иванович Заборовский родился в 1848 году в селе Аремзянском подгородного ведомства г. Тобольска, сын священника. Окончил Тобольскую духовную семинарию в 1870 году с аттестатом 2-го разряда. 9 декабря 1870 года рукоположен диаконом и направлен в село Сладковское Ишимского уезда. В декабре 1871 года рукоположен в священники и направлен в Половинскую церковь. С 1892 по 1899 год назначался благочинным Курганских окружных церквей. 6 мая 1910 года награждён Императорским орденом Святой Анны III степени (для сельских священников награда довольно редкая). В 1917 году Заборовскому присвоен сан протоиерея, в 1919 году по решению

Священного Синода награждён высшей церковной наградой – палицей.

В семье у Заборовских было пятеро детей.

Старший, Владимир, 1873 года рождения, умер на втором году жизни.

Анастасия родилась 25 декабря 1877 года. С 1887 по 1895 год обучалась в Тобольском Епархиальном женском училище, с 1895 по 1896 – в Омской женской гимназии, с 1897 по 1903 – работала учительницей в Введенской церковно-приходской школе. После смерти матери, в 1903 году, переезжает в Половинное и находится при отце, с 1913 года работает учительницей в Половинской церковно-приходской школе.

Николай родился 25 апреля 1883 года. Окончил Ишимское духовное училище, Тобольскую духовную семинарию, и после окончания направлен псаломщиком в церковь села Рябково. Кроме этого, преподавал пение в Рябковской церковно-приходской школе и Закон Божий в двух курганских училищах.

Александр родился 3 августа 1888 года, окончил Ишимское духовное училище, в 1909 году Тобольскую духовную семинарию с присвоением звания студента, и поступил на медицинский факультет Варшавского университета. С 1913 года – врач в действующей армии. С 1917 года работал врачом в курганском госпитале.

Последний сын Алексей 1893 года рождения, умер в возрасте 4 лет [1].

Анастасия после 1917 года продолжает работать учителем в начальной школе, на базе которой в 1924 году создана районная опорная школа. Вступила в профсоюз, в 1921 году избиралась председателем волостной профсоюзной организации. 30 июля 1928 года на заседании президиума райисполкома утверждали штат учителей, и было вынесено решение: «Учительство опорной школы должно являться руководителями всей методической работы школ района. Учитывая, что Заборовская по происхождению дочь священника и не имеет достаточного авторитета среди населения, перевести Заборовскую в Булдаковскую школу». Но к работе на новом месте она не приступила, и в утверждённом списке учителей на 1928–29 учебный год уже не числилась [2].

Яков Иванович умер 14 августа 1929 года, похоронен в селе Половинном, оформляла документы его дочь Анастасия.

Про дальнейшую судьбу Заборовских я долго не мог ничего найти. Осенью 2013 года в городском краеведческом музее обнаружил в записях А. М. Васильевой упоминание о дочерях Николая Заборовского, т. е. внучках священника. Была сделана ссылка на номер дела в областном краеведческом музее. Оказалось, что здесь хранятся воспоминания дочери Николая – Раисы Николаевны Заборовской, написанные в 1994 году.

Из воспоминаний Р. Н. Заборовской:

«Моя мать Заборовская (Попова) Марфа Трофимовна родилась 17 июня 1889 года в деревне Рябково Курганского уезда. Обучалась в деревенской школе, потом в Введенской двухгодичной учительской школе. В 1911 году вышла замуж за Заборовского Николая Яковлевича, он работал псаломщиком в Рябковской церкви и преподавал пение в Курганских школах, руководил хорами. Брат его Александр – врач, сестра Анастасия – учительница.

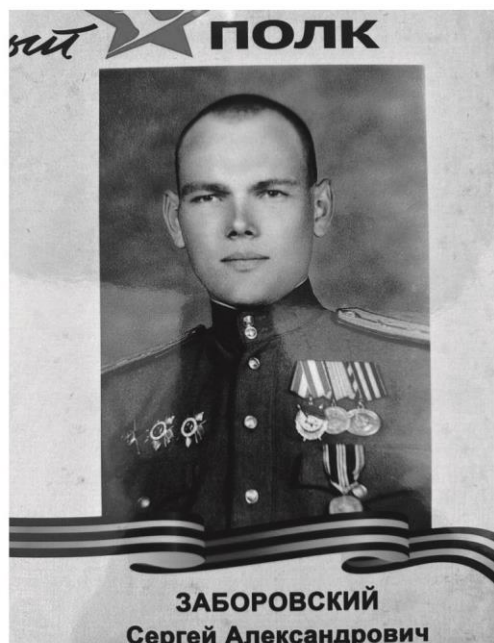
В 1911–13 годах выстроили пятистенный дом на Большой улице вместе с Поповыми – кухня, комната и сени, огород выходил к Чёрной речке. В семье родились две дочки – Раиса и Галина. Николай в августе 1919 года был мобилизован белыми и отправлен рядовым на фронт в Сибирь. После разгрома белых уже с отрядом красных возвращался домой в Курган, но в Петропавловске был снят с поезда и 20 марта 1920 года умер от тифа. Всех больных сжигали. Мать ездила в Петропавловск, привезла пепел от печей в коробочке из-под чая и захоронила на кладбище.

Чтобы легче было одной воспитывать детей, Марфа Тимофеевна переезжает в коммуну «Мукомол» Курганского сельсовета и работает там учительницей. После окончания педагогических курсов, работала преподавателем русского языка и географии в школе № 5, школе № 2 города Кургана, в Курганском педагогическом техникуме, заведующей учебной частью ФЗС № 2. Умерла 9 августа 1934 года от туберкулёза в возрасте 45 лет.

Раиса Николаевна училась вместе с сестрой в частной музыкальной школе. После окончания 4 класса поступили в школу второй ступени. Учились в доме, который называется сейчас Дом декабристов. В религиозные праздники участвовали в антирелигиозных мероприятиях. Обе сестры начали учиться в строительном железнодорожном техникуме, располагавшемся в здании рядом с драмтеатром на 4 и 5 этажах, в 1932 году техникум перевели в Свердловск. Практику проходили на строительстве дороги Урал – Курган и Курганского депо. После окончания техникума Раису распределили на станцию Кушва, а Галину на Дальний Восток, позднее обе переехали в Челябинск, где и проживали до конца своей жизни» [3].

*Заборовский Владимир Сергеевич
у памятника прабабушки Заборовской*

*Заборовский Сергей Александрович,
внук священника Заборовского*

*Молебен у памятника
жены священника
Заборовской Раисы Фёдоровны.
2024, с. Половинное*

*Автор статьи и священник
Свято-Троицкого храма
села Половинного
протоиерей Александр (Гадиян)
у развалин памятника
жены священника
Заборовской Раисы Фёдоровны*

Дмитрий Матвеев – семинарист

Дмитрий Матвеев с дочерью Ольгой

Протоиерей Дмитрий Матвеев,
преподаватель Курганского духовного училища.
Нач. XX в.

В воспоминаниях был указан адрес в городе Челябинске, где она жила в последнее время. Надеюсь найти хотя бы её родственников, написал на этот адрес письмо. Ответил её сын Михайлов Юрий Львович. К сожалению, его мать старалась не вспоминать своё прошлое. Юрий Львович пояснил, что ему исполнилось 76 лет, имелось желание приехать и посмотреть на те места, где проживали его предки. Но по состоянию здоровья он не смог совершить поездку, а дети отнеслись к такой новости без интереса.

Раиса Николаевна вспоминает, что родной брат отца Александр Яковлевич Заборовский иногда приезжал, приносил нам сахара, работал он врачом в курганском госпитале. Спустя несколько лет Александр уехал из Кургана на Кавказ. Далее Раиса Николаевна делится впечатлениями о поездке на Кавказ, точный год не помнит. *«В начале тридцатых годов ездили в Москву, из Москвы на Кавказ к папиному брату и сестре в станицу Ладожская, потом вместе с сестрой папы Анастасией Яковлевной ездили в Батуми»* [3].

Значит, Анастасия Яковлевна после увольнения с работы и смерти отца уехала к брату. В надежде найти хоть какие-то сведения я написал главе администрации станицы Ладожская Краснодарского края. Ответ пришёл спустя три недели. *«Администрация Ладожского сельского поселения сообщает, что Заборовский Александр Яковлевич, 1888 года рождения, согласно записям хозяйственных книг администрации Ладожского сельского поселения, проживал в станице Ладожской, по улице Красиной, 95, вместе со своей женой Заборовской Ольгой Дмитриевной. В 1953 году Александр Яковлевич расстался со своей женой и вступил в брак с Шевченко Елизаветой Андреевной 1921 года рождения и проживал с ней по вышеуказанному адресу до 1965 года. В 1965 году Александр Яковлевич умер, а Елизавета Андреевна умерла в восьмидесятых годах. Александр Яковлевич работал в Ладожской больнице хирургом. Информацией о других родственниках Заборовских администрация Ладожского поселения не располагает»* [4].

Были ли дети у Александра Яковлевича и как сложилась дальнейшая судьба Анастасии Яковлевны – пока оставалось тайной.

На старом приходском кладбище в с. Половинном стоял единственный гранитный памятник, установленный Раисе Фёдоровне Заборовской – жене священника (в народе обычно говорили – «попадье»). В середине 60-х годов прошлого века этот памятник разрушили, части были разбросаны на несколько метров, но сохранились. О том, как его восстанавливали, описано в моей книге «Церковь и вера». Хотел лишь повторить один эпизод.

Я решил показать разрушенный памятник настоятелю Половинской Свято-Троицкой церкви о. Александру Гадияну. В тот день над селом изредка ходили небольшие тучки. Когда мы пошли в сторону раскиданных фрагментов, налетел шквальный ветер, начался ливень и гроза. Пришлось только посмотреть и бегом назад. Подошли к машине – гроза так же моментально закончилась, как и началась. Мы промокли, что называется, до нитки. Отец Александр воспринял этот момент как благодатный знак свыше. Идею восстановления памятника он с радостью поддержал. Вместе с прихожанами собрали этот памятник, поставили на место и устроили металлическую оградку.

Я всегда надеялся, что со временем найдутся потомки Заборовских. 24 июля 2024 года районный краеведческий музей переслал мне письмо Ольги Аркадьевны Заборовской, в котором она просит разыскать автора статьи про Половинскую церковь, размещенной на сайте Зауральского генеалогического общества. Оказалось, что её муж Владимир Сергеевич является внуком Александра Яковлевича Заборовского, который проживал в станице Ладожской. Владимир Сергеевич живёт в Санкт-Петербурге, работает в институте компьютерных наук и технологий, доктор технических наук, профессор.

Владимир знал о своих предках только то, что его дед жил и работал в станице Ладужской хирургом. Я сразу переправил им все имеющиеся сведения по роду Заборовских. Для Владимира это стало полной неожиданностью, и вместе с супругой они приняли решение вначале побывать на родине прадеда – в селе Аремзянском бывшей Тобольской губернии, а затем в селе Половинном, где установлен памятник прабабушке и где родился его дед Александр. Побывали в Тобольске, где учились в духовной семинарии Яков Иванович, его сыновья и дочь Анастасия в епархиальном женском училище. Далее посетили село Аремзянское, где родился Яков Иванович и служил священником его отец. Затем они приехали в Курган, устроились в гостинице. Моя дочь Галина привезла их ко мне домой на ужин, а вечером устроила экскурсию по городу; побывали в Центре им. Илизарова, в «Шоколадном замке», в городском саду. Осмотрели храм Александра Невского, где в ограде находятся захоронения курганских священников.

5 августа гости в сопровождении древлехранителя Курганской епархии, настоятеля храма блаженной Матроны Московской города Кургана иеромонаха Афанасия (Коренкина) посетили село Половинное.

На могиле жены священника настоятель Свято-Троицкого храма села Половинного протоиерей Александр Гадиян и отец Афанасий в присутствии гостей отслужили панихиду. Более 120 лет прошло со дня упокоения прабабушки Раисы Фёдоровны. И вот не чудо ли? Правнук, до нынешнего лета ничего не знавший о жизни предков на нашей половинской земле, со свечой в руках стоит у величественного гранитного памятника, преклонив колена. Чета Заборовских – люди воцерковленные, оба являются потомками священников, поэтому всё происходило как само собой разумеющееся. После посещения кладбища гости в сопровождении священников зашли сначала в строящийся храм, масштабы которого впечатлили петербуржцев, а после проследовали в действующий храм, оборудованный в бывшей купеческой лавке. Отец Александр провёл экскурсию по храму, рассказал о необычных находках, обнаруженных в ходе ремонта – портретах императора Николая II и императрицы Александры Фёдоровны, а также металлическом кресте, найденном при разборе старого здания райисполкома, который был установлен на одном из куполов старой деревянной церкви. В районном краеведческом музее среди прочих экспонатов гости смогли увидеть тумбочку и лампадку из того самого храма, где более полувека служил прадед Владимира Сергеевича. Музеем их передал краевед Николай Георгиевич Кофанов. На протяжении всего дня общение с гостями проходило так, будто все – давние знакомые.

После поездки в Половинное супруги заехали ко мне, поделились впечатлениями, а вечером гуляли по городу и вновь зашли к могилам священников. 6 августа мы встретились около Музея декабристов, а после обеда гости улетели в Санкт-Петербург. В этот день они дважды посетили могилы в ограде храма, что-то необъяснимое тянуло их к этому месту, несколько раз приходили на Центральную площадь города, где установлен памятник В. И. Ленину. Во время встреч со мной они были очень эмоциональны, особенно после поездки в Половинное. Владимир говорил, что он находится просто в шоковом состоянии. Ведь никакой информации о жизни предков в селе Аремзянском и в селе Половинном они не имели, и вдруг на них обрушился огромный поток информации.

Вернувшись домой, он обнаружил у своей племянницы некоторые документы, фотографии, переписку своего отца Заборовского Сергея Александровича. Всё это хранилось в нескольких коробках. На листе бумаги была нарисована родословная схема. Оказалось, его дедушка Александр Яковлевич, который работал в начале 20-х годов в курганском госпитале хирургом,

был женат на дочери священника Матвеева Дмитрия Аполлоновича, к могиле которого их и тянуло. Владимир сразу же поделился со мной этой новостью и сказал, что голова идёт кругом от таких новостей, и все мысли заняты поездкой и необъяснимыми совпадениями. Ознакомившись с биографией священника Матвеева, я решил выяснить у известного курганского краеведа А. М. Васильевой, где находился госпиталь в начале 20-х годов. Оказалось – на территории старой площадки завода дорожных машин. Сейчас здесь торговый центр и гостиница, номер в которой заказали супруги Заборовские и ночевали здесь две ночи. Таких гостиниц в Кургане – более десятка, но они, опять же, выбрали именно ту, на месте которой трудился их дедушка. Видимо, прав был отец Александр, сказав после скоротечного ливня и грозы, что это Божья Благодать. И спустя одиннадцать лет произошёл целый ряд совпадений, которые простой случайностью, видимо, не объяснить.

Нашлось в архиве отца подтверждение о заключении брака: *«Выписка. Отдел записи актов гражданского состояния. г. Курган. Номер записи 103, 18 ноября 1922 года. Жених – Заборовский Александр Яковлевич, возраст 33 года, холост, врач. Невеста – Матвеева Ольга Дмитриевна, возраст 22 года, девица, машинистка. Место проживания – г. Курган, ул. Береговая 25»*. Сейчас это улица Климова, и дом находился около современного кардиодиспансера. Александр Яковлевич, будучи хирургом, принимал участие в Первой мировой войне, после окончания которой работал в курганском госпитале.

В конце 20-х годов супруги Заборовские переезжают в станицу Ладжская Краснодарского края. В семье родились сыновья Сергей и Евгений.

Во время Великой Отечественной войны Александр Иванович уже второй раз оказывается на фронте. Вначале он служил хирургом в Ташкентском военном госпитале, затем – в войсках второго Украинского фронта. Демобилизовался после победы в звании майора. Евгений в апреле 1944 года окончил Ташкентское артиллерийское училище, погиб в 1945 году на латвийской земле, лейтенант. Сергей в 1941 году поступил в Ленинградский политехнический институт, но учиться не пришлось: сразу призвали в армию. В январе 1942 года окончил Ленинградское артиллерийское училище. Участник боёв за Дон, Кубань, Кавказ и Карпаты, был ранен, лежал в госпитале. Войну закончил в Праге, награждён орденами Красного Знамени и Отечественной войны, многими медалями, звание – «майор». Вернулся в 1946 году и начал учёбу в институте, затем в аспирантуре. Защитил кандидатскую диссертацию, доцент, проработал в Ленинградском политехническом институте до 2005 года [5].

Итак, все трое мужчин из семьи Заборовских были одновременно на фронтах Великой Отечественной войны. Жаль только, что одному не довелось дожить до Победы.

Сергей Александрович после окончания института женился, в семье двое детей – сын Владимир и дочь Елена. В 1953 году в Ленинград переезжает Ольга Дмитриевна. О своей жизни бабушка Оля внукам ничего не рассказывала. Только случайно в 1963 году Владимир нашёл среди её вещей большой наперсный крест, но откуда он и кому раньше принадлежал, выяснить не удалось.

Отец Ольги Дмитриевны – Дмитрий Аполлонович Матвеев, настоятель Богородице-Рождественского собора г. Кургана, протоиерей. Родился в 1874 году, окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидат богословия. В 1897 году был направлен в Тобольскую духовную семинарию преподавателем Библейской истории и истории Русской Церкви. В этом же году рукоположен в священника, определён в Иоанно-Введенский женский монастырь. В 1899 году назначен инспектором Тобольской духовной академии, в 1901 году исполнял обязанности ректора академии, одновре-

менно преподавал математику в семинарии. 25 мая 1907 года перемещён настоятелем в Градо-Курганский Богородице-Рождественский собор, состоял заведующим церковно-приходской школы при соборе, преподавал русский язык в Курганском духовном училище. Жена Мария Ефимовна, родилась в 1877 году. В семье было 7 детей: старшая Ольга (1898 года рождения), Сергей, Нина, Мария, Елена, Борис и младший сын Дмитрий (родился 11 октября 1910 года) [6].

Старшая дочь Ольга и есть та самая жена Заборовского Александра Яковлевича. Дмитрий Аполлонович Матвеев умер 17 июня 1913 года после продолжительной и неизлечимой в то время болезни почек. С официального разрешения епископа Тобольского и Сибирского погребён 19 июня в церковной ограде Богородице-Рождественского собора, о чём свидетельствует запись № 88 в метрической книге за 1913 год [7]. 3 ноября этого же года скончался заштатный священник собора Иоанн Филиппович Волков – отец первого священника Байдарской церкви Македония Иоанновича Волкова. Он был захоронен рядом с Матвеевым. Во время Великой Отечественной войны здание собора передали под эвакуированный завод, на базе которого позже были создан завод деревообрабатывающих станков. С 2006 года на месте Богородице-Рождественского собора разместился торговый комплекс «Зауральский Домострой». В этом же году при переустройстве здания были обнаружены захоронения священников. Их останки перезахоронены в ограде собора Александра Невского.

Меня сразу же заинтересовал вопрос – где же остальные дети Матвеева, ведь Заборовский Владимир знал только про свою бабушку Ольгу? Историей Кургана занималась А. М. Васильева, а историей духовенства – О. Ю. Бабушкина, но сведений у них никаких не было. За сотню лет никто из детей о себе не заявил.

В старых записях отца Владимир Сергеевич обнаружил пустой конверт со штампом за 1970-е годы, на котором указан курганский адрес Матвеева Б. Д. Совпадений, по всей вероятности, не должно быть – значит, здесь жил сын священника. Конечно, самого Бориса Дмитриевича уже давно нет, но, возможно, остались дети или проживающие по этому адресу в настоящий момент могли знать о нём. Одной из зацепок были списки абонентов г. Кургана за эти годы, но в них я ничего не обнаружил, решил написать письмо по указанному адресу. Через некоторое время Владимир Сергеевич сообщил, что нашёлся ещё один конверт с адресом по ул. Гоголя. Не дождавшись ответа, написал письмо по второму адресу. Здесь адресатом указан Матвеев Николай Борисович – по моему предположению, внук священника.

В ожиданиях ответа прошёл ещё месяц, и вдруг 19 декабря раздался звонок с неизвестного номера. Мужской голос сообщил, что получил от меня письмо, но долго не решался ответить. Вот и нашёлся внук священника – Матвеев Николай Борисович. Я дал номер телефона Заборовского Владимира, который доводится ему двоюродным племянником. После связался с Владимиром, который сказал, что в очередной раз был шокирован таким сообщением. 19 декабря православная церковь отмечает день Святителя Николая чудотворца. В этот день супруга Владимира ходила в церковь, которая была сооружена в честь Николая Чудотворца, и Владимир попросил её помолиться у иконы, чтобы быстрее нашёлся его дядя Николай Матвеев. Как можно объяснить такое явление? Или это простое совпадение, или проявление неизвестных человеку высших связей? Но факт остаётся фактом. В этот же вечер родственники, которые не знали о существовании друг друга, впервые переговорили между собой, испытав огромную радость от такого события.

В конце января я встретился с супругами Матвеевыми, которые живут в самом центре города. Из одной комнаты квартиры открывается вид на Центральную площадь, где установлен памятник В. И. Ленину, куда так тянуло Заборовских во время пребывания их в Кургане. О том, что Николай является внуком священника, они узнали лет пятнадцать назад. Об этом им рассказала двоюродная сестра Елена, проживающая в г. Екатеринбурге. Так же, как и Заборовские, их предки скрывали своё происхождение.

Как же сложилась судьба Марии Ефимовны и семерых детей после смерти Дмитрия Аполлоновича? Многих подробностей не удалось выяснить. Если судить о месте проживания детей, то все они оказались в Свердловске. Видимо, семья переехала туда на постоянное место жительства. Где Мария Ефимовна доживала последние годы – неизвестно, так же, как и о судьбе сына Сергея и дочери Елены. У Марии и Нины детей не было. У младшего сына Дмитрия родились двое детей – сын Юрий и дочь Елена, оба проживают в Екатеринбурге. Елена и рассказала Николаю Борисовичу, кем были их предки.

Предпоследний сын Борис окончил Свердловский медицинский институт и был направлен в Верхнюю Пышму. Женился. Участник Великой Отечественной войны, хирург. После окончания войны семья переехала в Курган. Борис работал в туберкулёзном диспансере, на несколько лет уезжал в Ханты-Мансийск, жена с детьми оставалась в Кургане. Первый сын Дмитрий у них родился в 1942 году. Николай родился в 1946 году, закончил факультет физвоспитания КГПИ, был призван в армию. Служил срочную службу в Курганском высшем военно-политическом авиационном училище, после чего окончил ускоренные курсы младших лейтенантов и остался служить на кафедре физического воспитания старшим преподавателем. Ушёл в отставку в 1993 году в звании подполковника. Жена – Галина Яковлевна – работала преподавателем музыки. В семье две дочери, внуки.

Старший брат Николая – Дмитрий – тоже жил в Кургане, дети его впоследствии переехали в Краснодарский край. После смерти жены Дмитрий переселился к детям, там и нашёл последнее пристанище. Среди потомков священника Матвеева несколько раз повторяются имена Дмитрий и Елена.

Почему же при перезахоронении останков священников в 2006 году никто из историков и представителей епархии не предпринял попыток разыскать потомков? А ведь родной внук постоянно проживал в Кургане. Николай Борисович постеснялся заявить о себе. И только по чистой случайности удалось их найти. В этом году супруги Заборовские планируют вновь посетить родные места предков – Тобольск, Аремзянское и Половинное. И самое главное – спустя столетие в Кургане состоится встреча близких родственников.

Примечания:

1. ГАКО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 7.
2. ГАКО. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 415.
3. Областной краеведческий музей. Ф. 31. Оп. 2-а. Д. 35.
4. Письмо Администрации Ладожского сельского поселения Усть-Лабинского района, исходящий № 179 от 05.02.2014.
5. С. А. Заборовский. История возвращения в институт. Санкт-Петербург, 2005 год.
6. ГАКО. Ф. 235. Оп. 6. Д. 198. Л. 3–3.
7. ГАКО. Ф. 235. Оп. 3. Д. 3040. Л. 149.

Михаил ШУШАРИН, иерей
Военный дневник Далмата:
2024 год

**ПИСЬМА
И МЕМУАРЫ**

...Боец слабо стонал от боли. Отец Михаил чувствовал эту боль, и она проникала в самое его сердце. Молитва! Непрестанная молитва – вот было спасение для обоих. Когда боль отступала, боец начинал говорить. Голова его лежала у священника на плече, и несмотря на то, что парня было еле слышно, слова можно было разобрать. Он говорил о жене, детях – двух сорванцах, которые больше года растут без отца. О доме, который непременно построят. О том, как в жизни ошибался и делал что-то не так, – по крайней мере, сейчас ему так казалось. Его рассказ больше походил на исповедь, и было непонятно – с кем именно он сейчас говорит? С собой? С тем, кто нёс его на своих плечах? Или с Богом? Раненый замолчал и тихо выдохнул. Рука соскользнула с пояса, тело обмякло и потяжелело. Отец Михаил опустил бойца на землю и тихонько над ним помолился. Потом врачи скажут: «Ранение слишком тяжёлое... Не выжил бы». Известна фраза: «Любовь – второе имя Бога». Военный дневник, написанный в боевых условиях летом 2024 года иереем Михаилом из Кургана (позывной Далмат), как раз об этом.

**Михаил
Шушарин, иерей**

Священник кафедрального Александро-Невского собора города Кургана.

Окончил Тобольскую духовную семинарию, филологический факультет Курганского госуниверситета. Посещал литературную студию В. Ф. Потанина. Преподавал русский язык и литературу в школе.

Участник СВО.

В «Тоболе» публикуется впервые.

Как я ходил на боевые

1 июля, Белогоровка. Проснувшись, не спеша пили чай, кофе, но вдруг поступила команда: первой группе через час выход. Я во второй. Мы, значит, на следующий день.

Парни вытаскивают во двор свои неподъёмные рюкзаки. Почему-то хотят всё взять с собой. Облачаются в броню. Лица у людей, конечно, меняются. Как там будет? Я вечером попытался провести ревизию рюкзака, но тот всё равно остался неподъёмным... Всё. Жадность. Тащи на себе.

Утром Ярд, самый дальновидный из команды, сказал, что неплохо было бы приготовить что-нибудь поесть, и, так как я умею готовить и у меня для этого есть время, силы и продукты, то и варить борщ мне.

Тигр помог почистить картошку. За капустой сходили в магазин. Заодно купили хлеб и очень вкусное натуральное луганское мороженое.

Да, магазин есть в этой деревне. Муж с женой сначала хохлам продавали провизию, потом начали нам, русским, – им без разницы. Сказали только, что русских не боятся: они честные. Хохлы, было такое, могли зайти с автоматами и просто ограбить. Русские солдаты не обманывали ни разу. Кстати, их, маркитантов, убило прошлым летом: ехали на своём гражданском автомобиле – прилетел дрон. Прочитал в новостях ЛИС⁷ о Привольном. Жалко семейную пару. Они шли к успеху. Торговали.

⁷ Новостной телеграм-канал Лисичанска.

Плитка в летней кухне давала не слишком сильное пламя и поэтому варка слегка затянулась. Борщ получился вполне съедобный, а я после трудов праведных завалился подремать. Заснуть не смог. Встал и пошёл есть борщ... Потом читал молитвы и Евангелие. Совесть мучила, что я тут сытый, а кто-то не очень. Ближе к вечеру нам сообщили точное время выхода на позицию, и мы потихоньку стали собираться. Положил ещё одну полторашку воды – стало четыре. Докинул четыре бичпакета. Раскрошил. Проколол дырочку. Выдавил воздух. Не удержался: кинул ещё черничный джем «Махеев». Получил у начальства рацию и запасную батарею. На тумбочку возле выхода положил омепразол, нимесулид, чтобы утром выпить для профилактики. Постарался нормально весь день питаться, чтобы были силы. Тигр приготовил очень вкусные кабачки с соевым соусом. Поужинал двумя пакетиками овсянки. На БЗ8 будет один утром и что-нибудь вечером, тоже завариваемое...

2 июля. Встал рано утром: не люблю быстрые сборы. Умылся. Включил чайник, который заревел на весь дом. Поставил вариться яйца. Свет не включал. Ходил с фонариком смартфона. Две ложки кофе и два кусочка сахара. Вместо сахара хотел положить сгущи, но не нашёл открывашку, а в холодильник заглянуть забыл (там стояла открытая банка). Не спеша попивая кофе, сижу на нашей импровизированной летней кухне. Серость и утренняя прохлада... Проснулся Чехов. Пока мы отдыхали в пункте постоянной дислокации, он оставался здесь на хозяйстве, занимаясь благоустройством домиков нашей роты. Вчера ротный ни с того ни с сего поставил его на боевое задание, хотя, в принципе, есть кого поставить. Впрочем, и я, священник, иду на передок, хотя полно бойцов, которые там ещё не были. Но мы не унываем, потому что лучше сходить сейчас, когда ещё стоит зелёнка, чем потом, когда зелёнку сдует взрывами. Хотя... Может быть, лучше было бы сходить сейчас, чем когда её вообще не будет... Позавтракал тремя яйцами и сублимированным беконом из ИРП9. Намешал пол-литра изотоника («Смородина» тонизирующий), выпил кружку лёгкого предтреника (с собой брал) – запил им протеины. Подумал, подумал и надел защиту бёдер. С нею тяжелее и несколько неудобно, но надёжнее, да и я здоров и физически готов к этой нагрузке: вешу снова 84 килограмма и почти месяц тренировался в качалке. Обулся в свои Вагобунды. Надел боевой пояс, броник. Раздумываю – брать или не брать наушники. Беру. Надо потестить их на «птички». Все парни собрались во дворе. Сидим. Осталось недолго. Рюкзаки и оружие уже здесь. Беседуем о том, о сём. Подошла машина. Время. Грузимся. Поехали. На другом домике забираем такелажника – «ноги», так их называют – и проводника Бурдея. Он тянет такелажку на одну из наших позиций и номинально должен показывать путь, хотя и я, и Чехов дорогу знаем.

Чехов и Математик идут на одну позицию. Урал, Димон и я идём на другую. Буря тянет такелажку на третью, на заходе он старший. Удаляемся всё дальше и дальше от точки эвакуации. Не знаю, как где, а на нашем направлении ситуация с дронами противника всё хуже и хуже. Буханка за-скакивает под худосочные деревца. Выгружается. Только успел осмотреться – двигаем. Помогаем друг другу надеть рюкзаки. Пошли. Всё. Теперь главное правило: смотри под ноги и слушай небо. Растягиваемся. Почти два километра в гору надо преодолеть пешком.

Начинается длинный-длинный подъём – тягун, как говорят лыжники. Сразу тяжело и с каждым шагом становится всё тяжелее. Я иду замыкающим. На обочине – разбитая дронами техника, и свежая, и уже ржавая.

⁸ Боевое задание.

⁹ Индивидуальный рацион питания, сухой паёк.

Идём. Идём. Димон время от времени начинает останавливаться и, наклонившись, то ли отдыхает, то ли разгружает спину.

Я тоже, наклонившись, дышу, потому что вертикально броник не даёт вздохнуть полной грудью. Идём. Идём. Появляются «птички». Может быть, наши, но никто не рискует проверять. Укрываемся в кустах. Идём. Идём. Впереди Буря. Кто-то выходит навстречу. Подтягиваемся поближе. Развилка. Буря идёт короткой дорогой. Это против наших планов. Небольшой спор. Мы настаиваем на своём маршруте. Буря уступает. Перестраивается. Это место уже больше месяца как перестало быть безопасным. Не так давно потеряли здесь двух «трёхсотыми» (ранеными). Они попали под миномёт 120-го калибра.

Надо заметить, что они спалились сами, отработав по «птичке» антидрон-ружьём. «Птичке»-то ничего. Она, потеряв связь с оператором, только подскочила метров на четырёста, а хохлы накрыли квадрат кассетными и осколочно-фугасными. Так что мораль: работай РЭБом только тогда, когда у тебя есть укрытие, или в самом крайнем случае. По другой версии, операторы противника по выходам в радиоэфир вычислили нашу точку эвакуации и после того, как наши в тот день начали выходить в эфир, накрыли точку...

Да и мы с Аяксом, было дело, побегали тут под миномётным огнём – «птичка» спалила.

Отпуская группу, стою, опираясь на дерево. Трое вышедших навстречу бойцов сидят на бревнышках. Двое – заморенные неопределённого возраста мужички, третий молодой. Приглядываюсь и понимаю, что это наш товарищ из бригады с позывным Большой. Я не узнал его – так он похудел, да и стриженные когда-то под ноль волосы отросли. Подхожу. Здоровуюсь. Судя по всему, он меня не узнал, но понял, что я батюшка. Большой говорит, что за это время чуть не погиб, и у него появилась седина в двадцать пять лет. Приглашаю заходить на нашу позицию, но он отвечает, что выходит на отдых в тыл. Желаю ему удачи и иду снова в гору. Подъём теперь не такой крутой, хотя идти также тяжело.

Идём. Идём. «Птичка». Идём. Идём. Димон устал. Проклинает свой рюкзак. Я тоже устал, но меньше. Очень тяжёло. Наконец, привал. Опираясь на рюкзаки, сидим под деревьями. Хорошо, но мало. Делюсь с Чеховым и Уралом мыслями о том, что в ППД¹⁰ на отдыхе иногда раздумываю о смысле жизни. Там одни мысли, а здесь, на подъёме с грузом, совсем другие, когда отчётливо, пусть и на фоне слабости, понимаешь, что война – дело молодых... И что Круг (он не сказать, что молод – лет сорок ему, на восемь лет моложе меня) в первом заходе, что Урал (38 лет) сейчас прут под нагрузкой намного бойчее меня.

Идём дальше. Навстречу выходит ещё один боец бригады. Высокий, худой с лимонно-жёлтым лицом гепатитчика. Начинает рассказывать, что они малой группой ходили на Триаду. Возбуждён. Его никто не спрашивает, но он рассказывает, что командование предложило им попробовать зайти скрытно. Раздолбали на подходе, а те несколько, что заскочили в Триаду, 200 (убиты), 300 (ранены) и двое ещё – пропавшие без вести...

Нам некогда слушать, но боец успевает нам всё это сообщить, пока расходимся на тропе. С ним ещё двое. Похожи на бурят или казахов. У нас же свой путь...

Идём. Идём. «Птица». Под куст. Идём. Идём. Забуриваемся в хорошую лесополку. Встречаем группу наших, которых первая группа поменяла вчера. Расходимся и через некоторое время валимся отдыхать. Помолил-

¹⁰ Пункт постоянной дислокации.

ся. Чуть отдохнули и идём дальше. Тропа петляет по лесополке, но идти здесь легче, чем в гору. Густая зелёнка закрывает от «птичек», впереди ждут небольшие, но коварные открытки.

Долго ли, коротко ли, но мы дошли до Ангары. Толпой не стали туда вваливаться. Разбрелись вдоль тропы. Я завалился под дерево. Не понравилось. Точнее сидеть понравилось, но место не понравилось. Переполз поглубже в куст. Расслабон. Урал кидаёт бутылку воды – подгон от Ангары. Недоброс. Отдыхаю и допиваю свою воду с изотоником, съедаю протеиновый батончик. Встаю. Дохожу до брошенной мне Уралом бутылки. В ней четверть, но и этого – напиться вдоволь. Съедаю второй батончик. Пью воду. Хорошо. То и дело пролетают «птички». Ору: «Птица!». Отдохнули. Выходим.

Идём. Идём. Вдруг понимаю, что сползли штаны. Из них вылезла футболка. Плюс набедренная защита тянет вниз. Плюс к тому – реально похудел. Огромная нагрузка и, видимо, работает изотоник, сжигая жир. Прошу ребят по цепочке притормозить. Привожу себя в порядок. Идём. Идём. Изредка – «птички». Иду в наушниках. Не понравилось. Все звуки громче, но такое ощущение, что «птиц» слышу хуже. Снимаю наушники. Чуток попутал лесополки. Оказывается, мы пришли.

3 июля. Вчера, проводив ребят, Урал и Димон завалились спать. Я же заварил кружку чая из двух пакетиков, засыпал фруктовый напиток из сухпайка. В общем, если вы хотите попить самый вкусный чай на свете, то добро пожаловать на передок. Пешком. Километров семь или восемь. С грузом. Покайфовал с чайком. Чуть оставил. Начал набирать дневник, время от времени делая маленькие глотки чая.

Помолился. Завалился (именно завалился) поспать. Подремал пару часов. Подняло желание сходить по нужде, но так просто осуществить эту миссию не удалось. Снаружи постоянно висели «птицы». Жужжали, то слева, то справа, то сверху, и такая канитель целый день. Точнее, пока не стемнело. Помочиться пришлось в бутылку. Получилось не очень.

В темноте непрерывно продолжали жужжать «птицы», курсирующие вдоль лесополки. Сегодня проснулся от голосов и прохлады. Пришёл Яр – старший дальней позиции. Не смогли наладить выносную антенну. На улице жарко и пахнет смрадом разлагающихся трупов. Ветер. Передовая рядом, в километре от нас. Яр сидит с нами довольно долго. Разговоры примерно одни и те же. Как хреново всё организовано в нашем батальоне и как примерно надо организовать. Конечно, поговорили про героических штабных и раздутом штате штаба. Яр уходит. Отдаю ему два протеиновых батончика. Один ему. Один Чехову. Яр будет проходить мимо. (Потом пожалел, что разговаривал с Ярдом. Яр – стукач. Всё докладывает начальству. Точнее, он руководствуется принципом «доложить – не значит настучать»). Урал идёт с Ярдом до Чехова. Возвращается с новостью, что Математик взял с собой только две бутылки воды... Зашёл Математик. Подогнали ему одну бутылку воды. Заскочил переждать «птичку» сосед – боец одной из бригад. После его ухода почти целый день проспал, потому что ночью бодрствовал на фишке, менялись каждые два часа. В перерывах молился. Читал акафист Божией Матери. Живём в режиме минимальной траты воды. Приблизительно бутылка на два дня. Есть особо не хочется. Сил тратим мало, в основном сидим в окопах и лежим в блиндаже на нарах. По позиции Яра три прилёта. Кто-то из наших союзников промахнулся слегка. Километра на два. Причин может быть миллион: от износа ствола до ошибки в расчётах или ошибки в развесовке порохов. Почти всю ночь в ногах мурчала кошка, а днём ни разу не появилась.

Наверное, нашла более щедрых хозяев. У нас всяких паштетов и консервированных колбас почти нет.

4 июля. День сурка. Ничего не происходит, надеюсь, так будет и дальше, хотя всё в руках Божьих. Вокруг шумит, идёт разнообразная артиллерийская работа – от миномёта до реактивных систем. Подносим снаряды нашим артиллеристам. Носить приходится далеко.

5 июля. Прилётов со стороны противника поблизости почти не ощущается. Видимо, потому что у нас здесь второстепенное направление, и работают они только по выявленной активности. Бьют туда, где сосредоточена техника. Урал смотрит вчерашний фильм второй раз и так же, как и вчера, какие-то моменты в быстрой перемотке. Ещё Урал и Димон играли в карты, но вдвоём им не интересно. Я не играю в карты. Вчера вечером Димон ругался на кошку. Мы с Уралом её защищали. Кошка всяко лучше мышей. Димон парировал, что мышей ещё месяц не будет. Сглазил. Ночью кто-то бегал по потолку за утеплителем.

Здесь ценность приобретает не только вода и еда, но и возможность спокойно и безопасно сходить в туалет. Нам повезло: у нас есть заглубленный замаскированный туалет, где можно расслабиться. Просто сходить под дерево не получится. Если из-за ветра ты не видишь и не слышишь дрон, это не значит, что его нет.

Спал плохо. Очень душно. Да ещё и Урал храпит – не может дышать носом, поэтому дышит ртом. Меня и Димона это напрягает. К кому повернётся, того и бомбит своим храпом. Димон время от времени толкает Урала, чтобы не храпел. Но это бессмысленно. Я терплю. Не толкаю. Отсюда вывод: отправляясь на СВО, всё-таки по возможности решайте проблемы со здоровьем.

...Всё время просыпался. То Урал храпит, то мыши шуршат. Под головой рюкзак, а не подушка – неудобно. Но когда всё же засыпал, сны снились хорошие, добрые, про жену, дом, детей.

Дежурил на фишке почти один. Читал молитвы, как в мирной жизни. Общался с Богом, почти как на службе в храме. Отслужил вечернюю, утреннюю и обедню. Вернувшись, причастился запасными дарами. Поблагодарил Бога.

В воздухе запах гари. То ли позиции противника, то ли наша первая линия затянута дымом. Наверное, всё-таки горит у хохлов, потому что у нас в первой линии гореть особо нечему. Лесополки выкошены и позиции по большей части выжжены. Приходил Чехов. Проблемы с водой. Остался всего литр. Я сходил к соседям и принёс две бутылки, плюс две бутылки добыл Математик. Три принёс Чехов. Димон, кстати, тоже принёс три бутылки. Одну бутылку отдали проходящим зекам-штурмовикам. Но этого мало. Сходить через открытку, рискнуть? Принести для всех? Завтра пойду. Делать нечего. Никогда не думал, что буду считать воду.

6 июля. Рано утром, в 3 часа, пока не рассвело, без броника, каски и автомата сбегал на ближайший опорник за водой. Принёс в рюкзаке шесть полторашек. Это называется по-серому, когда ночные дроны с тепловизорами уже не летают, а дневные ещё не летают. Пересменка у них – это результат моих наблюдений. Доложил на опорнике, что на передке нет воды от слова совсем. После этого к соседям (в соседнюю лесополку) на максимальной скорости подлетел мотоцикл и секунд через тридцать умчался. Хрен какой «камик» догонит.

7 июля. Спали опять плохо. Духота, и Урал всё храпит. После отбоя пришла кошка, пыталась устроиться в ногах между мной и Уралом. Димон

же, патологически не переносящий кошек, всё время её гнал. И тоже мешал спать. Я говорил: «Нравятся тебе кошки или не нравятся, но мыши гораздо хуже, они скоро будут по головам ходить, если кошка не будет ночевать у нас. Должен быть хотя бы кошачий дух, чтобы мыши совсем не обнаглели».

10 июля. Чехов рассказал интересное о Математике. Короче. Почему Математик взял только две бутылки воды? Оказывается, он уже был в отряде полгода назад. Тогда на позиции их подвозили на грузовике и высаживали примерно метрах в пятиста от первой линии (нам сейчас такое и не снилось – слишком много заминировано вокруг, а вражеские дроны отслеживают все перемещения техники). И вот сейчас он слушает разговоры более опытных бойцов о дефиците воды, дронах и трудностях такелажки, и думает: «Да ладно?! Ветераны просто жути нагоняют, думаю, я молодой... А я-то опытный боец. У меня четыре выхода на передок...» В общем, собирается на задачу, как привык. Куча шмурдяка (вещей, продуктов), дохленький пауэрбанк. Воды две бутылки и немного еды. А в итоге потом носится по лесополке в поисках питья. Две бутылки где-то намутил, и всё равно Уралу пришлось пожертвовать одну свою. Конечно, в нашем случае в такелажку вмешались обстоятельства. Нужно было эвакуировать 200-х. Вчера начали, но вынесли только из самой дальней позиции. Сейчас эвакуация продолжается, это иногда слышно по рации.

Ещё один момент про Математика. Это было дня четыре назад. Он что-то замешкался на выходе из блиндажа, ему постоянно казалось, что он что-то забыл. Парни кричат: «Давай быстрее!» А он им: «Что, боитесь?» Этот Математик – что с виду, что по натуре своей простой как валенок – чем-то похож на солдата Чонкина. В общем, по простоте своей и типа по бесстрашию бегаёт он по лесополке, а мы, трусы, боимся носа высунуть. Но только дуриком нужно быть, чтобы просто от скуки мотаться по лесополосе и совсем не думать о том, что будет с нашим или его блиндажом, если противник обнаружит активность. Когда он был в командировке в 23-м году, на передке можно было шашлыки жарить. Не было тогда столько дронов, как сейчас. Не знаю всех раскладов того времени, но вели они тогда себя крайне пассивно, противник нас не беспокоил. Он готовился. Прямо на Триаду заезжали «вертушки» с бетоном. Готовили окопы. Работал экскаватор довольно долго. «А мы... груши околачивали», – так рассказывает. Потом к хохлам прибыла рота БПЛА и они начали по нам жёстко работать. Примерно с марта. Чем дальше, тем становилось хуже. Они набили руку. Отработали тактику. Хорошо, что в поражении их тылов мы довольно сильны, но и там началась активная работа по уничтожению наших дальних «глаз» дронами. Говорят, у них мало арты. Это правда лишь отчасти: мало 155-го калибра, который бьёт далеко и точно. Хохлы в ключевых точках разбрасывают GPS-трекеры, датчики движения, что повышает скорость и точность наведения. Их не обнаружить – вернее, боишься прикасаться к любой хрени, из которой торчат провода.

Сейчас по ощущениям немного их активность снизилась. Но лишь немного. Скорее всего, здесь у них остался минимум взвод штурмовиков и нас они сдерживают хорошо укрытыми расчётами БПЛА. Это объяснимо: идёт активное наше давление на других участках, и противник перебрасывает туда резервы.

11 июля. Димон ушёл к соседям. Почти сразу передал по рации, чтобы ждали гостей. Чуть позже подошёл Рок с Преподом. Рок оставил Препода у нас отдохнуть, а сам ушёл, но обещал за ним вернуться. Препод

явно перегрелся. Не сказать, что на улице жарко, но броня, груз, РПК и плотная куртка сделали своё дело. Препод заполз к нам, сбросил броню. Воды же у нас почти нет.

12 июля. Ночь как ночь. С баханьем рядом на Клешне и буханьем где-то далеко в Золотарёвке. Ночью утихает ветер и вылетают ночные «птички». Жужжат не только «птички», но и осы – они здесь тысячами выются. Видимо, едят там, под горой, чью-то плоть. Столько ос я никогда в жизни не видел. Парни обсуждают, как лучше обозначить тропу – красной изолентой или синей? Синей у нас больше, но её не видно в траве. Для мирной жизни такие проблемы кажутся неважными. А здесь: сошёл с тропы – можешь остаться без ноги. Чехов сходил за водой, принёс две упаковки по шесть, без одной бутылки – отдал её Димону. Переход был очень долгим и трудным, Димон потерял много жидкости. Воду подогнала бригада, поэтому наши парни, кроме воды себе, помогали их бойцу тащить ВОГи (сбросы для дронов). Чехов очень устал, посидел покурил и ушёл к себе. Он крут, а я уже обессилел немного от обезвоживания.

К нашей такелажке, конечно, есть вопросы. Почему бы там, в тылу, не примотать к бутылкам ручки, хотя бы скотчем? Так было бы удобнее нести. Они же выкинули из машины, и приспособляйся, как хочешь. В итоге одну упаковку кладёшь в рюкзак, а со второй идёшь в обнимку. А так в рюкзак можно было бы еду положить и патроны, а в руках две упаковки воды тащить... если бы были ручки.

Днём я ходил к Чехову. Отнёс им армейские гигиенические наборы. Пауэрбанк у них сел, остались они почти в темноте. Поболтали о том, о сём. Чехов рассказал про конфликт на тропе. Наши шли налегке и хотели обогнать трёх бойцов. А те в бутылку полезли. Проявили агрессию. Не захотели пропустить наших вперёд. Слово за слово... Чуть до ругани не дошло. Это оказались такелажники другой нашей роты. Вообще, это крайне непорядочно. На тропе принято пропускать тех, кто идёт быстрее, но парни, видимо, с оружием и во всей броне почувствовали себя невероятно крутыми перцами, а наши, по примеру бригадных такелажек, шли налегке, то есть без брони и оружия.

Взял у Чехова смартфон. Зарядил ему на 43%, и моя «банка» села до половины. Отключил. Сорок три – это почти пять тысяч ампер, а половина моей «банки» – это примерно десять тысяч ампер. Нам тут ещё неделю жить, если Бог даст.

Зашедшие вчера парни активно тусуют вдоль лесополки, пытаются найти что-нибудь интересное, а может, просто от скуки. Димон в соседнем блиндаже нашёл магазин для СВД¹¹. Вот и снова эффект «непуганой дичи». Они удачно зашли – ветер сильный, «птички» этого не любят. Но такое ощущение, что пока они воспринимают выход на боевое задание как лёгкую прогулку. Они все уже были на СВО, но не в новых условиях. Впрочем, может быть, им повезёт, и противник снизит здесь свою активность – им что-то надо делать на других угрожаемых направлениях. Но не думаю.

Ночью начался обстрел по нашим позициям. Мы все забились в лисьи норы. Но зато засекли их огневые точки, и по тапику¹² сообщили координаты нашим артиллеристам. Через полчаса эти огневые точки разнесли в пух и прах. У нас они разбили окопы – завтра снова копать, восстанавливать. Слава Богу, никуда серьёзно по нам не попали. Есть подозрение, что били по открытке перед нами – готовят проход через минное поле.

¹¹ Снайперская винтовка Драгунова.

¹² Проводной телефонный аппарат ТАП-67.

14 июля. Семь часов. «Птички» жужжат. К нам завели роту эзков. Их провели через наши позиции, через нашу лесополку вперёд, а на ЛБС¹³ в это время пошла стрелкотня. Потом затихла, но началось очень активное баханье. Миномёт насыпал беглым. В ответ время от времени прилетало и очень громко. Впрочем, наш миномёт продолжал работать. Эта неизвестность напрягает... И тут по рации мне наш комбат говорит: «Иди спасать их, Батя. Они там засели на выходе из лесополки перед открыткой, их там разнесут. Веди их вперёд на блиндажи, куда они и должны были пройти. Что с ними – не знаем, но до места они не дошли».

Мы все собрались и побежали туда. Сидят. По ним уже отстрелялась миномётка. Сейчас прилетят дроны. У них 14 раненых. Трое убитых. Раненым, кто может сам идти, приказали отходить назад и захватить с собой кого смогут. Мы повели оставшихся ребят вперёд на позиции. Довели. Урал остался с ними, а мы вернулись в начало лесополки. Ещё трое тяжело-лораненых... Надо выносить. Одного я взял себе на плечо. Двоих парни положили на носилки. Я не донёс. Умер он почти у места эвакуации. Тело дотащил за ноги, чтобы родственники могли забрать. Сам чуть не помер от нагрузки. Прости меня, братишка. Я старался. Молюсь за тебя. Потом встретимся.

Уснул на земле. Проснулся ночью. Громко до сих пор, но уже не так. Только, судя по всему, это уже по нашим позициям бьют. Хохлы подумали, что мы отступаем, начали накат на нас. Отстреливались от них из всего, что есть. «Утёс»¹⁴ был припрятан и два АГС¹⁵. Отбились.

Если бы второй раз на нас пошли, пришлось бы вызывать артиллерию на себя, потому что израсходовали всё, что есть. По полмагазина у каждого осталось. Я тоже стрелял, когда другие перезаряжались. Поверх голов стрелял. Мне, как священнику, нельзя убивать.

Сосед кричит: «Красный!» – и ты накидываешь, чтобы к земле их прижать, пока он перезаряжается. Так прошёл день, хотя по ощущениям – как одна минута, искра в памяти. Смотрел потом на ребят – глаза у всех стеклянные. Наверное, и у меня такие же были. Колени, руки трясутся. На душе плохо. Начал читать кафизму за наших погибших. Ребята подтянулись, слушают. Все молчат. Смотрят на поле перед собой. Оттуда доносятся крики. Не по-нашему: на каком-то арабском, что ли. Всю ночь стоны. К утру всё стихло.

Я всю ночь молился.

15 июля. Наши позиции. Всё обожжено, всё в следах от осколков и пуль... По моему субъективному мнению, противнику надо отдать должное – он почти полностью заменил арту дронами. Дроны спокойно залетают в тыл на 15 километров и жгут технику. На передовой же висят в небе постоянно. Приземляются в поле, спрячутся, а в нужный момент взлетают совсем рядом. Жужжание, хлопок...

В небе высоко висит дрон-разведчик. Не достать из автомата. Этот «Мавик» поднимает дроны-камикадзе со смертельной начинкой. Шанс здесь только один – если сработают рога РЭБ на машине¹⁶, дрон упадёт рядом и не взорвётся.

16 июля. Ночь уже не спасает машины подвоза. У противника почти все дроны – с теплаками. Иногда ночью выбивают по 2–3 машины в тылу.

¹³ Линия боевого соприкосновения.

¹⁴ Крупнокалиберный пулемёт.

¹⁵ Автоматический гранатомёт станковый.

¹⁶ Машина радиоэлектронной борьбы.

Иногда специально ждут, когда за повреждённой техникой приедет эвакуационная машина, и подбивают её. Лишь часть машин удаётся оттянуть на ремонт, другие сгорают полностью вместе с экипажем, да так, что потом не найти даже лоскуток от одежды. А если везли боекомплект – всё превращается просто в пыль. На этом месте потом только воронка зияет метров в пять.

17 июля. Примерно в полночь слышим, где-то недалеко едет «Урал» на позиции миномётчиков. Везет парням боеприпасы. А в небе «Баба Яга» – большой такой дрон. Мы их предупредить не успеваем – бьём из четырёх стволов трассерами в небо... Мгновение – и страшный взрыв метрах в пятистах от нас. Земля подпрыгнула. Сдетонировал боекомплект в машине. Мы в этот момент были в укрытии. Но ударная волна прошла прямо над нами. Уши заложило. Глаза чуть не лопнули. Бегу в сторону подвала – внутри всего колотит. На ходу руками себя проверяю – всё цело. Ввалился в подвал и вырвалось само: «Господи, помилуй!»

С утра решил пойти посмотреть. На дороге лишь воронка. Ни останков, ни крови – всё превратилось в молекулы. Железяки от «Урала» нашли в километре от взрыва. В машине был пластид – мощная штука. Его используют для разминирования проходов на минных полях. 30 сантиметров такой «колбасы» могут разрушить подъезд девятиэтажного дома. А этих «колбас» тут несколько было. Да. Любая поездка – лотерея...

18 июля. Моемся так. Есть сухой душ. Там две салфетки. Столовую ложку воды добавляешь и трёшь. Потом обтираешь всего себя насухо – и вроде уже чистый, не воняешь. Спорно, конечно, но других вариантов всё равно нет.

Погода становится совсем переменчивой. Ветрено, но не так, как вчера. Скоро август, придут холодные ночи, и блиндажи станут видны в теплаки ночных «птичек». Если будут отапливаться, конечно. Выход – только в организации перекрёстной защиты позиций, когда стрелки с теплаками и дронабойками прикрывают друг друга, то есть действовать надо максимально агрессивно. Для этого нужны наши ночные «птицы», чтобы подавлять нашей артой вражеские миномёты и арту, которой они будут прикрывать работу своих «птичек». Зашёл Математик. Попросил у ребят сигарет. Подогнали ему несколько пачек дешёвых, которые взяли на обмен. Воняют эти сигареты как лесной пожар.

19 июля. Все отощали, но не то чтобы от голода (еды вроде хватает), а скорее от дефицита воды. Да и много здесь лучше не есть – чаще в туалет бегать будешь. А это целое приключение: многих накрыло именно там. Сейчас вешу примерно 73 килограмма. А был 93. Нам ещё дней пять-шесть осталось, а потом – забег по пересечённой местности, правда, налегке. Очень сильный ветер. Один раз залетал «камик». «Птичек» почти нет. Но стоит только ветру стихнуть, как начинают кружить.

Парни смотрели кино, а я в коридорчике дышал свежим воздухом, читал Псалом 50. Стараюсь по несколько раз в день читать за бойцов, что на передке. Весь вечер говорили с парнями про человеколюбие.

Полночи куролесили мыши, но потом появилась наша приходящая кошка и поставила их на место. Кругом всё бабахает, но уже не обращаем внимания. На всё воля Божия.

Стоял в дозоре «на глазах» с полуночи до шести утра. Потом долго не мог заснуть, хотя спать хотел. А когда заснул, снилось, как служу диаконом с епископом Михаилом. Молодость вспоминаю. Часто вижу во сне прихожан, которых сейчас уже нет. Молюсь за них. За двадцать шесть лет

служения в соборе Александра Невского многих уже не стало. Молюсь за каждого, кто в память приходит.

20 июля. Много мы с ребятами вывели раненых. Потом мёртвых забирали – кого видно было и до кого смогли безопасно дотянуться. Но некоторые до сих пор там лежат. Дронами нас долбят и долбят. В эвакуационных бригадах потери от дронов каждый день. Хохлы как будто дежурят там: заметили, куда воду и продукты привозят, и кружат.

Нужно менять место. Водилы уже не хотят туда ездить. Вот сейчас в штабе решают, куда им объезжать. Варианта два, потому что дороги две, но обе убитые: одна в объезд, другая напрямую, но опасная. Короче, утром тут все матерились. Обе стороны неправы, но кто меня послушает? Молись, батюшка... А нужно-то всего-навсего приезжать не в одно и то же время.

21 июля. Сегодня День Казанской иконы Божией Матери. Утром в три часа служил Литургию возле блиндажа на улице. Прочитал основные молитвы. У меня последние Дары остались. Преждеосвящённые. Причастился сам и причастил ребят. Вымыл чашу и сказал себе: «Прощай». Как будто бы всё уже кончилось, и это последнее слово.

Пошли копать. Сегодня как никогда много «птичек»: и транзитных, и наблюдающих, и патрулирующих. Но, несмотря на это, Урал решил идти копать траншею. Конечно, никакую траншею в несколько сот метров нам не выкопать. Завели её в недоперекрытый блиндаж и стали углублять. Нас спалила «птичка» и зависла над нами. Мы, недолго думая, удрали. «Птички» покружили и оставили нас в покое. Наверняка позиция уже срисована, но мешать доводить её до ума противник, скорее всего, не будет. Типа, пусть русские умотаются, а потом развалим её.

Мы вернулись и продолжили копать. Мимо проходил мобик¹⁷ из полка. Расспросили его о ситуации, о потерях. Рассказал, что хохлы прощупывали наши позиции. Вроде как с передовых укрепов им выйти уже невозможно, они хотят прорваться через наши позиции и малыми группами выходить к своим, а может – вообще смешаться с местным населением. Мол, а что: шевроны сорвал – и не отличить от наших.

Захар говорил: «Своей каской копать не буду, сходи возьми хохляцкую. Чуть проползти – там их много». Ага, – а снайпер лупит! Захара это, правда, не остановило: сползал, достал три каски, лишь бы своей не рыть. Каски у них такие же, как у нас: советские, «Колпак-20».

Пришли с земляных работ. Уработались в хлам – сил нет. Допил оставшиеся несколько глотков воды из фляжки. Взял «завтрашнюю» воду. Заварил чай с двумя пакетиками. У нас есть пластиковый кофр от миномётных мин, там осталась куча всякой еды после выходящих групп. Особенно много каш и лапши, но для этого нужна вода, которой дефицит. Есть немного консервов из сухая. Нашли два яблочных пюре. Кофр в тамбуре, там прохладно. Охлаждённое пюре с жары для обезвоженного организма – это непередаваемо!

22 июля. Поступил приказ выходить с позиций и вынести всё, что можно. Рядом будет работать авиация, сбрасывать большие ФАБы¹⁸. Хорошие бомбы. Мощные. Сказали, что вас там быть не должно. А это значит, что, в том числе, надо вынести электрогенераторы... Под «птичками» самим бы дойти, а тут ещё эти генераторы. Они же тяжёлые. Причём эти генераторы даже не наши – их занесли до нас.

¹⁷ Мобилизованный.

¹⁸ Фугасные авиабомбы.

Я был на складе батальона. Там этих генераторов штук двадцать. Но нет же, придётся тащить на себе.

23 июля. Вышли. Когда мы сюда заходили, рюкзаки были тяжелее раз в пять. Но почему-то сейчас, когда рюкзак почти пустой, кажется, что легче не стало. Мы обезвожены и ослаблены. Урал «включил» командира и решил выполнить приказ – вынести всё: пустые пластиковые канистры, лопату, дырчик (генератор, – «дыр-дыр...») и прочую фигню. Даже шланг с газового баллона. Первыми идём я и Димон. Как тащить дырчик – я не представляю: это ж килограммов сорок! Димон весь на нервах. Предлагает подорвать дырчик гранатой и списать на сброс. Мне вообще всё равно. Я этот генератор в моём нынешнем состоянии просто не унесу. Нога, голова болит, контузия. Димон уже ждёт наверху, а я всё облачаюсь в броню. Наконец выхожу. Он суёт мне свой автомат и взваливает дырчик, обернутый маскировочным чехлом, себе на горб. Пошли.

В лесополку впереди летят «сто двадцатые» мины. Не по нам, но это значит, что «глазки» где-то висят. Чуть пережидаем и перебегаем по очереди небольшую открытку. Жужжит «птица». Прячемся. Мины ложатся метрах в ста. «Птицы» летят одна за другой. Наконец можем двигаться дальше. Правда, далеко не ушли. «Птицы» просто висят над лесополкой. Пока несколько дней дул сильный ветер, миномётчики затащили в лесополосу очень много миномётов, и теперь «птицы» их усиленно ищут, накрывая примерное их расположение осколочно-фугасными и кассетными минами.

Больше сидим, пережидаем, нежели идём. Отпускаю Димона вперёд. Сам всё больше отстаю, потому что слышу «птичек». А он под тяжестью дырчика, проклиная его и чертыхаясь, прёт напролом, останавливаясь только, когда «птица» совсем близко. Выхожу на край небольшой открытки. Сунулся было пересечь и тут же рванул обратно. «Птица»! Сброс. Нырнул под куст. А она зависла надо мной. Срисовала? Если в течение трёх минут подлетит сбросник – значит, срисовала. И слышу: натужно гудя, летит... Читаю Псалом 90, крещусь.

Рядом завис второй коптер. Но чуть порыскал и ушёл. А первый всё висит. Страшно. Но главное – не паниковать. Летит третий. Транзит. Наконец, первый улетает. В общем, просидел под кустом минут двадцать.

Перебежал открытку и догнал Димона. Отдыхаем, а хохлы накидывают из миномёта впереди по нашему миномёту. Выход. Шуршит мина. Свист! Бум!!! На всякий случай залегаю. Димон сидит на дырчике. «Не наша», – повторяет несколько раз.

Идём дальше. На наше счастье, хохлы перенесли огонь на другую полку. Перебегаем открытку, после которой я говорю Димону, что мы проскочили Нитку. Димон расстроен. Ему надо было сначала на Ангари, чтобы забрать свой броник. Ерунда, говорю: главное – пробились, а броник я тебе новый куплю.

По договорённости, с Ангари мы должны были выйти на связь с Уралом. Вызываю по рации и слышу его голос метрах в пятидесяти. Они ушли раньше. Но Урал, Чехов и Математик нас дождались. Подходит Чехов, громыхая канистрами. Математик тащит мешок с каким-то хламом. Урал несёт бензопилу и шланг. От вида пластиковых канистр и бухты резинового шланга возникает один вопрос: нафига?! – Приказ. Я говорю, что куплю десять таких канистр. Происходит короткий даже не смех, а ржач.

Чехов тащит дырчик. Я с его автоматом – сначала следом, потом впереди, – по возможности расчищаю ему путь сквозь заросли акаций. И вот начинается выжженный участок. От земли ещё идёт жар. Подлесок выгорел, но пожухлые от огня листья ещё держатся. Нас догоняют остальные.

Остановились на выжженке под кустиками. «Птички» висят (непонятно, чьи) в воздухе. Димон надорвал спину. Чехов тащит дырчик, проклиная всё на свете. Чуть отдохнули. Дальше очередь моя. Только взваливаю себе его на спину, как поблизости зависает «птица». Наша или нет? Из соседней лесополки по ней начинают стрелять. А она всё висит и висит. Чехов сидит под кустом, ругается. Наконец «птица» уходит.

Перескакиваем трассу. Метров через двести встречаем Урала и Математика, которые забирают у меня генератор. Идём неспеша. Под кустом с ружьём сидит боец. Разживаемся у него бутылкой воды. Становится хорошо. Тропа лёгкая, здесь достаточно густая зелёнка. Вчетвером останавливаемся на отдых. Парни курят. Чувствую: расслабились, напоминаю, что ещё не конец и надо идти дальше.

Пересекаем большую открытку. Собираемся в лесу. Встаёт вопрос: как тащить дырчик дальше? Димон вне игры. Поступает предложение тащить на стропах волоком. У дырчика полозья. Тащу метров двести и понимаю, что это невозможно. Оказывается, что внизу кроме полозьев прикручены ножки... Димон совсем плох. Даю ему таблетку нимесулида и мелоксикама, но нужно бы что-то посильнее. Допили последнюю воду. Чехов снова отдаёт мне автомат и взваливает на себя генератор. Железный человек.

Остался километр. Вероятность атаки FPV здесь есть, но небольшая. Единственное – «птичка» может навести арту, но у них сейчас другая проблема. Масса наших миномётов.

Парни с дальней позиции избрали другую тактику. Они сначала налегке переносили дырчик и прочее на некоторое расстояние, потом возвращались за оружием и рюкзаками. В общем, челночили. Рисковали они больше, потому что приходилось ходить туда-сюда, но устали чуть меньше.

Наконец, добрались до своих. Все искренне рады нас видеть, но разница между нами велика. Мы, истощённые, обезвоженные, измученные и грязные, мысленно ещё там. В ушах, и это не фигура речи, жужжание «птичек». Не снимая брони, иду в кладовку и выпиваю маленькую коробочку сока. Организм требует жидкости. Скидываю броник, пояс. Парни предлагают суп. Но нет: мне нужен чай, кофе, сок. Иду помыться, грязь опротивела.

Чехов бежит в магазин за тем, «о чём он мечтал две недели». Сигареты, наверное. Прошу купить мороженое. Обычный. Настоящий. Почти как советский. Луганский пломбир. Какой не найдешь больше нигде. Две мороженки вываливаю в миску. Сверху черничный джем из сухпайка. Мышцы гудят. Голова болит от контузии. Тело ломит. В ушах постоянно шумит. В общем, спал очень плохо. Восстановление идёт туго, но жить можно. Пью много воды. Аппетит зверский, но усталость не отпускает.

...После выхода с передовой нам дали отдохнуть два дня. Нас разместили в подвале разрушенной пятиэтажки. Рядом был склад с боеприпасами. Меня послали туда как контуженного, дали задачу переписать всё, что там есть. В помощники дали крепкого «парня» 62 лет. Василий Иванович, – как Чапаев. Мы должны были сделать ревизию.

Ревизию там никто не делал с 2014 года. Нужно было переписать всё: автоматы, бомбы, мины, цинки, гранаты, снаряды, миномёты... И мы всё это таскали, передвигали, считали, заносили в тетрадь. Даже ящик с винтовками «мосинками» 1943 года был – все в смазке.

Всё это время я переживал за Урала, над которым, говоря поэтическим языком, «тучи сгущались с каждым днем всё сильнее и сильнее». На него наезжали просто так, лишь бы он никуда не лез. Каждый день приходили

из штаба «человечки» и задавали ему разные неудобные вопросы: «Почему не выкопали окопы?», «Почему не поставили в известность, что у вас не хватает воды?», «Как была организована эвакуация и вывоз техсредств, обеспечение безопасности подвоза?» В общем, глупости всякие, сейчас даже смешно вспоминать. Но тогда было не до смеха. Домогались до него и до меня. Я отвечал спокойно: «Мы заняты» (но, если честно, хотелось ответить более доходчиво).

Урал советовался со мной, рассказывал, что к чему. Я ему говорил: «Возьми паузу и ни в чём не оправдывайся, пусть сами придумывают, за что они хотят тебя убрать из руководства роты». Наконец от нас отстали. Урал помогал ремонтировать технику на нашей маленькой ремонтной базе. В целом, всё довольно терпимо. Хуже было, когда нас только привезли в ПВД¹⁹. Мы до глубокой ночи сначала наводили порядок: подметали, раскладывали вещи, выбрасывали подушки и матрацы, которые были пропитаны протухшей кровью. Пахло как в канализации. До нас здесь был «ноль» – так называют место встречи с машиной эвакуации.

Следующая ночь выдалась спокойной, в отличие от передовой. Дежурили по очереди по два часа. Наконец-то можно было выспаться.

¹⁹ Пункт временной дислокации.

**Семёнова
Ирина Николаевна**

Родилась 22 января 1959 года в г. Кургане. Закончила Курганский машиностроительный институт по специальности «Технология сварочного производства». Работает на Курганской ТЭЦ ПАО «КГК» начальником отдела материально-технического снабжения.

Автор поэтических сборников: «Наваждение» (2013), «Мелодия души!» (2014), «Откровение» (2014).

Неоднократно печаталась в журнале «Сибирский край», в литературно-публицистическом альманахе «Тобол», в журнале «Родник» Кетовского литературного объединения «Тобол», в сборнике клуба любителей поэзии «Сонет», в альманахах общественного литературного клуба «Поэтическая горница» и в других поэтических сборниках.

Дважды (в 2012 и в 2013 г.) была лауреатом международного литературного фестиваля «В стенах серебряного века», лауреат областного литературного конкурса «Страна любви» в номинации «Поэзия». Неоднократный финалист фестивалей поэзии, номинант национальной литературной премии «Поэт года».

Там, где

Там, где за окнами прозрачными –
Чужие судьбы, словно призраки,
Плывут кораблики бумажные
По ветру пущенными птицами.

И тихо плещется безверие,
Гоня в лужах листья жёлтые,
Где, глубину беспечно меряя,
Они остались распростёртыми.

А облака, цепляясь днищами,
Как корабли, на мель осевшие,
Повисли на ветвях поникшие,
От недомолвок почерневшие.

В душе засело одиночество
Микроскопической занозой...
Воспоминаниями множится
Весь этот долгий вечер... осенью.

Послушать тишину

Послушать тишину, закрыв глаза...
Пусть за окном свирепствуют метели
И далеко до радостной капели...
Как далеко в такие холода!

Знобит воспоминанье о былом,
Как обнимали плечи не морозы,
Не вечер целовал, снимая слёзы
С ресниц моих, проникнув тихо в дом.

И будто бы становится теплей,
И чувствуется всё совсем иначе.
Ведь не душа сейчас, а скрипка плачет
По вымоленной юности моей.

Наши апрели

Мой апрель пахнет свежей листвой и желанием просто жить.
Говорит всем: «Пойдём со мной». Тянет за руки, пытается тормозить.
Бродит ночью по темным дворам, да по крышам среди котов.
И не помнит, что было вчера, как бродягой стремился к теплу костров.
Твой апрель снегом стелет постель, не желая дарить тепло,
Зло швыряет в лицо метель, змейкой вьётся в ногах, лужи студит в стекло.
Он – как ты, потерявший покой на краю затяжной весны,
Где срываются новой строкой мысли среди пугающей тишины.

Чай с лимоном

В моём стакане стынет свежий чай. От кислоты лимона сводит скулы.
Озябший свет, как старичок сутулый,
тихонько проскользнул в пустой трамвай.
Уехал. И густая темнота пошла одна гулять по переулкам.
А это та, скажу я вам, прогулка... Сжимающая сердце чернота
вливается в окно моё без спроса и виснет паутиной прежних снов
и бликами утерянных миров. Но жжёт стакан ладонь мою вопросом,
пытаясь вырвать из оков тоски, где бродят тени призраком ошибок,
а свет сознания до безумья зыбок и белизной ложится на виски.
От выдоха холодной темноты в углу невольно движется портьера,
крадётся страх, как чёрная пантера, собой заполнив нишу пустоты.
Хотел остаться в мрачной тишине. Но страху помешала трель рингтона.
Луна в стакане – долькаю лимона. И чья-то тень колышется в окне.

Памятью полнится...

Памятью полнится каждый прошедший день,
Где без тебя ускользают в закат рассветы.
Снова под окнами буйно цветёт сирень,
Боль и обиду прячет подальше в тень,
Но не даёт на вопрос мне ответа: «Где ты?»
Памятью полнится ночь. За окном луна...
Вместе с бессонницей в гости опять стучится.
Как ни стараюсь я – мне не дожждаться сна.
Кошкою в ноги стелется тишина.
Жизнь, как комета, к финишу быстро мчится.
Памятью полнится дом... Рядом нет тебя...
Хочется всё позабыть... Не даёт разлука.
Образ твой милый в душе до сих пор храня,
Кутаю память в плед на закате дня,
Не проронив о тебе никому ни звука.

Опять холода...

Снова зима после долгого-долгого сна
Тихо шагнула в наш город, аллеи и парки.
Зябнут деревья и просят немного тепла,
Как малыши к дню рождения просят подарки.
Окна прикрыли виньетки ажурного льда.
Стынут мосты и дома без тепла и уюта.
Губы замёрзшие шепчут: «Опять холода».
Значит, в сердцах не найдут наши чувства приюта.
Молча, в ответ, ты берёшь мои руки в свои:
– Пусть холода и метель от земли и до неба.
Нам от себя всё равно никуда не уйти.
Мне бы понять и поверить во всё это. Мне бы...

Ночное

В сугробах тонет лёгкий след луны.
Дома притихли в ожидании чуда,
Все окна погасив свои, покуда
Идёт Весна, как будто ниоткуда.
Не нарушая хрупкой тишины
И наши сны...
Но зябнет ночь, накинув лёгкий плед
Из полотна ажурного вязанья.
Небрежною волной из подсознания
Всплывают о тебе воспоминанья...
Запрятанные меж минувших лет...
Разлук секрет.
И лишь рассвет рассеять сможет страх,
Тот, что по-детски прячется за шторы,
Подслушивая мысленные споры,
С самой собой ночные разговоры,
Осевшие горчинкой на губах.
Ну, и... в стихах.

Хрупкий покой

Если босой – то голые ступни колет
Свежей стерни непаханая щека.
Ветер запутал травы. На дальнем поле
С неба упали белые облака.
И растеклись молоком, проникая всюду,
С лёгкостью пряча всё, что растёт быльём.
Это красиво так, что подобно чуду.
Жаль, «молоко» стекает за окоём.
Ветер растреплет волосы – неумеха.
Нет чтоб пригладить ласковою рукой.
За перелеском охнув, упало эхо,
Не нарушая хрупкий земной покой.
Не различить, где кромка, а где начало.
Тикают дни, минуты летят стремглав.
Жизнь коротка – вздохнет тишина устало.
Ветер шепнёт – нет, вечна... И как он прав.

Позвать рассвет

Холод пробовал ночь на вкус,
Примостившись у края крыши.
Усмиряя взбешённый пульс
От обилия горьких чувств,
Небо сбросило тяжкий груз
И сейчас облегчённо дышит.
Ветер льдинками бьёт в стекло,
Мне бессонницу вновь пророча.
Сколько времени утекло!
Память шепчет: «Смешно... смешно...
Вспоминать... Сколько лет прошло?..»
Не прощает любовь отсрочек.
Можно просто позвать рассвет,
Затерявшийся где-то в тучах.
Чтобы дал он простой ответ –
Ну зачем этот жуткий бред
Я несу уже много лет,
И тебя, и себя измучив...

На вдох

На вдох – рассвет,
На выдох – ночь без дна.
Но до моих затмений нет вам дела,
Ведь жизнь, как эта осень, – прогорела,
В душе оставив только холода.

На вдох – живу,
На выдох – как пойдёт...
Решу потом, когда смогу осмыслить
Всю полноту и всю убогость истин.
Всему предел всегда и свой черёд.

На вдох – забыть
На выдох – вспомнить всё.
В окно стучится осень листопадом.
Мне не позволив быть с тобою рядом,
Забрав с собою всё в небытие.

На вдох – с тобой,
А выдох – в никуда...
Молиться – поздно, рано возвращаться.
Я не решила, стоит ли остаться...
Подумаю.... пока горит звезда.

Жду весну

Лист за листом терзаю календарь,
Метели стелют даты на страницы,
Где нет капелей, радости, а птицы
Устали гнать простуженный январь,
Закованный в хрустальные оковы.

За январём идёт февраль суровый,
Ветрами сотрясая тишину,
А сердце бьётся, требуя весну,
И от предчувствий ошалеть готово.

Но не согреть продрогшей высоте,
Упавшей на морозные постели
Природы, мирно спящей в колыбели.

Про Курган

Четвёртый век стоит наш город славный,
Тобол уносит воды не спеша...
Люблю пройтись по улицам и паркам,
Тут отдыхает сердце и душа.
Начав свой путь от слободы Курганской,
На юге Родины форпостом город встал.
Храня святые рубежи Отчизны,
Рос, развивался, строился, мужал.
Характер Зауральский –

наша гордость! –

Ковался в ратных битвах и труде.
Всегда вставали грудью за Россию,
Готовые помочь в любой беде!
История Кургана – наша Память!
Она в названиях улиц, площадей.
Её хранят архивы и музеи,
События давно минувших дней...
Менялся строй, цари и президенты,
Одежда, флаги, скверы и дома.
Сменялось поколение поколеньем,
Но город свой любили мы всегда.
Кургана слава далеко известна,
Мы помним всех, кто город прославлял:
Балакшин, декабристы, комиссары
И те, кто за Отчизну воевал.
Врачи, поэты, труженики тыла,
Учителя, рабочий люд простой.
Курган орденоносным стал не даром,
Свершив огромный подвиг трудовой!
Курганцы, к вам сейчас я обращаюсь:
Без прошлого нет будущих побед!
Наш долг – хранить историю Кургана
От первых дней и до последних лет.
Живи в веках, столица Зауралья!
Пусть будет мир и лад в твоих домах!
Здоровья, счастья, радости, успеха
И детворы побольше во дворах!

**Нохрин
Виталий Витальевич**

Поэт, член Кетовского литературного объединения «Тобол», краевед, блогер. Ветеран боевых действий, награждён благодарностью от Верховного Главнокомандующего В. В. Путина. Лауреат нескольких областных литературных конкурсов и лауреат международного литературного конкурса командующих пограничными войсками содружества «Завтра была война». Печатался в журналах «Родник», «Тобол», «Пограничник содружества». Живёт в Кургане.

Иван Грачёв

*Посвящается памяти Курганского пожарного Ивана Грачёва,
погибшего при спасении девочки из огня*

Огонь ревел и вырывался в окна,
Сжигая всё, что было на пути.
Уже устав изрядно и промокнув,
Пожарные пытались дом спасти.
Иван Грачёв командовал расчётом,
Тридцатилетний ветеран войны.
Сам выбрал эту трудную работу,
Спасать людей из огненной беды.
Пылает крыша, падают стропила,
Ещё чуть-чуть – и рухнет потолок...
Все слышали, как мать заголосила,
Упав без чувств у дома на порог.
Осталась в доме девочка малая,
Мать умоляла доченьку найти.
Огонь таких ошибок не прощает,
Пожарным надо девочку спасти.
Нет время на раздумья и сомненья,
Через окно Иван влетает в дом.
Уходят драгоценные мгновенья...
Вся комната охвачена огнём.
Нельзя ему вернуться без ребёнка,
Он снова ищет в доме по углам.
А вдруг услышит? Надо крикнуть громко...
И вмиг, как факел, вспыхивает сам...
...Палата. Госпиталь. На жизнь надежды мало.
На койке сын с трудом узнал отца...
Жена не в силах говорить, молчала...
Иван всё реже открывал глаза.
Он еле слышно шевелит губами:
«Где девочка? Скажите, как она?»
Ответила жена: «Она живая!
Соседка до пожара забрала...»
Да, не было ребёнка в том пожаре,
Но он не знал и шёл её спасать.
Отважный и простой курганский парень,
В огонь шагнувший, чтоб бессмертным стать.

Без возврата и поворота

Я люблю этот край медвежий,
Хоть брани меня – хоть жалею.
Тут гуляет залётный свежий
Ветерок с ледяных морей.

Тут повсюду тайга сплошная,
Тут болотные пни окрест...
Для чего мне нужна, не знаю,
Красота этих гиблых мест.

Без возврата и поворота,
Не внимая звезде иной, –
Засосали меня болота,
Закружил меня дух лесной.

Где-то суетный дым клубится,
Терабайтов бушует шквал –
Мегаполисы и столицы
Зазывают на карнавал.

Но мои нашептали рощи,
Нажурчала моя вода,
Что исчезнуть гораздо проще
В этом хаосе навсегда.

Что не где-то, но в ареале –
От Урала до Иртыша –
Станет легче земной печали,
Станет выше моя душа.

**Торопов
Игорь Валентинович
(литературный псевдоним
Николай Нидвораев)**

Поэт. Родился в 1960 году в Тюмени. По образованию – геодезист, топограф. В настоящее время трудится в области картографии и кадастра. В свободное время пишет стихи под псевдонимом Николай Нидвораев. Автор публикаций в ряде интернет-изданий. Проживает в городе Тюмени. В «Тоболе» публикуется впервые.

Так было

Так было... в неметчине ли, на Руси ли –
Но, в сумраке долгого дня,
Повсюду несчастные люди бродили,
Жестокое время кланя.
А время всё двигалось напропалую,
Не ведая будничных бед...
И всё же из темени правду слепую
Оно выводило на свет.

Как земные раздам долги

Как земные раздам долги,
И с собой помирюсь, и с Богом,
Ухайдакаю сапоги,
По тернистым бродя дорогам,
Как уже синева вдали
Станет мýкой живому взгляду, –
Помолюсь, и на край земли,
Отдохнуть по-людски, присяду.
И унынье прогнав своё,
Осторожно послушав бездну,
Напишу на мотив её
Нереально крутую песню.
И, довольный своей судьбой,
Уходя по дороге млечной,
Буду петь о любви земной,
О любви настоящей, вечной.

Мечта

Буквально каждому знакома
Картина будничного дня –
Сидят старухи возле дома,
Резвится рядом ребятня.
Судачат бабушки, не споря,
Коль скоро помыслы одни –
Ну ладно... мы хлебнули горя,
Так будут счастливы они!...
Беседа эта, как стихия,
Неудержима и проста...
Тысячелетняя Россия,
Тысячелетняя мечта.

Я ничего не смыслю в моде

Я в ложе оперы «Ла Скала»
Не слушал «Свадьбу Фигарó»,
И, распалённый, в Монте-Карло
Не ставил фишки на «зеро».
Не падал в обморок при входе
В бутик на Пятой авеню.
Я ничего не смыслю в моде,
Но всё прекрасное ценю.
И мне не кажется зазорной
Моя мечта – в один из дней
В любви сыновней, непритворной
Признаться Родине моей.

Человек всяя Руси

Гонят сырь дожди косые,
Вьюги снежные поют.
Ходит-бродит по России
Всякий-разный добрый люд.

Кто-то знает очень много,
Кто-то слишком деловит,
Кто-то просто верит в Бога,
Строит, пашет, и молчит.

Он всегда и всюду рядом,
И, притом наоборот, –
Незаметен беглым взглядам,
Этот наш простой народ.

Как земли Великоросской
Наивысший, добрый слой,
Он красив её неброской,
Задушевной красотой.

Позовёт земля родная:
Отведи мою беду!
Он, иных забот не зная,
Просто скажет: Я иду!

И восстанет великаном,
И пойдёт, неумолим!
И никто на поле бранном
Совладать не сможет с ним.

А когда исчезнет лихо,
Просветлеет небосвод –
Снова всюду, очень тихо,
Заживёт простой народ...

Право, в этой идиоме –
Хоть стократ произнеси –
Нет иного смысла, кроме
«Человек всяя Руси».

И сильней любой стихии
Это вечное родство –
Он не может без России,
Как Россия без него.

**Танаева
Марина Николаевна**

Член Союза писателей России, преподаватель иностранных языков Курганского технологического колледжа, руководитель литстудии КТК «Пробуем перо». Автор нескольких поэтических сборников.

Старики и младенцы

От судьбы никуда нам не деться,
От начала идёт путь к концу.
Умиляют собою младенцы,
Старикам очень старость к лицу.

Нас и те, и другие заботят,
И, конечно, нуждаются в нас,
Те, которые в мир наш приходят,
И уходят в назначенный час.

И не зря то, «что малый, что старый»,
Так пословица наша гласит.
Мы тепло и участие подарим,
Им не нужно об этом просить.

Подари им горячее сердце,
И бесценными их назови.
Пусть живут старики и младенцы,
И купаются в нашей любви.

Белый шоколад

Белый шоколад домов высотных,
Частный сектор – чёрный шоколад.
Спит Курган, мой город превосходный,
А над ним – декабрьский звездопад.

Коли звездопад, спеши желание
В день предновогодний загадать,
И его отправить в мирозданье,
Сохраняя в мыслях благодать.

Город мой рассыпался огнями:
Заозёрный, Северный и центр.
И любим, и украшаем нами
Города родного каждый метр.

Пустяк (разговор с учениками)

Пустяк, когда замёрз на остановке,
За чаем отогреешься потом.
Пустяк, когда порвал свои кроссовки,
Мы новые тебе приобретём.

Пустяк, когда ты опоздал куда-то,
Или случайно что-нибудь солгал.
Ты извинись, поймут тебя ребята,
Подумают, что просто ты устал.

Но не пустяк, когда кого-то губит
Дурных привычек список, целый лист!
И не пустяк, когда тебя не любят,
Тогда прошла ошибочно вся жизнь.

Позади

Позади – Новый год, Рождество,
Впереди – День Крещенских купелей.
И душа ожидает его,
Чтоб Крещенские дни прилетели.

И откроются нам Небеса,
Освятят все озёра и реки,
И наполнятся счастьем глаза,
Коль есть вера в душе человека.

И пускай Новогодние дни
Так стремительно вдаль улетели,
Но приблизили время они
Для священных Крещенских купелей.

Никола Зимний

Никола Зимний на дворе,
Снежок и тёплая погода.
В уютном, светлом декабре
Душа витает на свободе.

Ни тяжких ссор, ни резких драм,
Одной природой любованье.
Печаль отправлю в папку «Спам»,
Лишь Новый год и ликование.

Огни мерцают на ветру,
Легко колышутся гирлянды.
Все беды-горести сотру,
За них давно прошла оплата.

Я, как ребёнок при игре,
Азарт с весельем обнаружу.
Никола Зимний на дворе
Добром наполнил мою душу.

Путешествие в будний день

I

**Пушкина
Светлана Владимировна**

В 2004 г. окончила с отличием филологический факультет Курганского государственного университета, в юности, как и все, писала стихи, посещала литературную студию Виктора Фёдоровича Потанина.

С 2006 по 2014 год работала корреспондентом телевидения Государственной телерадиокомпания «Курган», готовила ТВ-репортажи для новостного блока программы «Вести-Зуралье», автор телепрограмм «Грани» и «Грани взаимодействия».

С 2014 по 2019 год была ведущим, а потом главным специалистом отдела по взаимодействию со СМИ пресс-службы Губернатора Курганской области Правительстве Курганской области.

С 2019 г. по настоящее время – в пресс-службе Избирательной комиссии Курганской области.

В «Тоболе» публикуется впервые.

Середина мая в столице – удивительное время и недолгое. Наконец можно немного выдохнуть после иссушающих мозг срочных производственных задач, планёрок, документов, звонков, переписок в чатах и почте и, сев на лавочку возле фонтана на непродолжительное время обеда, взяв кофе навынос в пластиковом стакане с крышкой, чтобы не пролить на свежееглаженную белую рубашку, насладиться безоблачным весенним небом и пёстрыми разноцветными пятнами только что высаженных в московских скверах тюльпанов. Всего сорок минут в день, когда можно отключить голову, поднять взгляд к бесплотной, разряженной полуденным солнцем синеве, такой лёгкой после давящей серой хмари ранней весны и февральского бесцветья. Редкие минуты тишины: телефон не звонит, общероссийский рабочий чат перестал на время постукивать колокольчиком сообщений, ноут – вечный спутник офисного служащего – закрыт ещё на 38 минут, а лицо обдувает мягкий тёплый ветер, наполненный запахами первых цветов и ранней листвы.

– Нет, ну, ты послушай, Паш, – обратился ко мне коллега по работе, сидевший со мной на одной скамейке. Он, попивая неспешно кофе, как всегда с ним бывало во время обеда, уткнулся в свой смартфон и листал одним пальцем бесконечную ленту соцсетей, пестрящую шаблонными, написанными нейросетью текстами, аляпистыми фотогра-

фиями губастых, неестественно рельефных блондинок и пляжным отдыхом блогеров.

– Новости, которые мы заслужили, – сказал он и беззвучно засмеялся (привычка, выработанная за годы работы в загруженной сверхсрочными задачами госструктуре с высокими требованиями к персоналу, их внешнему виду и поведению). – «Семья из Москвы случайно привезла в багаже с отдыха в Таиланде змею. Сначала нарушительницу визового режима не заметили. Она выползла из чемодана и напугала хозяйку дома, работающую удалённо. Непрошеную гостью поймали соответствующие службы и отправили в питомник».

– И? Что тебя так насмешило, Жень? – спросил я раздражённо. Его вероломное вмешательство нарушало молчаливое уединение и зыбкое

ощущение безмятежности непродолжительных минут обеда, а это изрядно действовало на нервы.

– Тут люди комментируют, послушай: «А что у них дома делает моя бывшая?». «О, теща в гости приехала!» – и Евгений вновь разразился беззвучным хохотом госслужащего.

– Убери уже гаджет, – фыркнул я.

Телефон коллеги призывно звякнул.

– О, Паш, смотри, – Евгений снова уставился в сотовый. – Мне уведомление пришло «Три года назад в этот день». Оказывается, тогда мы всей конторой были на Волге. У нас там проект был, помнишь? Мы его презентацию проводили на теплоходе. Я, как освободился, сделал несколько фото реки в лучах заката. Если бы не телефон, и не вспомнил бы. Вот ты помнишь, что делал два или три года назад в этот день? По-любому – нет: работал и работал, а телефон всё помнит, – и коллега многозначительно постучал пальцем по стеклянному экрану мобильного.

– Слушай, Жень, осталось 34 минуты обеда, а ты их тратишь не на отдых и перезагрузку, а на какую-то ерунду. Забиваешь голову вымыслом администраторов пабликов и личной жизнью своего телефона. Отвлекись немного: посмотри на ясное небо, на тюльпаны, на фонтан, в конце концов, – высказался я философски.

– Зачем смотреть на тюльпаны? Что в них такого? – не понял коллега.

– В смысле – зачем? – продолжил я, теряя терпение. – Их жизнь, цветение от силы – неделя. Потом они раскроют ясной майской синеве свои бутоны, будто обнимая её лепестками, и облетят.

– «Раскроют ясной майской синеве свои бутоны?» Да, вы, батенька, поэт, – разразился новым приступом хохота Жень. – Ничего страшного: уберут одни – высадят другие. Делов-то, – ответил он и снова уставился в телефон, так и не взглянув на цветы.

– Успевай отдохнуть, Жень, пока есть возможность. Завтра начинаем новый госпроект и всё – побежали. Как в армии: упал-отжался. Моргнём два раза – осень, три раза – и на столе оливье, а по телевизору – бой курантов Спасской башни Кремля, – заметил я.

– Разве старт госпроекта завтра? – с сомнением переспросил Жень.

Договорить он не успел. Мимо нас по вымощенной тротуарной плиткой аллее обдав удушливым запахом цветочных духов, неспешно прошла начальник финансового отдела, смакуя капучино в картонном стаканчике.

– Добрый день, Марина Рудольфовна, – вежливо поздоровался я.

– Здравствуйте, Павел Александрович и Евгений Игоревич, – жеманно отчеканила она.

– Я к вам зайду во второй половине дня? Нужно обсудить финансирование нового проекта. Хорошо? – спросил я.

– Конечно, заходите. Кстати, вам лучше? Сегодня вы без труда вспомнили моё имя, – язвительно добавила она, с интересом наблюдая, как вытягивается моё лицо.

– О чём это она? – спросил я, немного погодя у Евгения, который провожал долгим взглядом походку от бедра нашего финансиста.

– Как о чём, Паш? Ты вчера на работе встретил её и не вспомнил, как зовут. Согласен, отчество у неё мудрёное, но ты с Мариной Рудольфовной работаешь восемь лет. Пора бы запомнить, – ответил коллега и укоризненно покачал головой.

– В смысле? Я могу по минутам описать вчерашний день: планёрка у шефа, четыре отчета по госконтрактам, два звонка заказчикам, потом разработка нового проекта до позднего вечера и ночь в обнимку с ноут-

буком. У меня не было времени даже спуститься в финотдел, – сказал я, всматриваясь в растерянное выражение лица моего коллеги.

– Ты всё верно говоришь, только описываешь понедельник, а я про вторник, ведь сегодня – среда, – вставил Женя, похоже, всерьез беспокоясь за мой рассудок. – Эх, заработался ты, Пашка. У нас сроки срочные, а ты про какие-то тюльпаны. Вчера не мог вспомнить, как Марину Рудольфовну зовут, а сегодня забыл, что вчера с ней разговаривал.

– Как среда? Ты что несёшь? А куда, по-твоему, делся вторник? Почему я его не помню? Если сегодня среда, то регионы уже завалили бы сообщениями в чате, требуя ответить на вопросы о финансировании проекта, – злобно парировал я.

Евгений открыл было рот – возразить, но за него это сделал телефон в руке, звякнув десятком враз отправленных сообщений. Я потянулся к своему синхронно зазвеневшему аппарату. Пока открывал чат, звякнуло ещё несколько назойливых колокольчиков.

– Чего хотят? – поинтересовался коллега, увлеченно рассматривая, как я напряжённо листаю ленту межрегиональной переписки и хмурюсь.

– Дальний Восток, Приморье и Еврейская автономная область просят прояснить ситуацию по деньгам, – удручённо ответил я, чувствуя, как где-то внутри растекается холодок недоверия к себе. Меня впервые посетили сомнения в здравости собственного рассудка.

Я решил действовать наверняка: включил привычный ориентир в хаосе ежедневной суеты – главный экран сотового телефона. Между размытых контуров психоделических картинок и десятков лого электронных приложений значилось: «Среда. 16 мая. 12:36».

– Пал Саныч, не суети, успеешь ты всё. Пока Краснодарский край и Калининград просыпаются, а Дальний Восток достаёт из шкафа подушки, порешаешь все финансовые вопросы, заодно наладишь отношения с Мариной Рудольфовной, – резонно вставил Женя. – Удивительно другое: ты не помнишь, как с ней общался. Да и вообще, если честно, вёл себя вчера довольно странно.

– То есть? – с растекающейся по жилам прохладой спросил я, не отрываясь от чата и пролистывая гневные смайлики коллег из регионов.

– Ну-у-у, во-первых, ты опоздал, – выдохнул Евгений, с интересом наблюдая, как округляются мои полные ужаса глаза. Коллега дал мне немного времени освоиться с первым шоком от услышанного, потом осторожно продолжил. – Затем ты не кинулся к компьютеру, как делал это каждое утро, а долго и радушно обнимался с сотрудниками нашего отдела, будто лет десять их не видел. Поручался с шефом, как со старым приятелем, а вот имя главного финансиста вспомнить почему-то не смог, чем несказанно обидел нашу уважаемую Марину Рудольфовну. Завершил фонтан позитивных эмоций тем, что сослался на плохое самочувствие и ушёл, хотя больным не выглядел, скорее... каким-то потерянным.

– Я ушёл с работы? – От неожиданности я аж встал. Все сказанные им слова не отзывались ни единой картинкой в моей памяти. – Как я мог уйти накануне запуска нового проекта? Я даже в декабре с высокой температурой не покидал рабочее место. А тут вдруг встал и ушёл?

– Провалы в памяти? – опять беззвучно захихикал Евгений. – Тебе точно пора к врачу. Кстати, если у тебя проблемы с мировосприятием, приглашение на шашлык ещё в силе?

– Какое приглашение? – в панике я посмотрел на коллегу.

– Ты меня приглашал с супругой Еленой в субботу на дачу, – Евгений говорил нарочито медленно, делая ударение на каждом слове, давая воз-

возможность усвоить новую информацию и вглядываясь с неприкрытым любопытством в перемены эмоций на моём лице.

Обессиленный, я вновь опустился на лавку и попытался собрать убегающие в пространство мысли. Если всё было так, как описывает Женя, тогда понятно, почему с утра в конторе «погода нелётная»: шеф смотрит исподлобья, что-то бурчит под нос и без конца спрашивает о здоровье. Пытаясь придать своему мышлению хоть какое-нибудь логичное направление, я спросил у коллеги о самых меньших из услышанных мною странностях.

– Ты же вроде не женат, – опустошённым голосом констатировал я.

– Да, я в курсе, – с улыбкой согласился Евгений, – но ты вчера так уверенно звал нас с супругой на шашлыки, что даже я засомневался в этом очевидном факте. Лену просил привезти, хотя я с ней только пару недель как познакомился. Да и вообще не уверен, говорил ли тебе о ней.

– Ну, раз звал, значит, приезжайте. Вера с мальчишками будут рады встретиться и пообщаться, – ответил я, чувствуя себя полным неадекватом.

Странно всё это. Всю жизнь я отдавал себе предельно ясный отчёт в своих действиях: был всецело собран и сконцентрирован. Когда после врезавшейся в память бесшабашной школы и балагурной студенческой юности работа начала выстраивать постоянный распорядок дня и года своей монотонностью и однообразием, я всё равно мог с точностью сказать: что, где и когда я делал. После учёбы и женитьбы жизнь с её событиями и выбивающимися из трудового режима моментами попыталась уместиться в узкий, оставленный для неё промежуток: эфемерную передышку между проектами и решёнными рабочими задачами. Может поэтому мы, как надломленные механизмы, люди-функции, погрязшие в сотне ежедневных разномастных поручений, придавленные обрушенной на нас информационной лавиной из тысяч текстовых, звуковых и зрительных источников, взбудораженные кричащими вывесками, навязчивыми рекламными проспектами, борющимися за наше внимание, а ещё привыкшие быть в зоне действия сети двадцать четыре на семь, попросту во всём этом заблудились. Вычленив главное, мы «обросли» электронными приборами и универсальными помощниками, которые подскажут время, установят геолокацию, напомнят календарь, точное расписание и посчитают для статистики шаги, пульс, наполнение крови кислородом, а ещё ответят на любой заданный вопрос сотней открывшихся вкладок. В ежедневном суетливом потоке совсем не осталось времени на самоощущение, возведение личных границ и уединённые мысли. Вот память и подводит.

С женой в браке – пятнадцать лет, сыновья учатся в среднем звене школы. Малышами их хорошо помню, когда от этих сорванцов нельзя было отойти ни на шаг, а потом они подросли, работа закрутила. И теперь я всё чаще думаю: как они так быстро повзрослели? У каждого – свои интересы, общаться удаётся всё реже. С лучшим другом последний раз виделся, наверное, лет пять назад – не меньше. С родителями встречаемся, по крайней мере, раз в полгода, и то по крупным праздникам. Да, если брать в сухом остатке, основу жизни сейчас составляет работа, работа и только работа. Может, идея с шашлыками не так уж плоха? Встретимся, выдохнем, пообщаемся. Потом начнётся новый проект, очнусь только через полгода, когда вместо тюльпанов в этом сквере будет щедро рассыпан снег, утрамбованный тысячами пробежавших здесь ног.

Мои размышления прервал телефонный звонок. Определитель номера не оставил сомнений: «Друг Миша», – как будто вторя моим мыслям.

– Привет, Медведь, – ответил я на звонок, назвав друга старым школьным прозвищем. – Чем обязан в середине рабочей недели?

– Здорово, Паяльник, – парировал тот, вспомнив моё дружеское обращение. – После твоих вчерашних слов я много думал. Знаешь, ты прав.

Он помолчал, собираясь с мыслями, а я вновь почувствовал неприятный холодок в коронарных сосудах. Мурашки многотысячной толпой устроили весёлые старты на моей коже. Стараясь придать голосу как можно больше бодрости, а интонации – убедительности, я ответил:

– Медведь, у нас с утра уже было два аврала. Скажи вкратце: ты о чём?

– А ты не помнишь, что ли? – сконфуженно спросил Миша. – Ты вчера позвонил мне и сказал примерно следующее: жизнь проходит, встречаемся редко, с утра до ночи каждый в своих заботах. Ну, что мы вспомним об этом периоде через пять, десять лет? Высоту стопки отчётов, статистику рабочих звонков или километраж, набеганный по кабинетам и педантично посчитанный смарт-часами? Потом ты пригласил меня в субботу на шашлыки. В общем, я взял два отгула на конец недели. Я приеду.

– Конечно, приезжай. Встретимся, пообщаемся, – сказал я, придавая голосу неестественно-лучезарную весёлость.

– Тогда до субботы, Паяльник. С тебя – шашлык, с меня – то, что к нему прилагается, – многозначительно загоготал Медведь и завершил входящий вызов.

– Ещё один неожиданный приглашённый на дачные посиделки? – иронично заметил Женя и опять беззвучно расхохотался. Моя вчерашняя амнезия начинала его забавлять.

– Похоже на то, – вздохнул я. Если бы не тревожная абсурдность ситуации, я тоже бы посмеялся. Впрочем, в последние десять минут мне было не до его плоских шуточек.

Телефон опять нутужно зазвонил. Определитель показал: «Мама». Странно. Из-за моей занятости я просил её никогда не звонить в рабочее время без серьёзной на то причины.

– Мама, что-то случилось? – минуя стандартные приветствия, начал разговор я. – С отцом всё в порядке?

– Привет, Пташка, всё нормально, не волнуйся, – успокоила мама, назвав меня моим ласковым детским прозвищем.

– Тогда в чём дело? – удивился я.

– Отвечаю на твой вчерашний вопрос. Мы с отцом подумали и решили приехать к вам с Верой и мальчиками в субботу, – ответила она обрадованно.

– Я тоже тебе вчера звонил? – устало спросил я. Эта ситуация действовала, как кипяток, пролитый на оголённые нервы.

– Нет, ты не звонил, – ответила мама.

Я облегчённо выдохнул.

– Ты приехал.

Телефон выскользнул из моей обмякшей вспотевшей руки. Я поймал аппарат второй рукой и продолжил абсурдный диалог.

– Я преодолел триста километров, чтобы лично пригласить тебя и папу на шашлык? – мой голос вконец осип.

– И да, и нет. Ты долго общался с отцом, обнимал нас, вспоминал детство, а потом, уезжая домой, пригласил на дачу. Милый, ты даже не представляешь, как нас обрадовал неожиданным визитом. Мы ведь скушаем. Вот я и звоню ответить: мы приедем. Ты в порядке?

– Э-э-э, – только и смог выдать я, но, собравшись с духом, продолжил. – Всё хорошо, мама. Просто переработал. Конечно, приезжайте с папой. Будем очень рады.

Я выключил телефон, и меня захватила пучина беспокойных мыслей и тревог за собственное здравомыслие.

Снова звонок. Жена. Я вздохнул и принял вызов:

– Да, милая?

– Милая? Ты вчера обещал называть меня только «любимая». Даёшь задний ход, Осман-Паша? – услышал я негодующие нотки в голосе супруги. Она всегда называла меня турецким прозвищем, когда злилась. За каких-то двадцать минут я услышал три искажённые версии своего имени, придуманные близкими людьми в разные периоды моей жизни.

– Ладно, проехали, – примирительно продолжила она. – Я специально звоню тебе на обед, зная, что в другое время ты попросту не ответишь. Хочу уточнить: кто из нас сегодня забирает детей из школы?

– Станный вопрос, – ты, конечно. У меня во второй половине дня намечается бег с препятствиями. Когда я в последний раз забирал детей из школы? – удивился я.

– Вчера, – безапелляционным тоном отрезала супруга.

– Ох, – только и смог выдать я, обескураженный сумасбродством своего поведения накануне.

– Запоматывал? Ты как себя чувствуешь вообще? – забеспокоилась жена.

– Вполне. Только мышцы ног почему-то побаливают, хотя в спортзале был последний раз полгода назад, – посетовал я.

– Ты вчера утром битый час бегал по набережной с собакой, а вечером устроил с парнями соревнования по баскетболу. Ещё бы ноги с непривычки не болели! – ответила Вера. – Кстати, Данила и Егор не довольны проигрышем, и хотят устроить матч-реванш. Я их убедила, что на рабочей неделе тебе некогда, договорились продолжить игру в субботу на даче. Так что готовься. Кстати, шашлык, чур, ты сам маринуешь, я – пас.

Я закрыл глаза и начал считать про себя до десяти. Монотонное перечисление привычных цифр иногда помогало справиться со стрессом. Ну, что я там ещё вчера натворил?

– Алё, Паш, ты в порядке? – спросила супруга, обеспокоенная моим долгим молчанием.

– Я в норме... наверное. Просто плохо помню, что было вчера, – пришлось сознаться – всё равно догадается.

– Совсем не помнишь? И то, что было поздно вечером, тоже? – многозначительно добавила Вера. – Вспоминай, жаль терять такие важные моменты. Ты вчера был настоящим: любящим, чутким, принадлежащим только нам. Будь таким почаще. Даже Егор вытащил из ушей свои вечные наушники, бросил всех своих друзей по интернету и просто отрывался в баскетбол.

– А ты в курсе, что я пригласил на субботний шашлык полгорода? – сказал я, чувствуя себя вконец спятившим.

– Значит, турнир по баскетболу будет массовым, – пошутила Вера и положила трубку.

– У нас намечается большая компания на выходные, да, Павел Александрович? – превозмогая истеричный смех, продолжал действовать на нервы Женя.

– Ладно-ладно, – примирительно сказал он, поднимая руки, будто сдаваясь. – Пошли уже. Четыре минуты до конца обеда. Как теперь ты уже точно убедился: сегодня – среда, а, значит, запуск проекта. Времени – в обрез, чтобы всё подготовить. Так что вперёд.

Я окинул его недобрый взглядом и достал из сумки переносной календарь-планинг, сверяясь с расписанием. Вся неделя была плотно исписана столбцами моего мелкого корявого почерка. И только на субботу, 19 мая, значилась одна-единственная запись, которую я не помнил, когда

оставил. Два простых слова среди перечня задач и поручений. Одновременно простых и в то же время загадочных – «Успевай жить».

Мы поднялись со скамейки и, выкинув опустевшие картонные стаканчики от выпитого кофе, отправились на работу, подгоняемые призывными колокольчиками сообщений общероссийского чата. В гневную переписку вступали центральные регионы страны.

II

Хороший это был день – из тех, которые застревают в памяти, пуская в ней прочные древесные корни, несмотря на мятежную круговерть сменяющихся часов, сезонов и лет. Мы готовили на дурмящих от запаха костра углях шашлык, неспешно, по глотку, «цедили» бесконечный солнечный день ясной майской безмятежности, вместе с родными и друзьями, разделившись на команды, играли в баскетбол. Зная, что работа будет простираться ко мне свои незримые руки, диктуя иную линию поведения, жена ещё накануне установила «режим полёта» на наших смартфонах и отключила во всём доме интернет. От этого солнечного майского дня осталось несколько ярких, заряжающих радостным настроением и ностальгией фотографий. Спустя годы я с какой-то маниакальной педантичностью стал собирать разбросанные по электронным папкам осколки ушедших дней, пока увесистые базы совсем не устарели, и, пусть это несколько старомодно, вклеивать их в обычные картонные альбомы.

Сегодня, перелистывая прошлое, я ещё раз остановился взглядом на этих фото. Многие с тех пор поменялось. Отца не стало спустя восемь лет после того, как были сделаны эти снимки, мамы – через двенадцать. Медведь покинул меня четыре года назад. Сыновья выросли и разъехались, у каждого – своя жизнь и семьи. К нам, старикам, они приезжают примерно раз в полгода, по праздникам, и то по крупным. Внуки иногда навещают на каникулах. Единственный человек, который делил со мной повседневный уединённый быт, – моя Вера, мой спутник и лучший друг.

Часами я теперь мог смотреть на её задумчивое, изрезанное морщинами лицо, глубокий взгляд чутких глаз, реагирующих на каждую перемену моего настроения, держать иссушенную временем руку и наслаждаться теплом шершавой ладони, которым она щедро делилась со мной долгие годы нашего супружества. Бремя восьми десятков лет легло на каждую частицу моего грузного тела, утяжелил походку, замедлив движения, добавив старческой хрипотцы в голос и терпеливое созерцание в поведение. Теперь с каким-то новым степенным чувством я совершал ежедневные неспешные прогулки, наслаждался красотой ясных рассветов, причудливыми узорами облаков, следил за траекторией полёта пожелтевших листьев, оторвавшихся от устойчивого абсолюта потемневших голых крон и пустившихся в своё последнее свободное путешествие. Думал, итожил.

Мысленно я нанизывал бусины своих воспоминаний на длинную нить жизни. Детство, молодые и счастливые родители, школа, проказливые выходы, первые друзья. Медведь. Почему-то больше всего мне запомнился день, когда отец купил длинный двухколёсный велосипед и, как-то придя со смены на заводе, несмотря на усталость, целый вечер учил меня кататься и держать равновесие.

Университет: круговерть занятий, контрольных, экзаменов, загульные посиделки с однокурсниками. Вера. Даже спустя несколько десятков лет, я мог в деталях описать день, когда впервые её увидел. Выцветшая после зимы лавка в студенческом сквере, на ней – девушка в красном шерстяном берете с объёмной книгой в тонких руках что-то внимательно читает. Я как раз сделал распечатки своего дипломного проекта и собирался

идти на кафедру в поисках куратора, но все планы вылетели из головы при виде солнечных бликов на её молочно-белом лице и гладких волосах.

Мальчишки. Калейдоскоп ярких воспоминаний прогулок по детским площадкам, хлопотный выезд на море, первый раз в первый класс с красочными букетами, ранцами и гомоном десятков детских звонких голосов. Уроки, родительские собрания, домашний быт, выходные на даче и монотонная кабала работы с перерывами на непродолжительный сон и краткосрочный отпуск на юге. И снова: работа – дом – дом – работа. Из этой мешанины воспоминаний выбивается лишь день с майскими шашлыками. Единственной его загадкой был тот факт, что я так и не вспомнил, как умудрился пригласить значительную компанию родных и друзей на дачные посиделки.

Сейчас, спустя годы, меня не покидало ощущение: насколько мне не хватает проведённых тогда минут. Я так хотел бы снова оказаться там, в этом подзабытом моменте времени: обнять родителей, пообщаться с другом, поиграть с детьми, – но время безнадёжно упущено.

Я бережно закрыл последнюю страницу альбома с фотографиями, собрал их в аккуратную стопку, медленно встал из-за стола, прощальным жестом сжал тёплую руку своей жены и отправился в спальню, которая постепенно теряла привычные краски из-за сгустившихся за окном сумерек. Лёг на кровать и погрузился в блаженное забытие, впервые за долгие годы ощущая всем телом несвойственную ему лёгкость. Оно словно парило в пространстве, без труда преодолевая земное притяжение и будто нарушая все физические законы. Даже сквозь закрытые веки я почувствовал, будто мгла позднего вечера рассеялась, и их коснулся спокойный неяркий свет, какой бывает в умеренно дождливую и туманную погоду.

Открыв глаза, я с удивлением обнаружил, что всё окружающее меня пространство представляет собой плотную облачную завесу, и, хотя оно кардинально изменилось, я не почувствовал особого удивления, словно оно было мне знакомо. Рядом со мной стояло несколько фигур в светлосерых плащах с капюшонами, отливающих матовым свечением. Их лица наполовину были скрыты тканью, но я догадался, что они внимательно на меня смотрят.

– Где я? – мой вопрос прозвучал глухо и отрешённо.

Ближайшая ко мне фигура ответила неясным нарастающим гулом, как будто по мере общения со мной подбирала нужный язык. Затем монотонные неразличимые звуки облеклись в слова:

– Ваше время истекло.

Человек в капюшоне указал рукой на блёклые песочные часы: все мелкие частицы внутри стеклянной колбы конусовидной горкой лежали в нижней её части. И только одна песчинка прилипла к верхнему полукругу прозрачной ёмкости, словно чего-то ожидая.

– Прежде чем вы пойдёте дальше, мы всегда предлагаем выбор: остаться ещё на один день, который мы выберем из вашей жизненной ленты, – сказал человек в капюшоне. – Вы согласны?

– Прожить ещё один день? – не поверил я.

– Да, от рассвета и до рассвета. День мы выберем сами, – произнесла фигура.

Меня охватило радостное воодушевление: ещё один день: увидеться с близкими или просто поговорить.

– Я согласен, – ответил я.

Прилипшая песчинка, будто ожидая моего решения, отделилась от прозрачной колбы и начала медленное движение вниз. Человек в капюшоне сделал несколько мягких невесомых шагов в сторону, и я увидел

длинный, повисший в пространстве календарь, разделённый на множество чисел, месяцев и лет. Фигура изящным медленным движением подняла кисть руки, и цифры с невероятной скоростью начали перелистываться в обратном направлении.

– Мы отправим вас примерно в середину вашей жизни. В будний день. У вас будет возможность совершить короткое, но запоминающееся путешествие. Единственное условие: не делать ничего такого, чего бы вы не сделали в обычный день и что не повлияет значительно на будущее временное полотно, – сказал человек в капюшоне таким же отрешённым голосом.

Я уже догадался, в какой день меня отправят – тот самый потерянный вторник, много лет назад стоивший мне нескольких неприятных разговоров с коллегами и абсурдного приглашения всех на шашлыки.

– Чтобы вмешательство в жизненную ткань было минимальным, мы выбрали день до запуска вашего крупного рабочего проекта. Эти сутки не способны значительно повлиять на ход дальнейших событий, и в то же время они позволяют вам по-новому ощутить жизнь, – пояснил человек в капюшоне.

– А зачем отправлять меня в будний день? Почему не выбрать для этого выходной, тогда и рисков гораздо меньше? – спросил я.

Нижнюю часть лица человека в капюшоне тронула мимолётная тень улыбки.

– Потому что это нужно не только вам, – многозначительно ответила фигура.

Я почувствовал, как моё тело вновь тронул ветер невесомости, только теперь я не поднимался, а опускался в плотной завесе матовых облаков. Сквозь осязаемую пелену окутавшей меня материи мне послышался первый громкий до пронзительности звук. Он был мне знаком. Многие годы этот навязчивый до иступления трезвон ознаменовывал начало нового суетливого утра – будильник. И хотя за многолетнюю череду рабочих буден я успел его возненавидеть, сейчас я встретил этот первый сигнал моего последнего путешествия с восторгом.

III

Я открыл глаза: на белом потолке нашей спальни дрожали полукруглые блики ясного майского утра. Открытая под острым углом форточка щедро наполняла светлую комнату запахами прогреваемого солнцем воздуха и звуками просыпающейся шумной автостреды: грохотом сотен моторов, скрежетом шин по сухому асфальту и отдалённым рёвом клаксонов. Но все эти первые предвестники утра буднего дня в столице перекрикивал надрывный звон моего упрямого старомодного будильника.

– Выключи уже этот пережиток советской эпохи, Осман-Паша, иначе я его скину с балкона, – услышал я звонкий от молодости, но всё ещё сонный голос моей супруги где-то справа.

Её мягкая, гладкая, без единой морщинки рука, не дождавшись ответных действий от меня, скользнула по моей груди, нашла на маленькой тумбочке у кровати причину ненавистного утреннего трезвона, нащупала заветную кнопку и нажала её. В комнате воцарилась блаженная тишина, прерываемая звуками её тёплого утреннего дыхания и протяжным шумом набирающих скорость машин где-то за окном. Я повернулся к жене и разбудил её долгим страстным поцелуем, приглаживая руками взъерошенные поутру волосы супруги.

– Доброе утро, любимая, – сказал я, наслаждаясь теплотой гладкой кожи её длинных точёных рук.

– Что это с тобой сегодня? – удивилась Вера.

– Ты даже не представляешь, какое это счастье – просто проснуться рядом с тобой, обнимать тебя, быть рядом, называть «любимой», – ответил я, испытывая воодушевление от каждого мгновения обычного буднего утра, которое когда-то казалось мне таким до обыденности привычным.

– Ты в порядке? – спросила Вера, всматриваясь в меня с беспокойством.

– Теперь – да, – сказал я, с восхищением рассматривая её черты, ещё не тронутые годами. – Ты такая красивая. Давно я тебе это говорил?

– Очень давно, – поджала губы Вера.

– Я всегда тебя буду звать «любимая», а если стану забывать – побей меня, – виновато улыбнулся я.

– Замётано, – ответила супруга и засмеялась. – Ещё пять минут таких душевных излияний, и ты опоздаешь на работу, а я не успею отвезти детей в школу.

– Ну конечно! Мальчишки! – крикнул я, одним движением вскакивая с кровати. Молодые мышцы бодро реагировали на каждую посланную им команду.

Я забежал в детскую и принялся обнимать сыновей, тормошить их, щекотать за пятки. Данила и Егор сначала сопротивлялись моему навязчивому настроению, но быстро сдались и, протирая заспанные глаза, гуськом отправились в ванную.

– Папа, ты новые витамины купил? – спросил Егор, с лёгким неодобрением наблюдая, как я участвую в каждой процедуре обычного семейного утра.

Буквально бегая из комнаты в комнату, нарезая всем бутерброды и наливая себе и супруге дурманный горячий кофе, я с восторгом ощущал лёгкость пружинящих мышц, подвижность суставов, забытую быстроту своих движений, замедленных впоследствии старостью.

– Паша, притормози, – не выдержала, наконец, Вера, испуганная моей суетливостью и лихорадочным блеском в глазах. – Хватит носиться по квартире и всех обхаживать. Собирайся уже. Протянешь ещё полчаса – и встанешь в пробке.

– Не страшно, – улыбнулся я. – Собаку сегодня я сам выгуляю.

Чашка с кофе застыла в руке супруги на полпути к открытому рту.

– Ты сам погуляешь с Мочалкой? – казалось, супруга сама не верит в правдивость произнесённых мной слов. – Ну, как хочешь. Ты точно опоздаешь, и не говори, что я тебя не предупреждала.

– И ещё. Я по мальчишкам ужасно скучаю, так что ребят сегодня из школы тоже сам заберу, – добавил я, всматриваясь в недоверчиво-удивлённое выражение лица жены.

Долгим поцелуем я попрощался с супругой, затем пробежал по длинному коридору, схватил в охапку и обнял мелкое волосатое создание – нашу собачку, настолько шерстяную, что у этого существа сложно было с первого раза определить, где морда, а где хвост. Мы звали её Мочалкой из-за обвисших длинных волос, скрывающих все видимые части тела и четыре короткие семенящие лапы. Раньше камнем преткновения в наших отношениях всегда были мои погрызенные тапки, но не сегодня.

Ясное буднее утро моего последнего дня я встретил пробежкой по набережной со своим старым и почти забытым спустя десятилетия другом. Мочалка семенила за мной мохнатыми, спрятанными за длинной шерстью лапами, пытаясь угнаться за моими пока ещё молодыми, пружинистыми ногами. Я наслаждался каждым шагом, каждым вдохом, каждым

движением и неизбежно меняющейся природной картиной: теплеющим ежеминутно весенним ветром, светло-голубым безоблачным небом, предвещающим первую майскую жару, и лёгким, еле слышным плеском мелких речных волн, бьющихся о гранитные выступы городской набережной. О быстро убегающих минутах напоминал только стремительно нарастающий транспортный поток, всё больше замедляющий движение в столичной пробке утреннего часа пик.

Я вернулся домой, без особого энтузиазма надел свой обычный офисный костюм – теперь он казался мне ненужной фальшивой декорацией последнего бенефиса, и отправился на работу, неспешно вклиниваясь на своём авто в хвост медленно продвигающемуся транспортному потоку.

– Пал Саныч, ты что, впервые за восемь лет опоздал к началу рабочего дня? – встретил меня беззвучным хохотом Евгений.

Я подошел к рабочему столу и с усилием стиснул его в объятиях.

– Рад тебя видеть, мой старый и добрый друг, – улыбаясь, сказал я, хлопывая его по спине. – Ты не представляешь, как мне порой не хватало твоих шуточек.

– Ага, со вчерашнего понедельника, – съязвил коллега.

Я ходил по кабинету, обнимался с ребятами из нашего отдела, спрашивал об их семьях, делах, планах и временами чувствовал, как невольно на глазах наворачиваются слёзы. Вместе мы проработали много лет, но знали друг о друге непростительно мало: редко встречались вне работы, почти не собирались на корпоративных встречах и загородных выездах. С чувством я сжал и жилистую руку нашего руководителя, Игоря Альбертовича, – он пожурил за опоздание, но, памятуя о моих безупречных деловых качествах, решил не наказывать. Я долго смотрел вслед его удаляющейся фигуре, вспоминая, какой была наша последняя с ним встреча шесть лет назад.

От ностальгических мыслей о последних годах работы в этой структуре до выхода на пенсию меня отвлек удушливый запах цветочных духов начальницы финотдела. Она подошла ко мне своей медленной витиеватой походкой и жеманно улыбнулась.

– Здравствуйте, Павел Александрович.

– Добрый день, Марина... э-э-э...

Вырвавшийся смешок Жени из-за моей спины заставил её поджать губы и обиженно удалиться. Я так и не понял, почему не смог вспомнить её полное имя, возможно, прошедшие годы оставили в моей памяти только тех людей, которые, действительно, что-то значили для меня.

Теперь я точно знал, что должен сделать. Я обернулся к Жене:

– Приглашаю тебя и твою супругу к нам на дачу в эту субботу. Поедим шашлыка, поиграем в баскетбол. Вера и мальчишки, думаю, будут рады познакомиться с Леной.

В памяти всплыли картинки того давнего, частично забытого дня и фотографии дачных посиделок, которые многие годы я так бережно хранил в старом альбоме.

– Приглашение принимаю. Только я не женат, Паша, – обеспокоенно заметил Евгений.

– Ах, да, конечно, – почувствовав оплошность, тихо произнёс я.

– Ты себя нормально чувствуешь? – взгляд коллеги стал сосредоточенным.

– Не совсем. Сегодня я не в состоянии работать, передай Игорю Альбертовичу, что мне было нехорошо, и я ушёл.

Я покинул рабочее место, сел на скамейку в сквере возле конторы, где много лет подряд проводил несколько свободных минут в перерыве меж-

ду неравными половинами бесконечного трудового дня, и задумчиво посмотрел на только что высаженные цветастые пятна майских тюльпанов. Как будто и не было этих десятков лет, и всё, что происходило потом, напоминало давний, позабывшийся сон. Протягивая нить времени в своё единственно реальное прошлое, я взял телефон, нашёл в списке контактов человека, голос которого мечтал услышать последние четыре года.

– Привет, Медведь, – глухо сказал я, ощущая, как к горлу подступает ком.

– Паяльник, не ожидал тебя услышать, – ответил лучший друг тоном, в котором было так много молодцеватого, звонкого, озорного, потерявшегося в наших последних с ним разговорах.

– Миш, ты даже не представляешь, как я по тебе скучаю, – мой голос предательски дрогнул.

– Паш, всё в порядке? Что-то случилось? – спросил школьный товарищ, чувствуя моё волнение.

– Слушай, я тут подумал: мы так давно не виделись, а время уходит, сыпется, как песок. Что мы вспомним об этих годах через пять, десять лет? Работа, отчёты, расписанный распорядок дня на десятилетия вперёд. Мне тебя не хватает. Я хочу встретиться, пока ещё есть такая возможность.

– Есть конкретные предложения? – И я услышал задорный смех старого приятеля. – Готов рассмотреть любые варианты.

– Мы с женой устраиваем посиделки на даче в эту субботу, приезжай. Пообщаемся, вспомним детство, нам есть о чём поговорить, – задумчиво произнёс я.

– Мне для этого надо решить парочку рабочих вопросов. Созвонимся завтра, ладно? Я расскажу о своих планах, – ответил Медведь.

Впрочем, я уже знал, когда он позвонит и что в итоге ответит.

– До встречи, мой самый лучший, самый давний, самый преданный друг, – глухо сказал я.

– Покеда, Паяльник, – он отключил входящий вызов.

Ещё несколько минут я не мог выпустить телефон из рук, в задумчивой сосредоточенности поглаживая пальцами его углы и прохладную поверхность. Сегодня он помог мне преодолеть время и расстояние, позволил услышать голос близкого мне человека, произнести несколько простых, застрявших в былые годы, слов, а сегодня, наконец, высвободившихся и сказанных без всяких сожалений, вне сковывающей их когда-то условности. Жаль только: современная техника не способна передать теплоту объятий любимого человека, искренность взгляда, мягкость нежных материнских рук, поддержку отцовского похлопывания по плечу. Металлический суррогат никогда не заменит настоящего общения. Если есть возможность дотянуться до любимых людей, лучше это сделать без технических посредников. Мимоходом приняв и толком ещё не осознав новое молниеносное решение, я сорвался с места, быстрыми шагами направился на стоянку, сел в машину и устремился оживленными автострадами туда, где прятались отголоски моего детства.

Дверь открыла мама: она была именно такой, какой я её запомнил. Не дав ей возможности заговорить, я спешно переступил порог родного дома, обнял тёплые округлые плечи и уткнулся лицом в жесткие поседевшие волосы.

– Пташка, – только и успела вымолвить она. – Что с тобой? Ты плачешь?

Она гладила меня по спине, пытаясь дотянуться до моего спрятанного в её волосах лица.

– Ну что ты как маленький? Что-то случилось? – взволнованно спрашивала мама.

– Нет... Нет... Всё в порядке. Просто соскучился и приехал, – наконец, смог выговорить я. – Ты даже не представляешь, как мне тебя и папы не хватает.

– Знаю, милый. Мы тоже тоскуем. У тебя всегда дела, заботы. Мы с отцом прекрасно всё это понимаем, – сказала мама, провожая меня в комнату, где за круглым столом с газетой в руке сидел папа.

– Саш, глянь, сынок неожиданно приехал нас навестить, – сказала мама, препоручив меня отцу, а сама хлопотливо отправилась на кухню ставить чайник.

Отец неспешно встал из-за стола, приобнял меня свободной рукой и жестом дружеского участия сжал своей сухой старческой ладонью мои пока ещё молодые пальцы.

Весь день до самого вечера я провёл с родителями, терпеливо позволяя им окружать меня чрезмерной заботой. Мама без конца сокрушалась над моей худобой и весенней бледностью, и всё норовила накормить приготовленной наспех запеканкой. Отец зачитывал газетные статьи и спрашивал моё мнение по поводу миропорядка и последних новостей, а я просто смотрел на своих бодрых не по годам родителей, невпопад вставляя неуместные комментарии и стараясь осязать каждое тягучее мгновение.

– Пап, скажи, – неожиданно спросил я, – бывал ли в твоей жизни день, который ты совсем не помнишь, но он оставил на последующих событиях свой неизгладимый след?

И зачем только завёл этот разговор? Я сразу пожалел, что смутил его странным и неуместным вопросом. Отец глубоко задумался, протяжно вздохнул, и всё же ответил, несколько не удивившись.

– Помнишь, ты как-то говорил, что больше всего запомнил из своего детства? – сказал папа и виновато улыбнулся. – Момент, когда я после двенадцатичасовой смены на заводе нашёл в себе последние силы и научил тебя держать равновесие на новом, только что купленном, велосипеде. Мне пришлось это сделать: ты так хотел кататься и просил меня научить. Вот только...

– Что? – я отчётливо воспроизвёл в памяти этот отрывок своего прошлого.

– Простишь ли ты меня, если узнаешь, что я совсем не помню день, когда купил тебе велосипед? Неожиданное приобретение вынудило меня, несмотря на усталость, уделить тебе время, и я благодарен, что это произошло, пусть и не помню, когда и почему так поступил, – ответил он.

– Значит, прилипшая к стеклянной колбе песчинка ещё ждёт своего часа, – задумчиво произнёс я.

– Не понял – что? – переспросил отец.

– День неуклонно движется к завершению, папа. Мне пора. Надо ещё детей из школы забрать, – ответил я, поднимаясь и обнимая родителей. – Знайте, я вас очень-очень люблю. И ещё, – сказал я уже в дверях, долго прощаясь и целуя маму, – мы в субботу устраиваем посиделки на даче с друзьями, обязательно приезжайте. Отказа не приму.

Вновь длинная шумная автострада, тоскливо накрытая оранжевыми бликами закатного майского солнца. За рулём своего нового-старого авто я двигался в сторону обжигающей, огненно-светлой линии горизонта, словно пытаюсь удержать ускользающий день. Ещё многое можно успеть, пока последняя песчинка коснется вершины конуса нижней колбы часов.

Приближение сыновей к машине, бегущих по школьной территории после уроков и продлёнки, я услышал до того, как младший, ещё не успевший углубиться в противоречия переходного возраста, Данила огла-

сил звонким впечатлительным голосом всё окружающее пространство. Старший Егор попытался отгородиться от бесконечного щебета брата беспроводными наушниками.

– А почему ты нас сегодня забираешь? – забираясь в салон авто, спросил пытливым голосом Данила.

– Потому что у нас мало времени и много дел, – ответил я, расплываясь в счастливой улыбке просто от того, что имею возможность ещё раз наблюдать детство своих сыновей.

– Каких ещё дел? – недовольным тоном спросил Егор, вытащив наушник: из миниатюрного динамика слышалось ритмичное бряцанье попсовых композиций.

– Сегодня прекрасная тёплая погода, в соседнем дворе есть новая баскетбольная площадка. Так что нас ожидает настоящий турнир, – поделился я наспех придуманным планом семейного вечера.

– Ура-а-а! – воскликнул Данила.

– Фу-у-у! – вторил ему Егор. – К тому же мне некогда: у меня сегодня будет игра по сети. Так что не получится.

– И всё же, Егор, сегодня в планах – спортивная игра, а не виртуальная. И это не обсуждается, – произнёс я безапелляционным тоном. – С друзьями початишься в другой день.

Егор вновь воткнул наушник и насупился, а я, поглядывая на него через зеркало заднего вида, невольно умилился цикличности жизни и типично-подростковой реакции сына, которая много лет спустя так возмущала его самого в поведении собственных детей.

Тёплый, как парное молоко, майский вечер; уютные округлые шарики жёлтых фонарей; прорезиненное кирпично-красное покрытие под ногами. Двухчасовое спортивное состязание по баскетболу между двумя многочисленными командами – родителей и детей, начавшееся как ленивая разминка, по итогу превратилось в настоящую баталию – с ликованием от побед и разочарованными возгласами поражения. И пусть счёт попеременно менялся то в одну, то в другую сторону, на последних минутах мне и супруге всё-таки удалось одержать верх над неопытностью сыновей. Мохнатым рефери семейного состязания выступила Мочалка, попеременно тявкавшая на каждого участника сборной.

– Ну что ты устроил, Паша, – пожурела меня жена, пока мы усталые, но довольные возвращались домой. – Почему не поддался ребятам? Не мог играть вполсилы?

– Так было надо, – успокоил я Веру.

– И чего ты добился? Теперь честолюбивый Егор будет разрабатывать коварный план реванша, – покачала головой супруга.

– Вот именно, – подтвердил я. – Пусть теперь он тратит мысленные и физические усилия не на постукивание подушечками пальцев по податливой клавиатуре, а на разработку стратегии новой игры и улучшение своей спортивной формы. Продолжим в субботу на даче – пусть готовится. Кстати, на выходные я пригласил к нам родителей и пару друзей: приготовим мясо на углях и поиграем.

Вера беззаботно рассмеялась моим словам.

– Оказывается, у нас намечаются посиделки. Ничего себе! А я уж думала: ты со своим очередным проектом готов пропустить весь дачный сезон. Что ж, умеешь ты удивлять, Осман-Паша, – притворно-сурово продекламировала супруга.

Весь остаток вечера мы провели в обыденных, но таких милых, ни к чему не обязывающих разговорах, круговерти ничем не обременяющей чайной церемонии: с булькающим шумом закипающей воды, пе-

ченьем и воздушными кексами; в спорах, кому мыть скопившуюся посуду. Данила вызвался составить график вахты на кухне на всю следующую неделю. Я, тщетно стараясь не прыснуть со смеху, с серьёзным видом поставил подпись под разрисованным цветными карандашами документом.

Неспешно обнимая детей перед сном, я удивлялся контрасту их эмоций: непосредственной радости Данилы и недовольному бурчанию Егора, раздражённого излишним, по его мнению, проявлением чувств. Закрывая дверь в детскую, я разрешил себе ещё один долгий взгляд на их худые подростковые фигурки, рельефно проступающие под светлой тканью одежды. Это мгновение попрощалось со мной звонким щебетом Данилы и первыми басистыми нотками трескающегося голоса Егора, спорящего о чём-то за дверью с младшим братом.

Наверное, это была одна из лучших наших ночей, когда мы не позволили себе отвлечься ни на что, кроме неяркого лунного сияния и свежести остывшего весеннего воздуха, наполненного пепельно-синим сумраком и ароматом возрождающейся природы. Сегодня ничто не противоречило главному: ни тревожные планы наступающего буднего дня, ни уведомления сотовых телефонов, смолкнувших в ожидании рассвета, ни опасения чего-то не успеть в замкнутом цикле рабочей недели. Я смотрел на резные тени деревьев, раскачивающиеся от умеренного ветра размытыми бликами на потемневших обоях, и вдыхал тёплый аромат супруги, задремавшей на моём плече.

Наблюдая, как меняется свет в нашей спальне – от блекло-серого к лилово-розовому, я вспомнил ещё об одном важном деле: решил оставить маленький совет самому себе – подсказку на ближайшее обозримое будущее. Я осторожно сдвинул голову уснувшей Веры на соседнюю подушку, поднялся с кровати и, порывшись в сумке, нашёл свой старый календарь-планинг. С интересом листая исписанные моим мелким почерком страницы и читая задачник, который когда-то казался мне важным, я нашёл зияющую пустотой клетку календаря, озаглавленную «Суббота, 19 мая». Зная, как ответственно я всегда относился к пометкам в личном расписании, я написал два простых слова, которые теперь имели для меня особый смысл: «Успевай жить».

Последняя песчинка достигла конусовидной вершины нижней стеклянной колбы часов. Теперь у меня не осталось сомнений: почему я, как жёлтый осенний лист, оторвавшийся от резной древесной кроны и пустившийся с попутным ветром в своё последнее яркое путешествие, был заброшен в когда-то позабывшийся будний день. Только так я мог вырваться из кабального круга ежедневных хлопот и взглянуть на свою жизнь под иным углом, ещё раз пересечься с судьбами дорогих мне людей, остаться запоминающейся картинкой в наших общих воспоминаниях.

Я взял руку жены и, прижимаясь к тёплому бархату кожи своими губами, тихо прошептал:

– Прощай, любимая. И до скорой встречи.

Переменчивый и уже привычный ветер невесомости вновь охватил моё ускользающее человеческое осознание. Я увидел длинные, стоящие в километровых суетливых пробках автостреды, высокие здания, устремленные макушками к небосводу, отражающие в искрящихся зеркалах бесплотную, разряженную солнцем лазурь, и пёстрые разноцветные пятна только что высаженных в московских скверах тюльпанов. Они раскрывали ясной майской синеве свои бутоны, будто обнимая её лепестками, прощальным жестом раскачиваясь на ветру.

Закованные в кандалы люди, серые и измождённые долгой дорогой, шли медленно, чем раздражали конвоиров. У одного сопровождающего затекли ноги, он спешился и решил пройтись, ведя коня за узду. Впереди виднелось озеро, а вокруг него – небольшое село. Купол церкви утопал в лучах солнца! Конвоир засмотрелся на эту красоту. Ему захотелось умыться, погреться в тёплой избе, выпить парного молочка. Это желание было так сильно, что вопреки всем запретам он отдал команду отдыхать на берегу озера, у самого края деревни. А сам поскакал в деревню, наказав другим не сводить глаз с арестантов.

Вернулся довольно быстро, с двумя только что испечёнными караваемы и большой кринкой молока. Охрана, весело пересмеиваясь, устроила перекус, а остальные, глотая слюни, только поглядывали на это. И тут заплакал ребёнок – малыш, которому на вид было не больше года. Он сосал грудь, но молока у матери, видно, не было. От голода крик малыша становился всё громче. Конвой это раздражало, особенно старшего конвоира. Плакал ребёнок часто, за дорогу этот плач так надоед, что хотелось или заткнуть уши самому, или же заткнуть рот малышу.

Всех подняли, и команда нехотя двинулась вперёд. Сытые конвоиры повеселели, перекидывались шутками. До посёлка, где можно было передохнуть, сдать свои полномочия, оставалось вёрст 10–12. Но не смолкающий рёв раздражал, и нервы старшего не выдержали. Он подскочил на лошади к матери, выхватил ребёнка и бросил его в канаву. Мать рванулась было за дитём, но получила плёткой по спине, ногам, упала... Шедшие рядом помогли ей подняться и почти поволокли дальше. Чудным образом рёв прекратился, и было слышно только шарканье шагов по пыльной дороге да цоканье копыт. И тут закричала женщина – крик больше походил на звериный. Но удары плети становились сильнее, а голос всё слабее. Можно было разобрать только одно слово: «Абра-а-а!..».

На краю деревни стоял дом бабы Милы. Она видела издали колонну арестантов, слышала, как кричал ребёнок, а потом – истошные женские крики. Видела Мила, как конвоир что-то бросил в канаву, и услышав «Абрам!», поняла, что это ребёнок. Только колонна скрылась из виду, старушка поспешила к дороге. Рядом в канаве, в густой траве, лежал ребёнок, закутанный в старую серую шаль. Он был очень худой, большие тёмно-карие глаза пол-

**Сошникова
Любовь Николаевна**

Родилась в 1953 г. в г. Копейске Челябинской области. В 1970 г. окончила среднюю школу в р. п. Лебяжье Курганской области, в 1972 – Катайское педагогическое училище, а в 1979 – Курганский государственный педагогический институт. Работала воспитателем детского сада, учителем начальных классов в школах Курганской области и в городе Сургуте Ханты-Мансийского автономного округа. В настоящее время – на пенсии.

Автор трёх поэтических сборников. Член Тюменского регионального Союза Российских писателей, с декабря 2024 года – член Союза Российских писателей. Стихи публикуются в альманахах «Гиперборей» (№№ 2–9), в сборниках «Поэзия земли тюменской» (№№ 24–50).

Проживает в Тюмени. В «Тоболе» публикуется впервые.

ны слез. Марковна – так звали Милу в селе, – бережно прижимая к себе малыша, почти бегом поспешила к дому. Малыш перестал плакать, как только ему в рот попало молоко. Захлебываясь и торопясь, глотал малыш молоко, стараясь захватить губёшками чайную ложку. Наевшись, он крепко заснул, во сне всё ещё причмокивая губами. Из комнаты на шум вышла дочь Милы Мария, а потом и зять Иван. Марковна, показывая на спящий свёрток и улыбаясь, промолвила: «Принимайте сыночка, молодые!».

Так в семье Марии и Ивана появился первенец. Это и был мой прадедушка Абрам Иванович Шошин. Шёл 1879 год.

Пожар

Было жарко так, что она во сне сбрасывала старенькое одеяльце, металась, всхлипывала и просыпалась. Ей снился сон, что она – та самая француженка Жанна, которую сжигают на костре, из фильма, что недавно показывали в клубе. Ей снова приснился пожар, он снится уже который год: почти каждую ночь, после того дня, как сгорел её дом...

С утра был сильный ветер, он прямо сбивал с ног. Сашенька осторожно ходила по огороду, вышагивая между грядками. Они были пусты, ничего ещё не взошло, и только на одной узенькой грядочке росли маленькие розово-белые шарики с зелёными косичками. Они были совсем маленькими, но очень нравились на вкус – рвать их было запрещено: мол, ещё не выросли. Вот поэтому Саша выискивала на грядке те места, где их было густо-густо.

– Вот их сколько ещё осталось! Вот ещё пять сорву и больше сегодня не буду, – радостно поглядывая на редиску, она побежала к бочке с водой, чтобы вымыть, и вдруг услышала странный и пронзительный крик: «Пожар! Помогите!» – и почувствовала жуткий запах гари. Выскочила из огорода во двор и увидела пламя. Оно охватило крыши соседних домов и огненным облаком перепрыгнуло на её дом, на больницу, и покатилося дальше...

По дороге быстро-быстро бежали детские ножки. Их было много-много. Почти все они были босыми, но не чувствовали ни камешков под ногами, ни стёклышек, ни колючей обжигающей ноги крапивы, росшей по обочинам. Почти не разговаривая, часто шмыгая носами, молча и торопясь, размазывая слёзы по щекам, дети старались не отставать друг от друга. Малыши звали маму, их подхватывали руки старших. Старшие и маленькие, почти не касаясь земли, неслись все вместе дальше.

Позади бушевало пламя. Оно осталось в деревне и огромным огненным языком лизало дом за домом, а невидимые клыки крушили стены домов и заборы.

«Война! – думала Сашенька. – Но не стреляют, и солдат не видно... Может, это огненный дракон из сказки?..»

...Босые ножки привели их в соседнюю деревню, где у крайнего дома стояла толпа женщин. Руки их – шершавые, но добрые, как у мамы – подхватили детей, прижали к себе, гладили по головкам, ласково приговаривая: «Ну, будет, будет! Сейчас всё потушат, и поедете домой».

Поздно вечером детей привезли в кузове грузовика в деревню. Их встретили чёрные дымящиеся ямы, толпа народа в центре села, а за этой толпой стояли чудом уцелевшие дома с занавесочками на окнах. Дома были окружены плетнями и цветущей сиренью. Мычали коровы, блеяли овцы, причитали женщины, плакали дети.

Детей молча разбирали родные, и так же молча разводили по чужим домам: к знакомым, родным и близким. Одна Сашенька стояла возле своего дома, крепко сжимая в руке сорванную ещё утром редиску. Она с ужасом

вспомнила, что утром отец привёз из роддома маму – бледную, но улыбающуюся, с маленьким братишкой.

Сашенька долго ходила вокруг колыбельки, трогала малюсенькие пальчики, розовое недовольное личико малыша и говорила: «Ой, какой страшненький! Ой, какой маленький! Ой, какой недовольненький!». Потом мама отпустила её погулять.

Сашенька стала обходить свои владения: заглянула в конуру к Серому, посидела на качелях и отправилась в огород. А потом этот истошный крик: «Помогите!»...

Она бросила на землю редиску и громко-громко закричала: «Мама! Мамочка! Мама!»

А сзади её обхватили такие родные руки отца. Он был весь чёрный от копоти и в обгоревшей одежде! «Всё хорошо! – шептал он и гладил её по головке, – Всё хорошо! Все живы!» Сашенька уже не могла остановиться: слёзы так и полились по её щекам. Отец подхватил её на руки и понёс, а она всё всхлипывала, пока не заснула.

**Антоненко
Валерий Петрович**

Родился в г. Курган. Учился в 36-й школе, потом в Курганском пединституте на филологическом факультете. Сейчас живёт в г. Сергиев Посад, работает в Москве в храме Знамения иконы Божией Матери за Петровскими воротами, ризничим. Публикуется в московских альманахах. Автор книг «Драгоценное» и «Я тебя не променяю на золотые горы света...».

В «Тоболе» публикуется впервые.

Валерий АНТОНЕНКО

На Покров Пресвятой Богородицы, или Про мальчика Алёшеньку

На Покров Пресвятой Богородицы Алёшенька – мальчик трёх лет, беловолосенький и голубоглазенький сыночек нашего отца Ярослава, – пел на клиросе с мамочкой Юлей. Вернее, он рассматривал картинки в весёлой детской книжке и говорил сам с собой.

Как он вышел с клироса, мама Юля и не заметила. Только широко открытыми глазами она уже глядела, как Алёшенька побежал на амвон и – уже в открытые Царские врата... Но с амвона, перед самыми Царскими вратами, я подхватил его за подмышки, посадил на руки и понёс в притвор нашего Пятницкого храма. «Писать записку о здравии», – сразу придумал я.

В притворе я посадил Алёшеньку за длинный деревянный стол на скамеечку и спросил его:

– Ну, Алёшенька, напишем записку о здравии?

– Напишем, дядя Валера. Да, напишем, – дважды ответил мальчик, кивая беленькой головешкой.

– Говори, кого ты очень-очень лю-

бишь. Маму, да?

– Да, – ответил мальчик и сразу стал называть, кого он очень-очень любит: – Я люблю... Маму... Папу... Машу... Таню... Настю... Катю... Бабушку... Бабушку... Дедушку... А другой дедушка улетел на небо! – воскликнул мальчик, показывая ручкой на небо.

– Давай и тебя напишем? – спросил я. – Ведь ты же желаешь себе счастья и здоровья?

– Да, желаю, – ответил мальчик.

И я, подумав: «Какой хороший мальчишечка Алёшенька!», чуть-чуть не написав «Тебя», написал «Меня».

Итак, как Алёшенька говорил, так я всё и написал. И вот Алёшенька с запиской в своей ручке, и я с Алёшенькой на руках входим в алтарь и кладем записку на комод, который слева от жертвенника.

Спустя минут десять я вхожу в алтарь уже без мальчика и вижу, как отец Артемий, улыбаясь как Алёшенька, показывает отцу Ярославу какую-то записку; отец Ярослав, прочитав эту записку, улыбается, как и отец Артемий. С Алёшенькиной улыбкой отец Артемий показывает и мне эту записку. Я читаю её про себя:

*«О здравии
Мамы
Папы
Маши
Тани
Насте
Кати
Бабушки
Бабушки
Дедушки
Меня»*

– Это Алёшенька говорил, а я написал, – сознался сразу я.

– Мой? – спросил отец Ярослав.

– Ваш, – улыбнулся я.

И вот все трое – отец Артемий, отец Ярослав и я – улыбаемся, как бело-волосенький и голубоглазенький Алёшенька.

И тут я вспомнил – и, как мне подумалось, не только я, – что сказал Христос о детях: «В то время ученики приступили к Иисусу и сказали: кто больше в Царстве Небесном? Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное...».

Выйдя из алтаря, я спросил Алёшеньку, который также пел с мамой на клиросе:

– Можно, Алёшенька, я буду как ты?

– Можно, дядя Валера, – ответил мальчик, глядя на меня своими голубыми глазками и пожимая мою руку своей ручкой.

– А я буду как вы, дядя Валера. Ладно? – спросил он меня, заглядывая в карие глазки мальчика Валерушки.

– Ладно, Алёшенька, – ответил я и ещё раз почему-то ответил: – Ладно, Алёшенька, ладно...

Валерушка

Валерушка – беленький мальчик лет восьми, первоклассник – катился солнышком по улице Володарского из школы № 36 домой. Майское, «блестящее-преблестящее» солнышко, – так Валерушка придумал, – сияло в чистом голубом небе. По дороге он заглядывался – то на чёрного толстого кота, который бежал рядом с мальчиком и прижимался к его правой коленке, то на Ленку и Маринку – девчонок-одноклассниц, которые летели впереди него, стуча каблучками по асфальтовой дорожке, то на блестящее солнышко, а то и... Валерушка так весело и громко чихнул, что кот, испугавшись непонятно откуда прогремевшего звонкого грома, исчез без следа во дворе дома № 103. Валерушка же жил напротив, в доме № 105 на четвёртом этаже.

Подходя к своему четвёртому подъезду, мальчик вдруг вспомнил, что из школы он несёт домой две тройки по русскому языку.

Солнышко сразу пропало куда-то.

Валерушка медленно-медленно вошёл в подъезд и черепашкой, считая ступеньки, стал подниматься на четвёртый этаж к квартире № 77, в которой он жил с мамой и папой.

«Что скажет мама? А папа?» – спрашивал себя мальчик и себе же отвечал, вздохнув глубоко: «Мама поругает, конечно. Папа... эх, накажет... Не видать мне мороженого!»

Вот и знакомая дверь в их квартиру. Мальчик постоял перед ней, переминаясь с ноги на ногу, и постучал в неё: до звонка он ещё не дотягивался.

Дверь открыла мама. Мама сразу всё поняла.

– Ну, что, Валерик, двойку получил?

– Нет, мамочка, две тройки по русскому...

– Всего-то и делов?! – вдруг солнышком улыбнулась мама и добавила: – Ничего, сынок, исправишь. Да?

– Да, мамочка, исправлю.

Потом Валерушка переоделся, аккуратно повесил свою школьную форму на вешалку в платяной шкаф, помыл руки и сел с мамой кушать борщ, который просто обожал, и, обратив своё солнечное, веснушчатое личико к маме, спросил её осторожно:

– Может, я не русский? А, мама?

Мама весело рассмеялась и совсем не страшно воскликнула:

– Какой же ты не русский?! Самый настоящий русский!

Вечером мальчик, сидя за письменным столом, сопя и прикусывая язычок, поглядывая на маму, медленно выписывал в своей школьной тетради буквы.

Ой, нелегко ему далась эта домашняя работа!

Только мама, пока он так старательно писал, улыбалась, как её беленький сынок, и полушёпотом всё время повторяла: «Не русский... Не русский...»

После всех выполненных нехитрых домашних дел Валерушка лёг в кровать и сразу же уснул. Мама поцеловала его в лобик, глазки и улыбающийся ротик и сказала шёпотом: «Солнышко моё любимое, спи. Завтра вставать».

Потом с работы пришёл папа. Мама всё ему рассказала, продолжая улыбаться. Папа выслушал маму, весело улыбнулся ей и прошептал:

– Русско-украинец.

–Украино-русский, – прошептала так же весело мама.

Света, или Простая история

Опять поссорились. Казалось, живём уже тысячу лет. И дети наши выросли. И внуки растут «не по дням, а по часам»...

Я же, обиженный, оскорблённый и побеждённый, уезжаю ранним августовским утром в Москву. Жена осталась дома, в Сергиевом Посаде.

Еду, убеждаю себя (и ещё кого-то), что я прав – она не права!

Проехал Хотьково. И вдруг вспомнил, как мы познакомились в троллейбусе номер 2. В холодном, снежном ноябре. В Кургане. Простая история – и сами собой, из души, как из родника, полились, зажурчали строки...

Простая история случилась со мной:

Влюбился в девчонку – хоть падай, хоть стой.

Меня познакомили с нею друзья,

Друг Коля и Оля... Закрою глаза:

В троллейбусе старом, маршрут номер два,

В кино, в ноябре, свела нас судьба.

«Какая малышка», – подумалось мне.

Как в «Вам и не снилось», – смотрели же все?

Она поглядела тогда на меня,

Влюбился я сразу в Светланы глаза.

Она улыбалась, как солнечный луч,

Меня ослепила, утратил я грусть.

*Мы фильм посмотрели в театре «Курган».
И автор – чилиец, и фильм – «Ягуар».
Запомнился фильм. Печальный финал.
В нём Векслер играл и брейк танцевал.
И после Светлану домой провожал,
На белой дороге нас снег обнимал.
На белой дороге её целовал,
Снег в небе кружился и плавно порхал.
И так в ноябре познакомились мы,
И снег обручил нас до ранней весны.
Простая история случилась со мной:
Влюбился в девчонку осенней порой.*

Проезжаю Софрино.

Сзади, чуть левее от машины, встаёт красное-красное солнце. В низинке рекой стелется туман. На дороге одна-две машины. Тишина.

Словно вчера мы познакомились. Как летит время! Говорила же мне бабушка... Слова продолжают литься освежающим водопадом...

*Простая история случилась со мной:
Влюбился в девчонку осенней порой.
Ноябрь, ноябрь морозом щипал.
Я сильно замёрз, но ей не сказал.
Ноябрь, ноябрь, я помню тебя,
Ты был холоднящим, колючим тогда.
И ветер порывы свои не сдержал,
Морозил он уши. Был словно январь.
Ноябрь, ноябрь, люблю я тебя.
За жгучий мороз, за иней, снега.
Ноябрь, ноябрь, спасибо тебе.
Но дальше пойду я. Рассказ о весне.
Простая история случилась со мной.
Влюбился в девчонку осенней порой.
Простая история случилась со мной,
Влюбился в девчонку – хоть падай, хоть стой.*

В гостях

Проснулся Валера рано. На улице было ещё темно. Проснулся он от тихого разговора мамы, бабушки и деда. Дедушка разжигал печь. Бабушка замешивала тесто. Мама звонко пошла за водой с ведрами на колонку.

– Тише ты, Таньша, разбудишь ещё сыночка, – только и прошептала бабушка.

– Да пусть уж просыпается, – зашептал в ответ дед Иван, закуривая свою папиросу.

Бабушка ещё что-то прошептала. Мальчик не услышал, что она прошептала. Хлопнула дверь. Это мама вышла в сенцы. Спустя мгновение на улице захрустел снег: хруп, хруп, хруп. Хлопнула дверца в воротах. Мама вышла на улицу. Валера услышал, как загудел огонь в печи. Огонь был рядом – вон за той побелённой стеной, перед которой, в метре от неё, и стояла кровать. На этой кровати ночью и спали мама и сын. Мама уже встала, а сыночек вот лежал, закутавшись в ватное одеяло. Ножки мальчика стали согреваться от зарождающегося тепла стены. Опять хлопнула дверца, захрустел снег – хруп, хруп, хруп, – хлопнула входная дверь. Мама вернулась с водой. Вёдра

она звонко поставила на табуреты, которые стояли слева от двери. Опять зашептала бабушка, ей в ответ прошептал дедушка, что-то и мама, их дочка, сказала-прошептала. Валера всё это слышал и – видел, видел без всякого «как будто». Не понарошку, а в самом деле. Так можно только в детстве. В пять лет. Столько лет было Валере.

Изба была небольшая: только две комнаты, сенцы, чулан да веранда с крыльцом, – вот и вся изба. Между комнатами висела занавеска, за которой и шептались бабушка, дедушка и мама. Валера всё это видел по порядку: вот – комната, где баба с дедой и мамой шепчутся; вот – сенцы, где стоит у стены большой старинный сундук, в котором Валера не знал, что было, но очень хотел узнать; вот слева – чулан, в котором ой как много всяких старинных вещей (не все ещё рассмотрел и изучил Валера вещи, только веретено да деревянные шкатулку и расчёску); справа – веранда, а вот и крыльцо. Какой воздух морозный! И снег похрустывает.

Теперь, как Валера вернулся в свою комнату, он вслушивался в шептальный разговор мамы и бабушки, бабы, как он называл бабушку Катю. От дедушки доносились только простые звуки: то «кхе», то «о-о-ох» и «и-ы-ы-ых». От шептального разговора и покашливания, и вздохов дедушки мальчику было хорошо. Хорошо было и спокойно. Детское сердечко билось тихо, отдаваясь в ухе. Валерушка просто заслушался и задремал.

Зашевелилась занавеска, скрипнул пол, чиркнула спичка, загорелась маленькая свечка, потом опять скрипнул пол, но уже подольше, и зажурчал, зашептал ручеёк. Валера приоткрыл глазки и увидел маму на коленочках. Она смотрит на Иисуса. Валерушка знал, что в имени Иисус надо говорить две буквы «и» и получится имя «И-и-сус». Этому его баба научила.

Мама разговаривала с Иисусом.

«Так можно?» – спросил себя Валера и ответил: – «Можно. Мама же разговаривает».

Он вспомнил, как встал на стул и взял с полочки икону Иисуса в руки и потом долго смотрел в Его добрые глаза, но пока не разговаривал с Ним. Ещё баба рассказывала, что Иисус Христос – наш Спаситель, наш Господь, наш Бог. Он каждый раз спасает людей от всего плохого, которое есть в людях. Валерушка пока этого не понимал, что же есть такого плохого у людей. У мамы? У бабы? У дедушки? Разве может быть что-то плохое у них, ведь они такие хорошие, добрые?

А мама что-то шептала-шептала, журчала ручейком. Валера, прислушавшись, ловил её слова-капли: «Господи», «прошу», «помоги», «Слава Тебе», «Отче наш». От этого слушания становилось так хорошо и спокойно, как может быть только здесь, у бабушки и дедушки в гостях. «Как хорошо, что мы с мамой приехали к бабе и деду с ночёвкой», – легко думалось Валере. Ещё он думал, что не будет просыпаться – ну, для мамы. Так он, конечно, проснулся, но для мамы не будет. Будет смотреть на неё и прислушиваться к её словам.

Мама шептала свои слова и смотрела на Спасителя. Лицо её, как зеркало, принимало свет Спасителя от Его доброго Лика. Так баба тоже научила Валеру: «У Спасителя не лицо, а Лик, Он Бог наш». – «Как хорошо это знать!» – думал мальчик, точно отвечая бабе.

Спаситель смотрит на мамочку своими добрыми-добрыми глазами и молчит. Только Валера вдруг понял, что Иисус не молчит: Он отвечает маме – отвечает глазами. В этих глазах столько тепла и любви, что мама, получая их от Спасителя, отдаёт Ему в ответ уже свою любовь и тепло. «И мне остаётся», – подумал он. Так же отвечает Валере баба, вспомнил он. Она обнимает его своими глазами. Вот и Спаситель обнимает маму и Валеру. Валера

это почувствовал всем своим тельцем, всем своим маленьким сердцем, которое радостно забилося.

Да, Валера теперь знал, что и глазами можно обнимать и даже крепче, чем руками. От такого объятия почему-то хочется плакать, – но не так, как Валера плакал, когда потерял свой первый мяч, который ему подарила мама, а так, как он плакал от радости, когда наконец в большом магазине нашёл маму, которую в нём и потерял.

– А-а, ты не спишь?

– Да, мама, не сплю.

– Ну, вставай, мой милый, пойдём завтракать.

– Хорошо, мамочка.

– А-а, там сынок встал! – уже баба заговорила.

– Давно пора, – точно бабе ответил дед.

Занавеска отодвинута, на столе в тарелке лежат любимые Валерой картофельные шанежки, в чашках дымится чай. Даже облизнулся и заторопился он:

– Баба! Деда! Мам! А я не спал! Я слышал, как ты, деда, печку разжигал, а ты, баба, тесто замешивала! Мам, как ты за водой ходила и как на коленочках с Богом И-и-сусом разговаривала я тоже слышал. Видел!

– Ах, ты такой молодец, сынок мой! – Это бабушка сказала.

– И-и-сус отвечал тебе, мама, да-да, отвечал! Глазами Он отвечал тебе и обнимал тебя и меня!

– Ах ты, золотой мой! – Это уже мама ответила.

Валера посмотрел в другую комнату, занавески ведь уже не было. И он увидел глаза Спасителя, добрые-добрые, ласковые-ласковые, и, как может быть только в детстве, Валера услышал и слова Его:

– Хорошо, Валерушка, хорошо, сынок мой.

После таких слов Валера и ел, как едят только в детстве, чтобы успеть ещё и двор почистить, и горку сделать. Так и сказал маме, бабе и деду:

– Поем и двор чистить пойду от снега! Хорошо, баба? И горку сделаю, мама! Деда, а ты мне поможешь?

– Помогу, сынок, помогу.

– Ешь, милый, ешь, – говорила мама и почему-то плакала, почти незаметно она плакала, только редкие её слезинки, поблёскивая светом Спасителя, выдавали маму, говорили Валере, что мама плакала.

– Ешь, сыночек мой, ешь, Валерушка. Поможет дед, поможет, – говорила баба, напевно, шёпотом.

– Ага, ага, сейчас поедем...

Валерушка уже чистил двор большой деревянной лопатой и строил с дедом горку, и тут без лопаты не обошлись. Всё это он видел без всякого «как будто», как можно видеть только в детстве.

Бог как моя бабушка

В прошлое воскресенье – восьмого марта, в Неделю Православия, в Пятиницком храме – а народу-то было! а детей-то было, мал мала меньше, в нашем храме, – как на Пасху! – отец Павел Великанов произнёс свою проповедь. В ней он много что сказал, но я почему-то запомнил ту её часть, в которой он рассказал о нашем отношении к Богу, какое оно и по каким законам выстраивается. Оказалось, что всё просто: мы относимся к Богу так, как к нам относятся (или относились) наши родители и близкие. То есть если родители нас любят и милуют, то и Бог для нас такой же – Любящий и Милующий. Если же родители наказывают и поучают нас, то и Бог для нас такой же – Наказывающий и Поучающий. И тут я задумался...

Для меня Бог – это Кто? Да, кто?..

Бабушка! Да, да. Для меня Бог – как моя бабушка! Он такой же, какой и была моя бабушка, – Милующий, Щедрый и Любящий.

И в связи с этим я вот что расскажу вам о моей бабушке – Екатерине Петровне Крохалёвой. О моей бабе Кате – так бабушку Катю называли все, кто приходил к ней или заходил. Она сидела на кровати, довязывала второй носок зятю Петру и поглаживала в оконце слева от себя. Все разбежались кто куда. Позавтракали – и нет их уже. Танюша и Валера ушли к Сорвиным, Нине и Леониду. У них и дома чище, и баню истопят, и с Володькой, четырёхлетним сыном Сорвиных и правнуком бабы Кати, поиграют. Всё веселее, – не то что с ней, с бабой Катей. «Что им со мной – в прятки играть, что ли?» – подумала. Она на них не обижалась. Как можно! Всё на себя примеривала и поэтому всё понимала. Да и завтра в воскресенье пообещали зайти перед тем, как уехать в свой Курган. «А мы – оставайся в своей Шумихе». Дед ушёл к Бастриковым, к дочке Шуре да зятю Анатолию, помочь им по хозяйству что-то там сделать. У Бастриковых тоже и чище, и баню истопят. Баба Катя грустно улыбнулась своим мыслям только одними глазами.

В этот раз баба Катя вязала носки Петру, мужу Танюши и отцу Валеры. Пётр работал строителем-монтажником в каком-то там СМУ. Что это за СМУ такое, баба Катя и не знала. «В такие-то крещенские морозы в самый раз. Не замёрзнет», – думала баба Катя, зная, что Пётр строит дома, работает всё на воздухе и редко забегает во всегда натопленную бытовку, чтобы согреться.

Была уже середина дня. День выдался солнечный, с искрящимся новым белым-белым снегом и с весело чирикающими маленькими воробьями. Баба Катя думала, вспоминала всё и всех. Она вспоминала радостное и горькое. И горького побольше было в их долгой супружеской жизни с Иваном. Только вот чудо: это горькое сейчас было какое-то не горькое, а радостное.

Пятнадцать лет было Кате, как родители Пётр и Анна Третьяковы выдали её замуж за Ивана Крохалёва. В далёком, 1924 году это было! Иван Крохалёв – восемнадцатилетний парень. Ах, какой видный жених был! И статный, и красивый, и богатый, да и работающий, хозяин, – уж есть в кого! В кого же? Понятно, в отца Симеона да деда Назара! Они такие же крепкие, разумные и православную веру сохраняют в своей большой семье. Да, их порода! И что это они решили взять её в свою семью Крохалёвых? Она же из семьи переселенцев, приехавшей ещё при царе Николае из голодной Вятки в сытое преддверие Сибири – Зауралье, в село Каменку, что рядышком с их теперь родной Шумихой. Семья была небогатая, да что там говорить: бедная семья, да ещё многодетная – мал мала меньше. Как горько шутила мама Анна: «Голяк на голяке – вот и семья наша». А правду если говорить, всякая переселенческая семья такой и была – бедной и многодетной. «Эх, мама-мама, и что это они вздумали меня в свою семью взять?» – спросила баба Катя тогда маму, и мама тогда же ответила ей, Катеньке: «Дак ты же, Катенька, у меня золотая! Золото нужно всем, и им тоже». – «Да, не то что сейчас. Старая я стала. Вот только носки вязать да половички ткать... моё дело», – грустно подумалось-ответилось ей сегодня.

Долгая жизнь пролетела перед ней в одно-единственное малюсенькое мгновение. И вот же – она радостно удивилась! – не помнила она себя без детей. Всех выживших их было двенадцать душ. Именно выживших, переживших и голодное детство, и вечную их нужду, и войну проклятую, и затянувшееся послевоенное время, и ещё многие и многие испытания-скорби, без которых ну никак не обойтись, – она это знала, как «Отче наш». Сейчас сколько их, детей, осталось? Баба Катя стала всех своих детей называть по старшинству, прощёптывать: «Нина – за хорошим мужем Иваном Двизовым, хозяйственным мужиком, припасливым. Как без этого? Валя. Витя Сы-

чѐв, муж её, на заводе работает, работающий он; Валя говорит, что в горячем цеху работает. В Кургане они. И Танюша в Кургане. Вот Шура – эта улыбчивая дочка, рядом с Двизовыми живёт, через поле. Анатолий Бастриков, муж её, добрый, словоохотливый, всегда расспросит, что да как. Мария. Что-то Дмитрий Никитин, муж её, запил, говорят. Вот горе-то Марии. Молодой же ещё. Ой, чтоб сама не запила... Танюша. Замуж выдали за Петра, украинца Антоненко, но уж на цыгана больно он похож: черноволосый, что смоль, и кучерявый, что барашек. Откуда он? Ага, с хутора Михайловского Сумской области. Завтра с сыночком обещали зайти. (Так она Валеру называла – «сыночек».) Коленька мой. На меня похож, вылитый я. Где, ты Коленька, в каких краях? Как тебя жизнь кидает-носит... Серёженька. Обещался зайти со своей женой Ниной. По соседству живут. Да тут, рядом. А скольких нет... Упокой, Господи, души усопших раб твоих Володеньки, Мишеньки, Анечки...» – всплакнула баба Катя. Стала внуков вспоминать. Валиных вспомнила, Игоря и Валеру. «Они постарше будут Валерушки. Давно они у меня не были. Остальные, окромя их да Валерушки, здесь живут, в Шумихе, часто заходят, помогают. Спаси их Господь». Особенно Надя с папой Серёжей часто заходят, добрая Наденька девчушка. Танюша с Валерой – Валерушкой, как она только и называла своего внука, – приезжают. То она с ним приедет, то редко все вместе, с Петром. То Валерушку привезёт и оставит, погостить, мол. «Смотри-ка, он же сопливит!» – «Да вот, мама, и лекарства». – «Какие лекарства! Чай с малиной да печка – выздоровеет».

Помнит баба Катя, как привезла Танюша сыночка. Ещё плохо ходит он, всё ползает. Вот ведь и уползёт куда, за печку схватится, а она горячая-прегорячая. Не дай Бог! Сделала ему постромки, как лошадке, пусть ползает – далеко не уползёт. Конец верёвки-то в руках её! Да, старая стала. «Ни на что не годная я», – опять подумала она, но не горько, а радостно. Не огорчилась баба Катя от мысли такой.

Сидит баба Катя и вспоминает. Взглянула в окно, и вот тебе раз – снег уже заметает! А она до этого подумала, что глаза устали, хотела было уже электрический свет включить.

Собака, гляди-ка, в конуру забилась, и не видно её. Тут залаяла, сначала нехотя, потом шибче, и морду уж показывает из конуры. Кто-то идёт. Кто же это?

«Дмитрий, что ль? Он».

Пронёсся быстрёхонько перед окнами, а их два, оконца-то, в комнате. Уж дверь срывает. Мороз шумно паром врывается. «Ах ты, погляди, весь в снегу». Баба Катя говорит ему:

– Здравствуй, Дима-зятёк, здравствуй. Бери веник-то, почисти одежду да валенки.

Схватил он веник молча – сейчас веник сломается, рассыплется. Веник тут справа у порога, у печки, всегда стоит. Молча вылетел, ворвался опять и поздоровался:

– Здравствуй, мать! Как оно живется тебе?

– Спасибо, жива и слава Богу. Где Марию оставил-то?

– В баню с девчонками пошли.

Две доченьки у них – Леночка, четырёх лет, и Танечка, трёх.

Дмитрий скинул-закинул верхнюю одежду свою на вешалку. Бухнулся тут на табурет за стол. Вполоборота к бабе Кате сидит-егозит, левым всё глазом зыркает на неё. Пока всё это он выкидывал-закидывал-бухался-егозил, баба Катя рассматривала его и думала: «Да, Дима, Дима, и высокий, и сильный. А лицом-то какой красивый: глаза зелёные-зелёные, нос прямой, вытянутый, казачий. Правда, губы всё в усмешке. Всё шутит. И руки свои большие

не знает, куда пристроить. Прямо ребёнок. Молодой какой! Вот только бы не пил...»

Дмитрий, пока ребёнком его зил на табурете, спросил:

– Налей, мать, а? С морозца я, а?

– Да где? – шутит баба Катя, улыбаясь. – Нету ещё.

– Ну налей, а? – не терпится ему.

Не стала тянуть баба Катя: зачем над человеком издеваться. Сказала:

– Ладно, налей сам. Вон там в буфете, под стеклом стоит, – И показала на старинный буфет-красавец из красного дерева. Буфет этот стоял напротив кровати перед вторым оконцем, и был единственным украшением этой комнаты, да и всей избы. – Только всё не пей: дед Иван придёт же.

– Ладно-ладно! – Тут же, вплеснув в рюмку, выпил.

«Ах, какой скорый на это дело!» – подумала она, а вслух сказала:

– Что там у тебя? Говорят, запил. С чего это?

– Кто это уже донёс? – с усмешкой гаркнул он зло. Так всё получалось у него: с усмешкой.

– Да вот, принесла сорока, тебя, Дима, не спросила.

– Знаю я эту сороку! – «Злостью покраснел как!»

– А ты знай не пей, Дима, – сказала баба Катя посерьёзнее, без шуток-прибауток, как он говорил в основном. – Эх, Димитрий, Димитрий, запил опять. И закуски не просишь. Вон там, достань суп в чугушке и налей, – указала баба Катя на духовой шкаф в левой нижней части печки, в котором всё так вот томилось – то суп, то молоко, то каша, то картошка. Всё, что не поставишь в него, потомившись, получается вкусно – «по-бабиному», так сродники говорят. – Ешь, ешь, до Великого поста ещё долго. Натомился суп-то?

– Да, спасибо. Уважила так уважила, – опять гаркнул Дмитрий и, обжигаясь, проглотил вторую-третью ложку супа и тут же, посмотри-ка, плеснул вторую рюмку горькой резво и резко.

– Не спешил бы ты, Дмитрий. Горькая – она и есть горькая, от неё не сладко получается – горько, – как с дитём говорила баба Катя. А он и есть дитё, только больное дитё, неразумное. А он уже тост выкрикивал:

– Горькая не горькая, а мне сладкая! За твоё здоровье, мать! – хлестнул, как плёткой, и проглотил вторую жадно и скоро.

Баба Катя зевнула, тут же рот перекрестила:

– Что это я позёвываю, день только!

– Да из-за погоды. Смотри-ка!

– Да, шибко замедает.

К бабе Кате так вот и приходят то сродники, то соседи, то приводят своих сродников и соседей. «И так каждый день, – баба Катя так и говорит каждый день. – Да пусть приходят: жалко, что ль?!» Кто поговорить приходит, кто – посидеть, погреться и послушать. И уходить не хотят. Так бы и сидели, и слушали, и грелись у бабы Кати. Хорошо у неё.

И Дмитрий – об этом же:

– Хорошо у тебя. Спокойно. Мирно. А у... То Машка, то девчонки кричат.

– И у тебя мирно будет, если пить не будешь. Ты сам посуди: какой мир, какой покой, если ты, Дмитрий, пьёшь! А Марии, думаешь, ндравится? А девчонкам твоим? Твои-и-и-им! Слышишь меня? Да и зачем нужен им пьяный папка, а?..

– Правильно ты говоришь, мать, да вот только... – Шутить хотел уж. Да баба Катя прервала его тут же:

– Что, не можешь остановиться? – спросила так, что он, успокоившись враз, увидел маму свою, которую уж как год схоронил в такие же январские морозы. И он – прислушался к ней.

– Бога побойся, Димитрий, и полюби Его. Он поможет, – сказала она, а сама смотрит на икону Спасителя, которая стоит в другой, смежной комнате, на полочке в левом верхнем углу. И ещё говорит баба Катя, только Ему говорит, за Димитрия: – Господи, Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас грешных. Раба Твоего Димитрия и рабу Твою Екатерину.

Димитрий враз почувствовал, что баба Катя с Ним говорит о нём, Димитрии. И он, как и она, перекрестился и замолчал.

Сидят они и молчат. Баба Катя смотрит на Спасителя с мольбой и любовью, Димитрий – на бабу Катю... так же.

Так молча просидели они долго, хотя им показалось, что одну секунду, не более. После Димитрий сразу засобирался домой, шутить уже не шутил, и понятно, что ухмылки этой, насмешливой и злой, не было на его лице, а была улыбка – тихая, сосредоточенная и стыдливая.

Уходя, Димитрий сам пообещал бабе Кате не пить. «Сам пообещал, и слава Богу», – подумала баба Катя с этой улыбкой и ещё раз сказала, уже вслух, сама этого не понимая:

– Слава Богу, слава, Богу, – И перекрестилась, глядя на Спасителя.

Димитрий ушёл тихо и медленно, не так, как он ураганом внёсся в избу, аж стены задрожали.

После Димитрия баба Катя заметила, что за окном метель успокоилась, опять светит солнце, только оно своим светом заливает уже всё-всё вокруг, в лицо бабы Кати светит и на Лик Спасителя – везде-всюду сейчас было солнце.

А тут опять-таки кто-то входит во двор. «Да это Любушка!» – радостно улыбается баба Катя и внимательно смотрит, как Люба проплывает мимо окон, тоже улыбается ей и рукой в варежке машет. Любушка, внучка бабы Кати, дочка Нины и Ивана Двизовых, уже взросленькая, восемнадцать лет ей.

– Ну, иди, Любушка, иди, радость моя!

Любушка с порога также улыбается:

– Здравствуй, баушка! – Так у неё получается не нарочно – «баушка».

– Здравствуй, моя радость, здравствуй! Раздевайся, садись, рассказывай, что там мама Нина делает да папа Иван?

Присевши на место, где только что егзил её дядя Димитрий, вглядывается в баушку Катю, улыбается ей, солнышком светит. Всё рассказывает, и всякая «л» у неё особенно получается, звучит так, выделяется. Так получается только у Любушки Двизовой. У неё одной...

...и теперь вот и вы понимаете, почему для меня Бог – это как моя бабушка Катя.

**Ага
Владимир Ильич**

Краевед. Родился в Кургане 26 февраля 1951 г. Окончил Курганский машиностроительный институт. Работал на Савеловском машиностроительном заводе (г. Кимры Калининской области) инженером-наладчиком, мастером. По возвращении в Курган в 1977 г. работал на «Дормаше», Курганмашзаводе, Варгашинском заводе противопожарного оборудования. После выхода на пенсию увлёкся историко-краеведческими изысканиями. Первый опубликованный материал появился в 2019 г. в газете «Курган и курганцы».

В настоящее время вышло несколько статей Владимира Ильича, посвящённых истории родного города.

Владимир АГА

Письмо к матери, или О датах жизни декабриста Ф. Башмакова

«Тара апреля 24 числа

Маминька, письмо ваше от 14 марта я получил апреля 20 числа, за что вас маминька благодарю и целую ваши ручки, – что делать хотя и скорблю душевно о вашем положении, но помочь нечем, кроме бога на нево одна надежда!

О себе я также как прежде к вам писал ничего сказать не могу, кроме как только славу богу ещё здоров, я желаю чтоб меня перевели в Курган Тобольской губернии, это на самой границе Сибири, и там много знакомых мне поселено из государственных преступников. Это вот как можно сделать, писать в Петербург и через сестру просить Варвару Аркадьевну, чтоб она просила Бекендорфа, он человек доброй, и всеми нами в Сибири заведует и делает для нас много добра, больше нечего описывать.

Прошу вашего благословения и целую ваши ручки остаюсь любящий вас сын Флегонт Башмаков.»

(ГА РФ. Ф.109. Оп.1. 1-я эксп.1826 г.
Д.61 Ч.139. Л.6)

Перед нами письмо декабриста Флегонта Мироновича Башмакова, разжалованного в рядовые полковника артиллерии, попавшего в сибирскую ссылку в связи с мятежом Черниговского пехотного полка. Письмо трогательное и деловое одновременно. Через Тару, в которой Башмаков жил с 1828 г., проходил

Московско-Сибирский тракт, единственная дорога в то время, соединявшая Восточную Сибирь с внутренними российскими губерниями. Все первые курганские декабристы: А. Розен, М. Назимов, В. Лихарев, И. Фохт, М. Нарышкин, Н. Лорер, А. Бригген, которым был назначен для дальнейшего проживания Курган, проехали через Тару с 1830 по 1836 г. Андрей Розен в «Записках декабриста» упоминает встречу с Башмаковым в Таре в августе 1832 г., при возвращении с каторги.

Судя по письму, сестра Башмакова была близка с Варварой Аркадьевной, невесткой Флегонта Мироновича, женой его двоюродного брата, Александра Евлампиевича Башмакова, от которого у неё было шестеро детей. Действительно, княгиня Варвара Аркадьевна, внучка генералиссимуса А. В. Суворова, могла помочь, обратившись к своему младшему брату, Александру Аркадьевичу, с 1828 г. флигель-адъютанту Николая I, успешно продвигавшемуся по службе.

(так как Башмаков был осуждён на сибирскую ссылку военным судом, все бумаги по нему докладывались государю через военного министра).

Так, благодаря хлопотам матери, Флегонт Миронович появился в Кургане. Человек оригинальной судьбы, переживший и взлёты, и падения. Точной даты переезда Башмакова в Курган не установлено, известно, что ещё в сентябре 1839 г. он находился в Таре. Видимо, переселение состоялось либо в конце 1839 г., либо в начале 1840-го. К помощи Александра Аркадьевича в ходатайствах перед центральной властью Башмаков в дальнейшем обращался не раз. Внук Суворова знал, что Флегонт Миронович воевал под началом его «воинственного» деда в Итальянском походе 1799 г. С этого похода началась его боевая биография. Он отличился в сражении при осаде и взятии крепости Мантуя и упомянут в победной реляции Суворова императору Павлу I о занятии этой крепости.

Мантуя была не последней крепостью на его счету. В январе 1804 г. батарея подпоручика Флегонта Башмакова участвовала в штурме и взятии крепости Гянджа (в Закавказье, под командованием князя П. Д. Цицианова), причём находилась на направлении главного удара. За это сражение он получил свой первый орден Святой Анны 3-го класса. Во время русско-шведской войны, уже штабс-капитан Башмаков с февраля по апрель 1808 г. в сражении на подвижных батареях при осаде крепости Свеаборг. За взятие крепости удостоен ордена Святого Владимира IV степени с бантом.

Закончив наполеоновские войны полковником, удостоенный нескольких российских и иностранных наград, в том числе Золотой шпаги и ордена Святой Анны 2-го класса за Бородинское сражение, Флегонт Башмаков потерпел жесточайшее фиаско. Будучи командиром 33-й батарейной роты, за растрату казённых и артельных сумм был подвергнут военному суду, лишён чинов, орденов и разжалован в рядовые впредь до выслуги. Военно-судное дело, начатое в мае 1818 г., тянулось больше года и было подтверждено главным командующим 1-й армии только в феврале 1820 г. С подробностями этой истории можно ознакомиться в статье автора (газета «Курган и курганцы» № 116 от 17 октября 2024 г.). Башмаков был определён в рядовые Черниговского пехотного полка. С марта 1823 г. проживал в квартире своего батальонного командира С. И. Муравьёва-Апостола в г. Василькове.

Как известно, внезапная смерть императора Александра I в Таганроге, наступившая 19 ноября 1825 года, привела к периоду междоусобицы. Участники Северного тайного общества воспользовались ситуацией и сделали попытку не допустить к власти великого князя Николая, выведя мятежные батальоны на Сенатскую площадь в Петербурге. Восстание было подавлено картечным расстрелом, но гипотетическая возможность успеха, как считают некоторые историки, была. 14 декабря на Сенатской площади Николая Павловича могли просто убить. На юге в декабре 1825 года не было никаких предпосылок к возмущению армии. Сначала спокойно присягнули Константину, а 27 декабря присягнули Николаю.

Мятеж Черниговского полка (29.12.1825 – 3.1.1826), который поднял Сергей Муравьёв вынужденно, после освобождения из-под ареста в м. Трилеса преданными ему офицерами, был обречён на разгром. Непонятное движение мятежного полка от деревни к деревне, описавшее своеобразную восьмёрку, до сих пор вызывает вопросы у историков. Всё закончилось также картечным расстрелом. Флегонт Башмаков, понимая, какую авантюру затеял Сергей Муравьёв, уклонился от выступления полка. Он, как разжалованный в рядовые до выслуги, мог надеяться на перемену своей участи, на милосердие нового императора, но был арестован 5 января 1826 г. по подозрению на участие в мятеже.

Основное обвинение, которое ему предъявили в ходе следствия, заключалось в том, что, проживая почти три года под одной крышей с Муравьевым, он не мог не знать о тайном обществе и планах заговорщиков. Собственно, Сергей Муравьев в своих показаниях следственному комитету и «заложи» Башмакова одной фразой: *«Разжалованный из полковников Башмаков не принадлежал Обществу, существование коего я ему никогда не открывал, но, живя со мною, он мог догадываться кое о чём»*. Если догадывался – значит, знал; если знал, то почему не донёс? Башмаков не признал своей вины, но был осуждён военным судом при 1-й армии и приговорён к лишению дворянского достоинства, исключению из воинского звания и ссылке в Сибирь на поселение навечно. Был сослан в Западную Сибирь и поселен в августе 1828 г. в Рыбинской волости Тарского округа Тобольской губернии. Через несколько месяцев по его просьбе был переведён в г. Тару.

Исходя из материалов следствия при 1-й армии по обвинению Башмакова в участии в тайном обществе, его поселили в Таре в 50-летнем возрасте. То есть дата его рождения – 1778 год. Однако, из статьи о Башмакове в биографическом справочнике «Декабристы» (изд. в 1988 г. под ред. академика М. В. Нечкиной) следует, что дата его рождения – 1774 год. Эта дата, как пишут составители в послесловии (стр. 388), взята с надписи на чугунной плите, установленной на могиле Башмакова на Завальном кладбище в г. Тобольске. Но эта плита появилась только в 1965 г., взамен первоначально установленной в 1860-м. Тобольский историк-краевед М. П. Копотиллов в 1925 г. в книжке «Декабристы в Тобольском крае» писал: *«Зимой 1925 г. чугунная плита с его могилы была похищена и все розыски её успехом не увенчались»*. На украденной плите в эпитафии указана только дата смерти Башмакова – 21 сентября 1959. Текст эпитафии приведён в сочинении А. И. Дмитриева-Мамонова «Декабристы в Западной Сибири», 1895 г., стр. 56.

Единственным абсолютно достоверным источником о дате рождения являются записи в церковных метрических книгах. К сожалению, в Ульяновском областном архиве хранятся церковные метрические книги по Симбирской губернии только начиная с 1825 г. (Башмаков был из симбирских дворян). Остаётся обратиться к документам, которые могут дать косвенный ответ о дате его рождения.

Первый документ – из формулярного списка, составленного 6 сентября 1826 г., из «Судного дела № 84, 1-й армии, Черниговского пехотного полка о рядовом, разжалованном из полковников артиллерии Башмакове, обвиняемом в соучастии в тайном обществе». В нём указано: *«Флегонт Миронов сын Башмаков; отроду лет 48; лицом полноват, волосы светло-русые, глаза серые, нос средний; из российских дворян Симбирской губернии»* (РГВИА.Ф.16231.Оп.1. Д.872. Л.11об.).

Второй документ – из протокола допроса Башмакова Ф. М. от 25 января 1827 г. из того же судного дела. В протоколе указано: *«48 лет, веры греко-российской, из дворян Симбирской губернии, имения за собой не имеет.»* (РГВИА, там же, л.21.). Протокол подписан Башмаковым.

Третий документ – Рапорт Императору Николаю I генерал-фельдмаршала графа Сакена (командующего 1-й армией) от 31 июля 1827 г. из г. Могилева. Из рапорта: *«...я подтверждал сообразно государственным узаконениям, лишив его, Башмакова, дворянского достоинства и выключив из воинского звания, по немолодым летам, коих он имеет 49-ть, сослать вечно в Сибирь на поселение...»*. (Серия «Восстание декабристов», т. VI, стр. 314). Анализ этих документов, из которых протокол допроса – самый важный, т. к. подписан самим Башмаковым, свидетельствует, что дата его рождения – **1778 год**, первое полугодие.

Число лет Башмакова упоминается и в ранних его послужных списках. Например, в послужном списке за 1810 год из архива Музея артиллерии в Петербурге указано, что Башмакову 33 года. То есть датой его рождения может быть 1777 год. Документ хранится в сборном архивном деле в ряду прочих послужных списков офицеров 17-й артиллерийской бригады, испрошенных за вторую половину 1810 г. (Ф.3.Оп.ШГФ.Д.5646. Лл.487об. – 488.) Дата составления дела – 1 января 1811 г.

Другой его послужной список, составленный 18 июня 1818 г., входит в военно-судное дело о разжаловании Башмакова из полковников артиллерии в рядовые. В графе «Сколько отроду лет» стоит число «39» (РГВИА.Ф. 16231.Оп.1. Д.255. Л.56об.). То есть датой его рождения может быть 1779 год. Эти даты имеют отклонения на один год в ту или другую сторону от 1778 г., что можно объяснить огрехами в ведении делопроизводства в то время. Косвенным признаком того, что Башмаков родился в 1778 г. является время принятия его на военную службу – 28 ноября 1794 г., в возрасте 16 лет, что являлось обычным для дворянских детей того времени.

Но после поселения в Сибири, где Башмакова никто не знал, он стал считаться старше на несколько лет. Начало этому положило уже упомянутое прошение престарелой матери Башмакова о переселении её сына из Тары в Курган. Из прошения: *«...где находится и поныне, в ужаснейшей нищете, не имея ни малейшего средства в пропитании себя, 67-летний старец – изгнанник!...»*. То есть родная мать состарила сына почти на 7 лет.

В 1845 г., когда Башмаков узнал, уже проживая в Кургане, что царское пособие увеличивается вдвое, он обратился к генерал-губернатору Западной Сибири князю П. Д. Горчакову: *«Крайне бедное положение и неминуемый, при преклонных летах (мне 73 года) упадок здоровья побуждают меня прибегнуть к вашему сиятельству с покорнейшею просьбою...включить меня в число тех лиц, которые... имеют право на получение до 400 руб. ассигнациями вспомоществования...»* (А. И. Дмитриев-Мамонов, там же, стр. 54). Тут он прибавил себе шесть лет.

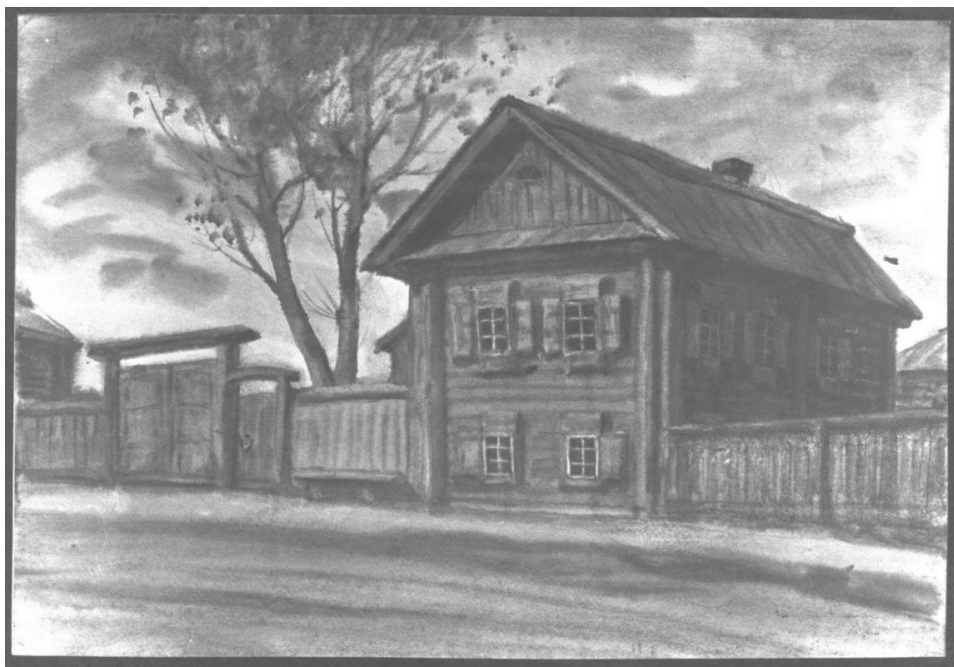
В декабре 1852 г. Башмаков обратился к шефу жандармов – графу А. Ф. Орлову – с просьбой о переводе из Кургана в Тобольск: *«Семидесяти-восьмилетняя старость, а с нею вместе и неизбежные недуги, которым не нахожу пособия и облегчения в г. Кургане, месте моего пребывания, дают мне смелость беспокоить Ваше Сиятельство моею покорнейшею просьбою об исходатайствовании мне Высочайшего разрешения переместиться на жительство в гор. Тобольск...»*. В этом документе (ГА РФ, там же, л.16) Башмаков прибавил себе четыре года и датой его рождения стал 1774 год. Прошение составлял писарь, а Башмаков его только подписал. Разрешение он получил и переселился в Тобольск 5 марта 1853 г.

Но, видимо, жизнь в Тобольске у Башмакова не заладилась, и он собрался в Россию. 17 августа 1853 г. князь Александр Аркадьевич Суворов обращается к графу Орлову с просьбой о ходатайстве перед императором «на возвращение Башмакова во внутренние губернии России». Он пишет: *«Имевший несчастье сделаться Государственным преступником, – бывший Полковник Артиллерии, – Флегонт Башмаков, будучи 78 лет, не имея ничего для своего существования в Тобольске, желает, хотя остаток дней своих, провести на родине. Башмаков – двоюродный брат покойного первого мужа старшей сестры моей...»*. Это обращение говорит нам, что инициатива на возвращение в центральную Россию исходила от Башмакова, а также о том, что он продолжил считать себя старше на 4 года, чем нами было установлено ранее.

Уже 4 сентября Высочайшее разрешение было получено, но, пока в высших инстанциях решался вопрос, куда переселить Башмакова, разразилась

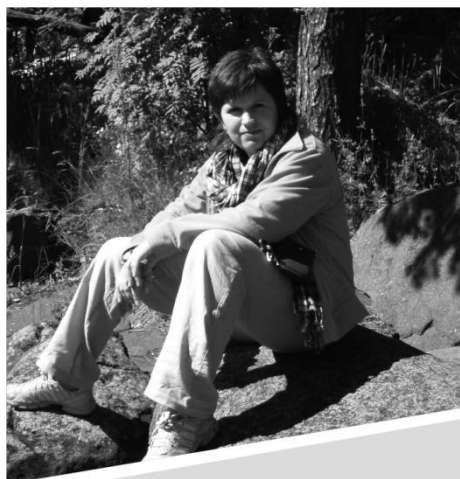
Восточная война (1853–1856). В конце 1853 г. Россия начала военные действия против Турции на Дунае и на Кавказе. Флегонт Миронович решил идти на войну и снова ходатаем становится князь Суворов. Из обращения министра внутренних дел к графу Орлову от 19 февраля 1854 г.: «...Ныне Генерал-Адъютант Князь Суворов уведомляет, что Башмаков почёл бы себя счастливым, как он сам пишет, если бы Государь Император дозволил ему умереть в рядах верного Его Императорского Величества воинства, а потому Князь Суворов просит исходатайствовать Всемиловитвейшее соизволение Государя Императора на вступление Башмакову в службу в один из полков, действующих против Турок или расположенных на Кавказе...». Орлов обратился к военному министру, тот – к императору. Военный министр князь Долгоруков пишет 28 февраля 1854 г. графу Орлову: «...Государь Император, имея в виду преклонную старость Флегонта Башмакова, которому в настоящее время более 78 лет от роду, Высочайше соизволил признать неудобным обращать его на службу в ряды войск...».

Получается, что Башмакову 78 лет в 1852 г., а также в 1853 и в 1854. Подобное продолжалось и далее, а точку поставил некий «Z», знакомый Башмакова по Тобольску в некрологе («Московские ведомости», 1860, № 46): «21-го сентября 1859 г. скончался в Тобольске, на 86 году от роду, Флегонт Миронович Башмаков, бывший некогда полковником артиллерии...». То есть 1774 г., как дата его рождения, остался как в памяти людей, знавших Башмакова в Тобольске, так и в документах, появившихся в годы его проживания там. Думается, что даты жизни Флегонта Мироновича при заказе новой могильной плиты были определены на основании доступных тобольским специалистам-историкам в 60-е годы прошлого века этих и им подобных материалов. С какой целью Башмаков прибавил себе 4 года? Возможно, хотел показать себя более несчастным и беспомощным, вызвать сочувствие власть предержащих к своей горькой судьбе, ибо жил он все годы сибирской ссылки в крайней нужде.

Дом на ул. Дворянской в Кургане, во флигеле усадьбы которого с 1845 г. жил Ф. М. Башмаков. В настоящее время на месте этого дома по ул. Советской находится гостиница «Дворянская». Фото из фонда Б. Н. Карсонова. ГАКО. Ф.Р-2380. Оп.4. Д.140. Л.62.

КОРАБЛИК ДЕТСТВА

**Жарова
Анна Сергеевна**

Выпускница Курганского государственного университета, кандидат исторических наук. Является автором более 40 научных публикаций. Автор серии книг «Детям о Кургане».

Анна ЖАРОВА

Курган во время Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны Курган был тыловым городом. Здесь не разрывались снаряды, не свистели пули. В Южное Зауралье приезжали люди, стремившиеся уехать из областей, куда входила немецкая армия. Всего в нашу область приехало 150 тысяч человек. Из них 20 тысяч стали жить в городе Кургане. Домов для вновь прибывших не хватало. Поэтому этих людей стали селить в квартиры и дома курганцев. Случалось, что в одной квартире проживало 3 семьи.

В Южное Зауралье привозят заводы. 22 промышленных предприятий по железной дороге привезли в область. 15 из этих заводов были расположены в городе Кургане. На этих заводах делали мины и миномёты, гранаты, сапёрные лопатки, моторы для военных автомобилей. Очень часто работать на заводы приходили под-

ростки 12–15 лет.

Здесь также находились госпитали – больницы для раненых. 17 госпиталей было в Курганской области, 5 из них – в городе Кургане. Госпиталям часто отдавались здания школ. В Шадринске в 1941 году были открыты 2 госпиталя, которым передали здания педагогического института, школы № 10 и детского сада № 6.

...Пронзительный гудок паровоза нарушил рассветную тишину. Как рано! Маша сонно потёрла кулачками глаза. Будильник ещё не прозвенел, но мамы и старшей сестры Оли уже нет дома. Маша посмотрела на часы. Скоро вставать. Занятия в школе начнутся в 7 утра. Умывшись, девочка тщательно подмела комнату, вытерла пыль. На столе стояла фотография, сделанная ещё до войны, а на ней – мама, папа, Оля и она.

22 июня 1941 года Маша запомнила навсегда. На кухне плакала мама, и на вопрос младшей дочки сказала только одно слово: «Война!». А через два дня папа уехал на фронт.

В город стали приезжать люди из областей, занятых немцами. Теперь они жили в одной комнате: мама, Оля и Маша. В другую комнату приехали близнецы Миша и Паша со своей мамой Лизой из Ленинграда.

Сделав все домашние дела, девочка поспешила на уроки. Её новая школа стояла далеко от дома, поэтому Маша выходила пораньше и шла пешком через полгорода. Раньше она училась в школе № 28²⁰. Но когда началась война, здание отдали госпиталю. Теперь там лечили раненых. Школ не хватало, и ребята учились в три смены.

²⁰ Школа №28 находится в Кургане и сейчас. Но это уже другое здание, построенное после войны. Старое здание школы стояло недалеко от железнодорожного вокзала.

Как и многие дети, Маша уже давно не видела настоящих тетрадей. Старшая сестра сделала для неё тетради из старых газет. Чернила из сажи оставляли неряшливые разводы. Да и учебников на всех не хватало. И Маша старалась делать уроки в школе. Но сегодня надо было торопиться. Соседка сказала, что в магазин привезли продукты, в том числе сахар и масло. Наскоро сделав арифметику, девочка побежала к магазину. Только бы успеть. Продуктовые карточки выдавали раз в месяц на каждую семью. Продукты стоили дорого, и без карточек маленькая семья прожить не могла.

Как всегда, у магазина длинная очередь. А ведь надо ещё успеть отнести всё домой и зайти к Зине. Девочки 2-го класса, в котором училась Маша, решили подготовить концерт для раненых. И сегодня дома у Машиной одноклассницы Зины должна состояться репетиция. А тут такая очередь. Но что поделать? Мама и Оля работают на заводе. Выходных нет. Домашнее хозяйство вела 8-летняя Маша. Если она не получит продукты, то всю неделю просто нечего будет есть. Потянулось долгое время стояния в очереди. Наконец девочка подошла к прилавку.

– Вот, – Маша протянула заветные карточки. – Мне, пожалуйста, хлеба по всем трём карточкам и макароны за месяц. И если есть – масло, мясо и сахар.

Продавщица осторожно опустила в сумку Маши буханку с четвертью чёрного хлеба. Это всё, что полагалось им троим на день. Сегодня Маше повезло. Удалось выкупить месячную норму мяса – целый килограмм, килограмм сахара и даже маленький кусочек сливочного масла.

Когда девочка пришла из школы, на ступеньках возле квартиры сидел молодой солдат. Он кого-то ждал, положив на лестницу костыли. Чтобы скоротать время, играл на губной гармошке.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась девочка, проходя мимо.

– Здравствуй. А ты, случайно, не Маша Андреева?

– Да, Маша.

– А я привёз вам письмо от папы.

– Ой, спасибо! – Девочка схватила заветный треугольник письма. – Может, вы пройдёте к нам в гости? – добавила она, вспомнив о вежливости.

– Спасибо, барышня. Но я и так долго ждал. Теперь мне надо торопиться на вокзал. Через полтора часа отходит мой поезд. А я на костылях... В вещевом мешке – подарки от папы.

– А где папа? Вы вместе воевали? – девочка схватила солдата за руку.

– Твой папа в госпитале. Но не переживай, он легко ранен. Он настоящий герой. Я обязан ему жизнью.

– Ой, спасибо Вам! Большое спасибо! – Маша не знала, что сказать.

Солдат подтянулся, держась за перила. Пока девочка старалась подобрать слова, он уже попрощался и, опираясь на костыли, вышел.

В вещмешке оказались четыре банки тушёнки и сгущёнки, печенье и целых две плитки шоколада. Но самое главное – это, конечно, письмо. Письма папы в семье читали все вместе.

Навстречу девочке выкатились близняшки Миша и Паша.

– Маша! Как хорошо, что ты пришла! Поиграешь с нами?

– Сегодня – нет. Я получила посылку и письмо от папы. И мне надо на репетицию, – хотя мальчишкам было по 5 лет, Маша чувствовала себя намного старше.

– Мы есть хотим, – захныкал Миша, – мама всё не идёт...

– Ладно, подождите.

Маша посмотрела на часы. Почти четыре. Что ж, она успеет покормить братишек и не опоздает на репетицию. В каждую тарелку девочка положила по картошке и куску хлеба. Налила чай из смородиновых и малиновых листьев. Настоящий чёрный чай они не пили очень давно. Потом девочка подумала и добавила по небольшому кусочку шоколада. Не удержалась и кусочек съела сама. Как вкусно!.. В последний раз шоколад они с Олей ели перед войной, два года назад.

Еды не очень много. Маша хорошо помнила, как, приехав год назад, мальчишки ревели, когда тётя Лиза уходила из дома, и прятали хлеб. А потом целый день, смакуя, по кусочку ели его. И слышала разговоры мамы и тёти Лизы о том, что в Ленинграде им давали в день по крошечному кусочку хлеба. А потом Мишка шёпотом сказал, что он очень боится – вдруг мама уйдёт на работу, упадёт и умрёт...

– Так многие умирали, – тихо произнёс мальчик. – Лежали прямо на улице...

Машина мама их жалела, иногда приносила картошку или капусту, которые удавалось достать в деревне. Маша знала, что им непросто, как говорила мама, «сводить концы с концами». Тётя Лиза учила детей в музыкальной школе и получала меньше продуктов, чем те, кто работал на военном заводе. В день полагалось 600 граммов хлеба. А по детским карточкам можно было получить всего 300–400 граммов. Вместо сахара им полагалась карамель. Меньше они получали макарон и крупы.

– Ну вот, ешьте, – Маша поставила две тарелки на стол в комнате соседей.

– Шоколадка!!! – Радости малышей не было предела.

– Не забудьте помыть посуду. И ведите себя хорошо, – не удержалась от наставления девочка.

Зина жила недалеко от завода № 707, где работали мама и Оля²¹. Мама делала для фронта миномёты, а Оля – мины. Оля рассказывала, что станок для неё оказался очень высоким, и один из мастеров сделал ей специальный ящик. Она работала, стоя на этом ящике, по 12 часов каждый день. Маша тоже хотела пойти на завод, но мама запретила. Даже старшей, 13-летней Оле, тяжело работать. Рабочая неделя длилась 7 дней, а отпуск на военном заводе не полагался. Сестре даже пришлось бросить школу. Уходят они с мамой ни свет ни заря и возвращаются поздно вечером.

После ужина радостная мама развернула папино письмо: *«Здравствуйте, моя дорогая семья. Шлю вам свой горячий привет и желаю быть здоровыми. Благодарю вас за ваши письма, которые получаю от вас часто. Я жив, здоров...»*. А дальше папа писал, что был ранен, но они не должны волноваться. Ранение лёгкое, скоро его выпишут. И он снова будет сражаться с врагом. Его наградили медалью «За отвагу». Медаль и благодарности от командования папа выслал вместе с продуктовой посылкой. Просил написать, как они живут, как учится Маша.

– А давайте завтра напишем папе наше общее письмо, – предложила Оля. – Сперва напишет мама, а потом – мы с Машей. Каждый напишет от себя. И папе будет приятно.

– Это целый роман получится, – засмеялась мама.

²¹ Завод № 707 жители города Кургана знают как Кургансельмаш. В июле 1941 года в Курган по железной дороге привезли станки завода из украинского города Гомель. Через месяц завод, получивший номер 707, выпустил первую продукцию: мины и миномёты. После войны завод получил новое имя «Уралсельмаш», позднее «Кургансельмаш». Сегодня завод стоит на том же месте, что и в годы войны.

На следующий день ученицы второго класса выступали перед ранеными солдатами. Перед концертом учительница собрала всех девочек.

– Девчата, время сейчас тяжёлое, идёт война. Я знаю, что вы давно не ели ни белого хлеба, ни конфет. Но у раненых брать ничего нельзя, даже если они сами вам предложат.

И вот кругом белые стены. На кроватях и принесённых стульях лежат и сидят солдаты. В воздухе терпкий запах лекарств.

Девочки пели песни «Катюша», «Синий платочек»; танцевали, читали стихи. Им аплодировали. После концерта подружки Маша и Зина отстали от одноклассниц и подошли к врачу.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровалась Маша. – Вы здесь самый главный? Возьмите нас работать в госпиталь. А то на завод не берут, говорят, что ещё маленькие.

– Я не начальник госпиталя, то есть не самый главный, – серьёзно посмотрел на девочек пожилой врач. – И вы действительно ещё маленькие. Вы же не сможете поднять лежачего больного. Силёнок не хватит. Впрочем, – добавил он, глядя на огорчённые лица девочек, – работа в госпитале для всех найдётся. Приходите завтра после школы. Будете писать письма под диктовку солдат. У нас есть такие раненые, у которых повреждены глаза или руки. А ещё будете помогать медсёстрам сворачивать бинты и раскладывать лекарства.

Ночью Маша долго не могла заснуть. Завтра она пойдёт работать в госпиталь – почти как взрослая. Сегодня по радио объявили, что наша армия разбила фашистов в районе Курска. Скоро папа и его друзья-солдаты разобьют всю немецкую армию и приедут домой.

Жизнь в деревне во время войны

Рабочим на заводах, солдатам на фронте нужен был хлеб. Пшеницу, картошку, капусту и другие овощи для армии и жителей городов выращивали крестьяне. Почти весь урожай сдавали государству, оставляя себе на еду и семена совсем немного.

Антошка устало вытер лицо. Скоро приедет дед Трофим на старенькой лошадёнке. Привезёт воду, горючее для тракторов. С ним должен быть председатель колхоза Иван Митрофанович. Пахота и сев весной 1943 года были тяжёлыми. Всю первую половину мая шли дожди, и почти не было солнечных дней. Но распахать землю под хлеб было необходимо. И Антон с огромным трудом, увязая босыми ногами в земле, старался сдвинуть с места коров, запряжённых в плуг. С началом войны работать в деревне было всё тяжелее и тяжелее. На фронт ушли многие мужчины, в том числе и отец Антошки. А потом забрали часть тракторов и лошадей. Вот и вывели в поле коров.

– Маета одна – этот агрегат «Му-2», – горько говорил о коровах председатель. – То разбегаются коровёнки во все стороны, а то с места их не сдвинешь... Корова молоко должна давать, а не пахать.

Мальчик, как и многие деревенские ребята, стал учиться пахать на тракторе. Они сеяли, пропалывали, собирали щавель, грибы и ягоды, заготавливали сено для лошадей и коров. Школу пришлось бросить. В деревне школа была четырёхклассная. Её Антошка окончил, а ходить в соседнее село, чтобы учиться дальше, было тяжело. Идти туда пять километров зимой по морозу в рваной шубе мальчик просто не мог.

Сейчас Антошка, его сменщица Соня и другие ребята распахивали дальнее поле. В свои 12 лет мальчик трудился на равных со взрослыми.

Сегодня им пришлось работать ночью. Антошка шёл впереди, освещая дорогу для трактора. Потом он всё-таки поспал четыре или пять часов. А Соня провела ночь без сна. Разбиралась с мотором, где что-то подозрительно стучало. Уставшая 20-летняя девушка спала. Антон продолжал пахать.

– Заканчивай работу! – Мальчик и не заметил, как появился Иван Митрофанович. – Иди обедать.

Пока председатель обходил поля, ребята собрались в тени деревьев. Булькала на костре уха. Антон, отдыхая, медленно хлебал горячий суп. Каждому досталось всего по рыбке, да и уха была жидкая. Мать выслала с дедом лепёшки из картофельных очистков. Почти весь урожай сдавали для армии. И к весне во многих семьях картошки, муки и других припасов осталось мало. Вот и вчера мать приготовила суп, а из сваренных картофельных очистков настряпала лепёшек. В муку стали добавлять полынь, измельчённую кору. Антон уже и не помнил вкуса пышного белого хлеба.

Мальчик вспомнил, как прошлым летом мать отправили на работы в другой колхоз. А через несколько дней и деда Трофима – рубить лес. Четверо детей остались совсем одни. Самому старшему – Антону – 11 лет, а младшей Тасе всего 4 годика. Через два месяца продукты закончились, а мама с дедом не возвращались. Мальчик совсем отчаялся. Работать мог только он. Но денег за работу не платили. Обещали дать мешок картошки и муки. Но дадут осенью, а кушать надо сейчас. Молока тоже не было. Когда кормилицу-корову вывели в поле, она перестала давать молоко. Младшие ходили на берег реки за щавелем, собирали ягоды. Но травой сыт не будешь. Хотелось хлеба, молока...

Дома плакали голодные сестрёнки и братишка. Не было никаких известий от мамы или деда. Ничего не писал с фронта отец. И, наконец, Антон решился. Вечером, когда стемнело, мальчик пробрался в дом на другом краю деревни. Хозяева уже спали. В деревне их считали зажиточными. В доме были и масло, и молоко. Когда мальчишка вылез в окно, в руках у него был большой кусок сала и каравай. Брякнуло ведро – наверно, задел, когда выбирался из дома.

– Стой! – хозяин выскочил следом за мальчиком. – Стой! Уши оборву!..

Антошка бросился прочь, прижимая к груди ценные трофеи. Сзади бухали сапоги.

– Стой, кому говорят!.. В тюрьму отправлю!..

Антошка остановился. Злоба и горечь переполняли мальчишку. Они голодом сидят, а этому... куска хлеба жалко!

– Давай! – Мальчик обернулся к преследователю. – Только доложи! Я тебе избу спалю!

После этого случая детям, оставшимся без куска хлеба, стали помогать односельчане. Однажды вернувшись с поля, мальчик застал в доме соседку – бабу Люду. Сестрёнки и брат с жадностью ели принесённую кашу. Не раз за горшок картошки Антон помогал соседям: колол дрова, чинил заборы. Так ребята прожили ещё два месяца, пока не приехала мать.

Поздно осенью, в ноябре, мама отправила детей за едой. Семилетний брат Антона Пашка, взяв с собой младших Таисию и Олю, пошёл по полям. Дети собирали маленькие клубни картошки, оставленные после уборки урожая. (Такую картошку, тронутую морозом и поэтому сладкую на вкус, в деревне называли «конфетками».) Потом младшие притащили два мешка капустных листьев и кочерыжек.

А зимой в дом пришла беда. Уже давно они не получали писем от отца. Антон знал, что мать часто не спит и, глядя на потемневшую от времени икону, просит о помощи. Часто вздыхал и дед Трофим.

В феврале этого 1943 года в дом пришёл Иван Митрофанович. Отмахнувшись от скудного угощения и, оглядев большое семейство, глухо произнёс:

– Крепись, Анисья... Вот. Принесли... И награды ещё...

На небольшом листочке были страшные слова:

«Извещение

Уважаемая Анисья Петровна.

Сообщаем Вам, что от ран в госпитале города Перми скончался Ваш муж Георгий Трофимович и был похоронен на городском кладбище».

– Да что ж это делается?! Когда же эта война проклятая кончится?! Сиротами остались!!! – Мать, рыдая, сползла на пол. Следом за ней заплакали младшие. Дедушка Трофим и Иван Митрофанович пытались поднять маму, успокоить детей. Антошка, молча смотрел на похоронку и два ордена Славы. В голове не укладывалось, что отец больше никогда не придёт, не позовёт с собой в лес или на озеро.... И неожиданно для самого себя мальчик громко, как маленький, заревел.

Зимой 1944 года Антошка вместо деда поехал на лесозаготовки. Каждый день рабочие через огромные сугробы шли к вековым соснам. Ветер насквозь продувал ветхую одежку. Хороший отцовский полушубок мама обменяла на хлеб. А шубейка мальчика была вся в заплатках. Хорошо, что были валенки. Некоторые ходили на работу в сапогах. Случалось, обмораживали ноги. День за днём рубили деревья, распиливали брёвна на доски. Хлеба было мало, и чаще мальчик хлебал противную на вкус «затируху» – так называли разведённую в кипятке муку.

Весной 1945 года Антон вернулся домой, чтобы помогать сеять хлеб. Поздно ночью 9 мая в ставни кто-то громко забарабанил. Мать заметалась по дому, не зная, что делать. Сонно заворочались младшие. Антон, схватив топор, выскочил из избы. Все жители деревни были уже на улице. Люди смеялись и плакали, обнимали друг друга.

– Победа! Победа, Антошка!!! – Соня крепко обняла и поцеловала мальчишку.

Заиграла гармошка, слышались песни. Праздновали всю ночь. Утро мальчик встречал на окраине деревни. Ему было и радостно и грустно. Радостно от того, что война закончилась. А грустно, потому что папа не дожил до этого дня.

– Ты стал так похож на отца, – мама подошла сзади и обняла сына, – Жаль, что он тебя не увидит.

Они молча постояли рядом. Потом мама ушла, а Антон остался. В небо поднималось солнце. Солнце новой, мирной жизни.

Герои Советского Союза

Звание «Герой Советского Союза»... Это одна из самых высоких наград, которую мог получить солдат Великой Отечественной войны. Во время награждения вручали медаль «Золотая звезда» и орден Ленина.

На фронт из нашей области ушло более 220 тысяч человек. Сто восемь из них стали Героями. О каждом можно прочитать в книге «Золотое созвездие Зауралья». Иногда кажется, что книга без картинок не может быть интересной. Уверяю вас, это не так! В «Золотом созвездии Зауралья» каждый читатель найдёт истории о Героях.

Первым из наших земляков во время войны звание Героя получил водитель танка Иван Степанович Кудрин. 1 октября 1941 года танкисты во время тяжёлого боя расстреляли несколько пушек и пулеметов фашистов. Боевое задание было выполнено, и танк возвращался в часть. Но немцы открыли яростный огонь по нашему танку. Снаряды разрывались всё ближе и ближе. Громкий взрыв и машина остановилась. Была повреждена гусеница. Командир танка отправил радиста за помощью. Но тот погиб, и тогда к своим отправился Иван. Он полз, вжимаясь в землю. В воздухе свистели пули. Раздался оглушительный взрыв. Солдат замер, закрыв руками голову. Увидев, что снаряд пробил броню танка, Иван вернулся, чтобы помочь боевым товарищам. Но помогать было некому – все погибли. Тогда Иван Степанович превратил танк в крепость и решил сражаться в нём до конца. Фашисты всячески пытались выбить танкиста из его машины. Однажды они даже попробовали поджечь танк, но Иван потушил пламя. День сменился ночью, потом снова взошло солнце. А он продолжал отражать атаки немцев из пулемёта. Иван потерял счёт времени. Позже в госпитале он узнает, что сражался один целых пять дней. Осколки разорвавшегося снаряда попали в голову и в грудь. Наскоро перевязавшись, солдат продолжил вести огонь. Наверно, погиб бы отважный танкист в неравном бою, но подошли свои. К этому времени сил у Ивана хватило только на то, чтобы открыть люк танка, и он потерял сознание. За свой подвиг 19-летний танкист Иван Кудрин был удостоен звания «Герой Советского Союза».

Дмитрий Гаврилович Суховаров дослужился до звания полковника, командира танковой бригады. Очень сложно было в 1943 году советским солдатам переправиться через широкую реку Днепр. На противоположном берегу фашисты построили оборонительную линию с пушками и пулемётами – «Восточный вал». Наши солдаты плыли по реке на лодках и плотках. А немцы постоянно стреляли. Танковая бригада Дмитрия Гавриловича по временному мосту, под снарядами противника переправилась через Днепр и двинулась к городу Киеву. В Киеве находилась большая группа фашистов. 5 ноября 1943 года перед полковником Суховаровым встала задача перекрыть пять дорог, по которым к немцам могли подойти подкрепления. Легко сказать – перерезать дороги: они хорошо охранялись. Двигаться надо быстро, а пехота за танками не успевала. Дмитрий Гаврилович посадил на свои танки 400 пехотинцев. Машины ехали так быстро, что бойцы захватили немецкие склады с бензином и снарядами. Все пять дорог к Киеву были перекрыты. Немецкое подкрепление не смогло подойти к городу. Утром 6 ноября Киев был освобождён от фашистов. За этот бой Дмитрий Гаврилович Суховаров стал Героем Советского Союза.

В самом конце войны звание Героя получил Александр Варфоломеевич Исаков. Он был водителем танка «Т-34-85». В сражении за маленький польский городок Равич танк Александра первым ворвался на немецкие позиции. Танкисты подбили три пушки. И тогда немецкие артиллеристы

открыли шквальный огонь по советскому танку. Один из снарядов попал в машину, с которой сорвало башню. Четверо боевых товарищей погибли на месте. Александр был ранен и потерял сознание. А когда он пришёл в себя, то понял, что находится за немецкими пушками. На танк Александра Исакова никто не обращал внимания. Немцы решили, что экипаж искалеченного танка погиб. Страшно было смотреть как вражеские пушки бьют по нашим, лежащим на земле, солдатам. Но чем мог помочь единственный, чудом уцелевший танкист? Башни на его танке не было, а значит – у него нет пушки и пулемётов. И тут Александр Исаков понял, что даже искалеченный танк может стать страшным оружием. «Т-34-85» весит 32 тонны. Такая громадина раздавит любую пушку. Водитель завёл мотор и повёл свой безбашенный танк прямо на немецкие позиции. Стал давить гусеницами немецкие пушки. Вражеский огонь прекратился, и наши солдаты пошли в атаку. Второй раз раненый танкист очнулся уже в госпитале, куда его принесли боевые товарищи. Они и сообщили, что его смертельная неравная борьба обеспечила успех всей битвы.

На стене одного из домов в городе Калининграде прикреплена мемориальная доска, на которой написано: *«В бою за этот дом 8 апреля 1945 года Герои Советского Союза коммунисты старшина Александр Евгеньевич Черемухин и младший сержант Василий Никифорович Хильчук огнём двух своих орудий уничтожили 13 пулеметов, 60 гитлеровских солдат и офицеров»*. Пушка Александра Черёмухина двигалась по улицам города вместе с пехотинцами. Артиллеристы помогали своей пехоте, стреляя по окнам домов, где мог спрятаться враг. Один из старинных домов фашисты превратили в настоящую крепость. Из всех окон летели пули. Наши солдаты поднимались в атаку и каждый раз вынуждены были отступать. Видя гибель товарищей, артиллеристы подкатили свою пушку и остановились в 70 шагах от дома-крепости. Это было очень опасно. Из автомата можно подбить цель на расстоянии 200 шагов. На таком опасном расстоянии артиллеристы точными выстрелами уничтожили шесть пулемётов врага. Но немцы продолжали стрелять из подвала. Под огнём фашистов Александр подполз к дому и, бросив гранату, уничтожил один пулемёт. Затем он возглавил небольшую группу солдат, которую повёл на штурм. Дом был захвачен.

Среди наших земляков были люди, дважды удостоенные звания «Герой Советского Союза». Во время войны дважды Героем стал Кирилл Алексеевич Евстигнеев. В начале войны Кирилл Алексеевич был инструктором в авиационной школе, учил будущих лётчиков. И хотя он очень хотел воевать, на фронт его не отпускали. Только 17 марта 1943 года лётчик улетел на фронт. Боевое крещение Кирилла Алексеевича произошло в сражении на Курской дуге. В первом воздушном поединке отважный лётчик уничтожил два немецких самолёта. До конца войны он совершил 283 боевых вылета и сбил 56 немецких самолётов. Много это или мало? Лучший лётчик нашей страны Иван Никитович Кожедуб сбил 64 самолёта врага. Кирилл Алексеевич летал даже со сломанными ногами. В августе 1943 года самолёт Евстигнеева был подбит в бою. Машина загорелась и стала падать. Лётчику обожгло лицо и руки, ноги были перебиты немецкими пулями. С трудом он смог выпрыгнуть с парашютом. На девятый день после ранения с загипсованными ногами Кирилл Алексеевич сбежал из госпиталя. Спустя месяц после тяжёлого ранения он снова летал и сбивал вражеские самолёты. В городе Шумиха Курганской области установлен памятник дважды Герою Советского Союза Кириллу Алексеевичу Евстигнееву.

Большим уважением в армии пользовались полные кавалеры ордена Славы. Орден имел три степени. Полным кавалером называли солдата, у которого на груди блестели ордена Славы I, II и III степеней. Эту награду получали солдаты и офицеры за мужество на поле боя. В Курганской области 28 полных кавалеров ордена Славы.

Орденом Славы всех трёх степеней был награждён сапёр Верховых Иван Андреевич. Работа сапёра – очень сложная и ответственная. Надо было делать проходы в немецких минных полях для наших солдат перед каждым наступлением. Фашисты закапывали мины в землю, закрывали их ветками. Пропустил мину, не заметил, – и солдаты могут погибнуть. Но мало мину найти – надо её ещё и обезвредить. Здесь ошибка может привести к гибели самого сапёра. Недаром говорят: «Сапёр ошибается только один раз в жизни». Убрав все мины и снаряды с дорог и мостов, Иван Андреевич оставлял для идущих за ним солдат таблички: «Мин нет. Сержант Верховых». И солдаты шли спокойно, зная, что дорога безопасна.

Но сапёры не только уничтожают мины – они строят мосты через реки. Солдат через реки может переплыть, а вот танки и пушки без мостов на другой берег не переправить. 25 января 1945 года наши войска вышли к реке Одер. Иван Андреевич смело вышел на лёд реки. За собой он тащил трос, чтобы наладить паром. Храбрый сержант осторожно полз по тонкому льду – и вдруг сорвался в полынью. Несмотря на пронзивший тело холод, он смог выбраться на лёд и вскоре перешёл на другой берег. С помощью этого парома переправились все солдаты.

Прошло 80 лет со Дня Победы в Великой Отечественной войне. В память Героев войны в нашем городе горит Вечный огонь, а чуть в стороне стоит стела «Зауральцы – Герои Советского Союза». На стене перечислены фамилии всех бойцов, которые совершили на войне подвиг. Рядом – чугунные плиты. На них – фамилии 8078 курганцев, погибших в сражении за Родину.

Блокадный Ленинград

Ленинград (сейчас Санкт-Петербург) в годы войны в течение почти двух с половиной лет (872 дня) был в блокаде. Никто не мог ни приехать в город, ни выехать из него. Ленинград со всех сторон был окружён немцами и финнами. Не было воды, тепла, света и, самое главное, хлеба. Но город продолжал сражаться. В Ленинграде работали школы, библиотеки, звучала музыка.

Единственная дорога, которая связывала город Ленинград с остальной страной, – Дорога жизни. Она проходила по Ладожскому озеру. Летом плавали корабли, зимой по льду шли грузовики. По Дороге Жизни в город привозили хлеб, а вывозили людей, в первую очередь – детей. Их отправляли в детские дома. Только в Курганской области проживало около 7 тысяч детей-ленинградцев. А сколько было вывезенных из Ленинграда семей!

О блокаде Ленинграда написано много. Но лучше всего говорят сами блокадники. 11-летний мальчик Коля Васильев записал в своём дневнике: *«29 января 1942 г. Умер Лёша (мой брат) в 16 лет. Рано утром в 5 часов 30 мин. Он болел и работал и много изведal от этого и скончался. ...27 марта. Мамино здоровье все хуже и хуже. 31 марта. Мама лежит не может встать с постели. 3 апреля. 4 часа 30 минут мама начинает хрипеть, она умирает. Всё кончено, я остался один, еду к Егоровым....»*

...Нина смахнула со лба капельки пота. Принести ведро воды – для неё по-прежнему тяжёлая задача, хотя сейчас лето, и с продуктами в городе наладилось. А когда бабушка в марте этого 1942 года привезла девочку на саночках к себе домой, на окраину Ленинграда, – она плакала. А сама Нина боялась подходить к зеркалу. В нём отражалась исхудавшая, с бледным вытянутым личиком 9-летняя девочка. Из-за слабости она почти не могла ходить и часто спала. Теперь по мере сил старалась помогать бабушке. Они остались одни. Отец воевал на фронте, и известий от него Нина не получала больше года. Жив ли он? Может, пишет по старому адресу, не подозревая, что в дом попала бомба и квартира разбита.

До войны было счастливое время, когда она жила с мамой и папой в большом доме совсем рядом с шумным Невским проспектом. Дети бегали по двору, играли в казаки-разбойники. В 12 часов мама позвала Нину обедать. По радио, которое мама всегда слушала, неожиданно произнесли: *«Внимание! Внимание! Говорит Москва! Сегодня в 4 часа утра без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолётов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас... Убито и ранено более двухсот человек».*

Папа Нины, военный, сразу ушёл на фронт. Вначале было не совсем плохо. О войне напоминали только лучи прожекторов, устремлявшиеся в небо каждую ночь, да пролетающие самолёты. А уже в августе мама уехала рыть окопы. Мальчишки на улице говорили, что немцы совсем близко, но в город их не пустят. Некоторые ребята уехали в другие города, как говорили «в эвакуацию». А мама с Ниной остались.

4 сентября на город упали первые бомбы. Мама крест-накрест заклеила окна бумагой. Но когда в соседних дворах разорвался снаряд, в комнате Нины вылетели все стёкла. Окно забили фанерой и одеялами. Нина переехала жить в комнату мамы. Старшие ребята дежурили на чердаках. На город фашисты сбрасывали зажигательные бомбы. Нина, как и все дети Ленинграда, знала, что такие «зажигалки» надо забросать песком или залить водой.

Город был отрезан от остальной страны. В магазинах стали исчезать продукты. Сперва Нина расстраивалась, что нельзя купить её любимые пирожные с кремом. Но потом стало мало даже хлеба. В городе ввели карточки. Выдача хлеба постоянно уменьшалась. С 20 ноября 1941 г. дети стали получать по 125 граммов хлеба. Это были не те привычные мягкие довоенные булки. Хлеб войны был тяжёлым, невкусным. Он прилипал к зубам. Мама сказала, что муки в городе не хватает, и в хлеб добавляют картошку, муку из берёзовой коры и отруби.

Чтобы получать больше хлеба, мама устроилась работать на Кировский завод. Там делали и чинили тяжёлые танки «КВ». А у девочки прибавилось дел по дому. Вода из крана перестала течь ещё осенью, и за водой приходилось ходить на реку Неву.

В городе наступил голод. Каждый день Нина с нетерпением ждала, когда мама аккуратно разрежет кусочек хлеба на три части: на завтрак, обед и ужин. Нередко на завтрак были только полкружки какао на воде и два печенья. За хлебом выстраивались огромные очереди. Однажды девочка простояла пять с половиной часов, но хлеба так и не смогла получить – он закончился. Пришлось плестись в другой магазин. Вновь отстояв очередь, Нина получила заветные граммы. Говорили, что едят кошек. Наверно, это было правдой: кошек в городе девочка давно не видела.

С наступлением зимы в квартире стало холодно. Батареи остыли. Рабочие с маминого завода установили в квартире металлическую печку-буржуйку. За дровами пришлось ехать через весь город. С огромным трудом мама и Нина привезли дрова на детских саночках, прикрепив к ним для устойчивости лыжи. Они стали жить в одной комнате. Во все остальные стащили лишнюю мебель и дрова.

На новый 1942 год в Михайловском театре состоялась ёлка. После спектакля «Дворянское гнездо» для детей был настоящий подарок – обед. Нина перед войной даже не посмотрела бы на такую еду. Но сейчас... Тарелка обжигающе горячего супа, кусочек хлеба с повидлом, пшённая каша с маленькой котлеткой. Девочка с трудом удержалась, чтобы не съесть всё сразу. Она завернула в салфетку котлетку и хлеб. Ведь дома ждала голодная мама. Многие дети прятали хлеб в карманы.

Однажды днём, когда Нина стояла в очереди за хлебом, она увидела оборванного грязного мальчишку, затравленным взглядом озиравшего людей. Когда свою долю получила едва стоявшая на ногах старушка, нахалёнок вороном бросился на неё. Схватив заветный кусок хлеба, тут же на грязном полу стал есть, не обращая внимания на побои. Старушку, полумёртвую от голода, унесли на руках. А воришка, утерев рукавом слёзы и кровь, встал и ушёл – грязный, оборванный, может быть, совсем одинокий²².

В январе 1942 года Нина заявила маме, что в школу больше не пойдёт. Несмотря на голод, в городе работали 39 школ. Занятия, правда, начались не 1 сентября, а 3 ноября. В классах из-за холода сидели в шубах. Часто уроки прерывались воздушной тревогой. Тогда и школьники и учителя прятались в подвале.

– Лучше я устроюсь в госпиталь или в отряд противовоздушной обороны. Там хоть кормить будут, – объясняла девочка. – Всё равно нормально учиться я не могу. На прошлой неделе три двойки схлопотала. И как их не получить?! Я задачу решаю, а в голове только одно: «Хлеба! Хлеба!! Хлеба!!!». Мне надо писать правильно, а в голове одни булки хлеба. А ещё помнишь вкусные пышки с сахарной пудрой, а блинчики, а котлетки?... Да какая тут учёба?! И потом, если ты будешь хоть немного кушать в столовой, мы, может, и выживем. Ты мне хлеб отдаёшь, а сама не ешь. Я боюсь, мама! Я боюсь, что ты умрёшь! Нам есть почти нечего...

Они, обнявшись, плакали. И мама разрешила Нине не ходить в школу, пока идёт война.

В феврале случилась беда: Нина тяжело заболела. Всю зиму она работала – вначале в госпитале, а потом стала помогать милиции. Девочка вместе со старшей подругой Тоней обходила дома. Насмотрелась на покинутые квартиры с брошенными вещами. Люди умирали или уезжали. Особенно запомнилась самая первая квартира. От взрыва разбились оконные стекла, всё в доме было кувырком. Ветер листал разбросанные книги, играл с полусорванными шторами. Кругом – разбитая посуда, перевернутые стулья.

– Уехали? – шёпотом спросила притихшая девочка.

– Похоже, что нет, – Тоне, несмотря на её 18 лет, тоже было не по себе. – Смотри, какой беспорядок... Нет, наверно, не уехали.

До Нины постепенно стал доходить смысл этих простых и страшных слов. Не уехали! Но в квартире никого. На пороге лежала брошенная фарфоровая кукла. До войны (как же давно это было...) Нина буквально

²² Приводится по блокадному дневнику Гали Земницкой.

со слезами упрашивала маму купить такую же. Красавица в ярком красном платье, чудом уцелев в этом хаосе, бессмысленно улыбалась.

– Можешь взять себе, – проследила за её взглядом Тоня. – Здесь она уже никому не нужна.

Но девочка не смогла. Она осторожно посадила фарфоровую красавицу на диван. Они вышли, закрыв за собой двери. А Нину всё преследовал взгляд никому не нужной куклы.

Спустя неделю Нина привыкла, но первой в квартиру входила всё-таки Тоня. Если она осторожно закрывала двери и начинала писать в своей тетради адрес, Нина уже понимала – внутри живых нет. А если отправляла девочку в больницу за помощью – значит, в квартире ещё были люди, которых можно спасти. И тогда Нина старалась дойти как можно быстрее. Но сил не было. И как девочка ни спешила, всё равно приходилось присаживаться, чтобы перевести дух. Иногда она с тоской думала: «Вот ездили бы трамваи и автобусы, – тогда можно было бы мигом домчаться». Но трамваи, троллейбусы, автобусы и машины уже много недель стояли заметённые снегом. Бензина для них не было, электрические провода были порваны.

Наверное, в этих бесконечных походах по двадцатиградусному морозу девочка и простыла. В середине февраля она слегла с высокой температурой. Пришедший врач, тяжело вздохнув, сказал:

– Воспаление лёгких. Плохо дело... Везите в больницу, там хоть кормят.

Только в марте качающаяся как былинка Нина оказалась дома. Мама, ещё больше похудевшая, старалась держаться бодро. И в честь выписки дочери устроила настоящий пир. Где-то достала муки и настряпала вкусных лепёшек.

А через неделю Нина потеряла маму. Девочка после болезни стала часто и подолгу спать. Мама ругалась. Заставляла её вставать, заниматься уроками. Но преодолеть слабость Нина не могла. Вот и сегодня она сквозь сон услышала, как хлопнула входная дверь – мама ушла на работу. В полусне незаметно пролетел день. На улице стемнело. Старенькие часы пробили шесть. Мама в это время обычно приходила домой. Но вот наступило и десять часов, и одиннадцать, – а мамы всё не было...

Кое-как натопив печурку, Нина дождалась утра. Но куда идти? С трудом одевшись, девочка пошла на Кировский завод. После каждых десяти-пятнадцати шагов приходилось садиться и отдыхать. Хорошо ещё, февраль с колючими морозами остался позади. На заводе девочка узнала, что с мамой, когда она уходила домой, было всё в порядке.

Нина вернулась в пустую квартиру. На глаза наворачивались слёзы. Что делать?! Она осталась совсем одна. Есть, правда, бабушка. Но она живёт на самой окраине города, и Нина знала, что дойти туда у неё просто не хватит сил. Выплакавшись, девочка завернулась в одеяло...

...Так и нашла её бабушка. Спустя несколько дней Нина узнала, что маму убило осколком бомбы, когда она возвращалась с работы. К счастью для девочки, рядом была бабушкина знакомая, которая и сообщила о гибели.

И вот теперь Нина и бабушка живут вдвоём в маленьком деревянном домике на окраине города. Весной они вскопали участок земли перед домом и засадили его овощами. Прибавили выдачу хлеба. Теперь Нина с бабушкой получали по целой булке на двоих. Стали выдавать масло, крупу, муку. Призрак голодной смерти медленно отступал от блокадного города. Осенью Нина снова устроилась на работу в госпиталь. Вечерами ходила в школу.

18 января 1943 года, возвращаясь домой из госпиталя, девочка ещё издали почувствовала запах бабушкиных блинов. Недоумевая, с чего бы это бабушка решила устроить пир, Нина ускорила шаг. Сегодня она просидела целый день, заполняя дела больных, и ничего не знала о том, что происходит на фронте.

– Ниночка, радость-то какая!.. – Бабушка бросилась обнимать внучку. – Смотри, смотри!..

В газете, которую ей сунула в руки бабушка, девочка прочла: «...*после семидневных боёв войска Волховского и Ленинградского фронтов СОЕДИНИЛИСЬ и тем самым ПРОРВАЛИ блокаду Ленинграда. В ходе наступления наших войск разгромлены...*». Дальше Нина не стала читать. Со смехом она закружила бабушку по кухне. Прорвали! Блокаду прорвали!!! Больше не будет этого страшного голода! Они живы!.. Надо только найти папу на фронте. Потом они с бабушкой то плакали, вспоминая маму, то смеялись, радуясь победам солдат.

Алёна ЛОПАТИНА

Где хранятся семейные ценности?

В одном большом-большом городе, на большой-большой улице стоял большой-большой дом. В этом большом-большом доме жила большая семья: и дедушка, и бабушка, и папа, и мама, и дети. А самая маленькая была Лика. Она ещё не ходила в школу, но была очень любознательная – даже, по правде сказать, любопытная.

Однажды, когда папа уходил на свою важную работу, а бабушка его провожала, услышала Лика (краем уха), как старшая в семье ворчит: «Вот денежки заработаешь, а семейные ценности утратишь»...

Задумалась девочка: оказывается, в их семье есть ценности? Об этих ценностях очень переживает бабушка, а Лика их даже не видела! Где же они хранятся?..

Пошла девочка к дедушке, он занимался рыболовными снастями и был очень сосредоточен.

– Дедушка, а дедушка, скажи, пожалуйста, где хранятся наши семейные ценности? Можно на них посмотреть? – осторожно спросила малышка.

– Много будешь знать – скоро составишься, – проворчал дед. – Лучше иди порисуй!

Лика поняла, что большего от дедушки не добьётся, но не унывая побежала к маме:

– Мама, где хранятся наши семейные ценности, можно на них посмотреть? Мне очень интересно! – сразу спросила девочка.

Мама загадочно улыбнулась, обняла дочку и сказала на ушко:

– Вырастешь – сама поймёшь, а пока помоги мне белье развешать, видишь, сколько я настирала!

Девочка с охотой начала помогать маме, а сама задумалась: что это взрослые скрывают? Может, эти ценности – тайна? Может, даже БОЛЬШАЯ ТАЙНА! Очень интересно, и хочется разгадать!

И решила тогда Лика спросить старшего брата: он уже взрослый, наверняка знает ответ на её вопрос. Но и брат лишь подмигнул и ответил:

– Мала ещё интересоваться таким!

Расстроилась Лика, любопытство её заставило обратиться к бабушке. Девочка осторожно подошла к ней и призналась, что подслушала разговор. И начала спрашивать: о каких ценностях она говорила папе? Что он может потерять? Может, лучше спрятать их понадежнее? И вообще, где же они хранятся?

Бабушка отвлеклась от приготовления обеда, села рядом с внучкой, погладила малышку по голове, подумала и открыла секрет:

– Семейные ценности – это то, что мы накопили все вместе! То, что мы бережно храним: память о наших предках, роде; память о каждом дорогом

КОРАБЛИК ДЕТСТВА

**Лопатина
Алёна Евгеньевна**

Почти 15 лет профессиональной деятельности занималась защитой прав и интересов юных жителей региона. В данный момент является уполномоченным по правам человека в Курганской области.

Выпускница филологического факультета КГПИ. Автор литературно-публицистических произведений в региональных СМИ, в том числе в журнале «Огни Зауралья».

В «Тоболе» публикуется впервые.

человеке из нашей большой семьи; память, которую мы передаём вам – внукам, а вы потом передадите своим внукам... Вот, например, твоя родинка, которая повторяется и у братьев, и у сестёр, и которую можно найти у меня. Это любовь к каждому в семье – просто потому, что они свои, родные, даже когда шалят.

Семейные ценности накапливаются за разговорами во время семейного чаепития или совместной уборки картошки. Они проявляются, когда кто-то из нас заболевает и все сочувствуют, ухаживают и желают выздоровления. Или когда кто-то далеко уезжает, а мы ждём и переживаем, чтобы дорога была лёгкой. Наши семейные ценности умножаются, когда рождаетесь вы, дети, и мы вас оберегаем, учим жизненным премудростям...

Лика долго слушала бабушку. Не все слова были ей понятны, но она ощутила тепло внутри, и захотелось этим теплом поделиться с родным человеком. Крепко обняв бабулю, Лика прижалась, насколько смогла, и прошептала:

– Значит, ты моя семейная ценность!..

– А ты – моя! – ответила бабушка. – И храним мы друг друга в сердце и в памяти.

А вы сохраняете семейные ценности?

Самокатные истории

То ли в городе, то ли в посёлке, может, весной, а может, осенью слышал кто-то, а может, рассказывал эту историю о самокатах и юных водителях.

Вечерами, когда семьи обычно пьют горячий чай, обсуждая новости, в парках становится тихо и пустынно, а движение на улицах замирает, на самокатных парковках собираются двухколёсные механические труженики. Целый день каждый из них был послушен водителям, кто в школу на самокате подъехал, кто на стадион: у всех свои маршруты, а рогатый длинношей конёк с мотором мчится туда, куда нужно человеку.

И вот после захода солнца постепенно возвращаются, шурша шинами, ещё не автомобили, но уже не игрушки. Что же происходит с ними ночью?

Они делятся историями, обсуждают, кто с кем где был, что видел...

– Представляете, друзья, – воскликнул новенький, блестящий самокат, вернувшись на парковку, – был сегодня далеко, за парком, возил мальчика. Он такой смешной! Капюшон на голове, наушники в ушах, музыку слушает, что вокруг – не видит и не слышит! Чуть беда не приключилась! Хорошо, что у меня тормоза в порядке, перед дорогой сумел вовремя остановиться. Наперерез нам грузовик двигался, точно – не собрать мне было бы колёс, да и мальчишке бы не поздоровилось.

Задумались друзья-товарищи, вспомнили, как однажды такой же самокат вёз торопыгу, который рванул через дорогу, не дождавшись зеленого сигнала светофора, беда тогда случилась.

– Да, бывает очень опасно, перед пешеходным переходом спешиваться надо, – отозвался бывалый, местами потёртый самокат. – А мой наездник сегодня рано утром решил до школы доехать. Я рад помочь, – но ведь темно! Он – в чёрное одет, я тоже неяркий, автомобили мелькают, фарами ослепляют, даже мне, старику, страшно было. Кто бы ему подсказал, что есть такие световозвращающие штуки...

– Точно, моя наездница такие носит, – перебил товарища до сих пор молчавший самокат, – они с подружкой сегодня вдвоём на меня запрыгнули, друг к другу прижались и покатались, водители авто их блики на одежде и рюкзаках издали замечают. Да и с пешеходами ни разу не столкнулись, потому что я аккуратно еду, девчонки хоть и небольшие, но я же односторонний, а их двое, вдруг на камешек наеду и уроню одну из них? Жаль будет...

– Ну и пусть упадёт, сама же виновата, – проворчал старший. А молодой даже подпрыгнул:

– Да что ты! Мы всё-таки транспорт и без водителей бесполезны, поэтому надо их – наших наездников – беречь, уму и безопасности учить.

Так каждую ночь и общаются уставшие механические коньки-самокаты, а правда это или вымысел – решайте сами, но есть о ём подумать и на ус намотать!

Почему автомобиль ворчал

В одном городе жили-были мальчик Петя и его сестрёнка Света. Были они ещё малы и ходили в детский сад. Дом их находился за тридевять земель, поэтому вставали они вместе с солнышком, чтобы успеть в свою группу к завтраку.

Однажды ближе к вечеру, когда дети собирались домой, папа за ними приехал на новеньком автомобиле. Дети, увидев блестящую красивую машину, ахнули. Её фары как будто подмигивали детям, а двери открылись, приглашая ребят внутрь. Осторожно обойдя со всех сторон железного коня, Петя запрыгнул на заднее сиденье. «Давай, Света, залезай ко мне!» – позвал он сестру, но девочка задумалась и спросила: «А это безопасно – ехать просто так на сиденье?»

Вдруг малыши услышали, как, заворчав мотором и громко просигналив, автомобиль заговорил человеческим голосом: «Дети, я вас не могу везти».

Света очень испугалась, а Петя, хоть и дрожал от страха, спросил: «Почему ты не хочешь нас везти? Ведь нам очень далеко до дома?»

Автомобиль, тихо урча, ответил: «Я возил раньше только взрослых больших людей, они пристёгивались ремнями, и я быстро ехал по дороге, не переживая о пассажирах. А вы очень малы, я боюсь вам навредить. Вдруг я сломаюсь или встречу препятствие на пути? Ремни вас не удержат, вы можете пораниться, а я детям плохого не желаю! Если вы хотите ездить на машине, попросите папу купить для вас специальные детские сиденья. В них вам будет удобно и безопасно».

Когда папа подошел, дети сразу попросили его выполнить условия автомобиля. Мудрый отец поехал в магазин, и вскоре в машине появились два новеньких детских кресла, ремни которых очень прочно пристегнули детей. С тех пор Петя и Света с удовольствием ездят и в детский сад, и в гости, и в лес, и на озеро, а автомобиль на них больше не ворчит. Ему нравится возить таких замечательных пассажиров.

ЮБИЛЕИ

**2025 год стал юбилейным для члена редколлегии журнала
«Тобол» ИРИНЫ МАКСИМОВНЫ ЖУКОВОЙ!**

Ирина Максимовна с отличием окончила факультет русского языка и литературы Курганского государственного педагогического института, аспирантуру Московского педагогического государственного университета. Работает в КГПИ (с 1991 года – КГУ). В 1998 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «История русской октавы» по специальности «Русская литература». Прошла все этапы педагогической профессии: учитель русского языка и литературы, ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры литературы, заведующий кафедрой «Русский язык, литература и массовые коммуникации» Гуманитарного института Курганского государственного университета. Автор более 50 работ по теории и истории русской литературы.

Сфера научных интересов: история русской литературы XIX столетия, стиховедение, творчество Д. С. Мережковского.

В 2013 году И. М. Жукова и Н. К. Нежданова стали лауреатами премии Губернатора Курганской области в сфере науки, техники и инновационной деятельности в номинации «Гуманитарные науки» за монографию «Образы пространства и времени русской поэзии XIX – XX веков».

Ирина Максимовна – удивительно многогранный человек, стремится жить «в разные стороны»: дом, работа, музей, филармония, библиотека, театр, спортзал.

Любимая цитата: «Желание – тысяча возможностей, нежелание – тысяча причин».

***От всего сердца желаем Ирине Максимовне
здоровья и благополучия!***

Члены редколлегии журнала «Тобол»

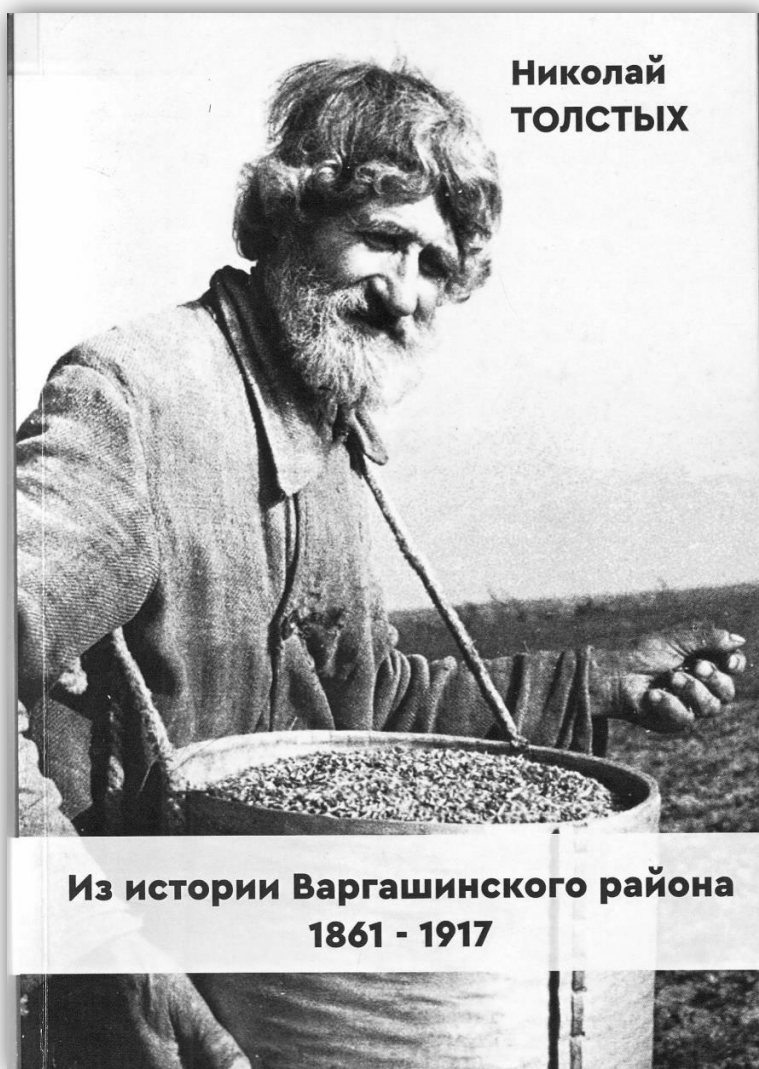
НОВЫЕ КНИГИ И ЖУРНАЛЫ

Васильева А. М. Курган. Взгляд сквозь время / А. Васильева. – Курган : Курганская городская типография, 2024. – 258 с. : ил.

Очередная книга историка-краеведа Александры Михайловны Васильевой рассказывает о людях и событиях города Кургана и ближайших населённых пунктов. Задача книги – привлечь внимание читателей к прошлому и настоящему родного края.

Материалы книги могут быть использованы в качестве дополнительного учебного материала в образовательных учреждениях Курганской области.

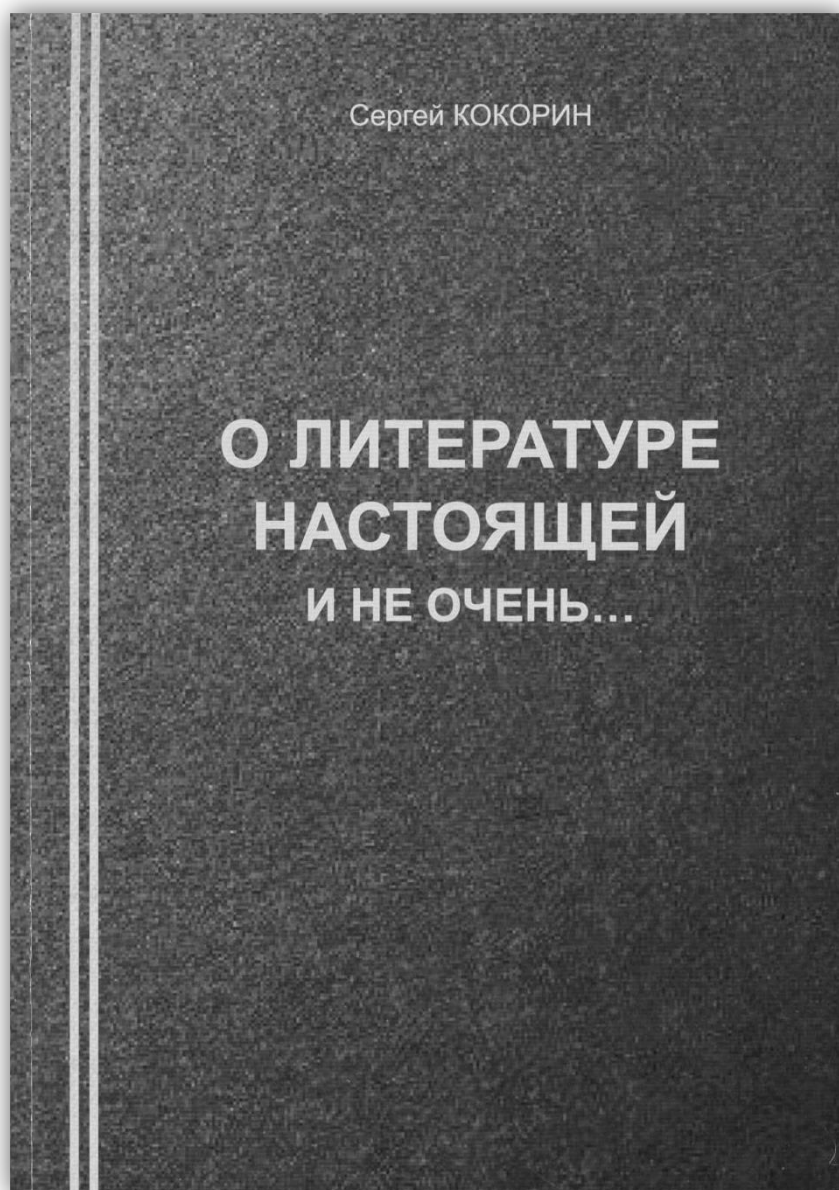
Николай Толстых. Из истории Варгашинского района. 1861–1917 / Н. Толстых. – Курган: Дамми, 2024 – 188 с.

Сборник состоит из ещё не публиковавшегося историко-краеведческого исследования и трёх ранее опубликованных статей. Все материалы освещают ряд тем социально-экономической истории Варгашинского района (ныне муниципального округа) с 1861 по 1917 год.

В центре внимания находится крестьянское хозяйство и развитие его основных отраслей – земледелия и скотоводства, рассматриваются вопросы о влиянии Сибирской железной дороги на крестьянское хозяйство, о землепользовании и землеустройстве, частном землевладении, купеческих заимках и имениях, мелком кредите и возникновении кредитной кооперации на территории изучаемого района.

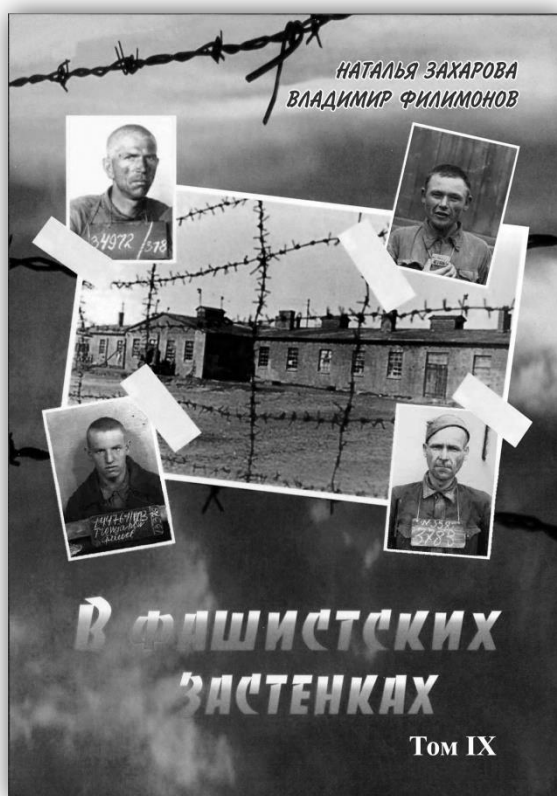
В книге воспроизводятся фотографии конца XIX века, большая часть которых была изготовлена в фотоателье А. И. Кочешева в г. Кургане и демонстрировалась на выставке в 1895 г.

Рекомендуется для историков, краеведов и всем, кто интересуется прошлым Зауралья и своей малой родины.

Кокорин С. А. О литературе настоящей и не очень ... / С. Кокорин. – Курган : Дамми, 2025. – 154 с.

Читатели хорошо знакомы с художественной прозой зауральского писателя Сергея Кокорина. В этой книге представлены эссе и статьи на литературную тему, которые появились в результате многолетней работы с литературными объединениями Курганской области. Книга адресована в первую очередь тем, кто только начинает писать художественную прозу, а также всем, кто любит литературу: студентам, старшеклассникам, педагогам, работникам библиотек.

Захарова Н. Г. В фашистских застенках. Справочник документов. Т. 9. Мишкинский район / Н. Захарова, В. И. Филимонов. – Куртамыш, 2024. – 384 с.

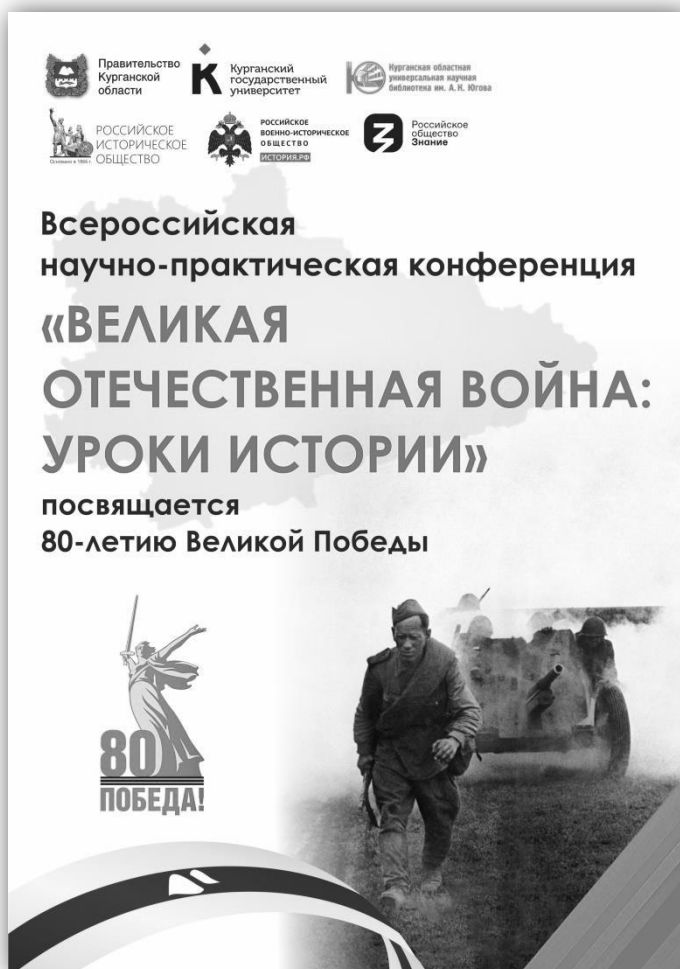
Справочный материал о солдатах-земляках, находившихся в плену, призванных из Курганской и соседних областей в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

В справочный материал вошли оцифрованные документы о воинах, погибших в годы войны, из Центрального архива Министерства обороны, Объединённого Банка Данных (ОБД), Пермского областного архива, архива ВАСТ (Германия). Использовались документы с сайтов «Память народа» и «Подвиг народа», раскрывающие настоящую судьбу наших земляков, погибших в неволе. В справочнике использованы документы Харьковского архива и частных немецких архивов. Некоторые фотографии шталагов 1941–1945-х годов предоставили немецкие музеи и поисковик Тамара Мюллер (г. Арнсберг, Германия).

Большое спасибо за поисковую совместную работу профессионалам-консультантам: Тамаре Мюллер (г. Арнсберг) и поисковику Рафкату Зулькарнаеву (г. Салават, Башкирия). Благодарим семьи, представившие из личных архивов фотографии своих родных и близких – бойцов, погибших в фашистских застенках. Особая благодарность – поисковику, историку, редактору текста Сергею Дмитриевичу Кудрявцеву (г. Ярославль).

Данные справочника не совсем полные, так как сведения от поисковиков поступают почти каждый день. Работа по увековечению памяти солдат, находившихся в плену, продолжается.

Справочник издан на средства Администрации Мишкинского муниципального округа.

Великая Отечественная война: уроки истории : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Великая Отечественная война: уроки истории», 25 апреля 2025 г. / под ред. Д. Н. Маслюженко (отв. ред.), А. Л. Авдеенко. – Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2025. – 224 с.

Издание представляет собой сборник докладов и сообщений, составленный по итогам конференции «Великая Отечественная война: уроки истории» и состоящий из шести разделов: «Великая Отечественная война в истории Курганской области», «Новые подходы и источники в изучении Великой Отечественной войны», «Память о Великой Отечественной войне: события, образы, символы», «Великая Отечественная война в художественной литературе, музыке, кинематографе, живописи и театральном искусстве», «Актуальные вопросы преподавания темы “Великая Отечественная война 1941–1945 гг.”», «История Великой Отечественной войны в системе патриотического воспитания».

Научные изыскания участников конференции об истории родного края в годы Великой Отечественной войны, истории Великой Отечественной войны, педагогические и патриотические практики будут интересны начинающим и опытным исследователям, а также педагогам.

Содержание журнала «Тобол» № 45 (2025):

СЛОВО РЕДАКТОРА <i>Ольга БАБУШКИНА</i>	3
ДНЕВНИКИ, МЕМУАРЫ, ПИСЬМА <i>Людмила ИВАНОВА..</i>	
Дорога длиною в войну (фрагмент) <i>Виктор ПОТАНИН.</i>	5
Сокровенное (Из блокнота писателя) <i>Михаил ШУШАРИН.</i>	70
Военный дневник Далмата: 2024 год	157
ПОЭЗИЯ	
<i>Александр МОРГУНОВ.</i>	
«Я иду домой дорогой памяти...» <i>Вениамин АНДРЕЕВ.</i>	16
Я гуляю по памяти <i>Николай АНОЩЕНКО.</i>	18
«Перетирают жернова времён...» <i>Валерий ПОРТНЯГИН.</i>	21
Только о любви <i>Андрей КАРПУНИН.</i>	57
Встреча выпускников <i>Сергей ЛУЦАН.</i>	59
Малая родина <i>Валентина АСТАФЬЕВА.</i>	60
Мной пройдены ещё не все дороги... <i>Александр ГАЛЯМИН.</i>	62
Дожди за окном (из китайской тетради) <i>Елена МОРОЗОВСКАЯ.</i>	66
Открываю Виктора Потанина... <i>Ирина СЕМЁНОВА.</i>	69
Там, где <i>Виталий НОХРИН.</i>	170
Про Курган <i>Николай НИДВОРАЕВ.</i>	175
Без возврата и поворота <i>Марина ТАНАЕВА.</i>	177
Старики и младенцы	180

ПРОЗА

Сергей КОКОРИН.

Рассказы: «Две каски»,
«Один день из жизни Т-34» 24

Олег БУНИН.

Очерк «Те долгие годы войны» 30

Ольга МАН.

Рассказы: «Ошибка солдата», «Дезертир» 33

Виктория СОРОКИНА.

Рассказ «Переправа» 88

Татьяна КОРОСТЕЛЁВА.

Рассказы: «Никитична»,
«В тот сенокосный день» 102

Светлана ПУШКИНА.

Рассказ «Путешествие в будний день» 182

Любовь СОШНИКОВА.

Рассказы: «Подкидыш», «Пожар» 197

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Александр БУКРЕЕВ.

В шаге от Звезды Героя 38

Николай ПОКИДЫШЕВ.

Без транспорта нет победы 105

ЭССЕ

Дмитрий АНИКИН.

Анна Ахматова. Памятник самой себе 78

ПУБЛИЦИСТИКА

Валерий МОГУТНОВ.

Они «к штыку приравняли перо».

Памяти Г. П. Устюжанина и В. В. Усманова 114

Владимир ФИЛИМОНОВ.

Славы различная степень 133

ИСКУССТВО

Светлана КУЛАКОВА.

Война глазами художников

(О произведениях из собрания

Курганского областного

художественного музея

им. Г. А. Травникова) 120

ПОРТРЕТЫ И СУДЬБЫ	
<i>Александра ВАСИЛЬЕВА.</i>	
Король московских журналистов	49
<i>Юлиана ДАНИЛОВА.</i>	
Ольга Фёдоровна Хузе.	
История одного библиотекаря	82
<i>Наталия ДРУЖИНИНА,</i>	
<i>Нина КОМАРСКИХ.</i>	
Солдат. Учитель. Поэт	141
<i>Владимир АГА.</i>	
Письмо к матери, или О датах жизни	
декабриста Ф. Башмакова	210
РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ	
<i>Владимир ВАХТИН.</i>	
Зов предков	148
<i>Валерий АНТОНЕНКО.</i>	
Рассказы	200
КОРАБЛИК ДЕТСТВА	
<i>Анна ЖАРОВА.</i>	
Рассказы	216
<i>Алёна ЛОПАТИНА.</i>	
Рассказы	229
ЮБИЛЕИ	232
НОВЫЕ КНИГИ И ЖУРНАЛЫ	233

